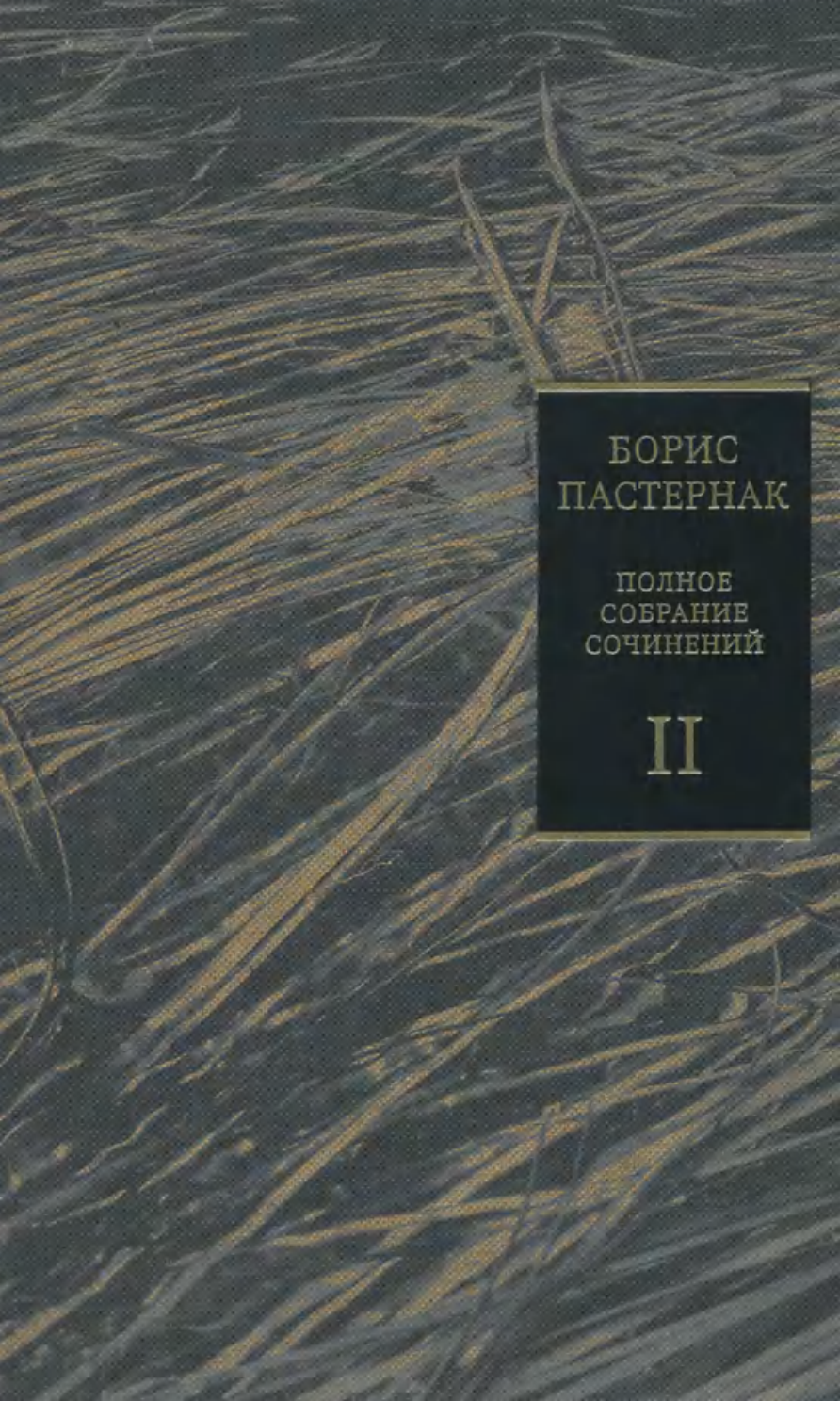
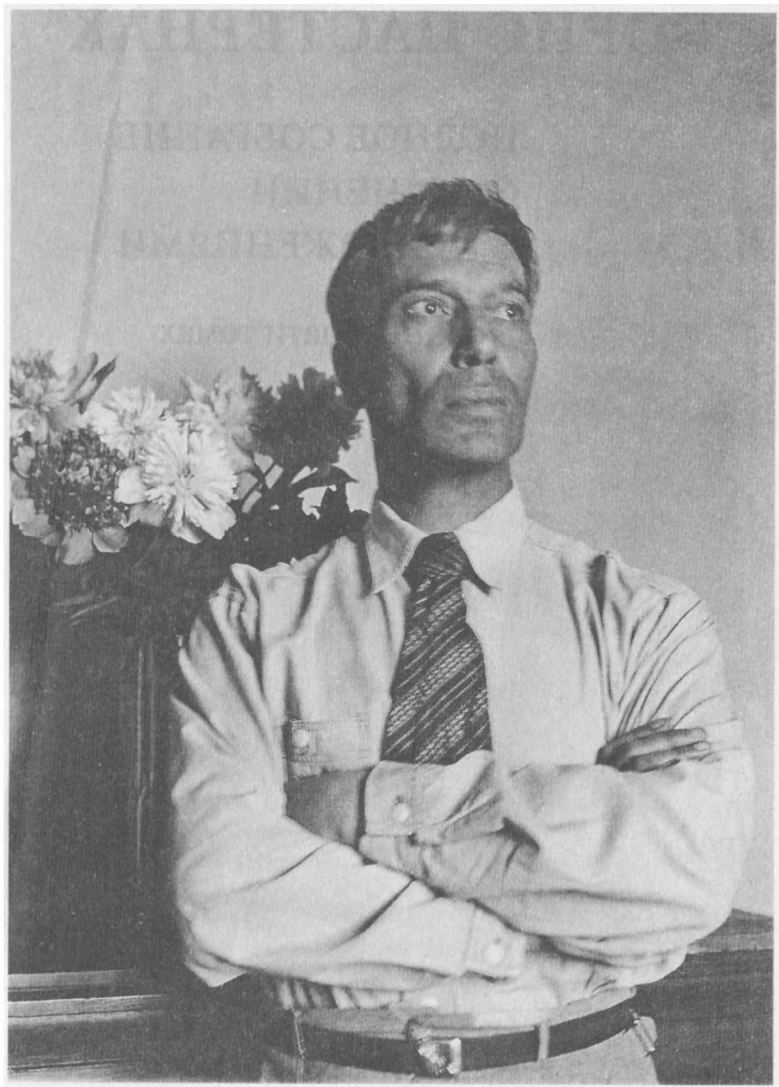

БОРИС
ПАСТЕРНАК

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

II

БОРИС ПАСТЕРНАК

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
С ПРИЛОЖЕНИЯМИ**

В одиннадцати томах

БОРИС ПАСТЕРНАК

Том II

СПЕКТОРСКИЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1930—1959

СЛОВО/SLOVO
2004

УДК 821.161.1

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5

П 19

Издание осуществлено
в рамках Федеральной программы
поддержки книгоиздания России

Главный редактор Д. В. Тевекелян

Составление и комментарии

Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак

На авантитуле:

Борис Пастернак. 1948 год.

Фото Л. В. Горнунга

ISBN 5-85050-682-9 (т. II)

ISBN 5-85050-680-2

© Наследники Пастернака Б. Л., 2004

© Пастернак Е. Б. и Пастернак Е. В.,
составление, комментарии, 2004

© Журавлев К. Е., художественное
оформление, 2004

© Слово/Slovo, издание, 2004

СПЕКТОРСКИЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Привыкши выковыривать изюм
Певучестей из жизни сладкой сайки,
Я раз оставить должен был стезю
Объевшегося рифмами всезнайки.

Я бедствовал. У нас родился сын.
Ребячества пришлось на время бросить.
Свой возраст взглядом смеривши косым,
Я первую на нем заметил проседь.

Но я не засиделся на мели.
¹⁰ Нашелся друг отзывчивый и рьяный.
Меня без отлагательств привлекли
К подбору иностранной лениньяны.

Задача состояла в ловле фраз
О Ленине. Вниманье не дремало.
Вылавливая их, как водолаз,
Я по журналам понырял немало.

Мандат предоставлял большой простор.
Пуская в дело разрезальный ножик,
Я каждый день форсировал Босфор
²⁰ Малодоступных публике обложек.

То был двадцать четвертый год. Декабрь
Твердел, к окну витринному притертый.
И холодел, как оттиск медяка,
На опухоли теплой и нетвердой.

Читальни департаментский покой
Не посещался шумом дальних улиц.
Лишь ближней, с перевязанной щекой
Мелькал в дверях рабочий ридикюлец.

Обычно ей бывало не до ляс
³⁰ С библиотечаршей Наркоминдела.
Набегавшись, она во всякий час
Неслась в снежинках за угол по делу.

Их колыхало, и сквозь флер невзгод,
Косясь на комья светло-серой грусти,
Знакомился я с новостями мод
И узнавал о Конраде и Прусте.

Вот в этих-то журналах, стороной
И стал встречаться я как бы в тумане
Со славою Марии Ильиной,
⁴⁰ Снискавшей нам всемирное вниманье.

Она была в чести и на виду,
Но указания шли из страшной дали
И отсылали к старому труду,
Которого уже не обсуждали.

Скорей всего то был большой убор
Тем более дремучей, чем скупее
Показанной читателю в упор
Таинственной какой-то эпопеи,

Где, верно, все, что было слез и снов,
⁵⁰ И до крови кроил наш век закройщик,
Простерлось красотой без катастроф
И стало правдой сроков без отсрочки.

Все, как один, всяк за десятерых,
Хвалили стиль и новизну метафор,
И с островами спорил материк,
Английский ли она иль русский автор.

Но я не ведал, что проистечет
Из этих внеслужебных интересов.
На Рождестве я получил расчет,
⁶⁰ Пути к дальнейшим розыскам отрезав.

Тогда в освободившийся досуг
Я стал писать Спекторского, с отвычки
Занявшись человеком без заслуг,
Дружившим с упомянутой москвичкой.

На свете былей непочатый край,
Ничем не замечательных — тем боле.
Не лез бы я и с этой, не сыграй
Статьи о ней своей особой роли.

Они упали в прошлое снопом
⁷⁰ И озарили часть его на диво.
Я стал писать Спекторского в слепом
Повиновеньи силе объектива.

Я б за героя не дал ничего
И рассуждать о нем не скоро б начал,
Но я писал про короб лучевой,
В котором он передо мной маячил.

Про мглу в мерцаньи плошки погребной,
Которой ошибают прозы дебри,
Когда нам ставит волосы копной
⁸⁰ Известье о неведомом шедевре.

Про то, как ночью, от норы к норе,
Дрожа, протягиваются в дальность
Зонты косых московских фонарей
С тоской дождя, попавшею в их фокус.

Как носят капли вести о езде,
И всю-то ночь всё цокают да едут,
Стуча подковой об одном гвозде
То тут, то там, то в тот подъезд, то в этот.

Светает. Осень, серость, старость, муть.
⁹⁰ Горшки и бритвы, щетки, папильотки.
И жизнь прошла, успела промелькнуть,
Как ночь под стук обшарпанной пролетки.

Свинцовый свод. Рассвет. Дворы в воде.
Железных крыш авторитетный тезис.
Но где ж тот дом, та дверь, то детство, где
Однажды мир прорезывался, грезясь?

Где сердце друга? — Хитрых глаз прищур.
Знавали ль вы такого-то? — Наслышкой.
Да, видно, жизнь проста... но чересчур.
¹⁰⁰ И даже убедительна... но слишком.

Чужая даль. Чужой, чужой из труб
По рвам и шляпам шлепающий дождик,
И, отчуждением обращенный в дуб,
Чужой, как мельник пушкинский, художник.

1

Весь день я спал, и, рушась от загона,
На всем ходу гася в колбасных свет,
Совсем еще по-зимнему вагоны
К пяти заставам заматали след.

Сегодня ж ночью, теплым ветром залит,
В трамвайных парках снег сошел дотла.
И не напрасно лампа с жаром палит
Глаза в окно и рвется со стола.

Гашу ее. Темь. Я ни зги не вижу.
¹⁰ Светает в семь, а снег, как на́зло, рыж.

И любо ж, верно, крякать уткой в жиже
И падать в слякоть, под кропила крыш!

Жует губами грязь. Орут невежи.
По выбоинам стынет мутный квас.
Как едется в такую рань приезжей,
С самой посадки не смежавшей глаз?

Ей гололедица лепечет с дрожью,
Что время позже, чем бывает в пять.
Распутица цепляется за вожжи,
²⁰ Торцы грозятся в луже искупать.

Какая рань! В часы утра такие,
Стихиям четырем открывши грудь,
Лихие игроки, фехтуя кием,
Кричат кому-нибудь: счастливый путь!

Трактирный гам еще глушит тетерю,
Но вот, сорвав отдушину трескотню,
Порыв разгула открывает двери
Земле, воде, и ветру, и огню.

Как лешие, земля, вода и воля
³⁰ Сквозь сутолоку вешалок и шуб
За голою русалкой алкоголя
Врываются, ища губами губ.

Давно ковры трясут и лампы тушат,
Не за горой заря, но и скорей
Их четвертует трескотня вертушек,
Кроит на части звон и лязг дверей.

И вот идет подвыпивший разиня.
Кабак как в половодье унесло.
По лбу его, как по галош резине,
⁴⁰ Проволоклось раздолий помело.

Пространство спит, влюбленное в пространство.
И город грезит, по уши в воде,

И море просьб, забывшихся и страстных,
Спросонья плещет неизвестно где.

Стоит и за сердце хватает бóрмот
Дворов, предместий, мокрой мостовой,
Калиток, капель... Чудный гул без формы,
Как обморок и разговор с собой.

В раскатах затихающего эха
⁵⁰ Неистовствует прерванный досуг:
Нельзя без истерического смеха
Лететь, едва потребуют услуг.

«Ну и калоши. Точно с людоеда.
Так обменяться стыдно и в бреду.
Да ну их к льду, и без них доеду,
А не найду извозчика — дойду».

В раскатах, затихающих к вокзалам,
Бушует мысль о собственной судьбе,
О сильной боли, о довольстве малым,
⁶⁰ О синей воле, о самом себе.

Пока ломовики везут товары,
Остатки ночи предают суду,
Песком полощут горло тротуары,
И клубы дыма борются на льду.

Покамест оглашаются открытья
На полном съезде капель и копыт,
Пока бульвар с простительною прытью
Скамью дождем растительным кропит.

Пока березы, метлы, голодранцы,
⁷⁰ Афиши, кошки и столбы скользят
Виденьями влюбленного пространства,
Мы повесть на год отведем назад.

2

Трещал мороз, деревья вязли в кружке
Пунцовой стужи, пьяной, как крюшон,
Скрипучий сумрак раскупал игрушки
И плыл в ветвях, от дола отрешен.

Посеребренных ног роскошный шорох
Пугал в полете сизых голубей,
Волокся в дыме и висел во взорах
Воздушным лесом елочных цепей.

И солнца диск, едва проспавшись, сразу
¹⁰ Бросался к жженке и, круша сервиз,
Растягивался тут же возле вазы,
Нарезавшись до положенья риз.

Причин средь этой сладкой лихорадки
Нашлось немало, чтобы к Рождеству
Любовь, с сердцами наигравшись в прятки,
Внезапно стала делом наяву.

Был день, Спекторский понял, что не столько
Прекрасна жизнь, и Ольга, и зима,
Как подо льдом открылся ключ жестокий,
²⁰ Которого исток — она сама.

И чем наплыв у проруби громадней,
И чем его растерянность видней,
И чем она милей и ненаглядней,
Тем ближе срок, и это дело дней.

Поселок дачный, срубленный в дуброве,
Блистал слюдой, переливался льдом,
И целым бором ели, свесив брови,
Брели на полузанесенный дом.

И, набредя, спохватывались: вот он,
³⁰ Косою ниткой инея исшит,
Вчерашней бурей на живуху сметан,
Пустыню комнат башлыком вершит.

Валясь от гула и людьми покинут,
Ночами бредя шумом полых вод,
Держался тем балкон, что выюги минут,
Как позапрошлый и как прошлый год.

А там от леса влево, где-то с тылу
Шатая ночь, как воспаленный зуб,
На полустанке лампочка коптила
⁴⁰ И жили люди, не снимая шуб.

Забытый дом служил как бы резервом
Кружку людей, знакомых по Москве,
И потому Бухтеевым не первым
Подумалось о нем на Рождестве.

В самом кружке немало было выжиг,
Немало присоседилось извне.
Решили новый год встречать на лыжах,
Неся расход со всеми наравне.

Их было много, ехавших на встречу.
⁵⁰ Опустим планы, сборы, переезд.
О личностях не может быть и речи.
На них поставим лучше тут же крест.

Знаком ли вам сумбур таких компаний,
Благоприятный бурной тайне двух?
Кругом галдят, как бубенцы в тимпане,
От сердцевины отвлекая слух.

Счесть невозможно, сколько новогодних
Встреч было ими sprysnuto в пути.

Они нуждались в фонарях и сходнях,
⁶⁰ Чтоб на разъезде с поезда сойти.

Он сплыл, и колесом вдоль чащ ушастых
По шпалам стал ходить, и прогудел
Чугунный мост, и взвыл лесной участок,
И разрыдался весь лесной удел.

Ночные тени к кассе стали красться.
Простор был ослепительно волнист.
Толпой ввалились в зал второго класса
Переобуться и нанять возниц.

Не торговались — спяна люди щедры,
⁷⁰ Не многих отрезвляла тишина.
Пожар несло к лесам попутным ветром,
Бренчаньем сбруи, бульканьем вина.

Был снег волнист, окольный путь — извилист,
И каждый шаг готовил им сюрприз.
На розвальнях до колики резвились,
И женский смех, как снег, был серебрист.

«Не слышу. — Это тот, что за березой?
Но я ж не кошка, чтоб впотьмах...» Толчок,
Другой и третий, — и конец обоза
⁸⁰ Влетает в лес, как к рыбаку в сачок.

«Особенно же я вам благодарна
За этот такт; за то, что ни с одним...»
Ухаб, другой. — «Ну, как?» — А мы на парных.
«А мы кульков своих не отдадим».

На вышке дуло, и, меняя скорость,
То замирали, то неслись часы.
Из сада к окнам стаскивали хворост
Четыре световые полосы.

Внизу смеялись. Лежа на диване,
⁹⁰ Он под пол вниз перебирался весь,
Где праздник обгоняло одеванье.
Был третий день их пребывания здесь.

Дверь врезалась в сугроб на пол-аршина.
Год и на воле явно иссякал.
Рядок обледенелых порошинок
Упал куском с дверного косяка.

И обступила тьма. А ну как срежусь?
Мелькнула мысль, но, зажимая рот,
Ее сняла и опровергла свежесть
¹⁰⁰ К самым перилам кравшихся широт.

В ту ночь еще ребенок годовалый
За полную неопытностью чувств,
Он содрогался. «В случае провала
Какой я новой шуткой отшучусь?»

Закрыв глаза, он ночь, как сок арбуза,
Впивал, и снег, вливаясь в душу, рдел.
Роптала тьма, что год и ей в обузу.
Всё порывалось за его предел.

Спустившись вниз, он разом стал в затылок
¹¹⁰ Пылянию ламп, опилок, подолов,
Лимонов, яблок, колпаков с бутылок
И снежной пыли, ползшей из углов.

Все были в сборе, и гудящей бортью
Бил в переборки радости прилив.
Смеялись, торт черт знает чем испортив,
И фыркали, салат пересолив.

Рассказывать ли, как столпились, сели,
Сидят, встают, — шумят, смеются, пьют?
За рубенсовской росписью веселья
¹²⁰ Мы влюбимся, и тут-то нам капут:

Мы влюбимся, тогда конец работе,
И дни пойдут по гулкой мостовой
Скакать через колесные ободья
И колотиться об землю головой.

Висит и так на волоске поэма.
Да и забыться я не вижу средств:
Мы без суда осуждены и немые,
А обнесенный будет вечно трезв.

За что же пьют? За четырех хозяек.
¹³⁰ За их глаза, за встречи в мясоед.
За то, чтобы поэтом стал прозаик
И полубогом сделался поэт.

В разгаре ужин. Вдруг, без перехода:
«Нет! Тише! Рано! Встаньте! Ваши врут!
Без двух!.. Без возражений!.. С Новым годом!»
И гранных дюжин громовой салют.

«О мальчик мой, и ты, как все, забудешь
И, возмужавши, назовешь мечтой
Те дни, когда еще ты верил в чудищ?»
¹⁴⁰ О, помни их, без них любовь ничто.

О, если б мне на память их оставить!
Без них мы прах, без них равны нулю.
Но я люблю, как ты, и я сама ведь
Их нынешнюю ночью утоплю.

Я дуновеньем наготы свалю их.
Всей женской подноготной растворяю.
И тени детства схлынут в поцелуях.
Мы разойдемся по календарю.

Шепчу? — Нет, нет. — С ликером, и покрепче.
¹⁵⁰ Шепчу не я, — вишневки чернота.

Карениной, — так той дорожный сцепщик
В бреду под чепчик что-то бормотал».

Идут часы. Поставлены шарады.
Сдвигают стулья. Как прибор, клубит
Не то оркестра шум, не то оршада,
Висячей лампой к скатерти прибит.

И год не нов. Другой новей обещан.
Весь вечер кто-то чистит апельсин.
Весь вечер вьюга, не щадя затрещин,
¹⁶⁰ Врывается сквозь трещины тесин.

Но юбки вьются, и поток ступеней,
Сорвавшись вниз, отпрядывает вверх.
Ядро кадрили в полном исступленьи
Разбрызгивает весь свой фейерверк,

И все стихает. Точно топот, рухнув
За кухню, попал в провал, в Мальстрем,
В века... — Рассвет. Ни звука. Лампа тухнет
И елка иглы осыпает в крем.

До лыж ли тут! Что сделалось с погодой?
¹⁷⁰ Несутся тучи мимо деревень.
И штук пятнадцать солнечных заходов
Отметили в окно за этот день.

С утра назавтра с кровли, с можжевелин
Льет в три ручья. Бурда бурдой. С утра
Промозглый день теплом и ветром хмелен,
Точь-в-точь как сами лыжники вчера.

По талой каше шлепают калошки.
У поля все смешалось в голове.
И облака, как крашенные ложки,
¹⁸⁰ Крутятся, плывут в вареной синеве.

На пятый день, при всех, Спекторский, бойко
Взглянув на Ольгу, говорит, что спектр
Разложен новогодней попойкой
И оттого-то пляшет баромётр.

И так как шутка не совсем понятна
И вокруг нее стихает болтовня,
То, путаясь, он лезет на попятный
И, покраснев, смолкает на два дня.

3

«Для бодрости ты б малость подхлестнул.
Похоже, жаркий будет день, развёдрясь».
Чихает цинк, ручьи сочат весну,
Шуруя снег, бушует левый подрез.

Струится грязь, ручьи, на все лады
Хваля весну, разворковались в голос,
И, выдирая полость из воды,
Стучит, скача по камню, правый полоз.

При въезде в переулок он на миг
¹⁰ Припомнит утро въезда к генеральше,
Приятно будет, показав язык
Своей норе, проехать фёртом дальше.

Но что за притча! Пред его дверьми
Слезает с санок дама с чемоданом.
И эта дама — «Стой же, черт возьми!
Наташа, ты?.. Негаданно, неожиданно?..

Вот радость! Здравствуй. Просто стыд и срам.
Ну, что б черкнуть? Как ехалось? Надолго?
Оставь, пустое, взволоку и сам.

²⁰ Толкай смелей, она у нас завоггла.

Да, резонанс ужасный. Это в сад.
А хоть и спят? Ну что ж, давай потише.

Как не писать, писал дня три назад.
Признаться, и они не чаще пишут.

Вот мы и дома. Ставь хоть на рояль.
Чего ты смотришь?» — «Боже, сколько пыли!
Разгром! Что где! На всех вещах вуаль.
Скажи, тут, верно, год полов не мыли?»

Когда он в сумерки открыл глаза,
³⁰ Не сразу он узнал свою берлогу.
Она была светлей, чем бирюза
По выкупе из долгого залога.

Но где ж сестра? Куда она ушла?
Откуда эта пара цинерарий?
Тележный гул колеблет гладь стекла,
И слышен каждый шаг на тротуаре.

Горит закат. На переплетах книг,
Как угли, тлеют переплеты окон.
К нему несут по лестнице сеник,
⁴⁰ Внизу на кухне гроыхнули блоком.

Не спите днем. Пластается в длину
Дыханье парового отопленья.
Очнувшись, вы очутитесь в плену
Гнетущей грусти и смертельной лени.

Не сдобровать забывшемуся сном
При жизни солнца, до его захода.
Хоть этот день — хотя бы этим днем
Был вешний день тринадцатого года.

Не спите днем. Как временный трактат,
⁵⁰ Скрепит ваш сон с минувшим мировую.
Но это перемирие прекратят!
И дернуло ж вас днем на боковую.

Вас упоил огонь кирпичных стен,
Свалила пренебрегнутая прелесть
В урочный час неоцененных сцен,
Вы на огне своих ошибок грелись.

Вам дико все. Призвание, год, число.
Вы угорели. Вас качала жалость.
Вы поняли, что время бы не шло,
⁶⁰ Когда б оно на нас не обижалось.

4

Стояло утро, летнего теплей,
И ознаменовалось первой крупной
Голововойкой в жизни тополей,
Которым сутки стукнуло невступно.

Прошедшей ночью свет увидел дерн.
Дорожки просыхали, как дерюга.
Клубясь бульварным рокотом валторн,
По ним мячом катился ветер с юга.

И той же ночью с часа за второй,
¹⁰ Вооружась «Громокипящим кубком»,
Последний сон проспори́л брат с сестрой.
Теперь они носились по покупкам.

Хвосты у касс, расчеты и чай
Влияли мало на Наташин норев,
И в шуме предотъездной толчеи
Не обошлось у них без разговоров.

Слова лились, внезапно становясь
Бессвязней сна. Когда ж еще вдобавок
Приказчик расстилал пред ними бязь,
²⁰ Остаток связи спарывал прилавок.

От недосыпу брат молчал и кис,
Сестра ж трещала под дыханьем бриза,

Как языки опущенных маркиз
И сквозняки и лифты Мерилиза.

«Ты спрашиваешь, отчего я злюсь?
Садись удобней, дай и я подвинусь.
Вот видишь ли, ты — молод, это плюс,
А твой отрыв от поколенья — минус.

Ты вне исканий, к моему стыду.
³⁰ В каком ты стане? Кстати, как неловко,
Что за отъездом я не попаду
С товарищами Паши на маевку.

Ты возразишь, что я неглубока?
По-твоему, ты мне простишь поспешность,
Я что-то вроде синего чулка,
И только всех обманывает внешность?»

«Оставим спор, Наташа. Я неправ?
Ты праведница? Ну и на здоровье.
Я сыт молчаньем без твоих приправ.
⁴⁰ Прости, я б мог отбрить еще суровой».

Таким-то родом оба провели
Последний день, случайно не повздорив.
Он начался, как сказано, в пыли,
Попал под дождь и к ночи стал лазорев.

На Земляном Валу из-за угла
Встает цветник, живой цветник из Фета.
Что и земля, как клумба, и кругла, —
Поют судки вокзального буфета.

Бокалы. Карты кушаний и вин.
⁵⁰ Пивные сетки. Пальмовые ветки.
Пары борща. Процесии корзин.
Свистки, звонки. Крахмальные салфетки.

Кондуктора. Ковши из серебра.
Литые бра. Людских роев метанье.
И гулкие удары в буфера
Тарелками со щавелем в сметане.

Стеклянные воздушные шары.
Наклонность сводов к лошадиным дозам.
Прибытие огнедышащей горы,
⁶⁰ Несомой с громом потным паровозом.

Потом перрон и град шагов и фраз,
И чей-то крик: «Так, значит, завтра в Нижнем?»
И у окна: «Итак, в последний раз,
Ступай. Мы больше ничего не выжмем».

И вот, залившись тонкой фистулой,
Чугунный смерч уносится за Яузу,
И осыпает просеки золой,
И пилит лес сипеньем вестингауза.

И почищает вырубки сплеча,
⁷⁰ И, разлетаясь всё неизреченней,
Несет жену фабричного врача
В чехле из гари к месту назначения.

С вокзала возвращаются с трудом,
Брезгливую улыбку пересилия.
О город, город, жалкий скопидом,
Что ты собрал на льне и керосине?

Что перенял ты от былых господ?
Большой ли капитал тобою нажит?
Бегущий к паровозу небосвод
⁸⁰ Содержит всё, что сказано и скажут.

Ты каторгой купил себе уют
И путаешься в собственных расчетах,

А по предместьям это сознают
И в пригородах вечно ждут чего-то.

Догадки эти вовсе не кивок
В твой огород, ревнивый теоретик,
Предвестий политических тревог
Довольно мало в ожиданиях этих.

Но эти вещи в нравах слобожан,
⁹⁰ Где кругозор свободнее гораздо,
И, городской рубеж перебежав,
Гуляет рощ зеленая зараза.

Природа ж — ненадежный элемент.
Ее вовек оседло не поселишь.
Она всем телом алчет перемен
И вся цветет из дружной жажды зрелищ.

Все это постигаешь у застав,
Где с фонарями в выкаченном чреве
За зданья задевают поезда
¹⁰⁰ И рельсами беременны деревья;

Где нет мотивов и перипетий,
Но, аппетитно выпятив цилиндры,
Паровичок на стрелке кипит
Туман лугов, как молоко с селитрой.

Все это постигаешь у застав,
Где вещи рыщут в растворенном виде.
В таком флюиде встретил их состав
И мой герой, из тьмы вокзальной выйдя.

Заря вела его на поводу
¹¹⁰ И, жаркой лайкой стягивая тело,
На деле подтверждала правоту
Его судьбы, сложенья и удела.

Он жмурился и чувствовал на лбу
Игру той самой замши и шагреня,
Которой небо кутало толпу
И сутолоку мостовой игреней.

Затянутый все в тот же желтый жар
Горячей кожи, надушённой амброй,
Пылил и плыл заштатный тротуар,
¹²⁰ Раздувши ставни, парные, как жабры.

Но по садам тягучий матерьял
Преображался, породнясь с листвою,
И одухотворялся и терял
Все, что на гулкой мостовой усвоил.

Где средь травы, тайком, наедине,
Дорожку к дому огненно наохрив,
Вечерний сплав смертельно леденел,
Как будто солнце ставили на погреб.

И мрак бросался в головы колонн,
¹³⁰ Но, крупнолистный, жесткий и тверёзый,
Пивным стеклом играл зеленый клен,
И ветер пену сбрасывал с березы.

5

Едва вагона выгнутая дверь
Захлопнулась за сестриной персоной,
Действительность, как выпавшийся зверь,
Потягиваясь, поднялась спросонок.

Она не выносила пустомель,
И только ей вернули старый навик, —
Вздохнула вслух, как дышит карамель
В крахмальной тьме колониальных лавок.

Учуяв нюхом эту москатель,
¹⁰ Голодный город вышел из берлоги,
Мотнул хвостом, зевнул и раскатил
Тележный гул семи холмов отлогих.

Тоска убийств, насилий и бессудств
Ударила песком по рту фортуны
И сжала крик, теснившийся из уст
Красноречивой некогда вертуньи.

И так как ей ничто не шло в башку,
То не судьба, а первое пустое
Несчастье приготовилось к прыжку,
²⁰ Запасшись склянкой с серной кислотой.

Вот тут с разбега он и налетел
На Сашку Бальца. Всей сквозной округой.
Всей тьмой. На полусон. На полутень,
На что-то вроде рока. Вроде друга.

Всей световой натугой — на портал,
Всей лайкою упругой — на деревья,
Где Бальц как перст перчаточный торчал.
А говорили, — болен и в Женеве.

И точно нáзло он его стерег
³⁰ Намеренно под тем дверным навесом,
Куда Сережу ждали на урок
К отчаянному одному балбесу.

Но выяснилось — им в один подъезд,
Где наверху в придачу к прошлым тещам
У Бальца оказался новый тесть,
Одной из жен пресимпатичный отчим.

Там помещался новый Бальцев штаб.
Но у порога кончилась морoka,
И, пятась из приятелевых лап,
⁴⁰ Сергей поклялся забежать с урока.

Смешная частность. Сашка был мастак
По части записного словоблудья.
Он ждал гостей и о своих гостях
Таинственно заметил: «Будут люди».

Услыша сей внушительный посул,
Сергей представил некоторой Меккой
Эффектный дом, где каждый венский стул
Готов к пришествию сверхчеловека.

Смеясь в душе: «Приступим, — возгласил,
⁵⁰ Входя, Сережа. — Как делишки, Миша?»
И, сдерживаясь из последних сил,
Уселся в кресло у оконной ниши.

«Не странно ли, что все еще висит,
И дуется, и сесть не может солнце?»
Обдумывая будущий визит,
Не вслушивался он в слова питомца.

Из окон открывался чудный вид,
Обитый темно-золотистой кожей.
Диван был тоже кожей обит.
⁶⁰ «Какая чушь!» — подумалось Сереже.

Он не любил семьи ученика.
Их здравый смысл был тяжелей увечья,
А путь прямей и проще тупика.
Читали «Кнут», выписывали «Вече».

Кобылкины старались корчить злюк,
Но даже голосов свирепый холод
Всегда сбивался на плаксивый звук,
Как если кто задет или уколот.

Особенно заметно у самой
⁷⁰ Страдальчества растравленная рана

Изобличалась музыкой прямой
Богатого гаремного сопрано.

Не меньшею загадкой был и он,
Невежда с правоведческим дипломом,
Холоп с апломбом и хамелеон,
Но лучших дней оплеванный обломок.

В чаду мытарств угасшая душа,
Соединял он в духе дел тогдашних
Образование с маской ингуша
⁸⁰ И умудрялся рассуждать, как стражник.

Но в целом мире не было людей
Забитее при всей наружной спеси
И участи забытей и лютей,
Чем в этой цитадели мракобесья.

Урчали краны порчею аорт,
Ругалась, фартук подвернув, кухарка,
И весь в рассрочку созданный комфорт
Грозил сумой и кровью сердца харкал.

По вечерам висячие часы
⁹⁰ Анализом докучных тем касались,
И, как с цепей сорвавшиеся псы,
Клопы со стен на встречного бросались.

Урок кончался. Дом, как корифей,
Топтал деревьев ветхий муравейник
И кровли, к ночи ставшие кривей
И точно потерявшие равненье.

Сергей прощался. Что-то в нем росло,
Как у детей средь суесловья взрослых,
Как будто что-то плавно и без слов
¹⁰⁰ Навстречу дому близилось на веслах.

Как будто это приближался вскрик,
С которым, позабыв о личной шкуре,
Снимают с ближних бремя их вериг,
Чтоб разбросать их по клавиатуре.

В таких мечтах: «Ты видишь, — возгласил,
Входя, Сергей, — я не обманщик, Сашка», —
И, сдерживаясь из последних сил,
Присел к столу и пододвинул чашку.

И осмотрелся. Симпатичный тесть
¹¹⁰ Отсутствовал, но жил нельзя шикарней.
Картины, бронзу — все хотелось съесть,
Все как бы в рот просилось, как в пекарне.

И вдруг в мозгу мелькнуло: «И съедят.
Не только дом, но раньше или позже
И эту ночь, и тех, что тут сидят.
Какая чушь!» — подумалось Сереже.

Но мысль осталась, завязав дуэт
С тоской, что гложет поедом поэтов,
И неизвестность, точно людоед,
¹²⁰ Окинула глазами сцену эту.

И увидала: полукруглый стол,
Цветы и фрукты, и мужчин и женщин,
И обреченья общий ореол,
И девушку с прической á la Ченчи.

И абажур, что как бы клал запрет
Вовне, откуда робкий гимназистик
Смотрел, как прочь отставленный портрет,
На дружный круг живых характеристик.

На Сашку, на Сережу, — иногда
¹³⁰ На старшего уверенного брата,

Который сдуру взял его сюда,
Но, вероятно, уведет обратно.

Их называли, но как-то невдомек.
Запало что-то вроде «мох» иль «лёмех».
Переспросить Сережа их не мог,
Затем что тон был взят как в близких семьях.

Он наблюдал их, трогаясь игрой
Двух крайностей, но из того же теста.
Во младшем крылся будущий герой.
¹⁴⁰ А старший был мятежник, то есть деспот.

6

Неделю проскучал он, книг не трогав,
Потом, торгуя что-то в зеленой,
Подумал, что томиться нет предлогов,
И повернул из лавки к Ильиной.

Он чуть не улизнул от них сначала,
Но на одном из пальцевских окон
Над пропастью сидела и молчала
По внешности — насмешница, как он.

Она была без вызова глазаста,
¹⁰ Носила траур и нельзя честней
Витала, чтобы не соврать, верст за сто.
Урвав момент, он вышел вместе с ней.

Дорогою бессонный говор веток
Был смутен и, как слух, тысячеуст.
А главное, не делалось разведок
По части пресловутых всяких чувств.

Таких вещей умели сторониться.
Предметы были громче их самих.
А по бульвару шмыгали зарницы
²⁰ И подымали спящих босомыг.

И вот порой, как ветер без провесу
Взвивал песок и свирепел и креп,
Отец ее, — узнал он, — был профессор,
Весной она по нем надела креп,

И множество чего, — и эта лава
Подробностей росла атакой в лоб
И приближалась, как гроза, по праву,
Дарованному от роду по гроб.

Затем прошла неделя, и сегодня,
³⁰ Собравшись впервые к ней, он шел
Рассеянной, чем за город, свободней,
Чем с выпуска, за школьный частокол.

Когда-то дом был ложею масонской.
Лет сто назад он перешел в казну.
Пустые классы шурились на солнце.
Ремонтный хлам располагал ко сну.

В творилах с известью торчали болтни.
Рогожа скупно пропускала свет.
И было пусто, как бывает в полдни,
⁴⁰ Когда с лесов уходят на обед.

Он долго в дверь стучался без успеха,
А позади, как бабочка в плену,
Безвыходно и пыльно билось эхо.
Отбив кулак, он отошел к окну.

Тут горбились задворки института,
Катились градом балки, камни, пот,
И, всюду сея мусор, точно смуту,
Ходило море земляных работ.

Многолошадный, буйный, голоштанный,
⁵⁰ Двууглекислый двор кипел ключом,

Разбрасывал лопатами фонтаны,
Тянул, как квас, полки под кирпичом.

Слонялся ветер, скважистый, как траур,
Рябил, робел и, спины заголя,
Завешивал рубахами брандмауэр
И каменщиков гнал за флигеля.

У них курились бороды и ломы,
Как фитили у первых пушкарей.
Тогда казалось — рядом жгут солому,
⁶⁰ Как на торфах в несметной мошкаре.

Землистый залп сменялся белым хряском.
Обвал бледнел, чтоб опухолью спасть.
Показывались горловые связки.
Дыханье щебня разевало пасть.

Но вот он раз застал ее. Их встречи
Пошли частить. Вне дней. Когда не след.
Он стал ходить: в ненастье; чуть рассветши;
Во сне; в часы, которых в списках нет.

Отказов не предвиделось в приеме.
⁷⁰ Свиданья назначались: в шуме птиц;
В кистях дождя; в черемухе и в громе;
Везде, где жизнь и двум не разойтись.

«Ах, это вы? Зажмурьтесь и застыньте», —
Услышал он в тот первый раз и миг,
Когда, сторонний в этом лабиринте,
Он сосвежу и точно стал в тупик.

Их разделял и ей служил эгидой
Шкапных изнанок вытертый горбыль.
«Ну, как? Поражены? Сейчас я выйду.
⁸⁰ Ночей не сплю. Ведь тут что вещь, то быть.

Ну, здравствуйте. Я думала — подрядчик.
Они освобождают весь этаж,
Но нет ни сил, ни стимулов бодрящих
Поднять и вывезть этот ералаш.

А всех-то дел — двоих швейцаров, вас бы
Да три-четыре фуры — и на склад.
Притом пора. Мой заграничный паспорт
Давно зовет из этих анфилад».

Так было в первый раз. Он знал, что встретит
⁹⁰ Глухую жизнь, породистую встарь,
Но он не знал, что во второй и в третий
Споткнется сам об этот инвентарь.

Уже помочь он ей не мог. Напротив.
Вконец подпав под власть галиматьи,
Он в этот склад обломков и лохмотьев
Стал из дому переносить свои.

А щепень плыл и, поводя гортанью,
Грозил и их когда-нибудь сглотнуть.
На стройке упрощались очертанья,
¹⁰⁰ У них же хаос не редел отнюдь.

Свиданья учащались. С каждым новым
Они клялись, что примутся за ум,
И сложатся, и не проронят слова,
Пока не сплавят весь шурум-бурум.

Но забывались, и в пылу беседы
То громкое, что крепло с каждым днем,
Овладевало ими напоследок
И сделанное ставило вверх дном.

Оно распоряжалось с самодурством
¹¹⁰ Неразберихой из неразберих
И проливным и краткосрочным курсом
Чему-то переучивало их.

Холодный ветер, как струя муската,
Споласкивал дыхание. За спиной,
Затягиваясь ряскою раскатов,
Прудилось устье ночи водяной.

Вздыхали ветки. Заспанные прутья
Потягивались, стукались, текли,
Валились наземь в серых каплях ртути,
¹²⁰ Приподнимались в серебре с земли.

Она ж дрожала и, забыв про старость,
Влетала в окна и вонзала киль,
Распластывая облако, как парус,
В миротворенья послужную быль.

Тут целовались, наяву и вживе.
Тут, точно дым и ливень, мга и гам,
Улыбкою к улыбке, грива к гриве,
Жемчужинами льнули к жемчугам.

Тогда в развале открывалась прелесть.
¹³⁰ Перебегая по краям зеркал,
Меж блюд и мисок молнии вертелись,
А следом гром откормленный скакал.

И, завершая их игру с приданым,
Не стоившим лишений и утрат,
Ключами ударял по чемоданам
Саврасый, частый, жадный летний град.

Их распускали. Кипятили кофе.
Загромождали чашками буфет.
Почти всегда при этой катастрофе
¹⁴⁰ Унылой тенью вырастал рассвет.

И с тем же неизменным постоянством
Сползались с полу на ночной пикник
Ковры в тюках, озера из фаянса
И горы пыльных, беспросветных книг.

Ломбардный хлам смотрел еще серее,
Последних молний вздрагивала гроздь,
И оба уносились в эмпиреи,
Взаимоокрылившись, то есть врозь.

Теперь меж ними пропасти зияли.
¹⁵⁰ Их что-то порознь запускало в цель.
Едва касаясь пальцами рояля,
Он плел своих экспромтов канитель.

Сырое утро ежилось и дрыхло,
Бросался ветер комьями в окно,
И воздух падал сбивчиво и рыхло
В Мариин новый отрывной блокнот.

Среди ее стихов осталась запись
Об этих днях, где почерк был иглист,
Как тернии, и ненависть, как ляпис,
¹⁶⁰ Фонтаном клякс избороздила лист.

«Окно в лесах, и — две карикатуры,
Чтобы избегнуть даровых смотрин,
Мы занавесимся от штукатуров,
Но не уйдем из показных витрин.

Мы рано, может статья, углубимся
В неисследимый смысл добра и зла.
Но суть не в том. У жизни есть любимцы.
Мне кажется, мы не из их числа.

Теперь у нас пора импровизаций.
¹⁷⁰ Когда же мы заговорим всерьез?
Когда, иссякнув, станем подвизаться
На поприще похороненных грез?

Исхода нет. Чем я зрелей, тем боле
В мой обиход врывается земля
И гонит волю и берет безволие
Под кладбища, овраги и поля.

Р. S. Все это требует проверки.
Не верю мыслям, — семь погод на dniu.
В тот день, как вещи будут у Шиперки,
¹⁸⁰ Я, вероятно, их переменю».

7

Конец пришел нечаянней и раньше,
Чем думалось. Что этот человек
Никак не Дон Жуан и не обманщик,
Сама Мария знала лучше всех.

Но было б легче от прямых уколов,
Чем от предполаганья наугад,
Несчастья, участки, протоколы?
Нет, нет, увольте. Жаль, что он не фат.

Бесило, что его домашний адрес
¹⁰ Ей неизвестен. Оставалось жить,
Рядиться в гнев и врать себе, не зазрясь,
Чтоб скрыть страданье в горделивой лжи.

И вот, лишь к горлу подступали клубья,
Она спешила утопить их груз
В оледенелом вопле самолюбья
И яростью перешибала грусть.

Три дня тоска, как призрак криволицый,
Уставясь вдаль, блуждала средь тюков.
Сергей Спекторский точно провалился.
²⁰ Пошел в читальню, да и был таков.

А дело в том, что из библиотеки
На радостях он забежал к себе.
День был на редкость, шел он для потехи,
И что ж нашел он на дверной скобе?

Игра теней прохладной филигранью
Качала пачку писем. Адресат
Растерянно метнулся к телеграмме,
Врученной десять дней тому назад.

Он вытер пот. По смыслу этих литер,
³⁰ Он — сирота, быть может. Он связал
Текущее и этот вызов в Питер
И вне себя помчался на вокзал.

Когда он уличил себя под Тверью
В заботах о Марии, то постиг,
Что значит мать, и в детском суеверьи
Шарахнулся от этих чувств простых.

Так он и не дал знать ей, потому что
С пути не смел, на месте ж — потому,
Что мать спасли, и он не видел нужды
⁴⁰ Двух суток ради прибегать к письму.

Мать поправлялась. Через две недели,
Очухавшись в свистках, в дыму, в листве,
Он тер глаза. Кругом в плащах сидели.
Почтовый поезд подходил к Москве.

Многолошадный, буйный, голоштаный...
Скорей, скорей навстречу толкотне!
Скорей, скорее к двери долгожданной!
И кажется — да, да! Она в окне!

Скорей, скорей! Его приезд в секрете.
⁵⁰ А вдруг, а вдруг?... О, что он натворил!
Тем и скорей через ступень на третью
По лестнице без видимых перил.

Клозеты, стружки, взрывы перебранки,
Рубанки, сурик, сальная пенька.

Пора б уж вон из войлока и дранки.
Но где же дверь? Назад из тупика!

Да полно, все ль еще он в коридоре?
Да нет, тут кухня! Печь, водопровод.
Ведь он у ней, и всюду пыль и море
⁶⁰ Снесенных стен и брошенных работ!

8

Прошли года. Прошли дожди событий,
Прошли, мрача Юпитера чело.
Пойдешь сводить концы за чаепитьем, —
Их точно сто. Но только шесть прошло.

Прошло шесть лет, и, дрему поборовши,
Задвигались деревья, побурев.
Закопошились дворики в пороше.
Смел прусаков с сиденья табурет.

Сейчас мы руки углем замараем,
¹⁰ Вмуруем в камень самоварный дым,
И в рукопашной с медным самураем,
С кипящим солнцем в комнаты влетим.

Но самурай закован в серый панцирь.
К пустым сараям не протоптан след.
Пролеты комнат канули в пространство.
Зари не будет, в лавках чаю нет.

Тогда скорей на крышу дома слазим,
И вновь в роях недвижимых верениц
Москва с размаху кувыркнется наземь,
²⁰ Как ящик из-под киевских яиц.

Испакощенный тес ее растащен.
Взамен оград какой-то чародей
Огородил дощатый шорох чащи
Живой стеной ночных очередей.

Кругом фураж, не дожранный морозом.
Застрыв в бурана бледных челюстях,
Чернеют крупы палых паровозов
И лошадей, шарахнутых врасяг.

Пещерный век на пустырях щербатых
³⁰ Понурыми фигурами проныр
Напоминает города в Карпатах:
Москва — войны прощальный сувенир.

Дырявя даль, и тут летали ядра,
Затем что воздух родины заклят,
И половина края — люди кадра,
И погибать без торгу — их уклад.

Затем что небо гневно вечерами,
Что распорядок штатский позабыт,
И должен рдеть хотя б в военной раме
⁴⁰ Военной формы не носивший быт.

Теперь и тут некстати блещет скатерть
Зимы; и тут в разрушенный очаг,
Как наблюдатель на аэростате,
Косое солнце смотрит натошак.

Поэзия, не поступайся ширию.
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся точками в пункте
И зерен в мере хлеба не считай.

Недоуменьем меди орудийной
⁵⁰ Стесни дыханье и спроси чтеца:
Неужто, жив в охвате той картины,
Он верит в быль отдельного лица?

И, значит, место мне укажет, где бы,
Как манекен, не трогаясь никем,

Не стыло бы в те дни немое небо
В потоках крови и шато д'икем?

Оно не льнуло ни к каким Спекторским,
Не жаждало ничьих метаморфоз,
Куда бы их по рубрикам конторским
⁶⁰ Позднейший бард и цензор ни отнес.

Оно росло стеклянною заставой
И с обреченных не спускало глаз
По вдохновенью, а не по уставу,
Что единицу побеждает класс.

Бывают дни: черно-лиловой шишкой
Над потасовкой вскочит небосвод,
И воздух тих по слишком буйной вспышке,
И сани трутся об его испод.

И в печках жгут скопившиеся письма,
⁷⁰ И тучи хмуры и не ждут любви,
И все б сошло за сказку, не проснись мы
И оторопи мира не прерви.

Случается: отпыхав в признаньях,
Исходит снегом время в ноябре,
И день скользит украдкой, как изгнанник,
И этот день — пробел в календаре.

И в киновари ренского солнца
Дымится иней, как вино и хлеб,
И это дни побочного потомства
⁸⁰ В жару и правде не прямых судеб.

Куда-то пряча эти предпочтенья,
Не знает век, на чем он спит, лентяй.
Садятся солнца, удлиняют тени,
Чем старше дни, тем больше этих тайн.

Вдруг крик какой-то девочки в чулане.
Дверь вдребезги, движенье, слезы, звон,
И двор в дыму подавленных желаний,
В босых ступнях несущихся знамен.

И та, что в фартук зарывала, мучась,
⁹⁰ Дремучий стыд, теперь, осатанев,
Летит в пролом открытых преимуществ
На гребне бесконечных степеней.

Дни, миги, дни, и вдруг единым сдвигом
Событие исчезает за стеной
И кажется тебе оттуда игом
И ложью в мертвой корке ледяной.

Попутно выясняется: на свете
Ни праха нет без пятнышка родства:
Совместно с жизнью прижитые дети —
¹⁰⁰ Дворы и бабы, галки и дрова.

И вот заря теряет стыд дочерний.
Разбив окно ударом каблука,
Она перелетает в руки черни
И на ее руках за облака.

За ней ныряет шиворот сыновний.
Ему тут оставаться не барыш.
И небосклон уходит всем становьем
Облитых снежной сывороткой крыш.

Ты одинок. И вновь беда стучится.
¹¹⁰ Ушедшими оставлен протокол,
Что ты и жизнь — старинные вещицы,
А одинокость — это рококо.

Тогда ты в крик. Я вам не шут! Насилье!
Я жил как вы. Но отзыв предрешен:
История не в том, что мы носили,
А в том, как нас пускали нагишом.

Не плакалась, а пела выюга. Чуть не
Как благовест к заутрене средь мги,
Раскатывались снеговые крутни,
¹²⁰ И пели басом путников шаги.

Угольный дом скользил за дом угольный,
Откуда руки в поле простирал.
Там мучили, там сбрасывали в штольни,
Там измывался шахтами Урал.

Там ели хлеб, там гибли за бесценок,
Там белкою кидался в пихту кедр,
Там был зимы естественный застеноч,
Валютный фонд обледенелых недр.

Там по юрам кустились перелески,
¹³⁰ Пристреливались, брали, жгли дотла,
И подбегали к женщине в черкеске,
Оглядывавшей эту ширь с седла.

Пред ней, за ней, обходом в тыл и с флангов,
Курясь ползла гражданская война,
И ты б узнал в наезднице беглянку,
Что бросилась из твоего окна.

По всей земле осипшим морем грусти,
Дымясь, гремел и стлался слух о ней,
Марусе тихих русских захолустий,
¹⁴⁰ Поколебавшей землю в десять дней.

Не плакались, а пели снега крутни,
И жулики ныряли внутрь пурги
И укрывали ужасы и плутни
И утопавших путников шаги.

Как кратеры, дымились кольца выюги,
И к каждому подкрадывался вихрь,

И переулки лопались с натуги,
И вьюга вновь заклепывала их.

Безвольные, по всей первопрестольной
¹⁵⁰ Сугробами, с сугроба на сугроб,
Раскачивая в торбах колокольни,
Тащились цепи пешеходных троп.

9

В дни голода, когда вам слали на дом
Повестки и никто вас не щадил,
По старым сыромятниковским складам .
С утра бродило несколько чудил.

То были литераторы. Союзу
Писателей доверили разбор
Обобществленной мебели и грузов
В сараях бывших транспортных контор.

Предвидя от кофейников до сабель
¹⁰ Все разности домашнего старья,
Определяла именная табель,
Какую вещь в какой комиссарьят.

Их из необходимости пустили
К завалам Ступина и прочих фирм
И не ошиблись: честным простофилям
Служил мерилom римский децемвир.

Они гордились данным полномочьем.
Меж тем смеркалось. Между тем шел снег.
Предметы обихода шли рабочим,
²⁰ А ценности и провиант — казне.

В те дни у сыромятницких окраин
Был полудеревенский аромат,
Пластался снег и, галками ограян,
Был только этим карканьем примят.

И, ра́менье убрав огнем осенним
И пламенем — брусы оконных рам,
Закат бросался к полкам и хранениям
И как бы убывал по номерам.

В румяный дух реберчатого теса
³⁰ Врывался визг отверток и клещей,
И люди были тверды, как утесы,
И лица были мертвы, как клише.

И лысы голоса. И близко-близко
Над ухом, а казалось — вдалеке,
Все спорили, как быть со штукой плиса,
И серебро ли ковш иль апликё.

Срезали пломбы на ушках шпагата
И, мусора взрывая облака,
Прикатывали кладь по дубликату,
⁴⁰ Кладовщика зовя издалека.

Отрыжкой отдуваясь от отмычек,
Под крышками вздувался старый хлам,
И давность потревоженных привычек
Морозом пробежала по телам.

Но даты на квитанциях стояли,
И лиц, из странствий не подавших весть,
От срока сдачи скарба отделяли
Год-два и редко-редко пять и шесть.

Дух путешествия казался старше,
⁵⁰ Чем понимали старость до сих пор.
Дрожала кофт заржавленная саржа,
И гнулся лифов колкий коленкор.

Амбар, где шла разборка гардеробов,
Плыл наугад, куда глаза глядят.

Как волны в море, тропы и сугробы
Тянули к рвоте, притупляя взгляд.

Но было что-то в свойствах околотка,
Что обращалось к мысли, и хотя
Держало к ней, как высланная лодка,
⁶⁰ Но гибло, до нее не доходя.

Недоставало, может быть, секунды,
Чтоб вытянуться и поймать буюк,
Но вновь и вновь, захлестнутая тундрой,
Душа тонула в темноте таёг.

Как вдруг Спекторский обомлел и ахнул.
В глазах, уставших от чужих перин,
Блеснуло что-то яркое, как яхонт,
Он увидал Мариин лабиринт.

«А ну-ка, — быстро молвил он, — коллега,
⁷⁰ Вот список. Жарьте по инвентарю.
А я... а я равнодушен к снегу:
Пробегаюсь чуть-чуть и покурю».

Был воздух тих, но если б веткой хрустнуть,
Он снежным вихрем бросился б в галоп,
Как эскимос, нависшей тучей сплюснут,
Был небосвод лиловый низколоб.

Был воздух тих, как в лодке китолова,
Затерянной в тисках плавучих гор.
Но если б хрустнуть веткою еловой,
⁸⁰ Все б сдвинулось и понеслось в опор.

Он думал: «Где она — сейчас, сегодня?»
И слышал рядом: «Шелк. Чулки. Портвейн».
«Счастливей моего ли и свободней
Или порабощенней и мертвей?»

Со склада доносилось: «Дальше. Дальше.
Под опись. В фонд. Под опись. В фонд.
В подвал».

И монотонный голос, как гадалыщик,
Все что-то клал и что-то называл.

Настала ночь. Сверхштатные ликурги
⁹⁰ Закрыли склад. Гаданья голос стих.
Поднялся вихрь. Сережины окурки
Пошли кружиться на манер шутих.

Ему какие-то совали снимки.
Событья дня не шли из головы.
Он что-то отвечал и слышал в дымке:
«Да вы взгляните только. Это вы?

Нескромность? Обронили из альбома.
Опомнитесь: кому из нас на дню
Не строил рок подобного ж: любому
¹⁰⁰ Подсунул не знакомых, так родню».

Мело, мело. Метель костры лизала,
Пигмеев сбив гигантски у огня.
Я жил тогда у Курского вокзала
И тут-то наконец его нагнал.

Я соблазнил его коробкой «Иры»
И затащил к себе, причем — курьез:
Он знал не хуже моего квартиру,
Где кто-то под его присмотром рос.

Он тут же мне назвал былых хозяев,
¹¹⁰ Которых я тогда же и забыл.
У нас был чад отчаянный. Оттаяв,
Все морщилось, размокши до стропил.

При самом входе, порох зря потратив,
Он сразу облегчил свой патронташ

И рассказал про двух каких-то братьев,
Припутав к братьям наш шестой этаж.

То были дни как раз таких коллизий.
Один был учредиловец, другой —
Красногвардеец первых тех дивизий,
¹²⁰ Что бились под Сарептой и Уфой.

Он был погублен чьею-то услугой.
Тут чей-то замешался произвол,
И кто-то вроде рока, вроде друга
Его под пулю чешскую подвел...

В квартиру нашу были, как в компотник,
Набуханы продукты разных сфер:
Швея, студент, ответственный работник,
Певица и смилившийся эсер.

Я знал, что эта женщина к партийцу.
¹³⁰ Партиец приходился ей родней.
Узнав, что он не скоро возвратится,
Она уселась с книжкой в проходной.

Она читала, заслонив коптилку,
Ложась на нас наплывом круглых плеч.
Полпотолка срезала тень затылка.
Нам надо было залу пересечь.

Мы шли, как вдруг: «Спекторский,
мы знакомы», —
Высокомерно раздалось нам вслед,
И, не готовый ни к чему такому,
¹⁴⁰ Я затесался третьим в tête-à-tête¹.

Бухтеева мой шеф по всей проформе,
О чем тогда я не мечтал ничуть.

¹ Разговор с глазу на глаз (*фр.*).

Перескажу, что помню, попроворней,
Тем более, что понял только суть.

Я помню ночь, и помню друга в краске,
И помню плоски утлый фитилек.
Он изгибался, точно ход развязки
Его по глади масла ветром влек.

Мне бросилось в глаза, с какой фриволью,
¹⁵⁰ Невольный вздрог улыбкой погася,
Она шутя обдернула револьвер
И в этом жесте выразилась вся.

Как явственней, чем полный вздох двурядки,
Вздыхнул у локтя кожаный рукав,
А взгляд, косой, лукавый взгляд бурятки,
Сказал без слов: «Мой друг, как ты плюгав!»

Присутствие мое их не смутило.
Я заперся, но мой дверной засов
Лишь удесятерил слепую силу
¹⁶⁰ Друг друга обгонявших голосов.

Был разговор о свинстве мнимых сфинксов,
О принципах и принцах, но весóm
Был только темный призывок материнства
В презреньи, в ласке, в жалости, во всем.

«Вы вспомнили рождественских застольников?.. —
Исламываясь радугой стыда,
Гремел вопрос. — Я дочь народовольцев.
Вы этого не поняли тогда?»

Он отвечал... «Но чтоб не быть уродкой, —
¹⁷⁰ Рвалось в ответ, — ведь надо ж чем-то быть?»
И вслед за тем: «Я родом — патриотка.
Каким другим оружием вас добить?..»

Уже мне начинало что-то сниться
(Я, видно, спал), как зазвенел звонок.
Я выбежал, дрожа, открыть партийцу
И бросился назад что было ног.

Но я прозяб, согреться было нечем,
Постельное тепло я упустил.
И тут лишь вспомнил я о происшедшем.
¹⁸⁰ Пока я спал, обоих след простыл.

1925–1930

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

1930—1932

ВОЛНЫ

Здесь будет все: пережитое
И то, чем я еще живу,
Мои стремленья и устои,
И виденное наяву.

Передо мною волны моря.
Их много. Им немислим счет.
Их тьма. Они шумят в миноре.
Прибой, как вафли, их печет.

Весь берег, как скотом, исшмыган.
¹⁰ Их тьма, их выгнал небосвод.
Он их гуртом пустил на выгон
И лег за горкой на живот.

Гуртом, сворачиваясь в трубки,
Во весь разгон моей тоски
Ко мне бегут мои поступки,
Испытанного гребешки.

Их тьма, им нет числа и сметы,
Их смысл досель еще не полн,
Но все их сменою одето,
²⁰ Как пенье моря пеной волн.

Здесь будет спор живых достоинств,
И их борьба, и их закат,
И то, чем дарит жаркий пояс
И чем умеренный богат.

И в тяжбе борющихся качеств
Займет по первенству куплет
За сверхъестественную зрячесть
Огромный берег Кобулет.

Обнявший, как поэт в работе,
³⁰ Что в жизни порознь видно двум, —
Одним концом — ночное Потти,
Другим — светающий Батум.

Умеющий, — так он всевидящ, —
Унять, как временную блажь,
Любое, с чем к нему ни выйдешь,
Огромный восьмиверстный пляж.

Огромный пляж из голых галек —
На все глядящий без пелен —
И зоркий, как глазной хрусталик,
⁴⁰ Незастекленный небосклон.

Мне хочется домой, в огромность
Квартиры, наводящей грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.

Перегородок тонкоробость
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.

Пусть пожизненность задачи,
⁵⁰ Врастающей в заветы дней,

Зовется жизнью сидячей, —
И по такой, грущу по ней.

Опять знакомостью напева
Пахну́т деревья и дома.
Опять направо и налево
Пойдет хозяйничать зима.

Опять к обеду на прогулке
Наступит темень, просто страсть.
Опять научит переулки
⁶⁰ Охулки на руки не класть.

Опять повалят с неба взятки,
Опять укроет к утру вихрь
Осин подследственных десятки
Сукном сугробов снеговых.

Опять опавшей⁹ сердца мышцей
Услышу и вложу в слова,
Как ты ползешь и как дымишься,
Встаешь и строишься, Москва.

И я приму тебя, как упряжь,
⁷⁰ Тех ради будущих безумств,
Что ты, как стих, меня зазубришь,
Как быль, запомнишь наизусть.

Здесь будет облик гор в покое,
Обман безмолвья: гул во рву;
Их тишь: стесненное, крутое
Волненье первых рандеву.

Светало. За Владикавказом
Чернело что-то. Тяжело
Шли тучи. Рассвело не разом.
⁸⁰ Светало, но не рассвело.

Верст на шесть чувствовалась тяжесть
Обвившей выси темноты,
Хоть некоторые, куражась,
Старались скинуть хомуты.

Каким-то сном несло оттуда.
Как в печку вмазанный казан,
Горшком отравленного блюда
Внутри дымился Дагестан.

Он к нам катил свои вершины
⁹⁰ И, — черный сверху до подошв —
Так и рвался принять машину
Не в лязг кинжалов, так под дождь.

В горах заваривалась каша.
За исполином исполин,
Один другого злей и краше,
Спирали выход из долин.

Зовите это как хотите,
Но всё кругом одевший лес
Бежал, как повести развитие,
¹⁰⁰ И признавал свой интерес.

Он брал не фауной фазаньей,
Не сказочной осанкой скал, —
Он сам пленял, как описание,
Он что-то знал и сообщал.

Он сам повествовал о плене
Вещей, вводимых не на час,
Он плыл отчетом поколений,
Служивших за сто лет до нас.

Шли дни, шли тучи, били зорю,
¹¹⁰ Седлали, повскакавши с тахт,

И — в горы рощами предгорья
И — вон из рощ, как этот тракт.

И сотни новых вслед за теми,
Тьмы крепостных и тьмы служак,
Тьмы ссыльных, — имена и семьи,
За родом род, за шагом шаг.

За годом год, за родом племя,
К горам во мгле, к горам под стать
Горянкам за чадрой в гареме,
¹²⁰ За родом род, за пядью пядь.

И в неизбывное насилие
Колонны, шедшие извне,
На той войне черту вносили,
Не виданную на войне.

Чем движим был поток их? Тем ли,
Что кто-то посылал их в бой?
Или, влюбляясь в эту землю,
Он дальше влёкся сам собой?

Страны не знали в Петербурге
¹³⁰ И, злясь, как на сноху свекровь,
Жалели сына в глупой бурке
За чертову его любовь.

Она вселяла гнев в отчизне,
Как ревность в матери, — но тут
Овладевали ей, как жизнью,
Или как женщину берут.

Вот чем лесные дебри брали,
Когда на рубеже их царств
Предупреждением о Дарьяле
¹⁴⁰ Со дна оврага вырос Ларс.

Все смолкло, сразу впав в немилость,
Все стало гулом: сосны, мгла...
Все громкой тишиной дымилось,
Как звон во все колокола.

Кругом толпились гор отроги,
И новые отроги гор
Входили молча по дороге
И уходили в коридор.

А в их толпе у парапета
¹⁵⁰ Из-за угла, как пешеход,
Прошедший на рассвете Млеты,
Показывался небосвод.

Он дальше шел. Он шел отселе,
Как всякий шел. Он шел из мглы
Удушливых ушей ущелья —
Верблюдом сквозь ушко иглы.

Он шел с котомкой по́ дну балки,
Где кости круч и облака
Торчат, как палки катафалка,
¹⁶⁰ И смотрят в клетку рудника.

На дне той клетки едким натром
Травится Терек, и руда
Орет пред всем амфитеатром
От боли, страха и стыда.

Он шел породой, бьющей настежь
Из преисподней на простор,
А эхо, как шоссейный мастер,
Сгребало в пропасть этот сор.

Уж замка тень росла из крика
¹⁷⁰ Обретших слово, а в горах,
Как мамкой пуганный зайка,
Мычал и таял Девдорах.

Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край.

И мы поймем, в сколь тонких дозах
С землей и небом входят в смесь
Успех и труд, и долг, и воздух,
¹⁸⁰ Чтоб вышел человек, как здесь.

Чтобы, сложившись средь бескормиц,
И поражений, и неволь,
Он стал образчиком, оформясь
Во что-то прочное, как соль.

Кавказ был весь как на ладони
И весь как смятая постель,
И лед голов синел бездонней
Тепла нагретых пропастей.

Туманный, не в своей тарелке,
¹⁹⁰ Он правильно, как автомат,
Вздыхал, как залпы перестрелки,
Злорадство ледяных громад.

И в эту красоту уставясь
Глазами бравших край бригад,
Какую ощутил я зависть
К наглядности таких преград!

О, если б нам подобный случай,
И из времен, как сквозь туман,
На нас смотрел такой же кручей
²⁰⁰ Наш день, наш генеральный план!

Передо мною днем и ночью
Шагала бы его пята,
Он мял бы дождь моих пророчеств
Подошвой своего хребта.

Ни с кем не надо было б грызться.
Не заподозренный никем,
Я вместо жизни виршеписца
Повел бы жизнь самих поэм.

Ты рядом, даль социализма.
²¹⁰ Ты скажешь — близь? — Средь тесноты,
Во имя жизни, где сошлись мы, —
Переправляй, но только ты.

Ты куришься сквозь дым теорий,
Страна вне сплетен и клевет,
Как выход в свет и выход к морю,
И выход в Грузию из Млет.

Ты — край, где женщины в Путивле
Зегзицами не плачут впредь,
И я всей правдой их счастливлю,
²²⁰ И ей не надо прочь смотреть.

Где дышат рядом эти обе,
А крючья страсти не скрипят
И не дают в остатке дробь
К беде родивших и ребят.

Где я не получаю сдачи
Разменным бытом с бытия,
Но значу только то, что трачу,
А трачу все, что знаю я.

Где голос, посланный вдогонку
²³⁰ Необоримой новизне,
Весельем моего ребенка
Из будущего вторит мне.

Здесь будет все: пережитое
В предвиденьи и наяву,

И те, которых я не стою,
И то, за что средь них слыву.

И в шуме этих категорий
Займут по первенству куплет
Леса аджарского предгорья
²⁴⁰ У взморья белых Кобулет.

Еще ты здесь, и мне сказали,
Где ты сейчас и будешь в пять,
Я б мог застать тебя в курзале,
Чем даром языком трепать.

Ты б слушала и молодеда,
Большая, смелая, своя,
О человеке у предела
От переростка муравья.

Есть в опыте больших поэтов
²⁵⁰ Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
²⁶⁰ Но сложное понятней им.

Октябрь, а солнце, что твой август,
И снег, ожегший первый холм,
Усугубляет тугоплавкость
Катящихся, как вафли, волн.

Когда он платиной из тигля
Просвечивает сквозь листву,
Чернее лиственницы иглы, —
И снег ли то по существу?

Он блещет снимком лунной ночи,
²⁷⁰ Рассматриваемой в обед,
И сообщает пошлость Сочи
Природе скромных Кобулет.

И все ж, то знак: зима при двéрях,
Почтим же лета эпилог.
Простимся с ним, пойдем на берег
И ноги окунем в белок.

Растет и крепнет ветра натиск,
Растут фигуры на ветру.
Растут и, кутаясь и пятясь,
²⁸⁰ Идут вдоль волн, как на смотру.

Обходят линию прибоя,
Уходят в пены перезвон,
И с ними, выгнувшись трубою,
Здоровается горизонт.

1931

БАЛЛАДА

Дрожат гара́жи автобазы,
Нет-нет, как кость, взблеснет костел.
Над парком падают топазы,
Слепых зарниц бурлит котел.
В саду — табак, на тротуаре —
Толпа, в толпе — гуденье пчел.
Разрывы туч, обрывки арий,
Недвижный Днепр, ночной Подол.

«Пришел», — летит от вяза к вязу,
¹⁰ И вдруг становится тяжел
Как бы достигший высшей фазы
Бессонный запах матиол.
«Пришел», — летит от пары к паре,
«Пришел», — стволу лепечет ствол.
Потоп зарниц, гроза в разгаре,
Недвижный Днепр, ночной Подол.

Удар, другой, пассаж, — и сразу
В шаров молочный ореол
Шопена траурная фраза
²⁰ Вплывает, как больной орел.
Под ним — угар араукарий,
Но глух, как будто что обрел,
Обрывы донизу обшаря,
Недвижный Днепр, ночной Подол.

Полет орла как ход рассказа.
В нем все соблазны южных смол
И все молитвы и экстазы
За сильный и за слабый пол.
³⁰ Полет — сказанье об Икаре.
Но тихо с круч ползет подзол,
И глух, как каторжник на Каре,
Недвижный Днепр, ночной Подол.

Вам в дар баллада эта, Гарри.
Воображенья производ
Не тронул строк о вашем даре:
Я видел все, что в них привел.
Запомню и не разбазарю:
Метель полночных матиол.
Концерт и парк на крутояре.
⁴⁰ Недвижный Днепр, ночной Подол.

1930

ВТОРАЯ БАЛЛАДА

На даче спят. В саду, до пят
Подветренном, кипят лохмотья.
Как флот в трехъярусном полете,
Деревьев паруса кипят.
Лопатами, как в листопад,
Гребут березы и осины.
На даче спят, укрывши спину,
Как только в раннем детстве спят.

Ревет фагот, гудит набат.
¹⁰ На даче спят под шум без плоти,
Под ровный шум на ровной ноте,
Под ветра яростный надсад.
Льет дождь, он хлынул с час назад.
Кипит деревьев парусина.
Льет дождь. На даче спят два сына,
Как только в раннем детстве спят.

Я просыпаюсь. Я объят
Открывшимся. Я на учете.
Я на земле, где вы живете,
²⁰ И ваши тополя кипят.
Льет дождь. Да будет так же свят,
Как их невинная лавина...
Но я уж сплю наполовину,
Как только в раннем детстве спят.

Льет дождь. Я вижу сон: я взят
Обратно в ад, где всё в комплоте,
И женщин в детстве мучат тети,
А в браке дети теребят.
Льет дождь. Мне снится: из ребят
³⁰ Я взят в науку к исполину,
И сплю под шум, месящий глину,
Как только в раннем детстве спят.

Светает. Мглистый банный чад,
Балкон плывет, как на плашкóте.
Как на плотах, — кустов щепоти
И в каплях потный тес оград.
(Я видел вас пять раз подряд.)

Спи, будь. Спи жизни ночью длинной.
Усни, баллада, спи, былина,
⁴⁰ Как только в раннем детстве спят.

1930

ЛЕТО

Ирпень — это память о людях и лете,
О воле, о бегстве из-под кабалы,
О хвое на зное, о сером левкое
И смене безветрия, вёдра и мглы.

О белой вербене, о терпком терпении
Смолы; о друзьях, для которых малы
Мои похвалы и мои восхваленья,
Мои славословья, мои похвалы.

Пронзительных иволог крик и явление
¹⁰ Китайкой и углем желтило стволы,
Но сосны не двигали игол от лени
И белкам и дятлам сдавали углы.

Сырели комоды, и смену погоды
Древесная квакша вещала с сучка,
И балка у входа ютила удода,
И, детям в угоду, запечье — сверчка.

В дни съезда шесть женщин топтали луга.
Лениво паслись облака в отдаленьи.
Смеркалось, и сумерек хитрый манёвр
²⁰ Сводил с полутьмою зажженный репейник,

С землею — саженные тени ирпенек
И с небом — пожар полосатых панёв.

Смеркалось, и, ставя простор на колени,
Загон горизонта смыкал полукруг.
Зарницы вздымали рога по-оленьи,
И с сена вставали и ели из рук
Подруг, по приходе домой, тем не мене
От жуликов дверь запиравших на крюк.

В конце, пред отъездом, ступая по кипе
³⁰ Листвы облетелой в жару бредовом,
Я с неба, как с губ, перетянутых сыпью,
Налет недомолвок сорвал рукавом.

И осень, дотоле вопившая выпью,
Прочистила горло; и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе —
На пире Платона во время чумы.

Откуда же эта печаль, Диотима?
Каким увереньем прервать забытье?
По улицам сердца из тьмы нелюдимой!
⁴⁰ Дверь настезь! За дружбу, спасенье мое!

И это ли происки Мэри-арфистки,
Что рока игрою ей под руки лег
И арфой шумит ураган аравийский,
Бессмертья, быть может, последний залог.

1930

СМЕРТЬ ПОЭТА

Не верили, — считали, — бредни,
Но узнавали: от двоих,
Троих, от всех. Равнялись в строку
Остановившегося срока

Дома чиновниц и купчих,
Дворы, деревья, и на них
Грачи, в чаду от солнцепека
Разгоряченно на грачих
Кричавшие, чтоб дуры впредь не
¹⁰ Совались в грех.

И как намедни
Был день. Как час назад. Как миг
Назад. Соседний двор, соседний
Забор, деревья, шум грачих.

Лишь был на лицах влажный сдвиг,
Как в складках порванного бредня.

Был день, безвредный день, безвредней
Десятка прежних дней твоих.
Толпились, выстроаясь в передней,
Как выстрел выстроил бы их.

²⁰ Как, сплющив, выплеснул из стока б
Лещей и щуку минный вспых
Шутих, заложенных в осоку.
Как вздох пластов нехолостых.

Ты спал, постлав постель на сплетне,
Спал и, оттрепетав, был тих, —
Красивый, двадцатидвухлетний,
Как предсказал твой тетраптих.

Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал, — со всех ног, со всех лодыг
³⁰ Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых.

Ты в них врезался тем заметней,
Что их одним прыжком достиг.
Твой выстрел был подобен Этне
В предгорьи трусов и трусих.

Друзья же изощрялись в спорах,
Забыв, что рядом — жизнь и я.

Ну что ж еще? Что ты припер их
К стене, и стер с земли, и страх
⁴⁰Твой порошок выдает за прах?

Но мрази только он и дорог.
На то и рассуждений ворох,
Чтоб не бежала за края
Большого случая струя,
Чрезмерно скорая для хворых.

Так пошлость свертывает в творог
Седые сливки бытия.

1930

* * *

Годами когда-нибудь в зале концертной
Мне Брамса сыграют, — тоской изойду.
Я вздрогну, я вспомню союз шестисердый,
Прогулки, купанье и клумбу в саду.

Художницы робкой, как сон, крутолобость,
С беззлобной улыбкой, улыбкой взахлеб,
Улыбкой, огромной и светлой, как глобус,
Художницы облик, улыбку и лоб.

Мне Брамса сыграют, — я вздрогну, я сдамся,
Я вспомню покупку припасов и круп,
Ступеньки террасы и комнат убранство,
И брата, и сына, и клумбу, и дуб.

Художница пачкала красками траву,
Роняла палитру, совала в халат
Набор рисовальный и пачки отравы,
Что «Басмой» зовутся и астму сулят.

Мне Брамса сыграют, — я сдамся, я вспомню
Упрямую заросль, и кровлю, и вход,
Балкон полутемный и комнат питомник,
Улыбку, и облик, и брови, и рот.

И сразу же буду слезами увлажен
И вымокну раньше, чем выплачусь я.
Горячая давность ударит из скважин,
Околицы, лица, друзья и семья.

И станут кружком на лужке интермеццо,
Руками, как дерево, песнь охватив,
Как тени, вертеться четыре семейства
Под чистый, как детство, немецкий мотив.

1931

* * *

Не волнуйся, не плачь, не труди
Сил иссякших и сердца не мучай.
Ты жива, ты во мне, ты в груди,
Как опора, как друг и как случай.

Верой в будущее не боюсь
Показаться тебе краснобаем.
Мы не жизнь, не душевный союз, —
Обоюдный обман обрубаем.

Из тифозной тоски тюфяков
Вон на воздух широт образцовый!
Он мне брат и рука. Он таков,
Что тебе, как письмо, адресован.

Надорви ж его ширь, как письмо,
С горизонтом вступи в переписку,
Победи изнуренья измор,
Заведи разговор по-альпийски.

И над блюдом баварских озер
С мозгом гор, точно кости мосластых,
Убедишься, что я не фразер
С заготовленной к месту подсласткой.

Добрый путь. Добрый путь. Наша связь,
Наша честь не под кровлею дома.
Как росток на свету распрямясь,
Ты посмотришь на все по-другому.

1931

* * *

Окно, пюпитр и, как овраги эхом, —
Полны ковры всем играным. В них есть
Невысказанность. Здесь могло с успехом
Сквозь исполнение авторство процвести.

Окно не на две створки *alla breve*¹,
Но шире — на три: в ритме трех вторых.
Окно и двор, и белые деревья,
И снег, и ветки, — свечи пятерик.

Окно, и ночь, и пульсом бьющий иней
В ветвях, — в узлах височных жил. Окно,
И синий лес висячих нотных линий,
И двор. Здесь жил мой друг. Давно-давно

Смотрел отсюда я за круг Сибири,
Но друг и сам был городом, как Омск
И Томск, — был кругом войн и перемирий
И кругом свойств, занятий и знакомств.

И часто-часто, ночь о нем продумав,
Я утра ждал у трех оконных створ.

¹ Кратко (*ит.*), укороченный счет $2/2$ (*муз.*).

И муторным концертом мертвых шумов
Копался в мерзлых внутренностях двор.

И мерил я полуторною мерой
Судьбы и жизни нашей недомер,
В душе ж, как в детстве, снова шел премьерой
Большого неба ветренный пример.

1931

* * *

Любить иных — тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь.
Все это — не большая хитрость.

1931

* * *

Всё снег да снег, — терпи и точка.
Скорей уж, право б, дождь прошел
И горькой тополевою почкой
Подруги сдобрил скромный стол.

Зубровкой сумрак бы закапал,
Укропу к супу б накрошил,
Бокалы — грохотом вокабул,
Латынью ливня оглушил.

Тупицу б двинул по затылку, —
Мы в ту пору б оглохли, но
Откупорили б, как бутылку,
Заплесневелое окно,

И гам ворвался б: «Ливень заслан
К чертям, куда Макар телят
Не ганивал...» И солнце маслом
Асфальта б залило салат.

А вскачь за тряскою четверкой
За безрессоркою Ильи, —
Мои телячьи бы восторги,
Телячьи б нежности твои.

1931

* * *

Мертвецкая мгла,
И с тумбами вровень
В канавах — тела
Утопленниц-кровель.

Оконницы служб
И охра покоев —
В покойницкой луж,
И лужи — рекою.

И в них извозцы,
И дрожек разводы,
И взят под уздцы
Битюг небосвода.

И капли в кустах,
И улица в тучах,
И щебеты птах,
И почки на сучьях.

И все они, все
Выходят со мною
Пустынным шоссе
На поле Ямское,

Где спят фонари
И даль, как чужая:
Ее снегири
Зарей оглушают.

Опять на гроши
Грунтами несмело
Творится в тиши
Великое дело.

1931

* * *

Платки, подборы, жгучий взгляд
Подснежников — не оторваться.
И грязи рыжий шоколад
Не выровнен по ватерпасу.

Но слякоть месит из лучей
Весну, и сонный стук каменьев,
И птичьи крики мнет ручей,
Как лепят пальцами пельмени.

Платки, оборки — благодать!
Проталин черная лакрица...
Сторицей дай Тебе воздать
И, как реке, вздохнуть и вскрыться.

Дай мне, превысив нивелир,
Благодарить Тебя до сипу
И сверху окуни свой мир,
Как в зеркало, в мое спасибо.

Толпу и тумбы опрокинь,
И желоба в слюне и пене,
И неба роговую синь,
И облаков пустые тени.

Слепого полдня желатин,
И желтые очки промоин,
И тонкие слюдинки льдин,
И кочки с черной бахромою.

1931

* * *

Любимая, — молвы слащавой,
Как угля, вездесуща гарь.
А ты — подспудной тайной славы
Засасывающий словарь.

А слава — почвенная тяга.
О, если б я прямей возник!
Но пусть и так, — не как бродяга,
Родным войду в родной язык.

Теперь не сверстники поэтов,
Вся ширь проселков, меж и лех
Рифмует с Лермонтовым лето
И с Пушкиным гусей и снег.

И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердьё,
Зарифмовали нас вдвоем.

Чтоб мы согласия сочетаньем
Застлали слух кому-нибудь
Всем тем, что сами пьем и тянем
И будем ртами трав тянуть.

1931

* * *

Красавица моя, вся статья,
Вся суть твоя мне по́ сердцу,
Вся рвется музыкою статья,
И вся на рифмы просится.

А в рифмах умирает рок,
И правдой входит в наш мирок
Миров разноголосица.

И рифма — не вторенье строк,
А гардеробный номерок,
Талон на место у колонн
В загробный гул корней и лон.

И в рифмах дышит та любовь,
Что тут с трудом выносится,
Перед которой хмурят бровь
И морщат переносицу.

И рифма не вторенье строк,
Но вход и пропуск за порог,
Чтоб сдать, как плащ за бляшкою,
Болезни тягость тяжкую,
Боязнь огласки и греха
За громкой бляшкою стиха.

Красавица моя, вся суть,
Вся статья твоя, красавица,
Спирает грудь и тянет в путь,
И тянет петь и — нравится.

Тебе молился Поликлет.
Твои законы изданы.
Твои законы в далях лет.
Ты мне знакома издавна.

1931

* * *

Кругом семенящейся ватой,
Подхваченной ветром с аллей,
Гуляет, как призрак разврата,
Пушистый ватин тополей.

А в комнате пахнет, как ночью
Болотной фиалкой. Бока
Опущенной шторы морочат
Доверье ночного цветка.

В квартире прохлада усадьбы.
¹⁰ Не жертвуя ей для бесед,
В разлуке с тобой и писать бы,
Внося пополнения в бюджет.

Но грусть одиноких мелодий
Как участь бульварных семян,
Как спущенной шторы бесплодь,
Вводящее фиалку в обман.

Ты стала настолько мне жизнью,
Что всё, что не к делу, — долой,
И вымыслов пить головизну
²⁰ Тошнит, как от рыбы гнилой.

И вот я вникаю на ощупь
В доподлинной повести тьму.
Зимой мы расширим жилплощадь,
Я комнату брата займу.

В ней шум уплотнителей глуше,
И слушаться будет жадней,
Как битыми днями баклуши
Бьют зимние тучи над ней.

1931

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,

И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но нежданно по портьере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

1931

* * *

Ты здесь, мы в воздухе одном.
Твое присутствие, как город,
Как тихий Киев за окном,
Который в зной лучей обернут,

Который спит, не опочив,
И сном борим, но не поборот,
Срывает с шеи кирпичи,
Как потный чесучовый ворот,

В котором, пропотев листвою
От взятых только что препятствий,
На побежденной мостовой
Устало тополя толпятся.

Ты вся, как мысль, что этот Днепр
В зеленой коже рвов и стежек,
Как жалобная книга недр
Для наших записей расхожих.

Твое присутствие, как зов
За полдень поскорей усесться
И, перечтя его с азов,
Вписать в него твое соседство.

1931

* * *

Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на лету,
Один прокладывает выход
Из верить в правоту.

Задворки с выломанным лазом,
Хибарки с паклей по бортам.
Два клена в ряд, за третьим, разом —
Соседней Рейтарской квартал.

Весь день внимают клены детям,
¹⁰ Когда ж мы ночью лампу жжем
И листья, как салфетки, метим,
Крошатся огненным дождем.

Тогда, насквозь проколобродив
Штыками белых пирамид,
В шатрах каштановых напротив
Из окон музыка гремит.

Гремит Шопен, из окон грянув,
А снизу, под его эффект
Прямя подсвечники каштанов,
²⁰ На звезды смотрит прошлый век.

Как бьют тогда в его сонате,
Качая маятник громад,
Часы разъездов и занятий,
И снов без смерти, и фермат!

Итак, опять из-под акаций
Под экипажи парижан?
Опять бежать и спотыкаться,
Как жизни тряский дилижанс?

Опять трубить, и гнать, и звякать,
³⁰ И, мякоть в кровь поря, — опять
Рождать рыданье, но не плакать,
Не умирать, не умирать?

Опять в сырую ночь в мальпосте
Проездом в гости из гостей
Подслушать пенье на погосте
Колес, и листьев, и костей.

В конце ж, как женщина, отпрянув
И чудом сдерживая прыть
Впотьмах приставших горлопанов,
⁴⁰ Распятым фортепьян застыть?

А век спустя, в самозащите
Задев за белые цветы,
Разбить о плиты общежитий
Плиту крылатой правоты.

Опять? И, посвятив соцветьям
Рояля гулкий ритуал,
Всем девятнадцатым столетьем
Упасть на старый тротуар.

1931

* * *

Вечерело. Повсюду ретиво
Рос орешник. Мы вышли на скат.
Нам открылась картина на диво.
Отдышась, мы взглянули назад.

По краям пропастей куролеса,
Там, как прежде, при нас, напролом
Совершало подъем мелколесье,
Попирая гнилой бурелом.

Там, как прежде, в фарфоровых гнездах
¹⁰ Колченого хромал телеграф,
И дышал и карабкался воздух,
Грабов головы кверху задрал.

Под прорешливой сенью орехов
Там, как прежде, в петливой красе
По заре вечеревшей проехав,
Колесило и рдело шоссе.

Каждый спуск и подъем что-то чуял,
Каждый столб вспоминал про разбой,
И, все тулово вытянув, буйвол
²⁰ Голым дьяволом плыл под арбой.

А вдали, где, как змеи на яйцах,
Тучи в кольца свивались, — грозней,
Чем былые набеги ногайцев,
Стлались цепи китайских теней.

То был ряд усыпальниц, в завесе
Заметенных снегами путей
За кулисы того поднебесья,
Где томился и мерк Прометей.

Как усопших представшие души,
³⁰ Были все ледники налицо.
Солнце тут же японскою тушью
Переписывало мертвецов.

И тогда, вчетвером на отвесе,
Как один, заглянули мы вниз.
Мельтеша, точно чернь на эфесе,
В глубине шевелился Тифлис.

Он так полно осмеивал сферу
Глазомера и все естество,
Что возник и остался химерой,
⁴⁰ Точно град не от мира сего.

Точно там, откупаяся данью,
Длился век, когда жизнь замерла
И горячие серные бани
Из-за гор воевал Тамерлан.

Будто вечер, как встарь, его вывел
На равнину под персов обстрел,
Он малиною кровель червивел
И, как древнее войско, пестрел.

1931

* * *

Пока мы по Кавказу лазаем,
И в задыхающей раме
Кура ползет атакой газовой
К Арагве, сдавленной горами,

И в августовский свод из мрамора,
Как обезглавленных гортани,
Заносят яблоки адамовы
Казненных замков очертанья,

Пока я голову заламываю,
Следя, как шеи укреплений
Плывут по синеве сиреневой
И тонут в бездне поколений,
Пока, сменяя рощи вязовые,
Курчавится лесная мелочь,
Что шепчешь ты, что мне подсказываешь, —
Кавказ, Кавказ, о что мне делать!

Объятье в тысячу охватов,
Чем обеспечен твой успех?
Здоровый глаз за веко спрятав,
Над чем смеешься ты, Казбек?

Когда от высей сердце ёкает
И гор колышутся кадила,
Ты думаешь, моя далекая,
Что чем-то мне не угодила.
И там, у Альп в дали Германии,
Где так же чокаются скалы,
Но отклики еще туманнее,
Ты думаешь, — ты оплошала?

Я брошен в жизнь, в потоке дней
Катящую потоки рода,
И мне кроить свою трудней,
Чем резать ножницами воду.

Не бойся снов, не мучься, брось.
Люблю и думаю и знаю.
Смотри: и рек не мыслит врозь
Существованья ткань сквозная.

1931

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1932

* * *

Когда я устаю от пустозвонства
Во все века вертевшихся льстецов,
Мне хочется, как сон при свете солнца,
Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо.

Незванная, она внесла, во-первых,
Во все, что случилось, вкус больших начал.
Я их не выбирал, и суть не в нервах,
Что я не жаждал, а предвосхищал.

И вот года строительного плана,
И вновь зима, и вот четвертый год.
Две женщины, как отблеск ламп Светлана,
Горят и светят средь его тягот.

Мы в будущем, твержу я им, как все, кто
Жил в эти дни. А если из калек,
То все равно: телегою проекта
Нас переехал новый человек.

Когда ж от смерти не спасет таблетка,
То тем свободней время поспешит
В ту даль, куда вторая пятилетка
Протягивает тезисы души.

Тогда не убивайтесь, не тужите,
Всей слабостью клянусь остаться в вас.
А сильными обещано изжитье
Последних язв, одолевавших нас.

1932

* * *

Стихи мои, бегом, бегом,
Мне в вас нужда, как никогда.
С бульвара за угол есть дом,
Где дней порвалась череда,
Где пуст уют и брошен труд
И плачут, думают и ждут.

Где пьют, как воду, горький бром
Полубессонниц, полудрем.
Есть дом, где хлеб как лебеда,
Есть дом, — так вот бегом туда.

Пусть вьюга с улиц улюлю, —
Вы — радугой по хрустально,
Вы — сном, вы — вестью: я вас шлю,
Я шлю вас, значит, я люблю.

О ссадины вокруг женских шей
От вешавшихся фетишей!
Как я их знаю, как постиг,
Я, вешающийся на них.

Всю жизнь я сдерживаю крик
О видимости их вериг,
Но их одолевает ложь
Чужих похолодевших лож,
И образ Синей Бороды
Сильнее, чем мои труды.

Наследье страшное мещан,
Их посещает по ночам
Несуществующий, как Вий,
Обидный призрак нелюбви,
И привиденьем искажен
Природный жребий лучших жен.

О, как она была смела,
Когда едва из-под крыла
Любимой матери, шутя,
Свой детский смех мне отдала,
Без прекословий и помех
Свой детский мир и детский смех,
Обид не знавшее дитя,
Свои заботы и дела.

1932

* * *

Еще не умолкнул упрек
И слезы звенели в укор,
С рассветом к тебе на порог
Нагрянуло новое горе.

Скончался большой музыкант,
Твой идол и родич, и этой
Утратой открылся закат
Уюта и авторитета.

Стояли, от слез охмелев,
¹⁰ И астр тяжеля переливы,
Белел алебастром рельеф
Одной головы горделивой.

Черты в две орлиных дуги
Несли на буксире квартиру,
Обрывки цветов, и шаги,
И приторный привкус эфира.

Твой обморок мира не внес
В качанье венков в одноколке,
И пар обмороженных слез
²⁰Пронзил нашатырной иглой.

И марш похоронный роптал,
И снег у ворот был раскидан,
И консерваторский портал
Гражданскою плыл панихидой.

Меж пальм и московских светил,
К которым ковровой дорожкой
Я тихо тебя подводил,
Играла огромная брошка.

Орган отливал серебром,
³⁰Немой, как в руках ювелира,
А издали слышался гром,
Катившийся из-за полмира.

Покоилась люстр тишина,
И в зареве их бездыханном
Играл не орган, а стена,
Украшенная органом.

Ворочая балки, как слон,
И освобождаясь от бревен,
Хорал выходил, как Самсон,
⁴⁰Из кладки, где был замурован.

Томившийся в ней поделом,
Но пущенный из заточенья,
Он песнею неся в пролом
О нашем с тобой обручении.

Как сборы на общий венок,
Плетни у заставы чернели.
Короткий морозный денек
Вечерней звенел ритуфелью.

Воспользовавшись темнотой,
⁵⁰ Нас кто-то догнал на моторе.
Дорога со всей прямою
Направилась на крематорий.

С заставы дул ветер, и снег,
Как на рубежах у Варшавы,
Садился на брови и мех
Снежинками смежной державы.

Озябнувшие москвичи
Шли полем, и вьюжная нежить
Уже выносила ключи
⁶⁰ К затворам последних убежищ.

Но он был любим. Ничего
Не может пропасть. Еще мене —
Семья и талант. От него
Остались броски сочинений.

Ты дома подымешь пюпитр,
И, только коснешься до клавиш,
Попытка тебя ослепит,
И ты ей все крылья расправишь.

И будет январь и луна,
⁷⁰ И окна с двойным позументом
Ветвей в серебре галуна,
И время пройдет незаметно.

А то, удивившись на миг,
Спохватишься ты на концерте,
Насколько скромней нас самих
Вседневное наше бессмертье.

1931

* * *

Весенний день тридцатого апреля
С рассвета отдается детворе.
Захваченный примеркой ожерелья,
Он еле управляется к заре.

Как горы мятой ягоды под марлей,
Всплывает город из-под кисей.
По улицам шеренгой куцых карлиц
Бульвары тянут сумерки свои.

Вечерний мир всегда бутон кануна.
У этого ж — особенный почин.
Он расцветет когда-нибудь коммуной
В скрещеньи многих майских годовщин.

Он долго будет днем переустройства,
Предпраздничных уборок и затей,
Как были до него березы Троицы
И, как до них, огни панатеней.

Всё так же будут бить песок размякший
И на иллюминированный карниз
Подтаскивать кумач и тес. Всё так же
По сборным пунктам развозить актрис.

И будут бодро по трое матросы
Гулять по скверам, огибая дерн.
И к ночи месяц в улицы вотрется,
Как мертвый город и остывший горн.

Но с каждой годовщиной все махровой
Тугой задаток розы будет цвeсть,
Все явственнее прибывать здоровье,
И все заметней искренность и честь.

Все встрепаннее, все многолепестней
Ложиться будут первого числа
Живые нравы, навыки и песни
В луга и пашни и на промысла.

Пока, как запах мокрых центифолий,
Не вырвется, не выразится вслух,
Не сможет не сказаться поневоле
Созревших лет перебродивший дух.

1931

* * *

Столетье с лишним — не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни.

Хотеть, в отличие от хлыща
В его существовании кратком,
Труда со всеми сообща
И заодно с правопорядком.

И тот же тотчас же тупик
При встрече с умственной ленью,
И те же выписки из книг,
И тех же эр сопоставленье.

Но лишь сейчас сказать пора,
Величьем дня сравненье разня:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Итак, вперед, не трепеща
И утешаясь параллелью,
Пока ты жив, и не моща,
И о тебе не пожалели.

1931

* * *

Весеннею порою льда
И слез, весной бездонной,
Весной бездонною, когда
В Москве — конец сезона,
Вода доходит в холода
По пояс небосклону,
Отходят рано поезда,
Пруды — желто-лимонны,
И провода, как провода,
¹⁰ Оттянуты в затоны.

Когда ручьи поют романс
О непролазной грязи,
И вечер явно не про нас
Таинственен и черномаз,
И неба безобразье —
Как речь сказителя из масс
И женщин до потопа,
Как обаянье без гримас
И отдых углекопа.

²⁰ Когда какой-то брод в груди,
И лошадю на броне
В нас что-то плачет: пощади,
Как площади отродье.
Но столько в лужах позади
Затопленных мелодий,
Что вставил вал, и заводи
Машину половодья.

Какой в нее мне вставить вал?
Весна моя, не сетуй.

³⁰ Печали час твоей совпал
С преображеньем света.
В краях заката стоял лед.
И по воде, оттаяв,
Гнездом сполоснутым плывет
Усадьба без хозяев.
Прощальных слез не осуша
И плакав вечер целый,
Уходит с Запада душа,
Ей нечего там делать.

⁴⁰ Она уходит, как весной
Лимонной желтизною
Закатной заводи лесной
Пускаются в ночное.
Она уходит в перегной
Потопа, как при Ное,
И ей не боязно одной
Бездонною весною.

Пред нею край, где в поясной
⁵⁰ Поклон не вгонят стона,
Из сердца девушки сенной
Не вырежут фестона.
Пред ней заря, пред ней и мной
Зарей желто-лимонной —
Простор, затопленный весной,
Весной, весной бездонной.

И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей,
И след поэта — только след
⁶⁰ Ее путей, не боле,
И так как я лишь ей задет
И ей у нас раздолье,
То весь я рад сойти на нет
В революционной воле.

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

1936—1944

ХУДОЖНИК

1

Мне по душе строптивый норов
Артиста в силе: он отвык
От фраз, и прячется от взоров,
И собственных стыдится книг.

Но всем известен этот облик.
Он миг для прятков прозевал.
Назад не повернуть оглобли,
Хотя б и затаясь в подвал.

Судьбы под землю не заямить.
Как быть? Неясная сперва,
При жизни переходит в память
Его признавшая молва.

Но кто ж он? На какой арене
Стяжал он поздний опыт свой?
С кем протекли его боренья?
С самим собой, с самим собой.

Как поселенье на Гольфштреме,
Он создан весь земным теплом.
В его залив вкатило время
Все, что ушло за волнолом.

Он жаждал воли и покоя,
А годы шли примерно так,
Как облака над мастерскою,
Где горбился его верстак.

Декабрь 1935

2

Как-то в сумерки Тифлиса
Я зимой занес стопу.
Пресловутую теплицу
Лихорадило в гриппу.

Рысью разбегались листья.
По пятам, как сенбернар,
Прыгал ветер в желтом плисе
Оголившихся чинар.

Постепенно все грубело.
¹⁰ Север, черный лежебок,
Вешал ветку изабеллы
Перед входом в погребок.

Быстро таял день короткий,
Кротко шел в щепотку снег.
От его сырой щекотки
Разбирал не к месту смех.

Я люблю их, грешным делом,
Стаи хлопьев, холод губ,
Небо в черном, землю в белом,
²⁰ Шапки, шубы, дым из труб.

Я люблю перед бураном
Присмирившие дворы,
Будто прятки по чуланам
Нашалившей детворы,

И летящих туч обрывки,
И снежинок канитель,
И щипцами для завивки
Их крутящую метель.

Но впервые здесь на юге
³⁰Средь порхания пурги
Я увидел в кольцах выюги
Угли вольтовой дуги.

Ах, с какой тоской звериной,
Трепеща, как стеарин,
Озаряли мандарины
Красным воском лед витрин!

Как на родине Миньоны
С гётевским: «Dahin! Dahin!»¹,
Полыхали лампионы
⁴⁰Субтропических долин.

И тогда с коробкой шляпной,
Как модистка синема,
Настигала нас внезапно
Настоящая зима.

Нас отбрасывала в детство
Белокурая копна
В черном котике кокетства
И почти из полусна.

1936

3

Скромный дом, но рюмка рому
И набросков черный грот.
И взамен камор — хоромы,
И на чердаке — чертог.

¹ «Туда! Туда!» (нем.)

От шагов и волн капота
И расспросов — ни следа.
В зарешеченном работой
Своде воздуха — слюда.

Голос, властный, как полюдье,
Плавит все наперечет.
В горловой его полуде
Ложек олово течет.

Что́ ему почет и слава,
Место в мире и молва
В миг, когда дыханьем сплава
В слово сплочены слова?

Он на это мебель стопит,
Дружбу, разум, совесть, быт.
На столе стакан не допит,
Век не дожит, свет забыт.

Слитки рифм, как воск гадальный,
Каждый миг меняют вид.
Он детей дыханье в спальней
Паром их благословит.

4

Он встает. Века. Гелаты.
Где-то факелы горят.
Кто провел за ним в палату
Островерхих шапок ряд?

И еще века. Другие.
Те, что после будут. Те,
В уши чьи, пока тугие,
Шепчет он в своей мечте.

— Жизнь моя средь вас — не очерк.
Этого хоть захлебнись.
Время пощадит мой почерк
От критических скребниц.

Разве въезд в эпоху заперт?
Пусть он крепость, пусть и храм,
Въеду на коне на паперть,
Лошадь осажу к дверям.

Не гусяр и не балакирь,
Лошадь взвил я на дыбы,
Чтоб тебя, военный лагерь,
Увидать с высот судьбы.

И, едва поводя тронув,
Порываюсь наугад
В широту твоих прогонов,
Что еще во тьме лежат.

Как гроза, в пути объемля
Жизнь и случай, смерть и страсть,
Ты пройдешь умы и земли,
Чтоб преданьем в вечность впасть.

Твой поход изменит местность.
Под чугун твоих подков,
Размывая бессловесность,
Хлынут волны языков.

Крыши городов дорогой,
Каждой хижины крыльцо,
Каждый тополь у порога
Будут знать тебя в лицо.

Зима 1936

БЕЗВРЕМЕННО УМЕРШЕМУ

Немые индивиды,
И небо, как в степи.
Не кайся, не завидуй, —
Покойся с миром, спи.

Как прусской пушке Берте
Не по зубам Париж,
Ты не узнаешь смерти,
Хоть через час сгоришь.

Эпохи революций
¹⁰ Возобновляют жизнь
Народа, где стрясутся,
В громах других отчизн.

Страницы века громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой книги кормчей
Живой курсивный шрифт.

Затем-то мы и тянем,
Что до скончанья дней
Идем вторым изданием,
²⁰ Душой и телом в ней.

Но тут нас не оставят.
Лет через пятьдесят,
Как ветка пустит паветвь,
Найдут и воскресят.

Побег не обезлиствел,
Зарубка зарастет.
Так вот — в самоубийстве ль
Спасенье и исход?

Деревьев первый иней
³⁰ Убористым сучьем
Вчерне твоей кончине
Достойно посвящен.

Кривые ветви ольшин —
Как реквием в стихах.
И это всё; и больше
Не скажешь впопыхах.

Теперь темнеет рано,
Но конный небосвод
С пяти несет охрану
⁴⁰ Окраин, рощ и вод.

Из комнаты с венками
Вечерний виден двор
И выезд звезд верхами
В сторожевой дозор.

Прощай. Нас всех рассудит
Невинность новичка.
Покойся. Спи. Да будет
Земля тебе легка.

1936

ИЗ ЛЕТНИХ ЗАПИСОК

Друзьям в Тифлисе

1

Не чувствую красот
В Крыму и на Ривьере,
Люблю речной осот,
Чертополоху верю. —

Бесславить бедный Юг
Считает пошлость долгом,
Он ей, как роем мух,
Засижен и оболган.

А между тем и тут
Сырую прелесть мира
Не вынесли на суд
Для нашего блезира.

2

Как кочегар, на бак
Поднявшись, отдыхает, —
Так по ночам табак
В грядах благоухает.

С земли гелиотроп
Передаёт свой запах
Рассолу флотских роб,
Развешанных на трапах.

В совхозе садовод
Ворочается чаще,
Глаза на небосвод
Из шалаша тараща.

Ночь в звездах, стих норд-ост,
И жерди палисадин
Моргают сквозь нарост
Зрачками виноградин.

Левкой и Млечный Путь
Одною лейкой полит.
И близостью чуть-чуть
Цветам глаза мозолит.

3

Счастлив, кто целиком,
Без тени чужеродья,
Всем детством — с бедняком,
Всей кровию — в народе.

Я в ряд их не попал,
Но и не ради форса
С шеренгой прихлебал
В родню чужую втерся.

Отчизна с малых лет
¹⁰ Влекла к такому гимну,
Что небу дела нет —
Была ль любовь взаимна.

Народ, как дом без кром,
И мы не замечаем,
Что этот свод шатром,
Как воздух, нескончаем.

Он — чащи глубина,
Где кем-то в детстве раннем
Давались имена
²⁰ Событиям и созданьям.

Ты без него ничто.
Он, как свое изделие,
Кладет под долото
Твои мечты и цели.

Чье сердце не рвалось
Ответною отдачей,
Когда он шел насквозь
Как знающий и зрячий?

Внося в инвентари
³⁰ Наследий хлам досужий,
Он нами изнутри
Нас освещал снаружи.

Он выжег фетиши,
Чтоб тем светлей и чище
По образу души
Возвесть векам жилище.

4

Дымились, встав от сна,
Пространства за Навтлугом,
Познания новизна
Была к моим услугам.

Откинув лучший план,
Я ехал с волокитой,
Дорога на Беслан
Была грозой размыта.

Откос пути размяк,
И вспухшая Арагва
Неслась, сорвав башмак
С болтающейся дратвой.

Я видел поутру
С мостá за старой мытней
Взбешенную Куру
С машиной стенобитной.

5

За прошлого порог
Не вносят произвола.
Давайте с первых строк
Обнимемся, Паоло!

Ни разу властью схем
Я близких не обидел,
В те дни вы были всем,
Что я любил и видел.

Входили ль мы в квартал
Оружья, кож и сёдел,
Везде ваш дух витал
И мною верховодил.

Уступами террас
Из выющихся глициний
Я мерил ваш рассказ
И слушал, рот разиня.

Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

6

Я видел, чем Тифлис
Удержан по откосам.
Я видел даль и близь
Кругом под абрикосом.

Он был во весь отвес,
Как книга, с фронтисписом,
На языке чудес
Кистями слив исписан.

По склонам цвел анис,
И, высясь пирамидой,
Смотрели сверху вниз
Сады горы Давида.

Я видел блеск светца
Меж кадок с олеандром
И видел ночь: чтеца
За старым фолиантом.

7

Я помню грязный двор.
Внизу был винный погреб,
А сверху на простор
Просился гор апокриф.

Собьются тучи в ком,
Глазами не осилишь,
А чрез туман гуськом
Бредет толпа страшилищ.

В колодках облаков,
Протягивая шляпы,
Обозы ледников
Плетутся по этапу.

Однако иногда
Пред комнатами дома
Кавказская гряда
Вставала по-другому.

На окна и балкон,
Где жарились оладьи,
Смотрел весь южный склон
В серебряном окладе.

Перила галерей
Прохватывало как бы
Морозом алтарей,
Пылавших за Арагвой.

Там реял дух земли,
Который в идеале
На небо возвели
И демоном назвали.

Объяття протянув
Из выюги многогодней,
Стучался в вечность туф
Руками преисподней.

8

Меня б не тронул рай
На вольном ветерочке.
Иным мне дорог край
Родившихся в сорочке.

Живут и у озер
Слепые и глухие,
У этих — фантазер
Стал пятою стихией.

Убогие арбы
И хижины без прясел
Он меткостью стрельбы
И шуткою украсил.

Когда во весь свой рост
Встает хребта громада,
Его застольный тост —
Венец ее наряда.

9

Чернее вечера́,
Заливистее ливни,
И песни овчара
С ночами заунывной.

В горах, средь табуна,
Холодной ночью лунной
Встречаешь чабана.
Он — как утес валунный.

Он — повесть ближних сел.
Поди, что хочешь вызнай.
Он кнут ременный сплел
Из лиц, имен и жизней.

Он знает: нет того,
Чтоб в единеньи силы
Народа торжество
В пути остановило.

10

Немолчный плеск солей.
Скалистое ущелье.
Стволы густых елей.
Садовый стол под елью.

На свежем шашлыке
Дыханье водопада,
Он тут, невдалеке,
На оглушенье саду.

На хлебе и жарком
Угар его обвала,
Как пламя кувырком
Упавшего шандала.

От говора ключей,
Сочащихся из скважин,
Тускнеет блеск свечей, —
Так этот воздух влажен.

Они висят во мгле
Сученой ниткой книзу,
Их шум прибит к скале,
Как канделябр к карнизу.

11

Еловый бурелом,
Обрыв тропы овечьей.
Нас много за столом,
Приборы, звезды, свечи.

Как пылкий дифирамб,
Все затмевая оптом,
Огнем садовых ламп
Тицьян Табидзе обдан.

Сейчас он речь начнет
И мыслью — на прицеле.
Он слово почерпнет
Из этого ущелья.

Он курит, подперев
Рукою подбородок,
Он строг, как барельеф,
И чист, как самородок.

Он плотен, он шатен,
Он смертен, и, однако,
Таким, как он, Роден
Изобразил Бальзака.

Он в глыбе поселен,
Чтоб в тысяче градаций
Из каменных пелен
Все явственней рождаться.

Свой непомерный дар
Едва, как свечку, тепла,
Он — пира перегар
В рассветном сером пепле.

12

На Грузии не счесть
Одѐж и оболочек.
На свете розы есть.
Я лепесткам не счетчик.

О роза, с синевой
Из радуг и алмазин,
Тягучий роспуск твой,
Как сна течение, связан.

На трубочке чуть свет
Следы ночной примерки.
Ты ярче всех ракет
В садовом фейерверке.

Чуть зной коснется губ,
Ты вся уже в эфире,
Зачатья пышный клуб,
Как пава, расфуфыря.

Но лето на кону,
И ты, не медля часу,
Роняешь всю копну
Обмякшего атласа.

Дивясь, как высь жутка,
А Терек дик и мутен,
За пазуху цветка
И я вползал, как трутень.

Лето 1936

ПЕРЕДЕЛКИНО

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

У нас весною до зари
Костры на огороде, —
Языческие алтари
На пире плодородья.

Перегорает целина
И парит спозаранку,
И вся земля раскалена,
Как жаркая лежанка.

Я за работой земляной
С себя рубашку скину,
И в спину мне ударит зной
И обожжет, как глину.

Я стану, где сильнее припек,
И там, глаза зажмуря,
Покроюсь с головы до ног
Горшечною глазурью.

А ночь войдет в мой мезонин
И, высунувшись в сени,
Меня наполнит, как кувшин,
Водою и сиренью.

Она отмоев верхний слой
С похолодевших стенок
И даст какой-нибудь одной
Из здешних уроженок.

И распутившийся побег
Потянется к свободе,
Устраиваясь на ночлег
На крашеном комодке.

1940, 1942

СОСНЫ

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.

Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся — и снова
Меняем позы и места.

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болей и эпидемий
И смерти освобождены.

С намеренным однообразием,
Как мазь, густая синева
Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава.

Мы делим отдых краснолесья,
Под копошенье мураша
Сосновою снотворной смесью
Лимона с ладаном дыша.

И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,
И мы так долго рук не вынем
Из-под заломленных голов,

И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится все время мне.

Там волны выше этих веток,
И, сваливаясь с валуна,
Обрушивают град креветок
Со взбаламученного дна.

А вечерами за буксиром
На пробках тянется заря
И отливает рыбьим жиром
И мглистой дымкой янтаря.

Смеркается, и постепенно
Луна хоронит все следы
Под белой магиею пены
И черной магией воды.

А волны всё шумней и выше,
И публика на поплавке
Толпится у столба с афишей,
Не различимой вдалеке.

1940

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Корыта и ушаты,
Нескладица с утра,
Дождливые закаты,
Сырые вечера,

Проглоченные слезы
Во вздохах темноты,
И зовы паровоза
С шестнадцатой версты.

И ранние потемки
В саду и на дворе,
И мелкие поломки,
И всё как в сентябре.

А днем простор осенний
Пронизывает вой
Тоскою голошенья
С погоста за рекой.

Когда рыданье вдовье
Относит за бугор,
Я с нею всею кровью
И вижу смерть в упор.

Я вижу из передней
В окно, как всякий год,
Своей поры последней
Отсроченный приход.

Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.

1941

ЗАЗИМКИ

Открыли дверь, и в кухню паром
Вкатился воздух со двора,
И всё мгновенно стало старым,
Как в детстве в те же вечера.

Сухая, тихая погода.
На улице, шагах в пяти,
Стоит, стыдясь, зима у входа
И не решается войти.

Зима, и всё опять впервые.
В седые дали ноября
Уходят ветлы, как слепые
Без палки и поводыря.

Во льду река и мерзлый тальник,
А поперек, на голый лед,
Как зеркало на подзеркальник,
Поставлен черный небосвод.

Пред ним стоит на перекрестке,
Который полузанесло,
Береза со звездой в прическе
И смотрится в его стекло.

Она подозревает втайне,
Что чудесами в решете
Полна зима на даче крайней,
Как у нее на высоте.

1944

ИНЕЙ

Глухая пора листопада.
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.

Пусть ветер, рябину занянчив,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.

Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет.

Все обледенело с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся росомой
Подсматривает с ветвей.

Ты дальше идешь с недоверьем.
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь инея сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаша видна.

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

1941

ГОРОД

Зима на кухне, пенье петьки,
Метели, вымерзшая клеть
Нам могут хуже горькой редьки
В конце концов осточертеть.

Из чаши к дому нет прохода,
Кругом сугробы, смерть и сон,
И кажется, не время года,
А гибель и конец времен.

Со скользких лестниц лед не сколот,
Колодец кольцами свело.
Каким магнитом в этот холод
Нас тянет в город и тепло!

Меж тем как, не преувелича,
Зимой в деревне нет житья,
Исполнен город безразличья
К несовершенствам бытия.

Он создал тысячи диговин
И может не бояться стуж.
Он сам, как призраки, духовен
Всей тьмой перебивавших душ.

Во всяком случае, поленьям
На станционном тупике
Он кажется таким виденьем
В ночном горящем далеке.

Я тоже чтил его подростком.
Его надменность льстила мне.
Он жизнь веков считал наброском,
Лежавшим до него вчерне.

Он звезды переобезьянил
Вечерней выставкою благ
И даже место неба занял
В моих ребяческих мечтах.

1940, 1942

ВАЛЬС С ЧЕРТОВЩИНОЙ

Только слышу польку вдали,
Кажется, вижу в замочную скважину:
Лампы задули, сдвинули стулья,
Пчелками кверху порх фитили,

Масок и ряженных движется улей.
Это за щелкой елку зажгли.

Великолепие выше сил
Туши, и сепии, и белил,
Синих, пунцовых и золотых
Львов и танцоров, львиц и франтих.
Реянье блузок, пенье дверей,
Рев карапузов, смех матерей,
Финики, книги, игры, нуга,
Иглы, ковриги, скачки, бега.

В этой зловещей сладкой тайге
Люди и вещи на равной ноге.
Этого бора вкусный цукат
К шапок разбору рвут нарасхват.
Душно от лакомств. Елка в поту
Клеем и лаком пьет темноту.

Все разметала, всем истекла,
Вся из металла и из стекла.
Искрится сало, брызжет смола
Звездами в залу и зеркала
И догорает дотла. Мгла.
Мало-помалу толпою усталой
Гости выходят из-за стола.

Шали, и боты, и башлыки.
Вечно куда-нибудь их занастаишь!
Ставни, ворота и дверь на крюки.
В верхнюю комнату форточку настежь.
Улицы зимней синий испуг.
Время пред третьими петухами.
И возникающий в форточной раме
Дух сквозняка, задувающий пламя,
Свечка за свечкой явственно вслух:
Фук. Фук. Фук. Фук.

1941

ВАЛЬС СО СЛЕЗОЙ

Как я люблю ее в первые дни
Только что из лесу или с метели!
Ветки неловкости не одолели.
Нитки ленивые, без суетни
Медленно переливая на теле,
Виснут серебряною канителью.
Пень под глухой пеленой простыни.

Озолотите ее, осчастливьте, —
И не смигнет, но стыдливая скромница
В фольге лиловой и синей финифти
Вам до скончания века запомнится.
Как я люблю ее в первые дни,
Всю в паутине или в тени!

Только в примерке звезды и флаги,
И в бонбоньерки не клали малаги.
Свечки не свечки, даже они
Штифтики грима, а не огни.
Это волнующаяся актриса
С самыми близкими в день бенефиса.
Как я люблю ее в первые дни
Перед кулисами в кучке родни!

Яблоне — яблоки, елочке — шишки.
Только не этой. Эта в покое.
Эта совсем не такого покроя.
Это — отмеченная избранница.
Вечер ее вековечно протянется.
Этой нисколько не страшно пословицы.
Ей небывалая участь готовится:
В золоте яблок, как к небу пророк,
Огненной гостьей взмыть в потолок.

Как я люблю ее в первые дни,
Когда о елке толки одни!

1941

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на́ шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор неся всей машиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двойкий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

1941

ОПЯТЬ ВЕСНА

Поезд ушел. Насыпь черна.
Где я дорогу впотьмах раздобуду?
Неузнаваемая сторона,
Хоть я и сутки только отсюда.
Замер на шпалах лязг чугуна.
Вдруг — что за новая, право, причуда:
Сутолка, кумушек пересуды.
Что их попутал за сатана?

Где я обрывки этих речей
Слышал уж как-то порой прошлогодней?
Ах, это сызнова, верно, сегодня
Вышел из рощи ночью ручей.
Это, как в прежние времена,
Сдвинула льдины и вздулась запруда.
Это поистине новое чудо,
Это, как прежде, снова весна.

Это она, это она,
Это ее чародейство и диво,
Это ее телогрейка за ивой,
Плечи, косынка, стан и спина.
Это Снегурка у края обрыва.
Это о ней из оврага со дна
Льется без умолку бред торопливый
Полубезумного болтуна.

Это пред ней, заливая преграды,
Тонет в чаду водяном быстрина,
Лампой висячего водопада
К круче с шипеньем пригвождена.
Это, зубами стуча от простуды,
Льется чрез край ледяная струя
В пруд и из пруда в другую посуду.
Речь половодья — бред бытия.

1941

ДРОЗДЫ

На захолустном полустанке
Обеденная тишина.
Безжизненно поют овсянки
В кустарнике у полотна.

Бескрайный, жаркий, как желанье,
Прямой проселочный простор.
Лиловый лес на заднем плане,
Седого облака вихор.

Лесной дорогою деревья
Заигрывают с пристяжной.
По углубленьям на корчевье
Фиалки, снег и перегной.

Наверное, из этих впадин
И пьют дрозды, когда взамен
Раззванивают слухи за день
Огнем и льдом своих колен.

Вот долгий слог, а вот короткий,
Вот жаркий, вот холодный душ.
Вот что выделяют глоткой,
Луженной лоском этих луж.

У них на кочках свой поселок,
Подглядыванье из-за штор,
Шушуканье в углах светелок
И целодневный таратор.

По их распахнутым покоям
Загадки в гласности снуют.
У них часы с дремучим боем,
Им ветви четверти поют.

Таков притон дроздов тенистый.
Они в неубранном бору
Живут, как жить должны артисты,
Я тоже с них пример беру.

1941

СТИХИ О ВОЙНЕ

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Всё переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.

Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.

Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.

Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

1941

БОБЫЛЬ

Грустно в нашем саду.
Он день óто дня краше.
В нем и в этом году
Жить бы полною чашей.

Но обитель свою
Разлюбил обитатель.
Он отправил семью,
И в краю неприятель.

И один, без жены,
Он весь день у соседей,

Точно с их стороны
Ждет вестей о победе.

А повадится в сад
И на пункт ополченский,
Так глядит на закат
В направлении к Смоленску.

Там в вечерней красе
Мимо Вязьмы и Гжатска
Протянулось шоссе
Пятитонкой солдатской.

Он еще не старик
И укор молодежи,
А его дробовик
Лет на двадцать моложе.

Июль 1941

ЗАСТАВА

Сядясь, как куры на насест,
Зарей заглядывают тени
Под вечереющий подъезд,
На кухню, в коридор и сени.

Приезжий видит у крыльца
Велосипед и две винтовки
И поправляет деревца
В пучке воздушной маскировки.

Он знает: этот мирный вид —
В обман вводящий пережиток.
Его попутчиц ослепит
Огонь восьми ночных зениток.

Деревья окружают блиндаж.
Войдут две женщины, робея,

И спросят, наш или не наш,
Ловя ворчанье из траншеи.

Украдкой, ежась, как в мороз,
Вернутся горожанки к дому
И позабудут бомбовоз
При зареве с аэродрома.

Они увидят, как патруль,
Меж тем как пламя кровель светит,
Крестом трассирующих пуль
Ночную нечисть в небе метит.

И вдруг взорвется небосвод,
И, догорая над поселком,
Чадящей плашкой упадет
Налетчик, сшибленный осколком.

1941

СМЕЛОСТЬ

Безымянные герои
Осажденных городов,
Я вас в сердце сердца скрою,
Ваша доблесть выше слов.

В круглосуточном обстреле,
Слыша смерти пережат,
Вы векам в глаза смотрели
С пригородных баррикад.

Вы ложились на дороге
И у взрытой колеи
Спрашивали о подмоге
И не слышно ль, где свои.

А потом, жуя краюху,
По истерзанным полям

Шли вы, не теряя духа,
К обгорелым флигелям.

Вы брались рукой умелой —
Не для лести и хвалы,
А с холодным знаньем дела —
За ружейные стволы.

И не только жажда мщения,
Но спокойный глаз стрелка,
Как картонные мишени,
Пробивал врагу бока.

Между тем слепое что-то,
Опьяняя и кружа,
Увлекало вас к пролету
Из глухого блиндажа.

Там в неистовстве наитья
Пела буря с двух сторон.
Ветер вам свистел в прикрытье:
Ты от пуль заворужен.

И тогда, чужие миру,
Не причислены к живым,
Вы являлись к командиру
С предложеньем боевым.

Вам казалось — все пустое!
Лучше, выиграв, уйти,
Чем бесславно сгнить в застое
Или скиснуть взаперти.

Так рождался победитель:
Вас над пропастью голов
Подвиг уносил в обитель
Громовержцев и орлов.

1941

СТАРЫЙ ПАРК

Мальчик маленький в кроватке,
Бури озверелый рев.
Каркающих стай девятки
Разлетаются с дерёв.

Раненому врач в халате
Промывал вчерашний шов.
Вдруг больной узнал в палате
Друга детства, дом отцов.

Вновь он в этом старом парке.
¹⁰ Заморозки по утрам,
И когда кладут припарки,
Плачут стекла первых рам.

Голос нынешнего века
И виденья той поры
Уживаются с опекой
Терпеливой медсестры.

По палате ходят люди.
Слышно хлопанье дверей.
Глухо ухают орудья
²⁰ Заозерных батарей.

Солнце низкое садится.
Вот оно в затон впилося
И оттуда длинной спицей
Протыкает даль насквозь.

И минуты две оттуда
В выбоины на дворе
Льются волны изумруда,
Как в волшебном фонаре.

Зверской боли крепнут схватки,
³⁰ Крепнет ветер, озверев,
И летят грачей девятки,
Черные девятки трэф.

Вихрь качает липы, скрючив,
Буря гнет их на корню,
И больной под стоны сучьев
Забывает про ступню.

Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон
И славянофил Самарин
⁴⁰ Послужил и погребен.

Здесь потомок декабриста,
Правнук русских героинь,
Бил ворон из монтекристо
И одолевал латынь.

Если только хватит силы,
Он, как дед, энтузиаст,
Прадеда-славянофила
Пересмотрит и издаст.

Сам же он напишет пьесу,
⁵⁰ Вдохновенную войной, —
Под немолчный ропот леса,
Лёжа, думает больной.

Там он жизни небывалой
Невообразимый ход
Языком провинциала
В строй и ясность приведет.

1941

ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
По прихоти неба капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.

Домишки в озерах очутятся.
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.

Обители севера строгого,
Накрытые небом, как крышей,
На вас, захолустные логова,
Написано: «Сим победиши».

Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и ли́станней,
Тем прелесть ее задушевней.

Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Россия волшебною книгою
Как бы на середке открыта.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Октябрь 1943

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Хмуρο тянется день непогожий.
Безутешно струятся ручьи
По крыльцу перед дверью прихожей
И в открытые окна мои.

За оградой вдоль по дороге
Затопляет общественный сад.
Развалившись, как звери в берлоге,
Облака в беспорядке лежат.

Мне в ненастьи мерещится книга
¹⁰ О земле и ее красоте.
Я рисую лесную шишигу
Для тебя на заглавном листе.

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году
Над снегами пустынного плеса,
²⁰ Где зимуют баркасы во льду.

Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой миллионершей
Средь голодающих сестер.

Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.

Всегда загадочны утраты.
³⁰ В бесплодных розысках в ответ
Я мучаюсь без результата:
У смерти очертаний нет.

Тут всё — полуслова и тени,
Обмолвки и самообман,
И только верой в воскресенье
Какой-то указатель дан.

Зима — как пышные поминки:
Наружу выйти из жилья,
Прибавить к сумеркам коринки,
⁴⁰ Облить вином — вот и кутя.

Пред домом яблоня в сугробе.
И город в снежной пелене —
Твое огромное надгробье
Как целый год казалось мне.

Лицом повернутая к Богу,
Ты тянешься к нему с земли,
Как в дни, когда тебе итога
Еще на ней не подвели.

1943

ЗАРЕВО

<Из неоконченной поэмы>

Вступление

1

Нас время ба́луется победами,
И вещи каждую минуту
Всё сказочнее и неведомей
В зеленом зареве салюта.

Все смотрят, как ракета, падая,
Ударится о мостовую,
За холостою канонадою
Припоминая боевую.

На улице светло, как в хра́мине,
¹⁰ И вид ее неузнаваем.
Мы от толпы в ракетном пламени
Горящих глаз не отрываем.

2

В пути из армии, нечаянно
На это зарево наехав,
Встречает кто-нибудь окраину
В блистании своих успехов.

Он сходит у опушки рощицы,
Где в черном кружеве, узорясь,
Ночное зарево полощется
²⁰ Сквозь веток реденькую прорезь.

И он сухой листвою шествует
На пункт поверочно-контрольный
Узнать, какую новость чествуют
Зарницами первопрестольной.

Там называют операцию,
Которой он и сам участник,
И он столбом иллюминации
Пленяется, как третьеклассник.

3

И вдруг его машина портится,
³⁰ Опять с педалями нет сладу.
Ругаясь, как казак на Хортице,
Он ходит, чтоб унять досаду.

И он отходит к ветлам, стелющим
Вдоль по́ лугу холсты тумана,
И остается перед зрелищем,
Прикованный красой неожиданной.

Болотной непроглядной гущею
Чернеют заросли заречья,
И город, яркий, как грядущее,
⁴⁰ Вздывается из тьмы навстречу.

4

Он думает: «Я в нем изведаю,
Что и не снилось мне доселе,
Что я купил в крови победою
И видел в смотровые щели.

Мы на словах не остановимся,
Но, точно в сновиденьи вещем,
Еще привольнее отстроимся
И лучше прежнего заблещем».

Пока мечтами горделивыми
⁵⁰ Он залетает в край бессонный,
Его протяжно, с перерывами,
Зовет с дороги рев клаксона.

Глава первая

1

В искатели благополучия
Писатель в старину не метил.
Его герой болел падучею,
Горел и был страданьем светел.

Мне думается, не прикрашивай
Мы самых безобидных мыслей,
Писали б, с позволенья вашего,
И мы, как Хемингуэй и Пристли.

Я тьму бумаги перепачкаю
¹⁰ И пропасть краски перемажу,
Покамест доберусь раскачкою
До истинного персонажа.

Зато без всякой аллегии
Он — зарево в моем заглавьи,
Стрелок, как в песнях Черногории,
И служит в младшем комсоставе.

2

Все было громко, неожиданно,
И спор горяч, и чувства пылки,
И все замолкло, все раскидано.
²⁰ Супруги спят. Блестят бутылки.

С ней вышел кто-то в куртке хромовой.
Она смутилась: «Ты, Володя?
Я только выпущу знакомого».
— А дети где? — «На огороде,

Я их тащу домой, — противятся».
— Кого ты это принимала?
«Делец. Приятель сослуживицы.
Достал мне соды и крахмалу.

Да, подвигам твоим пред родиной
³⁰ Здесь все наперечет дивятся.
Все говорят: звезда Володина
Уже не будет затмеваться.

Особенно с губою заячьей
Пристал как банный лист поганный:
— Вы заживете припеваючи...»
— Повесь мне полотенце в ванну.

3

Ничем душа не озадачена
Его дрожайшей половины.
Набит нехитрой всякой всячиной,
⁴⁰ Как прежде, ум ее невинный.

Обыкновенно напوماдится,
Табак, цыганщина и гости.
Как лямка, тяжкая нескладица,
И дети бедные в коросте.

А он не вор и не пропойца,
Был ранен, захватил трофеи...
И он, раздевшись, жадно моется
И мылит голову и шею.

4

Ах это своеволие Катино!

⁵⁰ Когда ни вспомнишь, перепалка
Из-за какой-нибудь пошлятины.
Уйти — детей несчастных жалко.

Детей несчастных и племянницу.
Остаться — обстановка давит.
Но если с ней он и расстанется,
Детей в беде он не оставит.

Он надышался смертью, порохом,
Борьбой, опасностями, риском,
И стал чужой мышинным шорохам
⁶⁰ И треснувшим горшкам и мискам.

Он не изменит жизни воина,
Бесстрашью братии бродячей,
Лесам, стоянке неустроенной,
Боям, поступкам наудачу!

А горизонты с перспективами!
А новизна народной роли!
А вдаль летящее прорывами
И победившее раздолье!

А час, пробивший пред неметчиной,
⁷⁰ И внятно — за́ морем и дома

Всем человечеством замеченный
Час векового перелома!

Ай время! Ай да мы! Подите-ка,
Считали: рохли, разгильдяи.
Да это ж сон, а не политика!
Вот вам и рохли. Поздравляю.

Большое море взбаламучено!
И видя, что белье закапал,
Он все не попадает в брючину
⁸⁰ И, крякнув, ставит ногу на пол.

5

«Дай мне уснуть. Не разговаривай.
Нельзя ли, право, понормальней».
Он видит сон. Лесное зарево
С горы заглядывает в спальню.

Он спит, и зубы сжаты в скрежете.
Он стонет. У него диáлог
С какой-то придорожной нежитью.
Его двойник смешон и жалок.

«Вам не до нас, такому соколу.
⁹⁰ В честь вас пускают фейерверки.
Хоть я все время терся около,
Нас не видать, мы недомерки.

Не пью и табаку не нюхаю,
Но, выпив на поминках тети,
Ползу домой чуть-чуть под мухою.
Прошу простить. Не подвезете?

Над рощей буквы трехаршинные
Зовут к далеким идеалам.
Вам что, вы со своей машиною,
¹⁰⁰ А пехтурою, пешедралом?

За полосатой перекладиной,
Где предъявляются бумаги,
Прогалина и дачка дядина.
Свой огород, грибы в овраге.

Мой дядя жертва беззакония,
Как все порядочные люди.
В лесу их целая колония,
А в чем ошибка правосудия?

У нас ни ведер, ни учебников,
¹¹⁰ А плохи прачки, педагоги.
С нас спрашивают, как с волшебников,
А разве служащие — боги?»

— Да, боги, боги, слякоть клейкая,
Да, либо боги, либо плесень.
Не пользуйся своей лазейкою,
Не пой мне больше старых песен.

Нытьем меня своим пресытили,
Ужасное однообразие.
Пройди при жизни в победители
¹²⁰ И волю ей диктуй в приказе.

Вертись, как бес перед заутреней,
Перед душою сердобольной,
Ты подменял мой голос внутренний.
Я больше не хочу. Довольно.

6

«Володя, ты покрыт испариной.
Ты стонешь. У тебя удушье?»
— Во сне мне новое подарено,
И это к лучшему, Катюша.

Давай не будем больше ссориться
¹³⁰ И вспомним, если в стенах этих

Оно когда-нибудь повторится,
О нашем будущем и детях. —

Из кухни вид. Оконце узкое
За занавескою в оборках,
И ходики, и утро русское
На русских городских задворках.

И золотая червоточина
На листьях осени горбатой,
И угол, бомбой развороченный,
¹⁴⁰ Где лазали его ребята.

Октябрь 1943

СМЕРТЬ САПЕРА

Мы время по часам заметили
И кверху поползли по склону.
Вот и обрыв. Мы без свидетелей
У края вражьей обороны.

Вот там она, и там, и тут она —
Везде, везде, до самой кручи.
Как паутиною опутана
Вся проволокою колючей.

Он наших мыслей не подслушивал
¹⁰ И не заглядывал нам в душу.
Он из конюшни вниз обрушивал
Свой бешеный огонь по Зуше.

Прожекторы, как ножки циркуля,
Лучом вонзались в коновязи.
Прямые попаданья фыркали
Фонтанами земли и грязи.

Но чем обстрел дымил багровее,
Тем равнодушнее к осколкам,

В спокойствии и хладнокровии
²⁰ Работали мы тихомолком.

Со мною были люди смелые.
Я знал, что в проволочной чаще
Проходы нужные проделаю
Для битвы, завтра предстоящей.

Вдруг одного сапера ранило.
Он отползал от вражьих линий,
Привстал, и дух от боли заняло,
И он упал в густой полыни.

Он приходил в себя урывками,
³⁰ Осматривался на пригорке
И щупал место под нашивками
На почерневшей гимнастерке.

И думал: глупость, оцарапали,
И он отвалит от Казани,
К жене и детям вверх к Сарапулю, —
И вновь и вновь терял сознание.

Всё в жизни может быть издержано,
Изведаны все положенья, —
Следы любви самоотверженной
⁴⁰ Не подлежат уничтоженью.

Хоть землю грыз от боли раненый,
Но столами не выдал братьев,
Врожденной стойкости крестьянина
И в обмороке не утратив.

Его живым успели вынести.
Час продышал он через силу.
Хотя за речкой почва глинистей,
Там вырыли ему могилу.

Когда, убитые потерей,
⁵⁰ К нему сошлись мы на прощанье,

Заговорила артиллерия
В две тысячи своих гортаней.

В часах задвигались колесики.
Проснулись рычаги и шкивы.
К проделанной покойным просеке
Шагнула армия прорыва.

Сражение хлынуло в пробоину
И выкатилось на равнину,
Как входит море в край застроенный,
⁶⁰ С разбега проломив плотину.

Пехота шла вперед маршрутами,
Как их располагал умерший.
Поздней немногими минутами
Противник дрогнул у Завершья.

Он оставлял снарядов штабели,
Котлы дымящегося супа,
Все, что обозные награбили,
Палатки, ящики и трупы.

Потом дорогою завещанной
⁷⁰ Прошло с победами все войско.
Края расширившейся трещины
У Криворожья и Пропойска.

Мы оттого теперь у Гомеля,
Что на поляне в полнолуние
Своей души не экономили
В пластунском деле накануне.

Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
⁸⁰ Своею жертвой путь прочертишь.

Декабрь 1943

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Мы настигали неприятеля.
Он отходил. И в те же числа,
Что мы бегущих колошматили,
Шли ливни и земля раскисла.

Когда нежданно в коноплянике
Показывались мы ватагой,
Их танки скатывались в панике
На дно размокшего оврага.

Мы матерились заковыристо,
Как полагалось в их притоне,
И, перебив их душ четыреста,
Бросались в новую погоню.

Везде встречали нас известия,
Как, всё растаптывая в мире,
Командовали эти бестии,
Насилюя и дебоширя.

От боли каждый, как ужаленный,
За ними устремлялся в гнев
Через горящие развалины
И падающие деревья.

Деревья падали, и в хворосте
Лесное пламя бесновалось.
От этой сумасшедшей скорости
Все в памяти перемешалось.

Своих грехов им прятать не во что.
И мы всегда припоминали
Подобранную в поле девочку,
Которой тешились каналы.

За след руки на мертвом личике
С кольцом на пальце безымянном
Должны нам заплатить обидчики
Сторицею и чистоганом.

В неистовстве как бы молитвенном
От трупa бедного ребенка
Летели мы по рвам и рытвинам
За душегубами вдогонку.

Тянулись тучи с промежутками,
И сами, грозные, как туча,
Мы с чертовней и прибаутками
Давили гнезда их гадючьи.

1944

РАЗВЕДЧИКИ

Синело небо. Было тихо.
Трещали на лугу кузнечики.
Нагнувшись, низкою гречихой
К деревне двигались разведчики.

Их было трое, откровенно
Отчаянных до молодечества,
Избавленных от пуль и плена
Молитвами в глуби отечества.

Деревня вражеским вертепом
¹⁰ Царила надо всей равниною.
Луга желтели курослепом,
Ромашками и пастью львиною.

В деревню ворвались нахрапом,
Как гости или коробейники.
Чтоб зверю лучше дать по лапам,
Поближе залегли в репейнике.

Вдали был сад, деревьев купы,
Толпились немцы белобрысы,
И под окном стояли группой
²⁰ Вкруг стойки с канцелярской крысою.

Всмотрясь и головы попрятав,
Разведчики, недолго думая,
Пошли садить из автоматов,
Уверенные и угрюмые.

Деревню пересуматошить
Трудов не стоило особенных.
Взвилась подстреленная лошадь,
Мелькнули мертвые в колдобинах.

И как взлетают арсеналы
³⁰ По мановенью рук подрывника,
Огню разведки отвечала
Вся огневая мощь противника.

Огонь дал пищу для засечек
На наших пунктах за равниною.
За этой пищею разведчик
И полз сюда, в гнездо осиное.

Давно шел бой. Он был так долог,
Что пропадало чувство времени.
Разрывы мин из шестистволок
⁴⁰ Забрасывали небо теменью.

Наверно, вечер. Скоро ужин.
В окопах дома щи с бараниной.
А их короткий век отслужен:
Они контужены и ранены.

Валили наземь басурмане
Зеленоглазые и карие.
Поволокли, как на аркане,
За палисадник в канцелярию.

Фуражки, морды, папиросы
⁵⁰ И роем мухи, как к покойнику.
Вдруг первый вызванный к допросу
Шагнул к ближайшему разбойнику.

Он дал ногой в подвздошье вору
И, выхвативши автомат его,
Очистил залпами контору
От этого жулья проклятого.

Как вдруг его сразила пуля.
Их снова окружили кучею.
Два остальных рукой махнули.
⁶⁰ Теперь им гибель неминуемая.

Вверху задвигались стропила,
Как бы в ответ их маловерию,
Над домом крышу расщепило
Снарядом нашей артиллерии.

Дом загорелся. В суматохе
Метнулись к выходу два пленника,
И вот они в чертополохе
Бегут задами по гуменнику.

По ним стреляют из-за клетки.
⁷⁰ Момент — и не было товарища.
И в поле выбегает третий
И трет глаза рукою шарящей.

Всё день еще, и даль объята
Пожаром солнца сумасшедшего.
Но он дивится не закату,
Закату удивляться нечего.

Садится солнце в курослепе,
И вот что, вот что не безделица:
В деревню входят наши цепи,
⁸⁰ И пыль от перебежек стелется.

Без памяти, забыв раненья,
Руками на бегу работая,
Бежит он на соединенье
С победоносною пехотою.

Январь 1944

НЕОГЛЯДНОСТЬ

Непобедимым — многолетье,
Прославившимся — исполать!
Раздолье жить на белом свете,
И без конца морская гладь.

И русская судьба безбрежней,
Чем может грезиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.

И на одноименной грани
¹⁰ Ее поэтов похвала,
Историков ее преданья
И армии ее дела.

И блеск ее морского флота,
И русских сказок закрома,
И гении ее полета,
И небо, и она сама.

И вот на эту ширь раздолья
Глядят из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
²⁰ И в медальоне — Ушаков.

Вся жизнь их — подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,
Сверкают темой для романа
И дали чести образец.

Их жизнь не промелькнула мимо,
Не затерялась вдалеке.
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

Они живут свежо и пылко,
³⁰ Распорядительны без слов,
И чувствуют родную жилку
В горячке гордых парусов.

На боевой морской арене
Они из дымовых завес
Стрелой бросаются в сраженье
Противнику наперерез.

Бегут в расстройстве стаи турок.
За ночью следует рассвет.
На рейде тлеет, как окурок,
⁴⁰ Турецкий тонущий корвет.

И, все препятствия осилив,
Ширяет флагманский фрегат,
Размахом вытянутых крыльев
Уже не ведая преград.

Март 1944

В НИЗОВЬЯХ

Илистых плавней желтый янтарь,
Блеск чернозема.
Жители чинят снасть, инвентарь,
Лодки, паромы.

В этих низовьях ночи — восторг,
Светлые зори.
Пеной по отмели шорх-шорх
Черное море.

Птица в болотах, по рекам — налим,
Уймища раков.
В том направлении берегом — Крым,
В этом — Очаков.

За Николаевом книзу — лиман.
Вдоль поднебесья
Степью на запад — зыбь и туман.
Это к Одессе.

Было ли это? Какой это стиль?
Где эти годы?
Можно ль вернуть эту жизнь, эту быть,
Эту свободу?

Ах, как сучает по пахоте плуг,
Пашня — по плугу,
Море — по Бугу, по северу — юг,
Все — друг по другу!

Миг долгожданный уже на виду,
За поворотом.
Дали предчувствуют. В этом году —
Слово за флотом.

1944

ОЖИВШАЯ ФРЕСКА

Как прежде падали снаряды.
Высокое, как в дальнем плаваньи,
Ночное небо Сталинграда
Качалось в штукатурном саване.

Земля гудела, как молебен
Об отвращеньи бомбы воющей,
Кадильницею дым и щебень
Выбрасывая из побоища.

Когда урывками, меж схваток,
¹⁰ Он под огнем своих проводывал,
Необъяснимый отпечаток
Привычности его преследовал.

Где мог он видеть этот ежик
Домов с бездонными проломами?
Свидетельства былых бомбежек
Казались сказочно знакомыми.

Что означала в черной раме
Четырехпалая отметина?
Кого напоминало пламя
²⁰ И выломанные паркетины?

И вдруг он вспомнил детство, детство,
И монастырский сад, и грешников,
И с общиною по соседству
Свист соловьев и пересмешников.

Он мать сжимал рукой сыновней,
И от копья архистратига ли
На темной росписи часовни
В такие ямы черти прыгали.

И мальчик облекался в латы,
³⁰ За мать в воображеньи ратуя,
И налетал на супостата
С такой же свастикой хвостатою.

А дальше в конном поединке
Сиял над змеем лик Георгия.
И на пруду цвели кувшинки,
И птиц безумствовали оргии.

И родина, как голос пуши,
Как зов в лесу и грохот отзыва,
Манила музыкой зовущей
⁴⁰ И пахла почкою березовой.

О, как он вспомнил те полянки
Теперь, когда судьбы иронией
Он топчет вражеские танки
С их грозной чешуей драконьею!

Он перешел земли границы,
И будущность, как ширь небесная,
Уже бушует, а не снится,
Приблизившаяся, чудесная.

Март 1944

ПОБЕДИТЕЛЬ

Вы помните еще ту сухость в горле,
Когда, бряцая голой силой зла,
Навстречу нам горланили и перли
И осень шагом испытаний шла?

Но правота была такой оградой,
Которой уступал любой доспех.
Все воплотила участь Ленинграда.
Стеной стоял он на глазах у всех.

И вот пришло заветное мгновенье:
Он разорвал осадное кольцо.
И целый мир, столпившись в отдалении,
В восторге смотрит на его лицо.

Как он велик! Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд его звено!
Все, что возможно на земле и в небе,
Им вынесено и совершено.

Январь 1944

ВЕСНА

Всё нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыхание родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.

Апрель 1944

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

1956—1959

Un livre est un grand cimetière
où sur la plupart des tombes on ne
peut plus lire les noms effacés.

*Marcel Proust*¹

* * *

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

¹ Книга — это большое кладбище, где на многих плитах
уж не прочесть стершиеся имена. *Марсель Пруст (фр.)*.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

1956

* * *

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

1956

ДУША

Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.

Тела их бальзамируя,
Им посвящая стих,
Рыдающею лирою
Оплакивая их,

Ты в наше время шкурное
За совесть и за страх
Стоишь могильной урной,
Покоющей их прах.

Их муки совокупные
Тебя склонили ниц.
Ты пахнешь пылью трупною
Мертвецких и гробниц.

Душа моя, скудельница,
Всё виденное здесь,
Перемолов, как мельница,
Ты превратила в смесь.

И дальше перемалывай
Всё бывшее со мной,
Как сорок лет без малого,
В погостный перегной.

1956

ЕВА

Стоят деревья у воды,
И полдень с берега крутого
Закинул облака в пруды,
Как переметы рыболова.

Как невод, тонет небосвод,
И в это небо, точно в сети,
Толпа купальщиков плывет —
Мужчины, женщины и дети.

Пять-шесть купальщиц в лозняке
Выходят на́ берег без шума
И выжимают на песке
Свои купальные костюмы.

И наподобие ужей
Ползут и вьются кольца пряжи,
Как будто искуситель-змея
Скрывался в мокром трикотаже.

О женщина, твой вид и взгляд
Ничуть меня в тупик не ставят.
Ты вся — как горла перехват,
Когда его волнение сдавит.

Ты создана как бы вчерне,
Как строчка из другого цикла,
Как будто не шутя во сне
Из моего ребра возникла.

И тотчас вырвалась из рук
И выскользнула из объятий,
Сама — смятение и испуг
И сердца мужеского сжатие.

1956

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запру я твою красоту
В темном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.

Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав по-турецки.
Всё равно, на свету, в темноте,
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Замечтавшись, ты нижешь на шнур
Горсть на платье скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой безыскусен.

Пóшло слово любовь, ты права.
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь,
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну так что же глаза ты печалишь?

1956

ПЕРЕМЕНА

Я льнул когда-то к беднякам
Не из возвышенного взгляда,
А потому, что только там
Шла жизнь без помпы и парада.

Хотя я с барством был знаком
И с публикою деликатной,
Я дармоедству был врагом
И другом голи перекатной.

И я старался дружбу свести
С людьми из трудового званья,
За что и делали мне честь,
Меня считая тоже рванью.

Был осязателен без фраз,
Вещественен, телесен, весок
Уклад подвалов без прикрас
И чердаков без занавесок.

И я испортился с тех пор,
Как времени коснулась порча,
И горе возвели в позор,
Мещан и оптимистов корча.

Всем тем, кому я доверял,
Я с давних пор уже не верен.
Я человека потерял
С тех пор, как всеми он потерян...

1956

ВЕСНА В ЛЕСУ

Отчаянные холода
Задерживают таянье.
Весна позднее, чем всегда,
Но и зато нечаянней.

С утра амуруется петух,
И нет прохода курице.
Лицом поворотясь на юг,
Сосна на солнце жмурится.

Хотя и парит и печет,
Еще недели целые
Дороги сковывает лед
Корою почернелою.

В лесу еловый мусор, хлам,
И снегом все завалено.
Водою с солнцем пополам
Затоплены проталины.

И небо в тучах как в пуху
Над грязной вешней жижицей
Застряло в сучьях наверху
И от жары не движется.

1956

ИЮЛЬ

По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате кра́дется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтерши,
Вбегают в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.

Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.

Июль, таскающий в оде́же
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна вхожий,
Все громко говорящий вслух.

Степной нечесаный растреп,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

1956

ПО ГРИБЫ

Плетемся по грибы.
Шоссе. Леса. Канавы.
Дорожные столбы
Налево и направо.

С широкого шоссе
Идем во тьму лесную.
По щиколку в росе
Плутаем врассыпную.

А солнце под кусты
На грузди и волнушки
Чрез дебри темноты
Бросает свет с опушки.

Гриб прячется за пенъ,
На пенъ садится птица.
Нам вехой — наша тень,
Чтобы с пути не сбиться.

Но время в сентябре
Отмерено так куцо:
Едва ль до нас заре
Сквозь чащу дотянуться.

Набиты кузовки,
Наполнены корзины.
Одни боровики
У доброй половины.

Уходим. За спиной —
Стеною лес недвижный,
Где день в красе земной
Сгорел скоропостижно.

1956

ТИШИНА

Пронизан солнцем лес насквозь.
Лучи стоят столбами пыли.
Отсюда, уверяют, лось
Выходит на дорог развилье.

В лесу молчанье, тишина,
Как будто жизнь в глухой лощине
Не солнцем заморожена,
А по совсем другой причине.

Действительно, невдалеке
Средь заросли стоит лосиха.
Пред ней деревья в столбняке.
Вот отчего в лесу так тихо.

Лосиха ест лесной подсед,
Хрустя обглаживает молодь.
Задевши за ее хребет,
Болтается на ветке желудь.

Иван-да-марья, зверобой,
Ромашка, иван-чай, татарник,
Опутанные ворожбой,
Глазеют, обступив кустарник.

Во всем лесу один ручей
В овраге, полном благозвучья,
Твердит то тише, то звончей
Про этот небывалый случай.

Звения на всю лесную падь
И оглашая лесосеку,
Он что-то хочет рассказать
Почти словами человека.

1957

СТОГА

Снуют пунцовые стрекозы,
Летят шмели во все концы.
Колхозницы смеются с возу,
Проходят с косами косцы.

Пока хорошая погода,
Гребут и ворошат корма
И складывают до захода
В стога, величиной с дома.

Сток принимает на закате
Вид постоянного двора,
Где ночь ложится на полати
В накошенные клевера.

К утру, когда потемки реже,
Сток высится, как сеновал,
В котором месяц мимоезжий,
Зарывшись, переночевал.

Чем свет телега за телегой
Лугами катятся впотьмах.
Наставший день встает с ночлега
С трухой и сеном в волосах.

А в полдень вновь синеют выси,
Опять стога как облака,
Опять, как водка на анисе,
Земля душиста и крепка.

1957

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

Ворота с полукруглой аркой.
Холмы, луга, леса, овсы.
В ограде — мрак и холод парка
И дом невиданной красы.

Там липы в несколько обхватов
Справляют в сумраке аллей,
Вершины друг за друга спрятав,
Свой двухсотлетний юбилей.

Они смыкают сверху своды.
Внизу — лужайка и цветник,
Который правильные ходы
Пересекают напрямик.

Под липами, как в подземельи,
Ни светлой точки на песке,
И лишь отверстием туннеля
Светлеет выход вдалеке.

Но вот приходят дни цветенья,
И липы в поясе оград
Разбрасывают вместе с тенью
Неотразимый аромат.

Гуляющие в летних шляпах
Вдыхают, кто бы ни прошел,
Непостижимый этот запах,
Доступный пониманью пчел.

Он составляет в эти миги,
Когда он за́ сердце берет,
Предмет и содержание книги,
А парк и клумбы — переплет.

На старом дереве громоздком,
Завешивая сверху дом,
Горят, закапанные воском,
Цветы, зажженные дождем.

1957

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

Большое озеро как блюдо.
За ним — скопление облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

По мере смены освещения
И лес меняет колорит.
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоты покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!

Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья, отстою.

1956

ХЛЕБ

Ты выводы копишь полвека,
Но их не заносишь в тетрадь,
И если ты сам не калека,
То должен был что-то понять.

Ты понял блаженство занятий,
Удачи закон и секрет.
Ты понял, что праздность — проклятье
И счастья без подвига нет.

Что ждет алтарей, откровений,
Героев и богатырей
Дремучее царство растений,
Могучее царство зверей.

Что первым таким откровеньем
Остался в сцепленьи судеб
Прапращуром в дар поколениям
Взращенный столетьями хлеб.

Что поле во ржи и пшенице
Не только зовет к молотье,
Но некогда эту страницу
Твой предок вписал о тебе.

Что это и есть его слово,
Его небывалый почин
Средь круговращения земного,
Рождений, скорбей и кончин.

1956

ОСЕННИЙ ЛЕС

Осенний лес заволосател.
В нем тень, и сон, и тишина.
Ни белка, ни сова, ни дятел
Его не будят ото сна.

И солнце, по тропам осенним
В него входя на склоне дня,
Кругом косится с опасеньем,
Не скрыта ли в нем западня.

В нем топи, кочки и осины,
И мхи, и заросли ольхи,
И где-то за лесной трясинной
Поют в селенье петухи.

Петух свой окрик прогорланит,
И вот он вновь надолго смолк,
Как будто он раздумьем занят,
Какой в запевке этой толк.

Но где-то в дальнем закоулке
Прокукарекает сосед.
Как часовой из караулки,
Петух откликнется в ответ.

Он отзовется словно эхо.
И вот, за петухом петух,
Отметят глоткою, как вехой,
Восток и запад, север, юг.

По петушиной перекличке
Расступится к опушке лес
И вновь увидит с непривычки
Поля, и даль, и синь небес.

1956

ЗАМОРОЗКИ

Холодным утром солнце в дымке
Стоит столбом огня в дыму.
Я тоже, как на скверном снимке,
Совсем неотличим ему.

Пока оно из мглы не выйдет,
Блеснув за прудом на лугу,
Меня деревья плохо видят
На отдаленном берегу.

Прохожий узнается позже,
Чем он пройдет, нырнув в туман.
Мороз покрыт гусиной кожей,
И воздух лжив, как слой румян.

Идешь по инею дорожки,
Как по настилу из рогож.
Земле дышать ботвой картошки
И стынуть больше нестерпимеж.

1956

НОЧНОЙ ВЕТЕР

Стихли песни и пьяный галдеж,
Завтра надо вставать спозаранок.
В избах гаснут огни. Молодежь
Разошлась по домам с погулянок.

Только ветер бредет наугад
Всё по той же заросшей тропинке,
По которой с толпою ребят
Восвояси он шел с вечеринки.

Он за дверью поник головой.
Он не любит ночных катавасий.
Он бы кончить хотел мировой
В споре с ночью свои несогласья.

Перед ними — заборы садов.
Оба спорят, не могут уняться.
За разборами их неладов
На дороге деревья толпятся.

1957

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера.

Как на выставке картин:
Залы, залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин
В позолоте небывалой.

Липы обруч золотой —
Как венец на новобрачной.
Лик березы — под фатой
Подвенечной и прозрачной.

Погребенная земля
Под листвой в канавах, ямах.
В желтых кленах флигеля,
Словно в золоченых рамах.

Где деревья в сентябре
На заре стоят попарно,
И закат на их коре
Оставляет след янтарный.

Где нельзя ступить в овраг,
Чтоб не стало всем известно:
Так бушует, что ни шаг,
Под ногами лист древесный.

Где звучит в конце аллеи
Эхо у крутого спуска
И зари вишневый клей
Застывает в виде сгустка.

Осень. Древний уголок
Старых книг, одежд, оружия,
Где сокровищ каталог
Перелистывает стужа.

1956

НЕНАСТЬЕ

Дождь дороги заболотил.
Ветер режет их стекло.
Он платок срывает с ветел
И стрижет их наголо.

Листья шлепаются оземь.
Едут люди с похорон.
Потный трактор пашет озимь
В восемь дисковых борон.

Черной вспаханною зябью
Листья залетают в пруд
И по возмущенной ряби
Кораблями в ряд плывут.

Брызжет дождик через сито.
Крепнет холода напор.
Точно все стыдом покрыто,
Точно в осени — позор.

Точно срам и поруганье
В стаях листьев и ворон,
И дожде, и урагане,
Хлещущих со всех сторон.

1956

ТРАВА И КАМНИ

С действительностью иллюзию,
С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это обеих роднит.

Как будто весной в Благовещенье
Им милости возвещены
Землей — в каждой каменной трещине,
Травой — из-под каждой стены.

И те обещанья подхвачены
Природой, трудами их рук,
Искусствами, всякою всячиной,
Развитьем ремесл и наук.

Побегами жизни и зелени,
Развалинами старины,
Землей в каждой мелкой расселине,
Травой из-под каждой стены.

Следами усердья и праздности,
Беседой, бьющей ключом,
Речами про разные разности,
Пустой болтовней ни о чем.

Пшеницей в полях выше сáжени,
Сходящейся над головой,
Землей — в каждой каменной скважине,
Травой — в половице кривой.

Душистой густой повиликою,
Столетиями, вверх по кусту,
Обвившей бывшее великое
И будущего красоту.

Сиренью, двойными оттенками
Лиловых и белых кистей,
Пестреющей между простенками
Осыпавшихся крепостей.

Где люди в родстве со стихиями,
Стихии в соседстве с людьми,
Земля — в каждом каменном выеме,
Трава — перед всеми дверьми.

Где с гордою лирой Мицкевича
Таинственно слился язык
Грузинских цариц и царевичей
Из девичьих и базилик.

1956

НОЧЬ

Идет без проволóчек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

1956

ВЕТЕР

(Четыре отрывка о Блоке)

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, —
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

Не знал бы никто, может статься,
В почете ли Пушкин иль нет,
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет.

Но Блок, слава Богу, иная,
¹⁰ Иная, по счастью, статья.
Он к нам не спускался с Синая,
Нас не принимал в сыновья.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем.

Он ветрен, как ветер. Как ветер,
Шумевший в имении в дни,
Как там еще Филька-фалетер¹
²⁰ Скакал в голове шестерни.

И жил еще дед-якобинец,
Кристалльной души радикал,
От коего ни на мизинец
И ветреник внук не отстал.

¹ Фореитор в старом народном произношении. (Прим.
Б. Пастернака.)

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет.

Тот ветер повсюду. Он — дома,
³⁰ В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти, везде.

Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг,
Пора сенокоса, толока,
Страда, суматоха вокруг,
Косцам у речного протока
Заглядываться недосуг.

Косьба разохотила Блока,
⁴⁰ Схватил косовище барчук.
Ежа чуть не ранил с наскоку,
Косой полоснул двух гадюк.

Но он не доделал урока.
Упреки: лентяй, лежебока!
О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!

А к вечеру тучи с востока.
Обложены север и юг.
И ветер жестокий не к сроку
⁵⁰ Влетает и режется вдруг
О косы косцов, об осоку,
Резучую гушу излук.

О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!
Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.

Зловещ горизонт и внезапен,
И в кровоподтеках заря,
Как след незаживших царапин
⁶⁰ И кровь на ногах косаря.

Нет счета небесным порезам,
Предвестникам бурь и невзгод,
И пахнет водой и железом
И ржавчиной воздух болот.

В лесу, на дороге, в овраге,
В деревне или на селе
На тучах такие зигзаги
Сулят непогоду земле.

Когда ж над большою столицей
⁷⁰ Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган.

Блок на́ небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.

Блок ждал этой бури и встряски.
Ее огневые штрихи
Боязнью и жаждой развязки
⁸⁰ Легли в его жизнь и стихи.

1956

ДОРОГА

То насыпью, то глубию лога,
То по прямой за поворот
Змеится лентою дорога
Безостановочно вперед.

По всем законам перспективы
За придорожные поля
Бегут мощеные извивы,
Не слякотя и не пыля.

Вот путь перебежал плотину,
На пруд не посмотревши вбок,
Который выводок утиный
Переплывает поперек.

Вперед то под гору, то в гору
Бежит прямая магистраль,
Как разве только жизни впору
Все время рваться вверх и вдаль.

Чрез тысячи фантазмагорий,
И местности и времена,
Через преграды и подспорья
Несется к цели и она.

А цель ее в гостях и дома —
Все пережить и все пройти,
Как оживляют даль изломы
Мимоидущего пути.

1957

В БОЛЬНИЦЕ

Стояли как перед витриной,
Почти запрудив тротуар.
Носилки втокнули в машину,
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак.

Милиция, улицы, лица
¹⁰ Мелькали в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерица
Со склянкою нашатыря.

Шел дождь, и в приемном покое
Уныло шумел водосток,
Меж тем как строка за строкою
Марали опросный листок.

Его положили у входа.
Все в корпусе было полно.
Разило парами иода,
²⁰ И с улицы дуло в окно.

Окно обнимало квадратом
Часть сада и неба клочок.
К палатам, полам и халатам
Присматривался новичок.

Как вдруг из расспросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живо́й.

Тогда он взглянул благодарно
³⁰ В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.

Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города, клен
Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.

«О Господи, как совершенны
Дела Твои, — думал больной, —
Постели, и люди, и стены,
⁴⁰ Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О Боже, волнения слезы
Мешают мне видеть Тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным Твоим сознать.

Кончаясь в больничной постели,
⁵⁰ Я чувствую рук Твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

1956

МУЗЫКА

Дом высился, как каланча.
По тесной лестнице угольной
Несли рояль два силача,
Как колокол на колокольню.

Они тащили вверх рояль
Над ширью городского моря,
Как с заповедями скрижаль
На каменное плоскогорье.

И вот в гостиной инструмент,
И город в свисте, шуме, гаме,
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа
На землю посмотрел с балкона,
Как бы ее в руках держа
И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,
Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса.

Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке пюпитра.

Или, опередивши мир
На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.

ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА

Три месяца тому назад,
Лишь только первые метели
На наш незащищенный сад
С остервененьем налетели,

Прикинул тотчас я в уме,
Что я укроюсь, как затворник,
И что стихами о зиме
Пополню свой весенний сборник.

Но навалились пустяки
Горой, как снежные завалы.
Зима, расчетам вопреки,
Наполовину миновала.

Тогда я понял, почему
Она во время снегопада,
Снежинками пронзая тьму,
Заглядывала в дом из сада.

Она шептала мне: «Спеши!» —
Губами, белыми от стужи,
А я чинил карандаши,
Отшучиваясь неуклюже.

Пока под лампой у стола,
Я медлил зимним утром ранним,
Зима явилась и ушла
Непонятым напоминаньем.

1957

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снаружи выюга мечется
И все заносит в лоск.
Засыпана газетчица
И заметен киоск.

На нашей долгой бытности
Казалось нам не раз,
Что снег идет из скрытности
И для отвода глаз.

Утайщик нераскаянный, —
Под белой бахромой
Как часто вас с окраины
Он разводил домой!

Все в белых хлопьях скроется,
Залепит снегом взор, —
На ощупь, как пропойца,
Проходит тень во двор.

Движения поспешные:
Наверное, опять
Кому-то что-то грешное
Приходится скрывать.

1956

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и всё в смятеньи,
Все пускается в полет, —
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься — и святки.
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и новый год.

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?

Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет
Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и всё в смятеньи:
Убеленный пешеход,
Удивленные растения,
Перекрестка поворот.

1957

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Полями наискось к закату
Уходят девушек следы.
Они их валенками вмяты
От слободы до слободы.

А вот ребенок жался к мамке.
Луч солнца, как лимонный морс,
Затек во впадины и ямки
И лужей света в льдину вмерз.

Он стынет вытекшею жижей
Яйца в разбитой скорлупе,
И синей линией лыжи
Его срезают на тропе.

Луна скользит блином в сметане,
Все время скатываясь вбок.
За ней бегут вдогонку сани,
Но не дается колобок.

1958

ПОСЛЕ ВЬЮГИ

После утомившейся вьюги
Наступает в округе покой.
Я прислушиваюсь на досуге
К голосам детворы за рекой.

Я, наверно, не прав, я ошибся,
Я ослеп, я лишился ума.
Белой женщиной мертвой из гипса
Наземь падает навзничь зима.

Небо сверху любит лепкой
Мертвых, крепко придавленных век.
Всё в снегу: двор и каждая щепка,
И на дереве каждый побег.

Лед реки, переезд и платформа,
Лес, и рельсы, и насыпь, и ров
Отлились в безупречные формы
Без неровностей и без углов.

Ночью, сном не успевши забыться,
В просветленьи вскочивши с софы,
Целый мир уложить на странице,
Уместиться в границах строфы.

Как изваяны пни и коряги
И кусты на речном берегу,
Море крыш возвести на бумаге,
Целый мир, целый город в снегу.

1957

ВАКХАНАЛИЯ

Город. Зимнее небо.
Тьма. Пролеты ворот.
У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.

Лбы молящихся, ризы
И старух шушуны
Свечек пламенем снизу
Слабо озарены.

А на улице вьюга
¹⁰ Все смешала в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано.

В завываньи бурана
Потонули: тюрьма,
Экскаваторы, краны,
Новостройки, дома,

Ключья репертуара
На афишном столбе
И деревья бульвара
²⁰ В серебристой резьбе.

И великой эпохи
След на каждом шагу —
В толчее, в суматохе,
В метках шин на снегу,

В ломке взглядов — симптомах
Вековых перемен, —
В наших добрых знакомых,
В тучах мачт и антенн,

На фасадах, в костюмах,
³⁰ В простоте без прикрас,
В разговорах и думах,
Умиляющих нас.

И в значеньи двояком
Жизни, бедной на взгляд,
Но великой под знаком
Понесенных утрат.

«Зимы», «зисы» и «татры»,
Сдвинув полосы фар,
Подъезжают к театру,
⁴⁰ И спят тротуар.

Затерявшись в метели,
Перекупщики мест

Осаждают без цели
Театральный подъезд.

Все идут вереницей,
Как сквозь строй алебард,
Торопясь протесниться
На «Марию Стюарт».

Молодежь по записке
⁵⁰ Добывает билет
И великой артистке
Шлет горячий привет.

За дверьми еще драка,
А уж средь темноты
Вырастают из мрака
Декораций холсты.

Словно выбежав с танцев
И покинув их круг,
Королева шотландцев
⁶⁰ Появляется вдруг.

Все в ней жизнь, все свобода,
И в груди колотье,
И тюремные своды
Не сломили ее.

Стрекозою такую
Родила ее мать
Ранить сердце мужское,
Женской лаской пленять.

И за это, быть может,
⁷⁰ Как огонь горяча,
Дочка голову сложит
Под рукой палача.

В юбке пепельно-сизой
Села с краю за стол.
Рампа яркая снизу
Льет ей свет на подол.

Нипочем вертихвостке
Похождений угар,
И стихи, и подмостки,
⁸⁰ И Париж, и Ронсар.

К смерти приговоренной,
Что ей пища и кров,
Рвы, форты, бастионы,
Пламя рефлекторов?

Но конец героини
До скончанья времен
Будет славой отныне
И молвой окружен.

То же бешенство риска,
⁹⁰ Та же радость и боль
Слили роль и артистку,
И артистку и роль.

Словно буйство премьерши
Через столько веков
Помогает умершей
Убежать из оков.

Сколько надо отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют овраги,
¹⁰⁰ Как играет река.

Как играют алмазы,
Как играет вино,

Как играть без отказа
Иногда суждено.

Как игралось подростку
На народе простом
В белом платье в полоску
И с косою жгутом.

И опять мы в метели,
¹¹⁰ А она все метет,
И в церковном приделе
Свет, и служба идет.

Где-то зимнее небо,
Проходные дворы,
И окно ширпотреба
Под горой мишуры.

Где-то пир, где-то пьянка,
Именинный кутеж.
Мехом вверх, наизнанку
¹²⁰ Свален ворох одёж.

Двери с лестницы в сени,
Смех и мнений обмен.
Три корзины сирени.
Ледяной цикламен.

По соседству в столовой
Зелень, горы икры,
В сервировке лиловой
Семга, сельди, сыры.

И хрустенье салфеток,
¹³⁰ И приправ острота,
И вино всех расцветок,
И всех водок сорта.

И под говор стоустый
Люстра топит в лучах
Плечи, спины и бюсты
И сережки в ушах.

И смертельной картечи
Эти линии рта,
Этих рук бессердечье,
¹⁴⁰ Этих губ доброта.

И на эти-то дива
Глядя, как манияк,
Кто-то пьет молчаливо
До рассвета коньяк.

Уж над ним межеумки
Проливают слезу.
На шестнадцатой рюмке
Ни в одном он глазу.

За собою упрочив
¹⁵⁰ Право зваться немым,
Он средь женщин находчив,
Средь мужчин — нелюдим.

В третий раз разведенец,
И дожив до седин,
Жизнь своих современниц
Оправдал он один.

Дар подруг и товарок
Он пустил в оборот
И вернул им в подарок
¹⁶⁰ Целый мир в свой черед.

Но для первой же юбки
Он порвет повода,
И какие поступки
Совершит он тогда!

Средь гостей танцовщица
Помирает с тоски.
Он с ней рядом садится,
Это ведь двойники.

Эта тоже открыто
¹⁷⁰ Может лечь на ура
Королевой без свиты
Под удар топора.

И свою королеву
Он на лестничный ход
От печей перегрева
Освежиться ведет.

Хорошо хризантеме
Стыть на стуже в цвету.
Но назад уже время —
¹⁸⁰ В духоту, в тесноту.

С табаком в чайных чашках
Весь в окурках буфет.
Стол в конфетных бумажках.
Наступает рассвет.

И своей балерине,
Перетянутой так,
Точно стан на пружине,
Он шнурует башмак.

Между ними особый
¹⁹⁰ Распорядок с утра,
И теперь они оба
Точно брат и сестра.

Перед нею в гостиной
Не встает он с колен.
На дела их картины
Смотрят строго со стен.

Впрочем, что им, бесстыжим,
Жалость, совесть и страх
Пред живым чернокнижьем
²⁰⁰ В их горячих руках?

Море им по колено,
И в безумьи своем
Им дороже вселенной
Миг короткий вдвоем.

Цветы ночные утром спят,
Не прошибает их поливка,
Хоть выкати на них ушат.
В ушах у них два-три обрывка
Того, что тридцать раз подряд
²¹⁰ Пел телефонный аппарат.
Так спят цветы садовых гряд
В плену своих ночных фантазий.
Они не помнят безобразья,
Творившегося час назад.
Состав земли не знает грязи,
Все очищает аромат,
Который льет без всякой связи
Десяток роз в стеклянной вазе.
Прошло ночное торжество.
²²⁰ Забыты шутки и проделки.
На кухне вымыты тарелки.
Никто не помнит ничего.

1957

ЗА ПОВОРОТОМ

Насторожившись, начеку
У входа в чашу,
Щебечет птичка на суку
Легко, маняще.

Она щебечет и поет
В преддверьи бора,
Как бы оберегая вход
В лесные норы.

Под нею — сучья, бурелом,
Над нею — тучи,
В лесном овраге, за углом —
Ключи и кручи.

Нагроможденьем пней, колод
Лежит валежник.
В воде и холоде болот
Цветет подснежник.

А птичка верит, как в зарок,
В свои рулады
И не пускает на порог
Кого не надо.

За поворотом, в глубине
Лесного лога,
Готово будущее мне
Верней залога.

Его уже не втянешь в спор
И не заластишь.
Оно распахнуто, как бор,
Всё вглубь, всё настезь.

Март 1958

ВСЕ СБЫЛОСЬ

Дороги превратились в кашу.
Я пробираюсь в стороне.
Я с глиной лед, как тесто, квашу,
Плетусь по жидкой размазне.

Крикливо пролетает сойка
Пустующим березняком.
Как неготовая постройка,
Он высится порожняком.

Я вижу сквозь его пролеты
Всю будущую жизнь насквозь.
Все до мельчайшей доли сотой
В ней оправдалось и сбылось.

Я в лес вхожу, и мне не к спеху.
Пластами оседает наст.
Как птице, мне ответит эхо,
Мне целый мир дорогу даст.

Среди размокшего суглинка,
Где обнажился голый грунт,
Щебечет птичка под сурдинку
С пробелом в несколько секунд.

Как музыкальную шкатулку,
Ее подслушивает лес,
Подхватывает голос гулко
И долго ждет, чтоб звук исчез.

Тогда я слышу, как верст за́ пять,
У дальних землемерных вех
Хрустят шаги, с деревьев капит
И шлепается снег со стрех.

Март 1958

ПАХОТА

Что случилось с местностью всегдашней?
С земли и неба стерта грань.
Как клетки шашечницы, пашни
Раскинулись, куда ни глянь.

Пробороненные просторы
Так гладко улеглись вдали,
Как будто выровняли горы
Или равнину подмели.

И в те же дни единым духом
Деревья по краям борозд.
Зазеленели первым пухом
И выпрямились во весь рост.

И ни соринки в новых кленах,
И в мире красок чище нет,
Чем цвет берез светло-зеленых
И светло-серых пашен цвет.

Май 1958

ПОЕЗДКА

На всех парах несется поезд,
Колеса вертит паровоз.
И лес кругом смолист и хвоист,
И что-то впереди еще есть,
И склон березами порос.

И путь бежит, столбы простерши,
И треплет кудри контролерши,
И воздух делается горше
От гари, легкой на откос.

Беснуются цилиндр и поршень,
Мелькают гайки шатуна,
И тенью проплывает коршун
Вдоль рельсового полотна.

Машина испускает вздохи
В дыму, как в шапке набекрень,
А лес, как при царе Горохе,
Как в предыдущие эпохи,

Не замечая суматохи,
Стоит и дремлет по сей день.

И где-то, где-то города
Вдали маячат, как бывало,
Куда по вечерам устало
Подвозят к старому вокзалу
Новоприбывших поезда.

Туда толпою пассажиры
Текут с вокзального двора,
Путейцы, сторожа, кассиры,
Проводники, кондуктора.

Вот он со скрытностью сугубой
Ушел за улицы изгиб,
Вздывая каменные кубы
Лежащих друг на друге глыб.
Афиши, ниши, крыши, трубы,
Гостиницы, театры, клубы,
Бульвары, скверы, купы лип,
Дворы, ворота, номера,
Подъезды, лестницы, квартиры,
Где всех страстей идет игра
Во имя переделки мира.

Июль 1958

ЖЕНЩИНЫ В ДЕТСТВЕ

В детстве, я как сейчас еще помню,
Высунешься, бывало, в окно,
В переулке, как в каменоломне,
Под деревьями в полдень темно.

Тротуар, мостовую, подвалы,
Церковь слева, ее купола
Тень двойных тополей покрывала
От начала стены до угла.

За калитку дорожки глухие
Уводили в запущенный сад,
И присутствие женской стихии
Облекало загадкой уклад.

Рядом к девочкам кучи знакомых
Заходили и толпы подруг,
И цветущие кисти черемух
Мыли листьями рамы фрамуг.

Или взрослые женщины в гневе,
Разбранившись без обиняков,
Вырастали в дверях, как деревья
По краям городских цветников.

Приходилось, насупившись букой,
Щебет женщин сносить словно бич,
Чтоб впоследствии страсть, как науку,
Обожанье, как подвиг, постичь.

Всем им, вскользь промелькнувшим где-либо
И пропавшим на том берегу,
Всем им, мимо прошедшим, спасибо, —
Перед ними я всеми в долгу.

Июль 1958

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Пронесшейся грозою полон воздух.
Все ожило, все дышит, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.

Все живо переменою погоды.
Дождь заливает кровель желоба,
Но все светлее неба переходы
И высь за черной тучей голуба.

Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.

Воспоминание о полувеке
Пронёсшейся грозой уходит вспять.
Столетье вышло из его опеки.
Пора дорогу будущему дать.

Не потрясения и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

Июль 1958

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

Будущего недостаточно,
Старого, нового мало.
Надо, чтоб елкою святочной
Вечность средь комнаты стала.

Чтобы хозяйка утыкала
Россыпью звезд ее платье,
Чтобы ко всем на каникулы
Съехались сестры и братья.

Сколько цепей ни примеривай,
Как ни возись с туалетом,
Все еще кажется дерево
Голым и полуодетым.

Вот, трубочиста замаранней,
Взбив свои волосы клубом,
Елка напыжилась барыней
В нескольких юбках раструбом.

Лица становятся каменной,
Дрожь пробегает по свечкам,
Струйки зажженного пламени
Губы сжимают сердечком.

Ночь до рассвета просижена.
Весь содрогаясь от храпа,
Дом, точно утлая хижина,
Хлопает дверцею шкапа.

Новые сумерки следуют,
День убавляется в росте.
Завтрак проспавши, обедают
Заночевавшие гости.

Солнце садится и пьяницей
Издали, с целью прозрачной
Через оконницу тянется
К хлебу и рюмке коньячной.

Вот оно ткнулось, уродина,
В снег образиною пухлой,
Цвета наливки смородинной,
Село, истлело, потухло.

Январь 1959

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно.

Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора —
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Январь 1959

БОЖИЙ МИР

Тени вечера во́лоса тоньше
За деревьями тянутся вдоль.
На дороге лесной почтальонша
Мне протягивает бандероль.

По кошачьим следам и по лисьим,
По кошачьим и лисьим следам
Возвращаюсь я с пачкою писем
В дом, где волю я радости дам.

Горы, страны, границы, озера,
Перешейки и материки,
Обсужденья, отчеты, обзоры,
Дети, юноши и старики.

Досточтимые письма мужские!
Нет меж вами такого письма,
Где свидетельства мысли сухие
Не выказывали бы ума.

Драгоценные женские письма!
Я ведь тоже упал с облаков.
Присягаю вам ныне и присно:
Ваш я буду во веки веков.

Ну, а вы, собиратели марок!
За один мимолетный прием,
О, какой бы достался подарок
Вам на бедственном месте моем!

Январь 1959

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда —
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

Январь 1959

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ
В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ**

* * *

Сумерки... словно оруженосцы роз,
На которых — их копья и шарфы.
Или сумерки — их менестрель, что врос
С плечами в печаль свою — в арфу.

Сумерки — оруженосцы роз —
Повторят путей их извивы
И, чуть опоздав, отклонят откос
За рыцарскою альмавивой.

Двух иноходцев сменный черед,
На одном только вечер рьяней.
Тот и другой. Их соберет
Ночь в свои тусклые ткани.

Тот и другой. Топчут полынь
Вспышки копыт порыжелых.
Глубже во мглу. Тушит полынь
Сердцебиение тел их.

<1909>

* * *

Я в мысль глухую о себе
Ложусь, как в гипсовую маску.
И это — смерть: застыть в судьбе,
В судьбе — формовщика повязке.

Вот слепок. Горько разрешен
Я этой думою о жизни.
Мысль о себе — как капюшон,
Чернеет на весне капризной.

<1910>

ЦЫГАНЕ

От луча отлынивая смолю,
Не алтыном огруженных кос,
В яровых пруженые удоля
Молдаван сбивается обоз.

Обленились чада град-Загреба,
С молодежи обезроб и смерд:
Твердь обует, обуздает небо,
Твердь стреножит, разнуздает твердь!

Жародею-Жогу, соподвижцу
Твоего девичья младежа,
Дево, дево, растомленной мышцей
Ты отдашься, долони сложа.

Жглом полуд пьяна напропалую,
Запахнешься ль подлою полрой,
Коли он в падучей поцелуя
Сбил сорочку солнцевой скулой.

И на версты. Только с пеклой вышки,
Взлокотяся, крошка за крохой,
Кормит солнце хворую мартышку
Бубенца облетной шелухой.

1914

МЕЛЬХИОР

Храмовой в малахите ли холен,
Возлелеян в серебре ль косогор —
Многодольную голь колоколен
Мелководный несет мельхиор.

Над канавой иззвеженной сиво
Столбенеют в тускле берега,
Оттого что мосты без отзыву
Водопьянью над згой бочага,

Но, курчавой крушася карелой,
По берёсте дворцовой раздран,
Обольется и кремль обгорелый
Теплой смирной стоячих румян.

Как под стены зоряни зарытой,
За окоп, под босой бастион
Волокиты мосты — волокиту
Собирают в дорожный погон.

И, братаясь, раскат со раскатом,
Башни слюбятся сердцу на том,
Что́, балакирем склабясь над блатом,
Разболтает пустой часоем.

1914

ОБ ИВАНЕ ВЕЛИКОМ

В тверди тверда слова рцы
Заторел дворцовый то́рец,
Прорывает студенцы
Чернолатый Ратоборец.

С листовых его желез
Дробью растеклась столица,

Ей несет наперерез
Твердо слово рцы копытце.

Из желобчатых ложбин,
Из-за захладеи хлѣбных
За полблѣном целый блин
Разминает белый облак.

А его обводит кисть,
Шибкой сини птичий причет,
В поцелуях — цвель и чисть
Косит, носит, пишет, кличет.

В небе пестуны-писцы
Засинь во чисте содержат.
Шоры, говор, тор... но тверже
Твердо, твердо слово рцы.

1914

<НАДПИСЬ НА КНИГЕ «СОНЕТОВ» ПЕТРАРКИ>

За тусклый колер поэумента,
За пыльный золотообрез
Простите — это масть небес
Полуистлевшего треченто.

В дни ангела, гостей и съест,
Склонясь на подоконник жаркий,
В пыли найдете Вы Петрарку,
И всё забудется окрест...

И как зарнице не зардеться
Над вечным вечером канцон
Как рдел нагорный небосклон
Его родимого Ареццо!

25 марта 1914

* * *

Весна, ты сырость рудника в висках,
Мигренью руд горшок цветочный полон.
Зачахли льды. Но гиацинт запах
Той болью руд, которую зацвел он.

Сошелся клином свет. И этот клин
Обыкновенно рвется из-под ребер,
Как полы листьев лип и пелерин
В лоскутья рвутся дождевою дробью.

Где ж начинаются пустые небеса,
Когда, куда ни глянь, — без передышки
В шаги, во взгляды, в сны и в голоса
Земле врываться, век стуча задвижкой!

За нею на ходу, по вечерам
И по ухабам ночи волочится,
Как цепь, надорванная пополам,
Заржавленная, древняя столица.

Она гремит, как только кандалы
Греметь умеют шагом арестанта,
Она гремит и под прикрытьем мглы
Уходит к подгородным полустанкам.

<1915>

* * *

Тоска, бешеная, бешеная,
Тоска в два-три прыжка
Достигает оконницы, завешенной
Обносками крестовика.

Тоска стекло вышибает
И мокрою куницею выносятся
Туда, где плоскогорьем лунно-холмным
Леса ночные стонут

Враскачку, ртов не разжимая,
Изъеденные серною луной.

Сквозь заросли татарника, ошпаренная,
Задами пробирается тоска;
Где дуб дуплом накупился,
Здесь тот же желтый жупел всё,
И так же, серой улыбаясь,
Луна дубам зажала рты.

Чтоб, той улыбкою отсвечивая,
Отмалчивались стиснутые в тысяче
Про опрометчиво-запальчивую,
Про облачно-заносчивую ночь.

Листы обнюхивают воздух,
По ним пробегает дрожь,
И ноздри хвойных загвоздок
Воспаляет неба дебош.

Про неба дебош только знает
Редизна сквозная их,
Соседний север краешком
К ним, в их вертепы вхож.

Взьерошенная, крадучись, боком,
Тоска в два-три прыжка
Достигает, черная, наскоком
Вонзенного в зенит сука.

Кишмя кишат затишьями маковки,
Их целый голубой поток,
Тоска всплывает плакальщицей чаш,
Надо всем водружает вопль.

И вот одна на свете ночь идет
Бобылем по усопшим урочищам,
Один на свете сук опылен
Первопутком млечной ночи.

Одно клеймо тоски на суку,
Полнолунию клейма не снести.
И кунью лапу подымает клеймо,
Отдает полнолунию честь.

Это, лапкой по воздуху водѣ, тоска
Подалась изо всей своей мочи
В ночь, к звездам и молит с последнего сука
Вынуть из лапки занозу.

Надеюсь, ее вынут. Тогда, в дыру
Амбразуры — стекольщик — вставь ее,
Души моей, с именем женским в миру
Едко въевшуюся фотографию.

1915

* * *

Улыбаясь, убывала
Ясность Масленой недели,
Были снегом до отвалу
Сыты сани, очи, ели.

Часто днем комком из снега,
Из оттаявшей пороши —
Месяц в синеву с разбега
Нами был, как мяч, подброшен.

Леденцом лежала стужа
За щекой и липла к нёбу,
Оба были мы в верблюжьем,
И на лыжах были оба.

Лыжи были рыжим конским
Волосом подбиты снизу,
И подбиты были солнцем
Кровли снежной, синей мызы.

В беге нам мешали прясла,
Нам мешали в беге жерди,
Капли благовеста маслом
Проникали до предсердья.

Гасла даль, и из препятствий
В место для отдохновенья
Превращались жерди. В братстве
На́ снег падали две тени.

От укутанных в облежку
В пух, в обтяжку в пух одетых
Сумрак крался быстрой кошкой,
Кошкой в дымчатых отметах.

Мы смеялись, оттого что
Снег смешил глаза и брови,
Что лазурь, как голубь с почтой,
В клюве нам несла здоровье.

1916

* * *

Уже в архив печали сдан
Последний вечер новожила.
Окно ему на чемодан
Ярлык кровавый наложило.

Перед отъездом страшный знак
Был самых сборов неминучей —
Паденье зеркала с бумаг,
Сползавших на пол грязной кучей.

Заря ж и на полу стекло,
Как на столе пред этим, лижет.
О, счастье: зеркало — цело,
Я им напутствуем — не выжит.

1916

ДВА ПОСВЯЩЕНИЯ

1

Когда я был в парах тока́я
Представлен ангелам тобой,
И, тени игл в ковры всекая,
Сочельник тосковал рябой, —

Плеща тоской, пылая током
Текущих с потолка свечей,
Свело одно мгновенье ока
Мне все мгновенья всех очей.

За бредом матерьялизаций,
Когда ничто вокруг невсыть,
Перестает мне всё казаться,
Что, как оно, не может быть.

2

Я говорю тебе: Сибирь
И этот иней где-то инде.
Вот ром ямайский, как инбирь,
Как лихорадка желтых Индий.

Я говорю тебе: отпей,
Чтоб убедиться — мне не снится,
Что я с тобой, что я в твоей,
Что я в тени твоей ресницы.

Я говорю тебе: души
Не выдумало б это стадо,
Маши же ею, мной маши,
Мы на арене, там — эстрада.

Я говорю тебе — главой,
Плывущей на кровавом тазе,

Ты заплываешь в трепет мой,
На красный рынок всех фантазий.

Я говорю тебе — вина
Зарытого в забвенье тела
Не в том, что ты была бедна,
Но что иных богатств хотела.

1916

НАБРОСКИ К ФАНТАЗИИ «ПОЭМА О БЛИЖНЕМ»

I

Во все продолжение рассказа голос —
Был слушатель холост, рассказчик — женат,
Как шляпа бегущего берегом к молу,
Мелькал и мелькал,
И под треск камелька
Взвивался канат
У купален.

И прядало горе, и гребни вскипали —
Был слушатель холост, рассказчик — женат.

¹⁰ И часто рассказом, — был слушатель холост,
Рассказчик женат; мелькающий голос,
Как шляпа бегущего молотом, из глаз
Скрывался — сбивало — и в черные бреши
Летевших громад гляделась помешанным
Осанна без края и пенилась, пела и жглась.

Как будто обили черным сукном
Соборные своды, и только в одном
Углу разметались могучей мечты
Бушующие светоносно листы.

²⁰ Как будто на море, на бурный завет,
На Библию гибели пенистый свет
Свергался, и били псалмами листы,
И строки кипели, дышали киты.

И небо рыдало над морем, на той
Странице развернутой, где, за шестой
Печатью седьмую печать сломив,
Вся соль его славит, кипя, Суламифь.

И молом такого-то моря (прибой
Впотьмах городил баррикаду повстанца)
³⁰ Бежал этот голос, ужасный, как бой
Часов на далекой спасательной станции.

Был слушатель холост, был голос — была
Вся бытность разрыта, вся вечность, — рассеянный,
Осклабясь во все лицо, как скала,
И мокрый от слез, как маска бассейная,

Он думал: «Мой Бог!

Где же был ране

Этот клубок

Нагнанных братом рыданий?

⁴⁰ Разве и я

Горечи великолепий,

В чаши края

Сердцем впиваясь, не пил?

Как же без слез,

Как же без ропота, молча

Жжение снес

Ропота, слез я и желчи?

Или мой дух, как молитвенник,

Лютых не слыша ран,

⁵⁰ К самому краю выдвинут

Черной доски лютеран,

Служит им скорбью настольной,

Справочником — и с тем

Жизнь засолила больно

Тело моих поэм?»

II

1

Я тоже любил. И за архипелаг
Жасминовых брызг, на брезгу, меж другими,
В поля, где впотьмах еще перепела
Пылали, как горла в ангине,
60 Я ангела имя ночное врезал,
И в ландышей жар погружались глаза.
.....
Как скряги рука
В волоса сундука,
В белокурые тысячи английских гíней.

2

Земля пробуждалась, как Ганг.
.....
.....
.....
70
.....
.....
.....
.....
.....
.....

3

.....
.....
.....
Не я ли об этом же — о спящих песках,
Как о сном утомленных детях,
80 Шептал каштанам, и стучало в висках,
И не знал я, куда мне деть их,

И сравнивал с мелью спокойствия хмель,
С песчаной косой, наглотавшейся чалений
И тины носившихся морем недель...

Часто казалось, ушей нет,
В мире такая затишь!
Затишь кораблекрушенья, —
Часто казалось, спятишь.

Тучи, как цирка развалины,
⁹⁰ Нагреты. Размозжено
О гроты оглохшее дно.
И чавкают сыто скважины
Рубцами волны расквашенной.

Пастбищем миль умаленный,
Ты закрываешь глаза:
Как штиль плодоносен!
Как наливается тишь!

Гнется в плодах спелый залив,
Олово с солью!
¹⁰⁰ Волны, как ветви. Жаркая осень.
Шелест налившихся слив.
Олово с солью!
Клонит ко сну чельные капли полудня.
Спится теплу.
Господи Боже мой! Где у Тебя, непробудный,
В этой юдоли
Можно уснуть?

Площадь сенная,
Голуби, блуд.
¹¹⁰ Красный цыган-конокрад,
Смоль борода, у палатки
Давится алчным распалом
Заполыхавшего сена.
Без треска и шипу
Сено плоится.
Слова не молвя,
Сонная смотрит толпа,
Как заедает ржаной горбушкой,
Пальцы в солонку,

- 120 Пышный огонь он.
 — Без треска
 Корчится сено, —
 Как с бороды отрясает
 Крошки и тленье.
 Тянутся низко лабазы.
 Ваги и гири.
 Пыль и мякина.
 Лязга не слышно
 Идущих мимо вагонов.
 130 То полевою
 Мышью потянет, то ветер
 Из винокурни ударит
 Жаркой изжогой,
 То мостовая
 Плоско запреет конюшней,
 Краской, овсом и мочою.
-
- Ты открываешь глаза.
 Тощ молочай.
 Прыщет песчинками чибис.
 140 Ящерица невзначай.
 Пенно лущится крошево зыби
 В грудках хряща.
 Здесь так глубоко́.
 Так легко захлебнуться.
 Плеск этот, плеск этот, плеск...
 Словно лакает скала;
 Словно — блюдце
 Глубь с ободком.
 Зыбь.
 150 Жара.
 Колосится зной,
 Печет,
 Течет в три ручья.
 В топке
 Индига
 Солонееет огонь.

К дохлой
Пробке
Присохла

160

Вонь.

И, как в ушах водолаза,
В рослых водах — балласт
Гру́зимых гулов; фраза
Зыби: музыка, муза.
Не даст. Не предаст. Не даст.

Тускнеет, трескаясь,
Рыбья икра.

День был резкий,
Марбург, жара,

170 По вечерам, как перья дрофе,
Городу шли озаренья кафе,
И низко, жар-птицей, пожар в погреба
Бросая, летела садами судьба,
Струей раскаленного никеля
Слепящий кофе стекал,
А в зарослях парковых глаз хоть выколи,
Но парк бокал озарял
Луной, леденевшей в бокале,
И клумбы в шарах умолкали.

.

Февраль 1917

Тихие Горы

* * *

Кому, когда не этим, в сумерки
Над хартиєю мирозданья
Подготавливать, безбрежа рубрики,
Глухие замыслы восстанья.

И может быть, уже валандаясь
В сегодня ставших ближе эрах,
Они, туманной пропагандою,
Лесам виднее, чем эсэрам.

<1917>

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

1

В Париже. На квартире Леба́. В комнате окна стоят настежь.
Летний день. В отдалении гром.

Время действия между 10 и 20 мессидора (29 июня — 8 июля)
1794 г.

СЕН-ЖЮСТ

Таков Париж. Но не всегда таков
Он был и будет. Этот день, что светит
Кустам и зданьям на пути к моей
Душе, как освещают путь в подвалы,
Не вечно будет бурным фонарем,
Бросающим все вещи в жар порядка,
Но век пройдет, и этот теплый луч
Как уголь почернеет, и в архивах
Пытливость поднесет свечу к тому,
Что нынче нас слепит, живет и греет,
И то, что нынче ясность мудреца,
Потомству станет бредом сумасшедших.
Он станет мраком, он сойдет с ума,
Он этот день, и бог, и свет, и разум.
Века бегут, бояться оглянуться,
И для чего? Чтоб оглянуть себя,
Наводят ночь, чтоб полдни стали книгой,
И гасят годы, чтоб читать во тьме.
Но тот, в душе кого селится слава,
Глядит судьбою: он наводит ночь
На дни свои, чтоб полдни стали книгой,
Чтоб в эту книгу славу записать.

(К Генриетте, занятой шитьем, живет и прощ.)

Кто им сказал, что для того, чтоб жить,
Достаточно родиться? Кто докажет,
Что этот мир — как постоянный двор.
Плати постой и спи в тепле и в воле.
Как людям втолковать, что человек
Дамоклов меч Творца, капкан вселенной,

Что духу человека негде жить,
Когда не в мире, созданном вторично,
Они же проживают в городах,
В Бордо, в Париже, в Нанте и в Лионе,
Как тигры в тростниках, как крабы в море,
А надо резать разумом стекло,
И раздирать досуги, и трудами...

ГЕНРИЕТТА

Ты говоришь...

СЕН-ЖЮСТ (*продолжает рассеянно*)

Я говорю, что труд
Есть миг восторга, превращенный в годы.

ГЕНРИЕТТА

Зачем ты едешь?

СЕН-ЖЮСТ

Вскрыть гнойник тоски.

ГЕНРИЕТТА

Когда вернешься?

СЕН-ЖЮСТ

К пуску грязной крови.

ГЕНРИЕТТА

Мне непонятно.

СЕН-ЖЮСТ

Не во все часы
В Париже рукоплещут липы грому,
И гnevаются тучи, и, прозрев,
Моргает небо молниями и ливнем.
Здесь не всегда гроза. Здесь тишь и сон.
Здесь ты не всякий час со мной.

ГЕНРИЕТТА (*удивленно*)

Не всякий?

А там?

СЕН-ЖЮСТ

А там во все часы атаки.

ГЕНРИЕТТА

Но там ведь нет...

СЕН-ЖЮСТ

Тебя?

ГЕНРИЕТТА

Меня.

СЕН-ЖЮСТ

Но там,
Там, дай сказать: но там ты — постоянно.
Дай мне сказать. Моя ли или нет
И равная в любви или слабее,
Но это ты, и пахнут города
И воздух битв — тобой, и он доступен
Моей душе, и никому не встать
Между тобою в облаке и грудью
Расширенной моей, между моим
Волнением по бессоннице и небом.
Там дело духа стережет дракон
Посредственности и Сен-Жюст Георгий,
А здесь дракон грознее во сто крат,
Но здесь Георгий во сто крат слабее.

ГЕНРИЕТТА

Кто там прорвет нарыв тебе?

СЕН-ЖЮСТ

Мой долг.
Живой напор души моих приказов.
Я так привык сгорать и оставлять
На людях след моих самосожжений!
Я полюбил, как голубой глинтвейн,
Бездымный пламень опоенных силой
Зажженных нервов, погруженных в мысль
Концом свободным, как светильня в масло.

Покою нет и ночью. Ты лежишь
Одетый.

ГЕНРИЕТТА

Как покойник!

СЕН-ЖЮСТ

Нет покоя
И ночью. Нет ночей. Затем, что дни
Тусклее настоящих и тоскливей,
Как будто солнце дышит на стекло
И пальцами часы по нем выводит,
Шатаясь от жары. Затем, что день
Больнее дня и ночь волшебней ночи.
Пылится зной по жнивьям. Зыбь лучей
Натянута, как кожа барабанов
Идущих мимо войск
.

ГЕНРИЕТТА

Как это близко мне! Как мне сродни
Все эти мысли. Верно, верно, верно.
И все ж я сплю; и все ж я ем и пью,
И все же я в уме и в здравых чувствах,
И белою не видится мне ночь,
И солнце мне не кажется лиловым.

СЕН-ЖЮСТ

Как спать, когда рождается новый мир,
И дум твоих безмолвие бушует,
То говорят народы меж собой
И в голову твою, как в мяч, играют,
Как спать, когда безмолвье дум твоих
Бросает в трепет тишь, бурьян и звезды
И птицам не дает уснуть. Всю ночь
Стоит с зари бессонный гомон чащи.
И ночи нет. Неубранный стоит
Забытый день, и стынет и не сходит
Единый, вечный, долгий, долгий день.

2

Из ночной сцены с 9 на 10 термидора 1794 г.

Внутренность парижской ратуши. За сценой признаки приготовления к осаде, грохот стягиваемых орудий, шум и т. п. Коффингаль прочел декрет Конвента, прибавив к объявленным вне закона и публику в ложах. Зал ратуши мгновенно пустеет. Хаотическая гулкость безлюдья. Признаки рассвета на капителях колонн. Остальное — погружено во мрак. Широкий канцелярский стол посреди изразцовой площадки. На столе — свеча. Анрио лежит на одной из лавок вестибюля. Коффингаль, Леба, Кутон, Огюстен Робеспьер и др. в глубине сцены, расхаживают, говорят промеж себя, подходят к Анрио. Этих в продолжение начальной сцены не слышно. Авансцена. У стола со свечой:

СЕН-ЖЮСТ и МАКСИМИЛИАН РОБЕСПЬЕР.

Сен-Жюст расхаживает. Робеспьер сидит за столом, оба молчат. Тревога и одуренье.

РОБЕСПЬЕР

Оставь. Прошу тебя. Мелькнула мысль.
Оставь шагать.

СЕН-ЖЮСТ

А! Я тебе мешаю?

Долгое молчанье.

РОБЕСПЬЕР

Ты здесь, Сен-Жюст? Где это было все? —
Бастилия, Версаль, октябрь и август?

Сен-Жюст останавливается, смотрит с удивлением на Робеспьера.

Они идут?

СЕН-ЖЮСТ

Не слышу.

РОБЕСПЬЕР

Перестань.

Ведь я просил тебя. — Мне надо вспомнить. —

Не знаешь: Огюстен предупредил
Дюпле?

СЕН-ЖЮСТ

Не знаю.

РОБЕСПЬЕР

Ты не знаешь.

Не задавай вопросов. Не могу
Собраться с мыслью. — Сколько било? — Тише.
Есть план. — Зачем ты здесь? — Иди, ступай!
Я чувствую тебя, как близость мыши,
И забываю думать. — Может быть,
Еще не поздно. — Впрочем, оставайся.
Сейчас. Найду. — Осеклось! — Да. Сейчас.
Не уходи. — Ты нужен мне! О дьявол!
Но это ж пытка! У кого спросить,
О чем я думал только? — Как припомнить!

Молчанье. Сен-Жюст расхаживает.

Они услышат. Тише. Дай платок.

СЕН-ЖЮСТ

Платок?

РОБЕСПЬЕР

Ну да. Ты нужен мне. О дьявол!
Иди, ступай! Погибли! Не могу!
Ни мысли — вихрь. — Я разучился мыслить!
(Хрипло, хлопнув себя по лбу.)

Дальнейшие слова относятся к голове Робеспьера.

В последний миг, — о дура! Ведь кого,
Себя спасать; — кобылою уперлась!
Творила чудеса! Достань вина.
Зови девиц! — Насмешка! «Неподкупный»
Своей святою предан головой
И с головой убийцам ею выдан!
Я посвящал ей все, что посвятить

Иной спешил часам и мигам страсти.
Дантон не понимал меня. Простак,
Ему не снилось даже, что на свете
Есть разума твердыни, есть дела
Рассудка, есть понятий баррикады,
И мятежи мечтаний, и восторг
Возвышенных восстаний чистой мысли.
Он был преступен, скажем; суть не в том.
Но не тебе ль, не в честь твою ли в жертву
Я именно его принес. Тебе.
Ты, только ты была моим Ваалом.

СЕН-ЖЮСТ

В чем дело, Робеспьер?

РОБЕСПЬЕР

Я возмущен
Растерянностью этой подлой твари!
Пытался. Не могу. Холодный пот,
Сухой туман — вот вся ее работа.
Пересыхает в горле. Пустота,
И лом в кости, и ни единой мысли.
Нет, мысли есть, но как мне передать
Их мелкую, крысиную побежку!
Вот будто мысль. — Погнался. — Нет. Опять
Вот будто. — Нет. Вот будто. Хлопнул. — Пусто!
Имей вторую я! И головы
Распутной не сносить бы Робеспьеру!

СЕН-ЖЮСТ

Оставь терзать себя. Пускай ее
Распутничает. Пусть ее блуждает
В последний раз.

РОБЕСПЬЕР

Нет, в первый! Отчего
И негодую я. Нашла минуту!
Нашла когда! Довольно. Остается
Проклясть ее и сдаться. Я сдаюсь.

СЕН-ЖЮСТ

Пускай ее блуждает. Ты спросил,
Где это было все: октябрь и август,
Второе июня.

РОБЕСПЬЕР (*вперебой, о своем*)

Вспомнил!

СЕН-ЖЮСТ

Брось. И я

Об этом думал.

РОБЕСПЬЕР (*свое*)

Вспомнил. На мгновенье!

Минуту!

СЕН-ЖЮСТ

Брось. Не стоит. Между тем
Я тоже думал. Как могло случиться.

РОБЕСПЬЕР (*желчно*)

Ведь я прошу! — За этим преньем слов...
Ну так и есть.

Пауза, в течение которой Коффингаль, Леба и другие уходят,
и задний план пустеет, исключая Анрио, который спит и не в счет.

(*Хрипло, в отчаянии.*)

Когда б не ты. — Довольно
Я слушаю. Ну что ж ты? — Продолжай,
Пропало всё. Ведь я сказал, что сдался.
Ну — добивай. Прости. Я сам не свой.

СЕН-ЖЮСТ

А это так естественно. Ты с мышью
Сравнил меня и с крысой — мысль твою.
Да, это так. Да, мечутся как крысы
В горящем доме — мысли. Да, они
Одарены чутьем и пред пожаром
Приподымают морды, и кишит
Не мозг — не он один, но царства мира,

Охваченные мозгом — беготней
Подкуренных душком ужасной смерти
Зверьков проворных: мерзких, мерзких дум.
Не мы одни, нет, все прошли чрез это
Ужасное познание, и у всех
Был предпоследний час и день последний,
Но побеждали многие содом
Наглеющих подполий и всходили
С улыбкою на плаху. И была
История республики собранием
Предсмертных дней. Быть может, никого
Не посетила не предупредивши
И не была естественною смерть.

РОБЕСПЬЕР (*рассеянно*)

Где Огюстен?

СЕН-ЖЮСТ

С Кутоном.

РОБЕСПЬЕР

Где?

СЕН-ЖЮСТ

С Кутоном.

РОБЕСПЬЕР

Но это не ответ. А где Кутон?

СЕН-ЖЮСТ

Пошли наверх. Все в верхнем зале. Слушай.
Во Франции не стали говорить:
«Не знаю, что сулит мне день грядущий»,
Не стало тайн. Но каждый, проходя
По площади — музею явных таинств,
По выставке кончин, мог лицезреть
Свою судьбу в бездействии и в деле.

РОБЕСПЬЕР

Ты каешься?

СЕН-ЖЮСТ

Далек от мысли. Нет.
Но летопись республики есть повесть
Величия предсмертных дней. Сама
Страна как бы вела дневник загробный,
И не чередование ночей
С восходами бросало пестрый отблеск
На Францию; но оборот миров,
Закат вселенной, черный запад смерти
Стерег ее и нас подстерегал...

Июнь—июль 1917

* * *

Как облаками облагать
Начнет сады — окно во влаге,
Закат в садах — как балаган,
И лодка — горлышко баклаги.

И голос кромку башлыка,
Обдавший паром — взят за обе
Щеки, и вкусны облака,
Как снег, твердеющий на нёбе.

Лазурь свежа, как леденец,
Великолепье — объеденье
Снега засахарит вконец.

<1917—1923>

* * *

Где синий свет, свой зимний воск,
Земля разбрызгала, — как ярко
Декабрь воссоздает Нивоз
В мерцаньи синего огарка.

<1917—1923>

* * *

...Мутится мозг. Вот так? В палате?
В отсутствие сестер?
Ложились спать, снимали платье.
Курок упал и стер?

Кем были созданы матросы,
Кем город в пол-окна,
Кем ночь творцов; кем ночь отбросов,
Кем дух, кем имена?

Один ли Ты, с одною страстью,
Бессмертный, крепкий дух,
Надмирный, принимал участие
В творенье двух и двух?

Два этих — пара синих блузок.
Ничто. Кровоподтек.
Но если тем не «мир стал узок»,
Зачем их жить завлек?

Сарказм на Маркса. О, тупицы!
Явитесь в чем своем.
Блесните! Дайте нам упиться!
Чем? Кровью? — Мы не пьем.

Так вас не жизнь парить просила?
Не жизнь к верхам звала?
Пред срывом пухнут кровью жилы
В усилиях лжи и зла.

<1918>

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как было хорошо дышать тобою в марте
И слышать на дворе, со снегом и хвоей
На солнце, поутру, вне лиц, имен и партий
Ломающее лед дыхание твое!

Казалось, облака несут, плывя на запад,
Народам со дворов, со снегом и хвоей
Журчащий, как ручьи, как солнце, сонный
запах
Все здешнее, всю грусть, все русское твое.

И теплая капель, буравя спозаранку
Песок у желобов, грачи, и звон тепла
Гремели о тебе, о том, что, иностранка,
Ты по сердцу себе приют у нас нашла.

Что эта изо всех великих революций
Светлейшая, не станет крови лить, что ей
И Кремль люб, и то, что чай тут пьют
из блюда.
Как было хорошо дышать красой твоей!

Казалось, ночь свята, как копоть в катакомбах,
В глубокой тишине последних дней поста
Был слышен дерн и дром, но не был слышен
Зомбарт
И грудью всей дышал Социализм Христа.

Смеркалось тут... Меж тем свинец к вагонным
дверцам
(Сиял апрельский день) — вдали, в чужих
краях
Навешивался вспех ганноверцем, ландверцем,
Дышал локомотив. День пел, пчелой роясь.

А здесь стояла тишь, как в сердце катакомбы,
Был слышен бой сердец. И в этой тишине

Почудилось: вдали курьерский неся, пломбы
Тряслись, и взвод курков мерещился стране.

Он, — «С Богом, — кинул, сев; и стал
горланить, — к черту! —
Отчизну увидав: — черт с ней, чего глядеть!
Мы у себя, эй жги, здесь Русь, да будет стерта!
Еще не всё сплылось; лей рельсы из людей!

Лети на всех парах! Дыми, дави и мимо!
Покуда целы мы, покуда держит ось.
Здесь не чужбина нам, дави, здесь край
родимый,
Здесь так знакомо все, дави, стесненья брось!»

Теперь ты — бунт. Теперь ты — топки
полыханье
И чад в котельной, где на головы котлов
Пред взрывом плещет ад Балтийскою лоханью
Людскую кровь, мозги и пьяный флотский
блёв.

<1918>

* * *

Боже, Ты создал быстрой касатку,
Жжется зарей, щебечет, летит,
Низясь, зачем Ты вдунул десятку
Приговоренных Свой аппетит?
Чем утолю? Как заставлю зардеться
Утром ужасным, когда — Ничто
Идол и доля красногвардейца,
В это ужасное утро — То?
Стал забываться за красным желтый
Твой луговой, вдохновенный рассвет.
Где Ты? На чьи небеса перешел Ты?
Здесь, над русскими, здесь Тебя нет.

<1918>

* * *

В расчете на благородство
Итога
Вольготничай и юродствуй —
И только.

Мы сдержанны, мы одержимы:
Вкусили
Тягот неземного зажима
По силе.

Пришли и уйдем с переклички
Столетий:
«Такое-то сердце». — «В начале».
— «Отметим».

<1919>

ЛЮБОВЬ ФАУСТА

Все фонари, всех лавок скарлатина,
Всех кленов коленкор
С недавних пор
Одно окно стянули паутиной.

Клеенки всех столовых. Весь масштаб
Шкапов и гипсов мысли. Все казармы.
Весь шабаш безошибочной мечты
С недавних пор
K Violette de Parme¹.

Весь душистый деготь магий. Доктора
И доги. Все гремучие загрузки
Рожков, кружащих полночь — со вчера
К несчастной блузке.

¹ Пармской фиалке (*фр.*).

Зола всех июлей, зелень всех калений,
Олифа лбов; сползающий компресс
Небес лечебных. Все, что о Галене
Гортанно и арабски клечет бес
И шепчет гений.

Все масло всех портретов; все береты,
Все жженой пробкой, чертом, от руки,
Чулком в известку втертые
Поэты.
И чудачи.
С недавних пор.

<1919>

ЖИЗНЬ

Ты справлена в славу, осыпана хвоей,
Закапана воском и шарком
Паркетов и фрейлин, тупею в упое
От запаха краски подарков.

Со дней переплетов под лампой о крысах,
Орехах, балах, колымагах
Не выдохся спирт колеров и не высох
Туман клеевой на бумагах.

И Фаустов кафтан, и атласность корсажа
Шелков Маргаритина лифа —
Что влаге младенческих глаз — Битепажа
Пахучая сказкой олифа.

<1919>

ГОЛОС ДУШИ

Все в шкафу раскинъ,
И все теплое
Собери, — в куски
Рвут вопли его.

Прочь, не трать труда,
Держишь — вытащу,
Разорвешь — беда ль:
Станет ниток сшить.

Человек! Не страх?
Делать нечего.
Я — душа. Во прах
Опрометчивый!

Мне ли прок в тесьме,
Мне ли в платъице.
Человек, ты смел?
Так поплатишься!

Поражу глаза
Дикой мыслью я —
— Это я сказал!
— Нет, мои слова.

Головой твоей
Ваших выше я,
Не бывавшая
И не бывшая.

<1920>

СТИХОТВОРЕНЬЕ

Стихотворенье? — Малыши!
Известны ль вам его оттенки,
Когда во всех концах души
Не спят его корреспондентки?

И пишут вам: «Среда. Кивач.
Встаю, разбуженная гулом,
Рассвет кидается кивать
И хлопает холстиной стула.

Как глаз усталых ни тарашь,
Террасу оглушает гомон,
Сырой картон кортомных чаш,
Как лапой, грохотом проломан.

И где-то выпав из корыт,
Катясь с лопаты на лопату,
Озерный округ сплошь покрыт
Холодным потом водопада».

<1921>

ГОЛОД

1

Во сне ты бредила, жена,
И если сон твой впрямь был страшен,
То он был там, где, шпатов пашен
Стуча, шагает тишина.

То ты за тридцать царств отсель,
Где Дантов ад стал обитаем,
Где царство мертвых стало краем,
Стонала, раскидав постель.

2

Страшись меня как крыжака,
Держись как чумного монгола,
Я ночью краем пиджака
Касался этих строк про голод.

Я утром платья не сменил,
Карболкой не сплеснул глаголов,
Я в дверь не вышвырнул чернил,
Которыми писал про голод.

Что этим мукам нет имен,
Я должен был бы знать заране,
Но я искал их, и клеймен
Позором этого старанья.

1922

* * *

Записки завсегдатая
Трех четвертей четвертого,
Когда не к людям — к статуям
Рассвет сады повертывает,

Когда ко всякой всячине
Пути — куда туманнее,
Чем к сердцу лип, охваченных
Росою и вниманием.

На памяти недавнего
Рассвета свеж тот миг,
Когда с зарей я сравнивал
Бессилье наших книг.

Когда, живей запомнившись,
Чем лезть, чем лед, чем ложь,
Меня всех рифм беспомощность
Взяла в свое щемло.

Но странно, теми ж щёмами
Был сжат до синяков
Сон яблони, надломленной
Ярмом особняков.

1922

МАЯКОВСКОМУ

Вы заняты нашим балансом,
Трагедией ВСНХ,
Вы, певший Летучим голландцем
Над краем любого стиха.

Холщовая буря палаток
Раздулась гудящей Двиной
Движений, когда вы, крылатый,
Возникли борт о борт со мной.

И вы с прописями о нефти?
Теряясь и оторопев,
Я думаю о терапевте,
Который вернул бы вам гнев.

Я знаю, ваш путь неподделен,
Но как вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем вашем пути?

1922

GLEISDREIECK

Надежде Александровне Залишупиной

Чем в жизни пробавляется чудак,
Что каждый день за небольшую плату
Сдает над ревом пропасти чердак
Из Потсдама спешащему закату?

Он выставляет розу с резедой
В клубящуюся на версты корзину,
Где семафоры спорят красотой
Со снежной далью, пахнувшей бензином.

В руках у крыш, у труб, у недотрог
Не сумерки, — карандаши для грима.
Туда из мрака вырвавшись, метро
Комком гримас летит на крыльях дыма.

30 января 1923

Берлин

МОРСКОЙ ШТИЛЬ

Палящим полднем вне времен
В одной из лучших экономий
Я вижу движущийся сон, —
Историю в сплошной истоме.

Прохладой заряжен револьвер
Подвалов, и густой салют
Селитрой своды отдают
Гостям при входе в полдень с воли.

В окно ж из комнат в этом доме
Не видно ни с каких сторон
Следов знакомой жизни, кроме
Воды и неба вне времен.

Хватясь искомого приволья,
Я рвусь из низких комнат вон.

Напрасно! За лиловый ф'ольварк,
Под слуховые окна служб
Верст на сто в черное безмолвье
Уходит белой лентой глушь.

Верст на сто путь на запад занят
Клубничной пеной, и янтарь
Той пены за собою тянет
Глубокой ложкой вал винта.

А там, с обмылками в обнимку,
С бурлящего песками дна,
Как кверху всплывшая клубника,
Круглится цельная волна.

<1923>

ПЕРЕЛЕТ

А над обрывом, стих, твоя опешит
Зарвавшаяся страстность муравья,
Когда поймешь, чем море отмель крешет,
Поскальзываясь, шаркая, ревя.

Обязанность одна на урагане:
Перебивать за поворотом грусть
И сразу перехватывать дыханье,
И кажется, ее нетрудно блюсть.

Беги же вниз, как этот спуск ни скользок,
Где дачницыно шелкает белье,
И ты поймешь, как мало было пользы
В преследованьи рифмой форм ее.

Не осмотрайся и времени не выбрав
И поглощенный полностью собой,

Нечаянно, но с фырканием всех фибров
Летит в объятия женщины прибор.

Где грудь, где руки брызгавшейся рыбки?
До лодок доплеснулся жидкий лед.
Прибой и землю обдал по ошибке...
Такому счастьем имя — перелет.

<1923>

ОСЕНЬ

Ты распугал моих товарок,
Октябрь, ты страху задал им,
Не стало астр на тротуарах,
И страшно ставней мостовым.

Со снегом в кулачке, чахотка
Рукой хватается за грудь.
Ей надо, видишь ли, находку
В обрывок легких завернуть.

А ты глядишь? Беги, преследуй,
Держи ее — и не добром,
Так силой — отыми браслеты,
Завещанные сентябрем.

<1923>

НАСТУПЛЕНИЕ ЗИМЫ

Трепещет даль. Ей нет препон.
Еще оконницы крепятся.
Когда же сдернут с них кретон,
Зима заплещет без препятствий.

Зачертыхались сучья рощ,
Трепещет даль, и плещут шири.

Под всеми чертежами ночь
Подписывается в четыре.

Внизу толпится гольтепа,
Пыхтит ноябрь в седой попоне.
При первой пробе фортепьян
Все это я тебе напомним,

Едва допущенный Шопен
Опять не сдержит обещанья
И кончит бешенством взамен
Баллады самообладанья.

<1923>

СЕДЬМОЙ ЭТАЖ

Ах, нас напрасно пернатым
Уподобляет немой!
Видишь, пристрастье к квадратам
Создало город зимой.

Били часы, и мокрицы
Слушали, стыли, ползли.
Выдумать значит открыться,
Это ко благу земли.

Утром, когда ты подперла
Голову мглою дворов,
Не подоконником, — горлом
Чуял я, сколько там дров.

Где мы заимствуем внешность?
Взгляд твой об этом молчит.
Мне же мою неутешность
Снизу внушил антрацит.

<1923>

БОДРОСТЬ

В холодный ясный день, как сосвистав листву,
Ведет свою игру недобрый блеск графита,
Не слышу ног и я, и возраст свой зову
Дурной привычкой тли, в дурном кругу добытой.

В чем состязаться нам, из полутьмы гурьбой
Повышвырнутым в синь, где птиц гоняет гений,
Где горизонт орет подзорною трубой,
В чем состязаться нам, как не на дальность
зренья?

Трещит зловещий змей. Оглохший полигон
Оседланных небес не кажется оседлей,
Плывет и он, плывет, торопит небосклон,
И дали с фонарем являются немедля.

О сердце, ведь и ты летишь на них верхом,
Захлебываясь крыш затопленных обильем,
И хочется тебе поездить под стихом,
Чтоб к виденному он прибавил больше шпилем.

<1923>

1 МАЯ

О город! О сборник задач без ответов,
О ширь без решенья и шифр без ключа!
О крыши! Отварного ветра отведав,
Кыш в траву и марш, тротуар горяча!

Тем солнцем в то утро, в то первое мая
Умаяв дома до упаду с утра,
Сотрите травкою до первых трамваев
Грибок трупоедских пиров и утрат.

Пусть взапуски с зябкостью запертых лавок
Бежит, в рубежах дребезжа, синева

И, бредя исчезнувшим снегом, вдобавок
Разносит над грязью без связи слова.

О том, что не быть за сословьем четвертым
Ни к пятому спуска, ни отступа вспять,
Что счастье, коль правда, что новым нетвердым
Плетням и межам меж людьми не бывать,

Что ты не отчасти и не между прочим
Сегодня с рабочим, — что всею гурьбой
Мы в боги свое человечество прочим.
То будет последний решительный бой.

1923

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

КАРУСЕЛЬ

Листья кленов шелестели,
Был чудесный летний день.
Летним утром из постели
Никому вставать не лень.

Бутербродов насовали,
Яблок, хлеба каравай.
Только станцию назвали,
Сразу тронулся трамвай.

У заставы пересели
¹⁰ Всей ватагой на другой.
В отдаленьи карусели
Забелели над рекой.

И душистой повиликой,
Выше пояса в коврах,
Все от мала до велика
Сыпем кубарем в овраг.

За оврагом на площадке
Флаги, игры для ребят.
Деревянные лошадки
²⁰ Скачут, пыли не клубят.

Черногривых, длиннохвостых
Челки, гривы и хвосты
С полу подняло на воздух,
Опускает с высоты.

С каждым кругом тише, тише,
Тише, тише, тише, стоп.
Эти вихри скрыты в крыше,
Посредине крыши — столб.

Круг из прутьев растопыря,
³⁰ Гнется карусель от гирь.
Карусели в тягость гири,
Парусину тянет вширь.

Точно вышли из токарни,
Под пинками детворы
Кони щелкают шикарней,
Чем крокетные шары.

За машиной на полянке
Лушит семечки толпа.
На мужчине при шарманке
⁴⁰ Колокольчатый колпак.

Он трясет, как дождик банный,
Побрякушек бахромой,
Колотушкой барабанной,
Ручкой, ножкою хромой.

Как пойдет колодкой дергать,
Щиколоткою греметь,
Лопается от восторга,
Сó смеху трясется медь.

Он, как лошадь на пристяжке,
⁵⁰ Изогнувшись в три дуги,
Бьет в ладоши и костяшки,
Мнется на ногу с ноги.

Погружая в день бездонный
Кудри, гривы, кружева,
Тонут кони, и фестоны,
И колясок кузова.

И навстречу каруселям
Мчатся, на руки берут
Зараженные весельем
⁶⁰ Слева роща, справа пруд.

С перепутья к этим прутьям
Поворот довольно крут,
Детям радость, встретим — крутим,
Слева — роща, справа — пруд.

Пропадут — и снова целы,
Пронесутся — снова тут,
То и дело, то и дело
Слева роща, справа пруд.

Эти вихри скрыты в крыше,
⁷⁰ Посредине крыши — столб.
С каждым кругом тише, тише,
Тише, тише, тише, стоп!

1925

ЗВЕРИНЕЦ

Зверинец расположен в парке.
Протягиваем контрамарки.
Входную арку окружа,
Стоят у кассы сторожа.

Но вот ворота в форме грота.
Показываясь с поворота
Из-за известняковых груд,
Под ветром серебрится пруд.

Он пробран весь насквозь особым
¹⁰ Неосязаемым ознобом.
Далекое рычанье пум
Сливается в нестройный шум.

Рычанье катится по парку,
И небу делается жарко.
Но нет ни облачка в виду
В Зоологическом саду.

Как добродушные соседи,
С детьми беседуют медведи,
И плиты гулкие глушат
²⁰ Босые пятки медвежат.

Бегом по изразцовым сходням
Спускаются в одном исподнем
Медведи белые втроем
В один семейный водоем.
Они ревут, плещась и моясь.
Штанов в воде не держит пояс,
Но в стирке никакой отвар
Неймет косматых шаровар.

Пред тем как гадить, покосится
³⁰ И пол обнюхает лисица.
На лязг и щелканье замков
Похоже лясканье волков.
Они от алчности поджары,
Глаза полны сухого жара, —
Волчицу злит, когда трунят
Над внешностью ее щенят.

Не останавливаясь, львица
Вымеривает половицу,
За поворотом поворот,
⁴⁰ Взад и вперед, взад и вперед.
Прикосновенье прутьев к морде
Ее гоняет, как на корде;
За ней плывет взад и вперед
Стержней железных переплет.

И той же проволоки мельканье
Гоняет барса на аркане.
И тот же брусяной барьер
Приводит в бешенство пантер.

Благовоспитаннее дамы,
⁵⁰ Подходит, приседая, лама.
Плюет в глаза и сгоряча
Дает неожиданно стрекача.
На этот взрыв тупой гордыни
Грустя глядит корабль пустыни, —
«На старших сдуру не плюют», —
Резонно думает верблюдов.
Под ним, как гребни, ходят люди.
Он высится крутою грудью,
Вздымаясь лодкою гребной
⁶⁰ Над человеческой волной.

Как бабьи сарафаны, ярок
Садок фазанов и цесарок.
Здесь осыпается сусаль
И блещут серебро и сталь.
Здесь, в переливах жаркой сажки,
В платке из черно-синей пряжи,
Павлин, загадочный, как ночь,
Подходит и отходит прочь.
Вот он погас за голубятней,
⁷⁰ Вот вышел он, и необъятней
Ночного неба темный хвост
С фонтаном падающих звезд!

Корытце прочь отодвигая,
Закусывают попугаи
И с отвращением чистят клюв,
Едва скорлупку колупнув.
Недаром от острот отборных
И язычки, как кофе в зернах,
Обуглены у какаду

⁸⁰ В Зоологическом саду.
Они с персидскою сиренью
Соперничают в опереньи.
Чем в птичнике, иным скорей
Цвести среди оранжерей.

Но вот любимец краснозадый
Зоологического сада,
Безумьем тихим обуян,
Ослабившийся павиан.
То он канючит подаянья,

⁹⁰ Как подобает обезьяне,
То утруждает кулачок
Почесываньем скул и щек,
То бегает кругом, как пудель,
То на него находит удаль,
И он, взлетев на всем скаку,
Гимнастом виснет на суку.

В лоханке с толстыми боками
Гниет рассольник с потрохами.
Нам говорят, что это — ил,

¹⁰⁰ А в иле — нильский крокодил.
Не будь он совершенной крошкой,
Он был бы пострашней немножко.
Такой судьбе и сам не рад
Несовершеннолетний гад.

Кого-то по пути минуя,
К кому-то подходя вплотную,
Идем, встречая по стенам
Дощечки с надписью: «К слонам».

Как воз среди сенного склада,
¹¹⁰ Стоит дремучая громада.
Клыки ушли под потолок.
На блоке вьется сена клок.
Взметнувши с полу вихрь мякины,
Повертывается махина
И подает чуть-чуть назад
Стропила, сено, блок и склад.

Подошву сжал тяжелый обод,
Грохочет цепь, и ходит хобот,
Таскаясь с шарком по плите,
¹²⁰ И пишет петли в высоте.
И что-то тешется средь суши:
Не то обшарпанные уши,
Как два каретных кожуха,
Не то соломы вороха.

Пора домой. Какая жалость!
А сколько див еще осталось!
Мы осмотрели разве треть.
Всего зараз не осмотреть.
В последний раз в орлиный клекот
¹³⁰ Вливается трамвайный рокот.
В последний раз трамвайный шум
Сливается с рычаньем пум.

1925

* * *

Не оперные поселяне,
Марина, куда мы зашли?
Общественное гулянье
С претензиями земли.

Ну как тут отдаться занятию,
Когда по различью путей,
Как лошади в Римском Сенате,
Мы дики средь этих детей!

Проходим меж тем по поляне.
Разбито с десяток эстрад.
С одних говорят пожеланья,
С других — по желанью острят.

Послушай, стихи с того света
Им будем читать только мы,
Как авторы Вед и Заветов
И Пира во время чумы.

Но только не лезь на котурны,
Ни на паровую трубу.
Исход ли из гущи мишурной?
Ты их не напишешь в гробу.

Ты все еще край непочатый.
А смерть это твой псевдоним.
Сдаваться нельзя. Не печатай
И не издавайся под ним.

11 апреля 1926

* * *

Событие на Темзе, столбом отрубей
Из гомозни претензий по вытяжной трубе!
О будущность! О быющий об устье выюшки
дух!
Волнуйся сам, но не волнуй, будь сух!

Ревущая отдушина! О тяга из тяг!
Ты комкаешь кусок газетного листа,
Вбираешь и выносишь, и выплевываешь вон
На улицу, на произвол времен.

Сегодня воскресенье, и отдыхает штамп,
И не с кого списать мне дифирамб.
Кольцов помог бы втиснуть тебя в тиски анкет,
Но в праздник нет торговли в «Огоньке».

И вот, прибой бушующий, не по моей вине
Сегодня мы с тобой наедине.

Асфальтов блеск и дробь подков и гонка
облаков.
В потоке дышл и лошадей поток и бег веков,
Все мчит дыша, как кашалот, и где-то блещет
цель,
И дни ложатся днями на панель.

По полке вверх взбегает плеск нетерпеливых
рук.
Конаясь, дни пластают век, кому начать игру.
Лицо времен, вот образ твой, ты не живой ручей,
Но столб вручную взмывших обручей.

Событье на Темзе, ты — вензель в коре
Влюбленных гор, ты — ледником прорытое тире.
Ты зиждешь столб, история, и в передвижке
дней
Я свижусь с днем, в который свижусь с ней.

19 мая 1926

ИСТОРИЯ

Когда смертельный треск сосны скрипучей
Всей рощей погребает перегной,
История, нерубленую пушей
Иных дерев встаешь ты предо мной!

Веками спит плетенье мелких нервов,
Но раз в столетье или два и тут
Стреляют дичь и ловят браконьеров,
И с топором порубщика ведут.

Тогда, возней лозин глуша окрестность,
Над чащей начинает возникать

Служилая и страшная телесность,
Медаль и деревяшка лесника.

Трещат шаги комплекции солидной,
И озаренный лес встает от дрём,
Вверху плывет улыбка инвалида
Мясистых щек китайским фонарем.

Не радоваться нам, кричать бы нá крик.
Мы заревом любимся, а он,
Он просто краской хвачен, как подагрик,
И ярок тем, что мертв, как лампион.

1927

МОРОЗ

Над банями дымятся трубы,
И дыма белые бока
У выхода в платки и шубы
Запахивают облака.

Весь жар души дворы вложили
В сугробы, тропки и следки,
И рвутся стужи сухожилья,
И виснут визга языки.

Лучи стругают, вихри сверлят,
И воздух, как пила, остер,
И, как мороженная стерлядь,
Пылка дорога, бел простор.

Коньки, поленья, елки, миги,
Огни, волненья, времена,
И в вышине струной вязиги
Загнувшаяся тишина.

1927

РЕМЕСЛО

Когда я, кончив, кресло отодвину,
Страница вскрикнет, сон свой победа.
Она в бреду и спит наполовину
Под властью ожидания и дождя.

Такой не наплетешь про арлекинов.
На то поэт, чтоб сделать ей теплей.
Она забылась, корпус запрокинув,
Всей тяжестью сожженных кораблей.

Я ей внушил в часы, за жуть которых
Ручается фантазия, когда
Зима зажжет за окнами конторок
Зеленый визг заждавшегося льда,

И циферблаты банков и присутствий,
Впивая снег и уличную темь,
Зайдутся боем, вскочат, потрясутся,
Подымут стрелки и покажут семь,

В такой-то, темной памяти событий
Глубокий час внушил странице я
Опомниться, надеть башлык и выйти
К другим, к потомкам, как из забытья.

1928

* * *

Мгновенный снег, когда булыжник узрен,
Апрельский снег, оплошливый снежок!
Резвись и тай, — земля как пончик в пудре,
И рой огней — как лакомки ожог.

Несись с небес, лишай деревья весу,
Ерошь березы, швабрами шурша.
Ценители не смыслят ни бельмеса,
Враги уйдут, не взявши ни шиша.

Ежеминутно можно глупость ляпнуть,
Тогда прощай охулка и хвала!
А ты, а ты, бессмертная внезапность,
Еще какого выхода ждала?

Ведь вот и в этом диком снеге летом
Опять поэта оторопь и стать —
И не всего ли подлиннее в этом?
..... — как знать?

1929

* * *

Жизни ль мне хотелось слаще?
Нет, нисколько; я хотел
Только вырваться из чащи
Полуснов и полудел.

Но откуда б взял я силы,
Если б ночью сборов мне
Целой жизни не вместило
Сновиденье в Ирпене?

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Серый день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Хлопья лягут и увидят:
Синь и солнце, тишь и гладь.
Так и нам прощенье выйдет,
Будем верить, жить и ждать.

1931

* * *

Будущее! Облака встрепанный бок!
Шапка седая! Гроза молодая!
 Райское яблоко года, когда я
 Буду как Бог.
Я уже пережил это. Я предал.
Я это знаю. Я это отведал.
Зоркое лето. Безоблачный зной.
Жаркие папоротники. Ни звука.
Муха не сядет. И зверь не сягнет.
Птица не порхнет — палящее лето.
Лист не шелóхнет — и пальмы стеной.
Папоротники и пальмы, и *это*
Дерево. Это, корзиной ранета,
Раненной тенью вонзенное в зной,
Дерево девы и древо запрета.
Это, и пальмы стеною, и «Ну-ка,
Что там, была не была, подойду-ка...».
Пальмы стеною и кто-то иной,
Кто-то как сила, и жажда, и мука,
Кто-то как хохот и холод сквозной —
По лбу и в волосы всей пятерней, —
И утюгом по лужайке — гадюка.
Синие линии пиний. Ни звука.
Папоротники и пальмы стеной.

1931

НА СМЕРТЬ ПОЛОНСКОГО

Ты был обречен. Твой упрек
Сразил меня смыслом сугубым.
Я видел — и не уберег.
Узнал — и прошел душегубом.

Ты дрался — я жил под шумок,
Ты бурно взывал из дежурной

На помощь, и я не помог.
Но урной и я буду, урна!

И речь моя рвется вперед
Не с тем, чтоб греметь в правнучатах,
А только торопит черед,
Чтоб не горевать в провожатых.

Есть будущее. И туда
Мое за тебя «Благодарствуй».
Там памятливей города,
Признательнее государства.

В ту область открытых сердец
И шлю я, бывшего подонок,
«Прости» свое, смелый борец
И неосторожный ребенок.

17 марта 1932

* * *

Я понял: все живо.
Векам не пропасть,
И жизнь без наживы —
Завидная часть.

Спасибо, спасибо
Трем тысячам лет,
В трудах без разгиба
Оставившим свет.

Спасибо предтечам,
Спасибо вождям.
Не тем же, так нечем
Оплачивать нам.

И мы по жилищам
Пройдем с фонарем,

И тоже поищем,
И тоже умрем.

И новые годы,
Покинув ангар,
Рванутся под своды
Январских фанфар.

И вечно, обвалом
Врываясь извне,
Великое в малом
Отдастся во мне.

И смех у завалин,
И мысль от сохи,
И Ленин, и Сталин,
И эти стихи.

Железо и порох
Заглядов вперед
И звезды, которых
Износ не берет.

1935

* * *

Все наклоненья и залог
Изжеваны до одного.
Хватить бы соды от изжоги!
Так вот итог твой, мастерство?

На днях я вышел книгой в Праге.
Она меня перенесла
В те дни, когда с заказом на дом
От зарев, догоравших рядом,
Я верил на слово бумаге,
Облитой лампой ремесла.

Бывало, снег несет вкрутую,
Что только в голову придет.
Я сумраком его грунтую
Свой дом, и холст, и обиход.

Всю зиму пишет он этюды,
И у прохожих на виду
Я их переношу оттуда,
Таю, копирую, краду.

Казалось, альфой и омегой —
Мы с жизнью на один покрой;
И круглый год, в снегу, без снега,
Она жила, как *alter ego*¹,
И я назвал ее сестрой.

Землею был так полон взор мой,
Что зацветал, как курослеп,
С сурепкой мелкой неврасцеп,
И пил корнями жженный, черный
Цикорный сок густого дерна,
И только это было формой,
И это — лепкою судеб.

Как вдруг — издание из Праги.
Как будто реки и овраги
Задумали на полчаса
Наведаться из грек в варяги,
В свои былые адреса.

С тех пор все изменилось в корне.
Мир стал невиданно широк.
Так революции ль порок,
Что я, с годами все покорней,
Твержу, не знаю чей, урок?

¹ Другое «я», двойник (*лат.*).

Откуда это? Что за притча,
Что пепел рухнувших планет
Родит скрипичные капричьо?
Талантов много, духу нет.

Поэт, не принимай на веру
Примеров Дантов и Торкват.
Искусство — дерзость глазомера,
Влечение, сила и захват.

Тебя пилили на поленья
В года, когда в огне невзгод,
В золе народонаселенья
Оплавилось ядро: народ.

Он для тебя вода и воздух,
Он — прежний лютик луговой,
Копной черемух белогроздых
До облак взмывший головой.

Не выставляй ему отметок.
Растроганности грош цена.
Грозой пади в объятья веток,
Дождем обдай его до дна.

Не умиляйся, — не подтянем.
Сгинь б'ез вести, вернись без сил,
И по репьям и по плутаньям
Поймем, кого ты посетил.

Твое творение не орден:
Награды назначает власть.
А ты — тоски пеньковый гордень,
Паренья парусная снасть.

1936

ПРИСЯГА

Толпой облеплены ограды,
В ушах печатный шаг с утра,
Трещат пропеллеры парада,
Орут упорно рупора.

Три дня проходят как в угаре,
В гостях, в театре, у витрин,
На выставке, на тротуаре,
Три дня сливаются в один.

Все умолкает на четвертый.
Никто не открывает рта.
В окрестностях аэропорта
Усталость, отдых, глухота.

Наутро отпускным курсантом
Полкомнаты заслонено.
В рубашке с первомайским бантом
Он свешивается в окно.

Все существо его во власти
Надвинувшейся новизны,
Коротким сном огня и счастья
Все чувства преобразены.

С души дремавшей снят наглазник.
Он за ночь вырос раза в два.
К его годам прибавлен праздник.
Он отстоит свои права.

На дне дворового колодца
Оттаивает снега пласт.
Сейчас он в комнату вернется
К той, за кого он жизнь отдаст.

Он смотрит вниз на эти комья.
Светает. Тушат фонари.
Все ежится, как он, в истоме,
Просвечивая изнутри.

1941

РУССКОМУ ГЕНИЮ

Не слушай сплетен о другом.
Чурайся старых своден.
Ни в чем не меряйся с врагом,
Его пример не годен.

Чем громче о тебе галдеж,
Тем умолкай надменной.
Не доверяй чужую ложь
Позором объяснений.

Ни с кем соперничества нет.
У нас не поединок.
Полмиру затмевает свет
Несметный вихрь песчинок.

Пусть тучи пыли до небес,
Ты высишься над прахом.
Вся суть твоя — противовес
Коричневым рубашам.

Ты взял над всякой спесью верх
С того большого часа,
Как истуканов ниспроверг
И вечностью запаса.

Оставь врагу его болты,
И медь, и алюминий.
Твоей великой правоты
Нет у него в помине.

1941

В. Д. АВДЕЕВУ

Когда в своих воспоминаньях
Я к Чистополю подойду,
Я вспомню городок в геранях
И домик с лодками в саду.

Я вспомню отмели под сплавом,
И огоньки, и каланчу
И осенью пред рекоставом
Перенестись к Вам захочу.

Каким тогда я буду старым!
Как мне покажется далек
Ваш дом, нас обдававший жаром,
Как разожженный камелек.

Я вспомню длинный стол и залу,
Где в мягких креслах у конца
Таланты братьев завершала
Усмешка умного отца.

И дни Авдеевских салонов,
Где, лучшие среди живых,
Читали Федин и Леонов,
Тренев, Асеев, Петровых.

Забудьте наши перегибы,
И, чтоб полней загладить грех,
Мое живейшее спасибо
За весь тот год, за нас за всех.

1 июля 1942

* * *

Грядущее на все изменит взгляд,
И странностям, на выдумки похожим,
Оглядываясь издали назад,
Когда-нибудь поверить мы не сможем.

Когда кривляться станет ни к чему
И даже правда будет позабыта,
Я подойду к могильному холму
И голос подниму в ее защиту.

И я припомню страшную войну,
Народу возвратившую оружие,
И старое перебирать начну,
И городок на Каме обнаружу.

Я с палубы увижу огоньки,
И даль в снегу, и отмели под сплавом,
И домики на берегу реки,
Задумавшейся перед рекоставом.

И в тот же вечер разыщу семью
Под каланчою в каменном подвале,
И на зиму свой труд обосную
В той комнате, где Вы потом бывали.

Когда же безутешно на дворе
И дни всего короче и печальней,
На общем выступлении в ноябре
Ошанин познакомит нас в читальне...

24 сентября 1942

1917–1942

Заколдованное число!
Ты со мной при любой перемене.
Ты свершило свой круг и пришло.
Я не верил в твое возвращенье.

Как тогда, четверть века назад,
На заре молодых вероятий,
Золотишь ты мой ранний закат
Светом тех же великих начатий.

Ты справляешь свое торжество,
И опять, двадцатипятилетье,
Для тебя мне не жаль ничего,
Как на памятном первом рассвете.

Мне не жалко незрелых работ,
И опять этим утром осенним
Я оцениваю твой приход
По готовности к свежим лишениям.

Предо мною твоя правота.
Ты ни в чем предо мной не повинно,
И война с духом тьмы неспроста
Омрачает твою годовщину.

6 ноября 1942

СПЕШНЫЕ СТРОКИ

Помню в поездах мороку,
Толчею подвод,
Осень отводил к востоку
Сорок первый год.

Чувствовалась близость фронта.
Разговор «катюш»
Заносило с горизонта
В тыловую глушь.

И когда гряда позиций
Отошла к Орлу,
Все задвигалось в столице
И ее тылу.

Я любил искус бомбежек,
Хриплый вой сирен,
Ощетинившийся ежик
Улиц, крыш и стен.

Тротуар под небоскребом
В страшной глубине
Мертвым островом за гробом
Представлялся мне.

И когда от бомбы в небо
Вскинуло труху,
Я и Анатолий Глебов
Были наверху.

Чем я вознесен сегодня
До седьмых небес,
Точно вновь из преисподней
Я на крышу влез?

Я спущусь в подвал к жилицам,
Объявлю отбой,
Проведу рукой по лицам,
Пьяный и слепой.

Я скажу: долой суровость!
Белую на стол!
Сногшибательная новость:
Возвращен Орел.

Я великолепно помню
День, когда он сдан.
Было жарко, словно в домне,
И с утра туман.

И с утра пошло катиться,
Побежало вширь:
Отдан город, город-птица,
Город-богатырь.

Но тревога миновала,
Он освобожден.
Поднимайтесь из подвала,
Выходите вон.

Слава павшим. Слава строем
Проходящим вслед.
Слава вечная героям
И творцам побед!

7 августа 1943

ОДЕССА

Земля смотрела именинницей
И все ждала неделю эту,
Когда к ней избавитель кинется
Под сумерки или к рассвету.

Прибой рычал свою невнятицу
У каменистого отвеса,
Как вдруг все слышат, сверху катится:
«Одесса занята, Одесса».

По улицам, давно не езженным,
Несется русский гул веселый.
Сапер занялся обезвреженьем
Подъездов и домов от тола.

Идет пехота, входит конница,
Гремят тачанки и телеги.
В беседах время к ночи клонится,
И нет конца им на ночлеге.

А рядом в яме череп скалится,
Раскинулся пустырь безмерный.
Здесь дикаря гуляла палица,
Прошелся человек пещерный.

Пустыми черепа глазницами
Глядят головки иммортелей
И населяют воздух лицами,
Расстрелянными в том апреле.

Зло будет отмщено, наказано,
А родственникам жертв и вдовам
Мы горе облегчить обязаны
Еще каким-то новым словом.

Клянемся им всем русским гением,
Что мученикам и героям
Победы одухотворением
Мы вечный памятник построим.

1944

НЕЖНОСТЬ

Ослепляя блеском,
Вечерело в семь.
С улиц к занавескам
Приникала темь.

Замирали звуки
Жизни в слободе.
И блуждали руки
Неизвестно где.

Люди — манекены,
Но слепая страсть
Тянется к вселенной
Ощупью припасть,

Чтобы под ладонью
Слушать, как поет
Бегство и погоня,
Трепет и полет.

Чувство на свободе —
Это налегке
Рвущая поводья
Лошадь в мундштуке.

1949

БЕССОННИЦА

Который час? Темно. Наверно, третий.
Опять мне, видно, глаз сомкнуть не суждено.
Пастух в поселке щелкнет плетью на рассвете.
Потянет холодом в окно,
Которое во двор обращено.

А я один.
Неправда, ты
Всей белизны своей сквозной волной
Со мной.

1953

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Вытянись вся в длину,
Во весь рост
На полевом стану
В обществе звезд.

Незыблем их порядок.
Извечен ход времен.
Да будет так же сладок
И нерушим твой сон.

Мирами правит жалость,
Любовью внушена
Вселенной небывалость
И жизни новизна.

У женщины в ладони,
У девушки в горсти
Рождений и агоний
Начала и пути.

1953

* * *

В разгаре хлебная уборка,
А урожай — как никогда.
Гласит недаром поговорка:
Берут навалом города.

Как в океане небывалом,
В загаре и пыли до лба,
Штурвальщица крутым увалом
Уходит на версты в хлеба.

Людей и при царе Горохе,
Когда владычествовал цеп,
Везде, всегда, во все эпохи
К авралу звал поспевший хлеб.

Толпились в поле и соломе,
Тонули в гаме голоса.
Локобили экономий
Плевались дымом в небеса.

Без слов, без шуток, без ухмылок,
Батрачкам наперегонки,
Снопам к отверстиям молотилок
Подбрасывали батраки.

Всех вместе сталкивала спешка,
Но и в разгаре молотбы
Мужчина оставался пешкой,
А женщина — рабой судьбы.

Теперь такая же горячка —
Цена ее не такова,
И та, что встарь была батрачкой,
Себе и делу голова.

Не может скрыть сердечной тайны
Душа штурвальщицы такой.
Ее мечтанья стук комбайна
Выбалтывают за рекой.

И суть не в красноречьи чисел,
А в том, что человек окреп.
Тот, кто от хлеба так зависел,
Стал сам царем своих судеб.

Везде, повсюду, в Брянске, в Канске,
В степях, в копиях, в домах, в умах, —
Какой во всем простор гигантский!
Какая ширь! Какой размах!

<1956–1957>

* * *

Друзья, родные, милый хлам,
Вы времени прищлись по вкусу!
О, как я вас еще предам,
Глупцы, ничтожества и трусы.

Быть может, в этом Божий перст,
Что в жизни нет для вас дороги,
Как у преддверья министерств
Покорно обивать пороги.

<1957>

АНАСТАСИИ ПЛАТОНОВНЕ ЗУЕВОЙ

Прошу простить. Я сожалею.
Я не смогу. Я не приду.
Но мысленно — на юбилее,
В оставленном седьмом ряду.

Стою и радуюсь, и плачу,
И подходящих слов ищу,
Кричу любые наудачу,
И без конца рукоплещу.

Смягчается времен суровость,
Теряют новизну слова.
Талант — единственная новость,
Которая всегда нова.

Меняются репертуары,
Стареет жизни ералаш.
Нельзя привыкнуть только к дару,
Когда он так велик, как Ваш.

Он опрокинул все расчеты
И молодеет с каждым днем,
Есть сверхъестественное что-то
И что-то колдовское в нем.

Для Вас в мечтах писал Островский
И Вас предвосхищал в ролях,
Для Вас воздвиг свой мир московский
Доносчиц, приживалок, свах.

Движеньем кисти и предплечья,
Ужимкой, речью нараспев
Воскрешено Замоскворечье
Святых и грешниц, старых дев.

Вы — подлинность, Вы — обаянье,
Вы вдохновение само.
Об этом всём на расстояньи
Пусть скажет Вам мое письмо.

22 февраля 1957

* * *

Перед красой земли в апреле
Опять как вкопанный стою.
Но север держит в черном теле
Тебя, родимую мою.

Зачем отмерены так куцо
Дерзанья наши и мечты,
И не дано нам развернуться
От сил и сердца полноты.

Мне мир открыт, я миру ведом,
Зачем мне даром пропадать
И за общественным обедом
Из хлеба шарики катать.

Зачем отмалчиваться робко,
Свое заветное тая,
Зачем расхлебывать похлебку,
Которую варил не я.

Столом с посудой лучше грохну,
Пускай и отобью кулак,
Но с общим стадом не заглохну
В толпе ничтожеств и кривляк.

В компании личин и кукол
Комедии я не ломал,
И в тон начальству не сюсюкал
В толпе льстецов и прихлебал.

<1957>

О БОГЕ И ГОРОДЕ

Мы Бога знаем только в переводе,
А подлинник немногим достигим.
Зимою городское полугодье
На улицах нас сталкивает с ним.

Нас леденит ноябрь, и только дымы
Одушевляют небо по утрам.
И крыши постепенно вводит в зиму
Наставшее Введение во храм.

Действительность наполовину сказка
И служит нам закваскою всего.
Нередко на снегу бывает Пасха,
А и подавно снежно Рождество.

От века святы летние просторы,
Но город требует его надзора.

<1957>

* * *

Деревья, только ради вас,
И ваших глаз прекрасных ради,
Живу я в мире в первый раз,
На вас и вашу прелесть глядя.

Мне часто думается, — Бог
Свою живую краску кистью
Из сердца моего извлек
И перенес на ваши листья.

И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность,
В ней тоже простота травы,
Листвы и выси непривычность.

<1957>

ЧУВСТВО ЖИЗНИ

Существовать не тяжело.
Жить — самое простое дело.
Зарделось солнце и взошло
И теплотой пошло по телу.

Со мной сегодня вечность вся,
Вся даль веков без покрывала.
Мир Божий только начался.
Его в помине не бывало.

Жизнь и бессмертие одно.
Будь благодарен высшим силам
За приворотное вино,
Бегущее огнем по жилам.

<1957>

* * *

Когда я с честью пронесу
Несчастий бремя,
Означится, как свет в лесу,
Иное время.

Я вспомню, как когда-то встарь
Здесь путь был начат
К той цели, где теперь фонарь
Вдали маячит.

И я по множеству примет
Свой дом узнаю.
Вот верх и дверь в мой кабинет
Вторая с краю.

Вот спуск, вот лестничный настил,
Подъем, перила,
Где я так много мыслей скрыл
В тот век бескрылый.

<1958>

* * *

Как ко всему на свете глухо
Одно крыльцо.
Сломай черемуху и нюхай,
Скрыв в ней лицо.

Не надо следовать заветам
Ничьих эпох.
Вся жизнь со всем ее секретом —
Как этот вздох.

Сама земля дает анализ
Своих...

Мы в этом запахе рождались
И с ним умрем.

Чтобы подслушать эту душу
И клад унести,
Я не один закон нарушу,
А все как есть.

.....

Воды журчащей переливы,
Теченья речь
Ночами буду терпеливо
Ходить стеречь.

Хотя б вы стали целым светом
На берегу,
Я с вами и любым запретом
Пренебрегу.

<1958>

ЭКСПРОМТЫ. СТИХИ НА СЛУЧАЙ

А. Л. ШТИХУ

Как видишь, уезжает викинг,
Живи счастливо, пей кумыс,
Пей молоко и с ним грызи Кинг¹
И постулируй. Твой Борис.

1910

<ГАРТМАННУ>

Гляди — он доктор философии,
А быть ему — ее ветеринаром.
Растет от Гегеля и кофея
Титан пред каждым новым семинаром.

Мне милы все, кто духом нищие,
А с чем сравнится жеваный картофель?
Но отчего б хотелось этой пищею
Немецкий перемазать профиль?

<1912>

¹ А Кинг — это такие черные Альбертики у Эйнема.
(Прим. Б. Пастернака.)

С. П. БОБРОВУ

(Надпись на книге «Близнец в тучах»)

Когда в руке твоей, фантаст,
Бледнеет солнце вспышкой трута,
Само предназначенье сдаст
Тебе тогда свои редуты...

20 декабря 1913

Ю. П. АНИСИМОВУ

(Надпись на книге «Близнец в тучах»)

Когда ж лиловой двери
Не стали в ночь захлопывать,
В ненастье шло поверье,
Глушила осень проповедь.

<Декабрь 1913>

КАЧКА В ДОМЕ

(Буриме)

Последствий шаткости *не чая*,
Шалить ударилось *стекло*.
Плеща с клеенки и *качая*,
Приличье с блюдец *стекло*.

Плывет газета. Мокнет *«Роста»*.
Крещенный кипятком *Талмуд*
Глядит на это дело *просто*.
Он знал, что буриме *доймут*.

Талмуд в догадках, пол ли в *доме*
Вскочил в пролетку к *лихачу*,

Иной ли пол какой, а *кроме*
Кому еще — и *хохочу*.

А июнь грустит, что ветер — *случай*.
Что высь садов *водораздел*,
Где тополь ночь рукой *колючей*
Разденет, если не *раздел*.

<1919>

Л. Ю. БРИК

(*Надпись на рукописи книги «Сестра моя, жизнь»*)

Пусть ритм безделицы октябрьской
Послужит ритмом
Полета из головотяпской
В страну, где Уитман.

И в час, как здесь заблещут каски
Цветногвардейцев,
Желаю Вам зарей чикагской
Зардеться.

<1919>

С. С. АДЕЛЬСОН

Есть странности, и смысл одних
Жесток, других неясен;
Есть странность в том, что этот стих
Без повода прекрасен;

Что, взявшийся невесть когда,
Неведомо откуда,
Он отгорает без вреда,
Зажженный не без чуда;

Что под карандашом отца,
Ночами на портрете,
Вы той же странностью лица
Горите на две трети.

Ноябрь 1921

Москва

А. Е. КРУЧЕНЫХ

Пока мне рифмы были в первоучину,
Я бил крюшон из них и пек драчёны.
Былой мучитель их и ныне мученик,
Скорблю о них: спина к спине прикрученных,
И не затем тащу их из рекрутчины,
Чтоб в рекруты сдавать тебе, Крученных!

Да и к чему? Негибкое и ломкое
Всему сибирское прозвание помхою¹.
Допустим, я с десяток «чёнков» скомкаю,
Пушу «барчёнка», приплету «девченок»...

Нет, тут (а каковы-то были бронхи!)
Задохся б сам бессмертный «арапченок».
Притом не хитрость, мир зверей затронувши
Ручных, равно как и неприрученных,
Пройтись с тобой по линии детенышей.
Тогда, исчерпав скотники до донышек,
На «конюхе» ль сошлись бы мы, Крученных?

5 января 1928

¹ Помхою — помехою (диалект.). (Прим. Б. Пастернака.)

Я. З. ЧЕРНЯКУ

«Поверх барьеров», склок и сплетен,
Грозящих дружбу разорвать,
Дарю тебе цветы и ветер,
Стихи и первую тетрадь.

1929

Б. И. КОРНЕЕВУ

Пока Вы бились с Эриванью,
Мне изменяло дарованье.
И я, попав при всех впросак,
Потел над этим, как дурак.

20 августа 1931

В ЧУКОККАЛУ

Юлил вокруг да около,
Теперь не отвертеться,
И вот мой вклад в Чукоккалу,
Родительский и детский.

Их, верно, надо б выделить,
А впрочем, все едино,
Отца ли восхитителю
Или любимцу сына.

Питомице невянущей
Финляндских побережий,
Звезде Корней Иваныча
От встречного невежи.

Задору речи, ритменной,
Невыдуманно-свежей,
За Колю и за Whitman'a
Мой комплимент медвежий.

25 февраля 1932, 12 ч. ночи

ТАТЬЯНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ТОЛСТОЙ

(Надпись на книге «Воздушные пути»)

Чем незаслуженнее честь,
Тем знак ее для нас священной.
Всё это в преизбытке есть
И в Вашем лестном посвященьи.

Благодарю. Горжусь и рад
Попасть под Ваш протекторат.

6 июня 1933

<В АЛЬБОМ НИТЫ ТАБИДЗЕ>

Пуškai мне служат красной нитью
Среди закрытых мглою дней
Живые пожеланья Ните:
Ее родителям и ей.

24 ноября 1933

Тбилиси

А. И. ВЬЮРКОВУ

Пришел за пачкой облигаций,
А ты мне вместо них — альбом.
Изволь-ка рифмами лягаться,
Упершися в страницу лбом.

5 июня 1936

* * *

Мы пили чай из красных чашек,
И всех я матерно ругал,
А мой запасный карандашик
Строчил лениво — мадригал.

И вспомнил я — ушедших — Колю
С женой. Ночник мигал.
А в уголке — наевшись вволю —
Сельвинский тихо хохотал.

22 августа 1942

А. Е. КРУЧЕНЫХ

Вместе с Алешей
В обществе муз
Жизнью хорошей
Не нахваляюсь.

И под руку с Морозовым —
Вергилием в аду —
Все вижу в свете розовом
И воскресенья жду.

8 августа 1943

АЛЕКСЕЮ КРУЧЕНЫХ

Вместо поздравления

Я превращаюсь в старика,
А ты день ото дня всё краше.
О Боже, как мне далека
Наигранная бодрость ваша!

Но я неправ со всех сторон.
Упрек тебе необоснован:
Как я, ты роком пощажен
Тем, что судьбой не избалован.

И, близкий правилам моим,
Как всё, что есть на самом деле,
Давай-ка орден учредим
Правдивой жизни в черном теле!

Позволь поздравить от души
Тебя и пожелать в награду
И впредь цвести. Мечтай, пиши
И нас своим примером радуй.

21 февраля 1946

ЕВГЕНИИ КАЗИМИРОВНЕ ЛИВАНОВОЙ. ИМЕНИННИЦЕ

Еще я не знаю,
Что я сочиню.
Прости мне, родная,
Мою болтовню.

Будь счастлива, Женечка!
Когда твой Борис
Под мухой маленечко,
Прости, не сердись.

Ведь ты — самый крепкий
Его перепой.
Он стал бы как щепка,
Но полон тобой.

Кто без недостатка,
Безгрешен и чист?

Борис твой — загадка,
Мятежный артист.

И после банкета
И тяжкого сна
Ты — небо рассвета,
Покой, тишина.

Как самый завзятый
Простой семьянин
Я чествую дату
Твоих именин.

Она мне внушила
«Звезду Рождества»
И всех нас скрепила
Печатью родства.

6 января 1951

**ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ
И МАРИИ АНТОНОВНЕ ЧАГИНЫМ**

(Надпись на книге «Фауст» Гёте)

Сколько было пауз-то
С переводом Фауста,
Но явилась книжица —
Все на свете движется.
Благодетельные сдвиги
В толках средь очередей.
Чаще выпускают книги,
Выпускают и людей.

6 января 1954

* * *

Культ личности забрызган грязью,
Но на сороковом году
Культ зла и культ однообразья
Еще по-прежнему в ходу.

И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Одних свиноподобных рож.

И культ злоречья и мещанства
Еще по-прежнему в чести,
Так что стреляются от пьянства,
Не в силах этого снести.

1956

А. П. ЗУЕВОЙ

Великой истинной артистке
Поклон мой низкий поясной
И в телефонном этом списке,
И в этой книжке записной.
У нас на даче въезд в листве,
Но, как у схимников Афона,
Нет собственного телефона.
Домашний телефон в Москве,
Где никогда нас на застать.
На всякий случай: буква В,
Один, семь, семь, четыре, пять.

1957

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

1910—1913

* * *

Гримасничающий закат
Глумится над землей голодной.
О как хохочет вешний чад
Над участью моей безродной.

Рванувшейся земли педаль,
Твоей лишившаяся тайны,
Как мельниц машущая даль
В зловещий год неурожайный

[Как этих мельниц взлет бесцельный,
И смысл предания забыт
О крысолове из Гамéльна.]

<1910>

* * *

Опять весна в висках стучится,
Снега землею прожжены,
Пустынный вечер, стертый птицей,
Затишьем каплет с вышины.

Опять одною полой, плоской,
Пустою каплей звонят пост,
Опять березовые слезки
Над далью озимых борозд.

Всё тишь! Пока лишь чье-то сердце
Безлюдия не полоснет,
Пока заплакавшие дверцы
Не свергнут запустений гнет.

<1910>

БЕТХОВЕН МОСТОВЫХ

Какой речистою зарей
В проталинах пылает камень!
Но кто-то в улице — второй
Каменьев задувает пламень.

Так движет иногда полы
Сосед, донесшись из-под бревен,
И вдруг... сонаты кандалы
Повлек по площади Бетховен.

Окно закрыли. Смыт побег.
Одна весна лишь над висками.
Кресты и клики пересек
Филармонический экзамен.

<1910>

* * *

Безумный, жадный от бессонниц,
Как пересохшая гортань,
Зрачок приник к земле оконниц,
В порыве изломав герань.

Холодным городом оконце
Забило: захлебнулся зев.
Нет ночи: жгла она, как солнце,
Наведенное на посев.

<1910>

* * *

По вечерам случаться грудью
В весне и цепенеет дух.
Как сеть, состегано безлюдье
Из жизней, проступивших вслух.

Как капли из моих артерий.

<1910>

* * *

Пощады! Горестным курьезом
За детством наш приправлен роздых,
И мы как тот притихший воздух,
Приговоренный к рослым грозам.

Что может быть несообразней
И что безумнее причуды
Самоубийц подвергнуть казни,
Зарыть живьем, вернув оттуда.

<1910>

* * *

И дышит, дышит снежной гнилью,
На сумрак распадаясь двор.
На снеге тихие усилья
Свечой затрепетавших створ.

<1910—1911>

ВЕСНА

В померкших коридорах корь.
Прохожих лица — зерна снега.
И адский пламень карих зорь
Занялся над кобылой пегой.

Колючий город — ясный ключ
В истоках ключевого неба,
В <турнирах> траурный сургуч.
Блеснет краями кожа кэба.

<1910—1911>

ENSEIGNEMENT¹

Л<ене> В<ысоцкой>

Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Я научу тебя тому блаженству,
Которого не заменяет ласка.
Ты ж надо мной, как можешь, верховенствуй,
Во мне печаль послушного подпaska.

Когда ненастье выбившейся прядью
Благословит твое изнеможенье,
Будь воскресающею двугорядью
Любого опочившего движенья.

И, пробудясь, обманутое эхо,
Втори своей пригрезившейся грусти,
Скорбь отклика разнузданнее смеха —
Она — венцом на каждом златоусте.

¹ Обучение (фр.).

Покинут миг минувший — ты в отъезде,
Он ждет тебя с покорностью пёсией,
Но будь трабантом в дней своих созвездьи,
Вернись, вращайся с их певучей осью.

Я научу тебя тому восторгу,
Что каждую утолевает жажду,
Не покидай воздвигнутого морга,
Будь вечно с тем, что там легло однажды.

<1911>

* * *

[Как читать мне! Оплыли слова.
Ах откуда, откуда сквожу я?
В плошках строк разбираю едва,
Гонит мною страницу чужую]

<1911>

* * *

И сделай драму мне,
Пусть день короткий,
И осень вязкой поступью своей,
Походкой туч, бессонною походкой,
Походкой туч, замесит стекла мне.

<1911>

[ОБОЗНЫЙ ГОРОД]

Но город, как обоз, просмолен,
И в небе гряды сонной одури,
Над ней предплечья колоколен
Сравнились в росте, как повобыри.

<1911>

* * *

Шарманка ль, петух, или окрик татар,
Или хрипы хронических гриппов,

Но ясны клики: «Готовься, готовься»,
И ясно: земля снаряжённая — в дегте,
И ясно: пора — и не знаю вовсе,
Зачем, пред чем ты засучишь локти.

И женщина: Правда, так чисты друзья,
Как атлас в поэме Кристабель.
Вокруг арестантов сверкают края
Застуженных прорубей — сабель.

<1911>

* * *

С кем в стихе назначено свиданье?
Изгородью строк ведет тропа.
В чаще — всё то же ожиданье,
Но неслышна тайная стопа.

Землистый и пчелиный лик,
Как хищник, копит позолоту...

<1911>

* * *

Дар поступи — дар привиденья.
О шаг взбирающихся в явь!
Что покачнувшись над ступенью,
[Во мраке возникают вплавь.]

И повесил солнце на дышле —
Душу ж смерть привязала за кузов,
Когда музыка с мальчиком вышла,
Не слышали стонущих грузов.

Дико мчаться: за бургами бурги
¹⁰ Убегают в беспросветных путах.
Над землею — безумные жмурки,
Солнце скрыто четверкою лютых.

<1911>

* * *

Что, если Бог — сорвавшийся кистень,
А былъ — изломанной души повязка,
А ты, любовь, распарывая день,
Ослабишь былъ и не услышишь хряска.

Иль с отречением, ты думаешь, что крепок,
Что властен день и груб и чужд легенд.
Но ты не знаешь: тело — только слепок
Богов, или боготворимых щепок,
Или из Библии исполненный фрагмент.

¹⁰ И помню я, как вечера сличали
С открытым небом стан твоих одежд.
С тем небом, что откапывают греки.
О, как глумились небеса-калеки
Над тем, что я — один из тех невежд,
Что свергли плоть, что царственной печали.
[Но уж давно, и там, уже вначале,
В начале дней моих]

<1911>

* * *

И был ребенком я. Когда закат
Равнял единокровные предметы,
Пололок голени ступали в ряд
С лучами пресмыкавшегося лета.
Они, как копья рыцарей царили,
Они от мирной православной пыли

Бессмертье танца шли освобождать.
И танец, как нашитый тяжкий крест.
И мальчик шел их танцу сострадать.
¹⁰ И изумленные зрачки зори в цистерне
Клевали сумерки, слетаясь на насест.

И когда сумерки меня перегоняли,
Им нужно было посмотреть вперед,
Как станет амазонкою подросток,
Как с обреченной грудью он взойдет
На женственной готовности подмосток.

<1911>

* * *

Я грущу об утерянном зле,
О покаянной и о санной,
О закруженной выюгой земле
И об оттепели окаянной.

И о днях, о двоящихся днях,
Об оградах, подкошенных песней,
И о том, сколько муки монах
Претерпел, чтоб ступить бестелесней.

И о том, как стоят купола
¹⁰ И охрипло пропетые кровли
С твоим кровом певучим. И мгла.

В зле двоящихся надо земель,
Где бы Богу рождаться без срока,
По земле нераспутанный хмель
Подползает на ропот пророка.

<1911>

* * *

Так страшно плыть с его душой
И с нею же терпеть крушение,
Как страшно, будучи левшой,
Поверенного взять в лишения.

Напрягшись — различала снасть
Муть звезд от мути океана,
Такою же межою страсть
Вступает в хаос окаянный.

Как страшно — вспоминать со дна,
¹⁰ Со дна, где всё навеки жалко,
Там в поднебесии видна
Твоя нетонущая палка.

Но он узнал. Немая твердь
Безбрежности не знает жалоб.
И люто льющуюся смерть
Он подал ей на плитах палуб.

Над морем часто кто-то греб,
А он — в сто первый раз за сотым
Свой грустный говорливый гроб
Вновь пересказывал высотам.

<1910—1911>

* * *

И мимо непробудного трюмо
Снега скользят и достигают детской,
Быть может, им послушно и само
Дрожанье в елке позолоты грецкой.

О, этот шелестящий коленкор
Повешенных в парче своей орешни,
И как нездешний шорох этот смешан
С молчаньем ангела и звоном бус и шпор.

О, как отдастся первою гирляндой
Свечам и вальсу россыпь синих бус,
И так же глухо мальчик в шапке гранда,
И так же глухо...

<1910—1911>

* * *

[Плоскою] грудь[ю] подростка,
Небо ночное весной.
Я и земля — как мы жестки
Супротив близи ночной.

Мы с перекрестком — одни,
Верь же мне, небо — ребенок,
Палевой ночи сродни
Звонкий закон амазонок.

[Что ж этот выжженный тельник,
Коль не любви был клич, —
Неумолимый мельник
Ожил из былей и притч]

<1911>

* * *

Мастер уехал давно,
Вверивший мне двери.
Солнце встало в бруствере
Полею обожжено.

Уже небо не рушится
Целой ночью свежего сена.

<1911—1912>

* * *

Пространства туч — декабрьская руда
Обременяет скошенные зданья.
По санной грусти водит, как всегда,
Фонарь смычком из машущих мерцаний.

И как всегда, наигрывает мглу
Бессонным и юродивым тапером,
И как и ране, сумерек золу
Зима сыпает дующим напором,

И как и ране, дождик конских морд
¹⁰ Накрапывает снежною решеткой,
И как всегда, <заплаканно> и кротко
В обмылках вьюги фосфор улиц стерт,

И как всегда, сошлись нараспев
Картавящие газом перекрестки,
Как раньше, тень бессонного подростка
Вдевает в стены колющий рельеф.
(Ах, как старьевщица сшивает стены тени.)

И как всегда, из-под громадных шуб
Глядят подведенные газом лица,
²⁰ Рябое небо, видно, сносят птицы
И выкорчевывают древний дуб
Ветвистых благовестов, всё как всегда.

И вот ползет разрыхленно и гулко
Бессвязных туч гудящая руда,
И вот кормилицей к грудному переулку
Престольная нагнулась, как всегда.

И вдруг настал чудовищный обмен,
Когда, беззвучней уличных испарин,
Пропало небо и когда вдоль стен,
³⁰ Как благовест, всползал громадный барин.

И как обычай, знает каждый зрячий:
Что сумерки без гула и отдачи
Взломают душу, словно полый зал.

Душа же — плошка с плещущим глазком,
Которую лакает ураган.
О нет! Душа — воркующий причал
С заступнической жалобой о том,
Как загнан с ним гостящий океан.

<1911—1912>

* * *

Быть полем для себя; сперва как озимь,
Неузнаваемая озимь. И сквозь сон
Услышать, как разбился скорбно оземь
Запекшихся ржаных пространств разгон.
Быть полем для себя; всё ежедневней
Идти события душного межой
И знать, что поздно...

<1911—1912>

* * *

Немотно! Насильственно заперт
Дар детства — и годы прошли.
Уродам, заполнившим паперть,
Поклонимся, брат, до земли.

Поклонимся пьяным калекам,
За шуткой поднявшим ладонь,
Ведь если каким человеком,
То ими зажжен наш огонь.

Своей пестротой накожной
Сгоняют несбывшийся бред,

И видны в подачке тревожной
Следы оживающих лет.

Шесть черных и белых шесть пешек
Завяжут и нашу игру.
Поклонимся из-за насмешек
И нищему духом нутру.

<1911—1912>

* * *

И если бы любовь взяла
Со мной, со мною долю были,
У дребезжащего стекла
Мои б черты с тобой застыли.

Играй же мною, утро крыш,
Играйте, боги изголовья,
Как шевелящийся камыш,
Заглохший город над любовью.

И для кого фитиль потух,
Рассветным небом запыленный,
О пустырях своих петух
Закличет, далью опыленный.

<1912>

* * *

Бесцветный дождь... как гибнувший патриций,
Чье сердце смерклося в дар повествований...
Да солнце... песнью капель без названья
И плачем плит заплачено сторицей.

Ах, дождь и солнце... странные собратья!
Один на месте, а другой без места...
Один с землею в пылкости объятья,
А где другого спетая невеста?

И дождь стоит, и думает без шапки,
С грустящей степью, степью за плечами.
А солнце ставит дни, как ставят бабки,
Чтобы сбивать их грязными лучами.

1912

* * *

Он слышал жалобу бруска
 О лезвие косы.
Он слышал... падала плюска...
 И шли часы.
О нет, не шли они... Как кол
 Колодезной бадьи,
Над севером слезливых сел,
 Что в забытии,
Так время, радуясь как шест,
 Стонало на ветру
И зыбью обмелевших звезд
 Несло к утру.
Распутывали пастухи
 Сырых свирелей стон,
И где-то клали петухи
 Земной поклон.

1912

ЭЛЕГИЯ 3

Бывали дни: как выбитые кегли,
Ложились в снег двенадцатые дня.
Я видел, миги местничеств избегли,
Был каждый сумрак полднем вокруг меня.

И в пустырях нечаянных игрищ
Терялись вы, ваш целившийся глаз.
Теперь грядущего немой парáлич
Расколыхал жестокий ваш отказ.

Прощайте. Пусть! Я посвящаюсь чуду.
Тасуйте дни, я за века зайду.
Прощайте. Пусть. Теперь начну оттуда
Святимых сроков сокрушать грядущу.

1912

* * *

Там, в зеркале, они бессрочны,
Мои черты, судьбы черты,
Какой себе самой заочной
Я доношусь из пустоты!

Вокруг — изношены судьбою,
Отправленные в города,
Тобой повитые, тобою
Разбросаны мои года...

1912

* * *

Пусть даже смешаны сердца,
Твоей границей я не стану,
И от тебя — как от крыльца
Отпрянувшая в ночь поляна.

О, жутко женщиной идти!
И знает этих шестивий участь
Преображенная в пути
Земли последняя певучесть.

1912

* * *

В пучинах собственного чада,
Как обращенный канделябр,
Горят и гаснут водопады
Под трепет траурных литавр.

И привиденьем Монгольфьера,
Принесшего с собой ладью,
Готард, являя призрак серый,
Унес долины в ночь свою.

1912

* * *

Кто позовет амазонку в походы,
Где меж сестер, polegших грудю,
Весть пронесется над ней, одногрудю,
Взяты, горят — грядущие годы.

<1912>

PIAZZA S. MARCO

Я лежу с моей жизнью неслышною,
С облаками, которых не смять.
Море встало и вышло, как мать,
Колыбельная чья — уже лишняя.

Потому что водою вдовиц
Приоделися рифы и россыпи.
Говор дна — это скрип половиц
Под его похоронною поступью.

В серый месяц, как в старые латы,
Не вмещается лай собак,
Отекают туманом телята,
И уходит в степь рыбак.

О, какой он рослый в споре
С облаками. Как — он рослый?
Вскоре ты услышишь: море
Перевесит его весла.

1912

* * *

Пускай рассвет полынный даже
С годами горше и бездонней,
Но мертвеннее зыбь адажий,
Полеглих у твоих ладоней.

И мы живем уже для фрески,
Заказанной на Santo Campo...

1912

* * *

За ними пять слепых застав,
Друг с другом сросшися, повисли,
Как шаг слепых на коромысле,
Что жмет вожатого сустав.

Слепцы без далей и сторон,
Как ночь трабантов над ключиц<ей>.
Не таковы ль труды бойницы
В венце созвездий и ворон.

<1912>

* * *

Resté dans ton étreinte¹.

Новог. Телегр. 1913

Я найден у истоков щек,
Я выброшен к истокам смеха.
Высоко надо мной висок
И свеч двоящееся эхо.

¹ Остаюсь в твоих объятьях (*фр.*).

О, только б на песках меня
Не подобрал никто, не отнял,
И только об отнятии дня
Под поцелуем пела отмель.

И я — как в Риме на ремне,
Увековеченный увечьем.
Шуми и ты же вечно мне,
О плещущее ты предплечье.

1913

* * *

Пусть над тобою, друг,
Венцы, и тучи, и безбольный,
Светающий домов испуг
Сойдутся стоном семиствольным.

<1913>

* * *

Пусты объятья башенных
Раскинутых часов,
Сыпучий снег — некрашенный
И взломленный засов.

Пусты объятья до восьми,
Осыпанные вслух
Бесснежьем прежним и людьми,
Лишившимися вьюг.

Пусты. О, все ль разлучены
И посетят снега...

<1913>

* * *

И словно наугольник площадей
Смежил своей любовью ее руку,
И снаряженная отчалила любовь —
И кисть ее чрез мир переправляла.
Так на груди переправляют скрипку
За мир, где люстрою стрекочет зал
< > гибко.

<1913>

* * *

С каждым шагом хватаюсь за го́лову —
Ты везде, везде, везде.
И у ног моих — осени олово
Не дает грохотать езде.

Ты — сереющий сумрак за астрами,
Пу́стынь дач в крапленном песке,
Ты взвивающимися пилястрами
Не даешь опадать тоске.

Я напутствую галкам за форточкой,
Тотчас их забыв струю,
Остановлен лазурною черточкой,
Вновь тебя в ней узнаю.

<1913>

* * *

Облака были осенью набело
В заскорузлые мхи перенесены.
На дорогах безвременье грабило
Прошлой ночи отъездные сны.

И семьей постригаемых падчериц
Зачернели порывы елей,
Перебегами палевых ящериц
Были судороги полей.

О, подветренных вересков вретище!
О, просторов разнузданных ветр,
Полнокровными гребнями метящий
Побережье березовых недр.

<1913>

* * *

Грозя измереньем четвертым
И смерти предрекши погибель,
Душа шла на прибыль, на прибыль,
И сердце излилось за бортом.

Я думал об этом наплыве,
Об этом извергнутом счастье,
Я думал о том, что счастливей
Цветы, оттесняя ненастья.

В тот день, когда венчик двугубый
Безвестному вверит влечение,
И скажут цветные раструбы
О страсти его измещеньи.

Я чуял над собственным бредом
Всплеск тайного многолепестья,
Мой венчик незрим и неведом,
Шумел в запредельное вестью.

<1913>

ПЕРЕДЫШКА

Прочь от стиха! И выйди убедиться,
По-прежнему ли воздан небосклон
Суровых стен блеснувшей водицей,
И всё ль, как встарь, землей он обрамлен?

Как век назад, есть еще твердь на свете
И вытянулись лагерь дожди.
Как век назад, грозятся взмахом плети
Флагштокам праздным ветры площади.

И коль как встарь, с окраиной подпалин
Границы нет вечернему свинцу,
Не ново ль то, как вечер опечален,
Что век стиха пришел сейчас к концу.

<1913>

* * *

Недоуменье очных ставок,
От долу выросши в сажень,
Здесь сшиблено с покойных лавок
В ступню целуя первый день.

<1913>

* * *

Быть может, над городом нынче
Зажглось в поднебесьях окно,
Под ним он не так половинчат,
И городу сердцем оно.

<1913>

* * *

Сегодня пригород прискорбий
Сказался рядом, в двух шагах,
Во встречном, с ношею двугорбий,
И облачных его глазах.

Из саду под рассадой ветра
Погнало водяной валун,
Но бражно брезжущему центру
Простил и этот гнет горбун.

Не дерном вод своих убрала
Даль поднебесий бледный лик,
Но сам горбун кустом коралла
К безлистным небесам поник.

О, торса странная подушка
С усекновенной головой
Поддерживает, будто служка,
Лик Иоанна вековой.

<1913>

* * *

Я не ваш, я беспечной черни
Беззаботный и смелый брат.
И досуги народной вечерни —
Ключари мне постылых врат,

Где, отрекшись от самоуправства,
Я в рабыни продал тоску.
Полумрак их подменного графства
Над душою моей начеку.

Но открытой отдушины дырочка,
Осчастливив столицей извне,
До последней отсчитанной выручки —
Утешеньем единственным мне.

<1913>

* * *

На волю, на волю, на волю!
Захлопнулся тяжкий затвор.
Ах, снова себе я позволю
Стать скорбью, грустить до тех пор,

Покамест подменного принца
Не сменится озором сон,
Не встретит < ? > любимца
Мать, тип возрожденных матрон.

И купленная улыбка
С лица моего не сойдет,
Но шибко, хоть сдержанно, шибко
Зарю свою сердце забьет.

<1913>

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ИЗ ЗАПИСОК СПЕКТОРСКОГО

1

Все стремятся на юг Кисловодским этапом.
Им числа нет. Но на море тянет не всех.
Я оброс, обносился, кажусь сиволапым,
Много занят, понятно, не чинкой прорех.

Удивительно, как я держусь с раболепством
Перед теми, к кому отношусь свысока.
Совершенно робею пред умственным плебсом.
Эти попросту видят во мне босяка.

Между прочим, Наташа... но это же порох!
Спорить с ней невозможно, не спорить нельзя.
Больше месяца было потрачено в ссорах,
Тем не мене расстались мы с ней как друзья.

Душно. Парит. Врывается ветер и с сапом
Осыпает поднос и записки песком.
Под Москвой тот же вихрь по соломенным
шапкам
Веет чем подушистей, чем тут на Тверском.

Мокнут кофты. Изогнутой черной подковой
Над рекою висит, холодея, гроза.
Как утопленница, кувырком, бестолково
Проплывает сквозная, как газ, стрекоза.

На лужайке жуют, заливают за галстук.
Заливая плоты, бьет вода о борта.
Ты ж как дух, у приятелей числишься в Фаустах.
И отлично. И дверь ото всех заперта.

Я Наташе пишу, что секрет чернокнижья
Грезить тем, что вне вымысла делают все.
Например, я глаза закрываю и вижу
Не обсиженный стол, а прибой в Туапсе.

Я проснулся чем свет и сейчас за записки.
Умываясь, я лез на обрывистый мыс.
Этот призрак на месте зовется Каспийским.
Группа дачниц, разлегшись, тянула кумыс.

На житейской арене последний мерзавец
Покоряет меня, и не зря я живу
За сто лет от себя, за сто верст от красавиц,
Посещающих сердце мое наяву.

Живость глаза у всех вырождается в зависть.
Если б только не муки звериной любви,
Я б за счастье почел любоваться, не нравясь,
Ничего не поделаешь, это в крови.

Вот и ночь. Никогда не познаю оваций.
Ведь за славой не стану ж я на стену лезть.
Что-то ждет меня? В августе мне призываться.
А покамест два месяца времени есть.

.....
Руки врозь, окна настежь и голову вон!
Перевесившись, слушать в волненьи, какую
Меру дней прокукует мне уличный шум,
Удаляясь, таясь, приближаясь, ликуя.

Словно в этом есть толк, словно это мой долг,
Ограждаясь от счастья за ярусом ярус,
Без опаски чтоб город когда-нибудь смолк,
Слушать нежность и ярость, и юность
и старость.

2

После поля у города свой аромат.
Свой букет после кашки у пива и пыли.
В оскропленном пространстве скопления громад
По приезде нам кажутся ниже, чем были.

Никаких небоскребов, а наоборот,
Снизу доверху выщербленные пещеры.
Освещенные окна у Красных Ворот
Режут глаз желтизной клеенки и серы.

Было поздно, и дом, обведенный сурьмой,
Был оваян дрембей, и молчала, отцокав,
Мостовая, когда я вернулся домой,
Насидясь в поездной толкотне до отеков.

Брезжил день. Пред отъездом в деревню вдова
Поручила мне сдачу гостиной и зала.
Но, доверив дверные ключи и права,
Одного мне хозяйка на грех не сказала.

Что б прибавить? «Да спите ночами, как все.
Полунощничать — таять. Работайте в меру».
Вышло ж так, что в нашедшей тогда полосе
Отпирал я зарницам, а не инженерам.

Провожал до сеней не врачей, — вечера,
Вопреки объявлению готовый к услугам
Только в белые ночи, когда до утра
Размышлял и вокзалы ревели белугой.

Белой ночью не ищут квартир. Белым днем
Отсыпался я либо ходил по урокам.
Зал проветривался и сдавался внаем,
В нем дышалось ночами, как в море широком.

Бормоча, как пророк, приценился Илья
К помещенью. Лило. Появлялся Бетховен.

И тогда с мезонина спускался и я,
Точно лоцман по лунному морю диковин.

Было поздно, когда я вернулся домой.
Вот окно, и табак, и рояль. Всё в порядке.
Пять прямых параллелей короче прямой,
Доказательство — записи в нотной тетрадке.

На часа полтора затянулся привал.
За работу тянуло. Я знал, — я в ударе.
Но загадочный запах не ослабевал.
В доме пахло какой-то слащавою гарью.

Под вдовой проживал многодетный портной.
Ну да к черту портных и игру обонянья.
Но загадочный смрад разливался волной.
В доме пахло какой-то упорною дрянью.

Рассветало, и зал отдавался внаем.
Я с парадного ринулся к черному ходу.
О, как мы молодеем, когда узнаем,
Что — горим... (Не хватает конца эпизода).

1925

СПЕКТОРСКИЙ

(Глава из романа)

С вокзала брат поплелся на урок.
Он рад был дать какой угодно откуп,
Чтоб не идти, но, сонный, как сурок,
Покорно брел на Добрую Слободку.

Пятиэтажный дом был той руки,
Где люди пьют и мрут и кошки гадят,
Хиреют в кацавейках старики
И что ни род, то сумасшедший прадед.

Про этот ад, природный лицемер,
Парадный ход умалчивал в таблицах.
Вот отчего поклонники химер
Предпочитали с улицы селиться.

По вечерам он выдувал стекло
Такой игры, что выгорали краски,
Цвели пруды, валился частокол,
И гуще шел народ по Черногрязской.

С работ пылит ватага горемык.
Садится солнце. Приработок прожит.
Им не видать конца, и в нужный миг
За ними можно прозевать Сережу.

Но вот он пулей из-за тупика,
И — за угол, и, расплывясь в гримасу,
Бултых в толпу, кого-то за бока,
И — в сторону, и — ну с ним обниматься.

Их возгласы увозят на возах,
Их обступают с гулом колокольни,
Завязывают заревом глаза
И оставляют корчиться на кольях.

В кустах калины слышат их слова.
Садовая не придает им весу.
Заря глотает пиво и права,
Что щурится, и точно смотрит пьесу.

Кирпич кармином капает с телег.
Снуют тела, и тени расторопней
Пластаются по светлой пастиле,
И тонут кони в заревом сиропе.

Затем кремений твердеет в кутерьме
Подушками похолодевшей лавы,
И пахнет, как крахмал и карамель
В стеклянной тьме колониальных лавок.

Прислушаемся всё ж. «Вообрази,
Я чувствовал!» — «И я» — «Ты рад?» —
«Безмерно!»
«Но объясни!..» — «Мне завтра на призыв».
«И ты давно?..» — «Вчерашний день из Берна».

Нечаянности, новости. Дружьям
В один подъезд. Попутный комментарий.
«Мне на урок, а ты-то в чьи края?»
«Ты — маяться, а я других мытарить».

Ответ неясен, да и лень вникать.
Площадки гулким хором обещают
Подняться в пятый от ученика
И без хозяев поболтать за чаем.

Кому предназначался этот пыл?
Откуда столько наигрыша в тоне?
Кто ж вызвал эти чувства? Это был
Престранный тип с душой о паре доньев.

Благодаря ее двойному дну
Он слыл еще у близких единицей.
Едва ль там знали, что на то и нуль,
Чтоб сообразно мнимости цениться.

Заклятый отрицатель, враг имен,
Случайно он не стал авторитетом:
Я знаю многих, не дельней, чем он,
Себе карьеру сделавших на этом.

Довольно серый отпрыск богачей,
Он в странности драпировал безделье.
Зачем он трогал Ницше? Низачем.
Затем, что книжки чеков шелестели.

Однако рано забегать вперед.
Условимся пока смотреть сквозь пальцы,

Как человек лавирует и врет,
Блажит и носит имя Сашки Бальца.

Хотя пожар погас на пустырях,
Не так легко расстаться с чердаками,
Закату жалко этих растерях,
Забитых круглодневным чертыханьем.

Подобно стаду, с городских кладбищ
Бредет и блеет вечера остаток,
И сердце длинным нащелком, как бич,
Все чаще огревает это стадо.

Оно давно в тоске, благодаря
Клопам и кляксам, векселям и срокам.
Ему навязан дылда в волдырях,
В суконной форме тайного порока.

Что это было? Кто его прервал?
Назад, назад! С какой он выси свергся!
Сперва ж однако... Никаких «сперва»!
Плевать ему на выроdkов и Ксерксов!

Ах, все равно. О боже! Он кишит
Их рассказнями, точно дом — клопами.
Все ездили, а он к Москве пришит,
Хоть и в утробе знал ее на память.

Как им везет! Наташа, Сашка... Жаль,
Но все их знанье — одного покроя.
К кому ж пойдешь? Одна ночная даль
Приемлемые заключенья строит.

Она их строит из ветвей и звезд.
Как дикий розан в ворсяных занозах,
Весь воздух дня, весь гомон, весь извоз,
Вся улица — в шипах ее прогнозов.

Вот и сейчас в окно, как сквозь надрез,
Сочится смех, и крепнет вишни привкус,
И скачет чиж, и вечер детворе
Грядущей жизни делает прививку.

Возиться с Сашкой? А за что? За то,
Что этот уж и впрямь не жнет, не сеет?
Он вновь женат. С какой он простотой
Меняет их, как все свои затеи!

Ведь он дешевка, пестрый аграмант.
А может, и того еще махровей.
Да лишь пошляк и яркок, как роман,
И не стеснен своею скучной кровью.

Холодный гул перил пошел в подъем,
И вышиб дверь, и съехал вниз, как льдина.
Ударило столовым бытием.
Он очутился в гуще пестрадинной.

Курили, ржали, чашки покачнув,
Все двинулись. Под желтой лампой плавал
И падал на пол спутавшийся шнур
Восьми теней и им сужденных фабул.

Ничем не собираясь удивлять,
Он сел в углу, и разговор иссякший
Возобновился с шумом. Сам-девят,
Он никого не знал тут, кроме Сашки.

Естественно, что между чьих-то фраз
Вставлял и он свои, и все смеялись,
Но тут же забывал их каждый раз,
Далекий, как вчерашний постоялец.

Возможно, тут не одному ему
Не так легко на это все смотрелось,
И, схваченная в сроки, как в кайму,
И чья-нибудь еще томила зрелость.

Но так кипел словесный пустоцвет,
Что вышивки и клобуки растений
Объединялись в высшем естестве
Из чувства отвращения к этой сцене.

10 декабря 1927

* * *

Начало дня тридцатого апреля
Проходит в предобеденной ходьбе,
С обеда стынут рельсов ожерелья,
Охладевают кольца Г и Б.

Как горы мятой ягоды под марлей,
Всплывает город из-под кисеи.
По улицам шеренгой куцых карлиц
Бульвары тянут сумерки свои.

Тогда узнав, что день назад отозван
И вечер машет паспортом посла,
Прохлада распускается, как розан,
И отдых пахнет маслом ремесла.

Вечерний мир всегда бутон кануна,
У этого ж и вовсе свой почин.
Он расцветет когда-нибудь коммуной
В скрещеньи многих майских годовщин.

Он долго будет днем переустройства,
Предпраздничных уборок и затей,
Как дни Страстей, и как березы Троицы,
И, как до них, огни панатеней.

Все так же будут мять песок размягший
И на иллюминированный карниз
Тащить тесьму, кумач и тес. Все так же
В мясных грузовиках гонять актрис.

И будут так же по трое матросы
Гулять по скверам, бодрые, как дерн,
И полнолуние в улицы вотрется,
Как мертвый город и угасший горн.

Но с каждой сменой года все махровой
Тугой задаток розы будет цвести,
Все явственнее прибывать здоровье,
И все заметней искренность и честь.

Все встрепаннее, все многолепестней
Ложиться будут первого числа
Живые нравы, навыки и песни
В леса, пруды, луга и промысла.

Пока, как запах мокрых центифолий,
Не вырвется, не выразится вслух,
Не сможет не сказаться поневоле
Созревших лет перебродивший дух.

1931

* * *

На улице войлока клочья,
Сонливого тополя пух,
А в комнате пахнет, как ночью,
Обманутой фиалки испуг.

За шторой — прохлада усадьбы.
Не жертвуя ей для бесед,
В такой тишине и писать бы,
Прикапливая на бюджет.

Но знанья не в звуке таятся,
Не в уединеньи встают.
Фальшивее всех ситуаций
Разлуки досужий уют.

Разгон произвольных мелодий
Мне мерзок, как войлок семян,
Как спущенной шторы бесплодые,
Вводящее фиалку в обман.

Ты стала настолько мне жизнью,
Так много задела полрой,
Что вымыслов пить головизну
Тошнит, как от рыбы гнилой.

И вот я вникаю наощупь
В заправдашней повести тьму:
Мы с лета расширим жилплощадь,
Я комнату брата займу.

В ней шум уплотнителей глуше
И слушаться будет жадней,
Как битыми днями баклуши
Бьют зимние тучи над ней.

26 июля 1931

* * *

Пока мы по Кавказу лазаем,
И в задыхающей раме
Кура ползет атакой газовой
К Арагве, сдавленной горами,
И в августовский свод из мрамора,
Как обезглавленных гортани,
Заносят яблоки адамовы
Казненных замков очертанья,
Пока, попав за поворот
¹⁰ Всей нашей жизнью остальной,
Мы больше не глядим вперед,
Подхваченные шестернею,
Где две реки у ног горы,
Обнявшись будто две сестры,
Обходят крутизну по кругу,

За юбки ухватив друг друга.
Под ними крыш водоворот,
Они их переходят вброд,
Влегая грудью в древний город,
²⁰ Как в жернова тяжелый ворот.

А в высоте, вонзаясь в ширь,
Как флюгера стоячий штырь,
Вращает небо на шарнире
Четырехкрылый монастырь.
В отставке рыцарской состаря
Столбы обрушенных ворот,
Парит обитель Мцыри — Джвари,
Да так, что просто дрожь берет.
Но оторопь еще нежданней

³⁰ Нас проникает до кости.
Нам кажется, что рек слиянье
Могло бы не произойти.
Но происходит текста ради
В одной из юнкерских тетрадей
В тот миг, как мы летим с пути
В объятье лермонтовских стансов,
И совершается в пространстве,
Имея шансов до пяти
Противу ста других, почти

⁴⁰ Как беззаконье во плоти.
Как встречный тарантас среди странствий,
Как самая превратность шансов
Среди путевых перипетий,
Как дождь.

Легко себе представить,
С каким участием и теплом
Подхватывают эту память
Локомотив и бурелом!

Свисток во всю длину ущелья
Растягивается в струну,
⁵⁰ И лес и рельсы вторят трелью
Трубе, котлу и шатуну.

Откос уносит эту странность
За двухтысячелетний Мцхет,
Где Лермонтов уже не Янус
И больше черт двуликих нет,
Где он, как кистью дорисован,
Не злою кистью волокит,
Но кровель бронзой бирюзовой
На пыльном малахите плит.

⁶⁰ Когда от высей сердце екает
И гор колышатся кадила,
Ты думаешь, моя далекая,
Что чем-то мне не угодила.
И там у Альп, в дали Германии,
Где также чокаются скалы,
Но отклики еще туманнее,
Ты думаешь — ты оплошала?

Я брошен в жизнь, в потоке дней
Катящую потоки рода,
⁷⁰ И мне кроить свою трудней,
Чем резать ножницами воду.
Не бойся снов, не мучься, брось.
Люблю и думаю и знаю.
Смотри, и рек не мыслит врозь
Существованья ткань сквозная.
Про то ж, каким своим мечтам
Невольно верен я останусь,
Я сам узнаю только там,
Где Лермонтов уже не Янус.

1931

ВОЛНЫ

Здесь будет все, — пережитое
И то, чем я еще живу,
Мои шатанья и устои
И виденное наяву.

Исполнен май, и август справлен,
И сентября насыпан холм,
А море знай жует, как вафли,
Густую белковину волн.

Четырнадцатого июля
Чуть свет мы прибыли в Тифлис.
Три месяца, как сон, мелькнули,
Как вал, над головой сошлись.

Стоит октябрь, зима при дверях,
Тоскует лета эпилог,
А море знай хлобыщет в берег,
Прибоя порванный белок.

Мне хочется домой, в огромность
Привычек, наводящих грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.

Войду, как входит ночь в аллею,
Пройду, как ночь, пройду насквозь,
Пройду насквозь и пожалею,
Что я в Москве, что мы не врозь.

Обрубки дней, как сахар хрупки,
И галек мелко наколов,
Знай скатывает море в трубки
Белок разорванных валов.

Здесь будет спор больных достоинств,
И их борьба, и их закат,
И то, чем дóрит жаркий пояс,
И чем умеренный богат.

И в тяжбе борющихся качеств
Вперед других войдет в куплет
За сверхъестественную зрячесть
Огромный берег Кобулет.

На восемь верст отбитый ниткой
И пеной, ровною как нить,
Готовый отразить попытку
Равнение это изменить.

Обнявший, как поэт в работе
Один, что в жизни видно двум,
Одним концом, ночное Поты,
Другим, — светающий Батум.

Прямой, как одаренность свыше,
Слывущая у нас за блажь,
Обширный, как четверостишие,
Огромный восьмиверстный пляж.

Огромный пляж из голых галек,
На все глядящий без пелен.
И зоркий, как глазной хрусталик,
Незастекленный небосклон.

С полудня зыблющий, как студень,
Желе купальных мокрых блуз
И, точно поцелуй Иудин,
Следы сосудистых медуз.

Еще ты здесь, и мне сказали,
Где ты сейчас и будешь в пять.

Я б мог застать тебя в курзале,
Чем даром языком трепать.

Ты б слушала и молодеда, —
Большая, смелая, своя,
Прямой, как изложение дела,
Разбор нескладиц бытия.

Есть в опыте больших поэтов
Черты душевности такой,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить черною тоской.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И сталкиваясь с ним в быту.
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям.
Но сложное понятней им.

* * *

Октябрь, а солнце также жгуче,
И блещут пальмы на холме.
Но выпавшего снега кучи
Напоминают о зиме.

Она вблизи, она в преддверье.
Она в дверях. Остаток дней.
Я убыль расстоянья мерю
Меж нами, осенью и ей.

Зима все ближе, жизнь все глуше,
Безлюдней берега откос,
Как будто все живое с суши
Осенний ветер в море снес.

Пройдем простимся с побережьем,
И, обежав его кругом,
Подобно остальным приедем,
Стопы на север повернем.

1931, 1956

ЛЕТО

Босой по угольям иду.
Как печку изразцами,
Зной полдня выложил гряду
Литыми огурцами.

Жары безоблачной лубок
Не выдавал нигде нас.
Я и сегодня в солнцепек
До пояса разденусь.

Ступая пыльной лебедой
И выполотой мятой,
Ручьями пота, как водой,
Я оболью лопату.

Как глину, солнце обожжет
Меня по самый пояс,
И я глазурью, стерши пот,
Горшечную покроюсь.

Я подымусь в свой мезонин,
И ночь в оконной раме
Меня наполнит, как кувшин,
Водою и цветами.

Она отмоев верхний слой
С похолодевших стенок
И даст какой-нибудь одной
Из местных уроженок.

Наш отдых будет как набег.
Весь день царил порядок,
А ночью спящий человек —
Собрание загадок.

Во сне, как к крышке сундука
И ящику комода,
Протянута его рука
К ночному небосводу.

1940

ГОРОД

Когда с колодца лед не сколот
И в проруби не весь пробит,
Как тянет в город в этот холод,
И лихорадит и знобит.

Из чащи к дому нет прохода:
Кругом сугробы, смерть и сон.
Зима в лесу — не время года,
А гибель и конец времен.

А между тем, пока мы хнычем
И тащим хворост для жилья,
Гордится город безразличьем
К несовершенствам бытия.

Он создал тысячи диковин
И может не бояться стуж.
Он с ног до головы духовен
Мильоном в нем живущих душ.

На то он родина ремесел,
Чтоб не робеть стихий. Он их
За тридевять земель отбросил
Усилиями мастеровых.

Он — воздух будущих зимовий
И наготове к ним ко всем.
Он с самого средневековья
Приют учений и систем.

Когда надменно, руки фертом,
В снега он смотрит свысока,
Он роще кажется бессмертным:
Здесь ель да шишки, там — века.

И разве он и впрямь не вечен,
Когда зимой, с разбега вдаль,
Он всем скрещеньем поперечин
Вонзает в запад магистраль.

1940

ПАМЯТИ ЦВЕТАЕВОЙ

(Два отрывка)

1

Хмуρο тянется день непогожий.
Безутешно струятся ручьи
По клеенчатой двери прихожей
И в открытые окна мои.

За оградой через дорогу
Затопляет общественный сад.
Точно звери вдали пред берлогой,
Почернелые тучи лежат.

Мне в ненастьи мерещится книга
Об исконной земной красоте.
Я рисую лесную шишигу
Для тебя на заглавном листе.

Я не плачу, я травлю и режу.
Надо запечатлеть на меди
Эту жизнь, этот путь непроезжий,
Этот дождь, этот сад впереди.

Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году.
Пропадая у Камского плеса,
Где зимуют баркасы во льду.

Сумрак веял над снежною степью,
Черный, точно разбойничий флаг,
Крыши зданий, как яблони в крепе,
Были белы, как мебель в чехлах.

Ты б в санях переехала Каму
В час налетчиков и громил,
Пред тобой, как пред Пиковой дамой,
Я б от ужаса лед проломил.

2

Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой миллионершей
В голодный год среди сестер.

Ведь ты не Пиковая дама,
Чтобы в хорошие дома
Врываться из могильной ямы,
Пугая и сводя с ума.
Ты вечно будешь той же самой,
Какой была ты до Адама,
Огонь и сдержанность сама.

Ты та же в обращении к Богу
Со дна кладбищенской земли,
Как в дни, когда тебе итога
Еще на ней не подвели.

Что сделать мне тебе в услугу?
В твою единственную честь
Я жизнь в стихах собою так туго,
Чтоб можно было ложкой есть.

Я наподобье евхаристий
Под вкус бессмертья подберу
Промерзшие под снегом листья
И мандаринов кожуру.

Зима, как пышные поминки.
Средь нашего житья-бытья
В сугробы положить коринки,
Облить вином, вот и кутя.

Светает. Я пишу в постели.
Я только что пришел домой.
Ты помнишь запах стен с похмелья?
Сосновый дух жилья зимой?

И флот речной во льдах затона,
И город на степной земле,
И сад вглухую заметенный,
Как стол или рояль в чехле...

25–26 декабря 1943

ЗАРЕВО

Вступление

Зажженный проблесками высшими
И забываясь постепенно,
Заводит он беседу с крышами,
Как шепчут грозы и антенны.

О крыши, крыши, я изведаю
Все то, когда-нибудь под вами,

Что я в крови купил победою
И загадал в блиндажной яме.

Я помню в выступе конюшенном
Снарядом выбитое ложе,
К позициям его разрушенным
Мы подползали спелой рожью.

Минутным делом было вырезать
Все, уцелевшее от пушки,
Мыть руки средь болотных ирисов
В близ протекающей речушке.

Теперь не помню, поздно ль, рано ли,
На транспорт их автомобильный
Мы разом с двух сторон нагрянули
И пленных партию отбили.

Узлом у них был двор конюшенный
И служб кирпичное подножье.
К их крепости полуразрушенной
Ползли мы как-то спелой рожью.

И как во времена кулачные,
Поднявши крик «Ура, ребята»,
Все завершили врукопашную
Штыком, прикладом и гранатой.

Переколовши всех и вырезав
И задом повернувши пушки,
В пруду мы наломали ирисов
И смыли кровь и пот в речушке.

Расправа — дело сущей малости.
В войне противник — дичь в ягдташе,
И тут я не нашел бы жалости
Ни к тетке вашей, ни к мамаше.

Под обгорелою пленницей
Лежал мой друг, от ран умерший.
Двойное прозвище селеньица,
Мне кажется, Вяжи-Завершье.

Когда из тел мы горы дыбили,
Как он, не замечал я смерти,
Меня навел на мысль о гибели
Убитый друг Филиппов Третий.

Перед палаткой в коноплянике
Валялся лом аэропланый,
От тленья квашеной механики
Воняло гарью конопляной.

От трупов пахнет рыбной ворванью,
Когда в июле ночи жарки,
Но жизнь не может быть изорванной
Бездарно свернутой цыгаркой.

Октябрь 1943

СМЕРТЬ САПЕРА

Мы время по часам заметили
И кверху поползли по склону.
Вот и обрыв. Мы без свидетелей
У края вражьей обороны.

Вот там она, и там, и тут она —
Везде, везде, до самой кручи.
Вся проволокой окручена,
Как паутиною колючей.

Он наших мыслей не подслушивал
И не заглядывал нам в душу,

Он из конюшни вниз обрушивал
Свой бешеный огонь по Зуше.

Прожекторы, как ножки циркуля,
Лучом вонзались в коновязи.
Прямые попадания фыркали
Фонтанами земли и грязи.

Но чем обстрел дымил багровее,
Тем равнодушнее к осколкам,
В спокойствии и хладнокровии
Работали мы тихомолком.

Пусть хляби неба опорожнятся,
Сапер не будет губошлемом.
Все глубже запуская ножницы,
Мы приближались к их окопам.

Со мною были люди смелые.
Я знал, что в проволочной чаще
Проходы нужные проделаю
Для битвы, завтра предстоящей.

Вдруг впереди сапера ранило.
Он отползал от вражьих линий,
Привстал, и дух от боли заняло,
И он упал в густой полыни.

Он забывался, а урывками
Приподнимался на колени
И щупал место под нашивками,
Полученными за раненья.

Опять, наверно, оцарапали,
И он отвалит от Казани,
Как прошлый год к жене в Сарапуле,
Мечтал он и терял сознание.

Все средства могут быть издержаны,
Изведаны все положенья, —
Дела любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.

Хоть землю грыз от боли раненый,
Но стопами не выдал братьев,
И умер, стойкости крестьянина
До самой смерти не утратив.

У трупов смрадный запах ворвани,
Но нас не смешивают с ними.
Чем мышечная ткань разорванной,
Тем мощь души непобедимей.

И вот предмет для суеверия:
Когда он испускал дыханье,
Заговорила артиллерия
В две тысячи своих гортаней.

Как движутся в часах колесики,
Так вдруг по пушечному знаку
По сделанной умершим просеке
Пехота двинулась в атаку.

Сражение хлынуло в пробоину
И выкатилось на равнину,
Как входит море в край застроенный,
С разбега проломив плотину.

Потом дорогою завещанной
Прошло с победами все войско.
Края расширившейся трещины
У Криворожья и Пропойска.

Мы у Кременчуга и Гомеля.
И мы в ту ночь для этой цели
Сердечных сил не экономили,
Вот все, что мы сказать хотели.

Без дна существованье всякое,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда пред завтрашней атакою
Ей жертвой путь вперед прочертишь.

Октябрь 1943

* * *

Непозабывтым многолетье!
Прославившимся исполать!
Раздолье жить на белом свете
И без конца морская гладь.

И русская судьба безбрежней,
Чем может грезиться во сне,
И покоряет силой прежней
При небывалой новизне.

И на одноименной грани
Ее поэтов похвала,
Ее историков преданья,
И армии ее дела.

И блеск ее морского флота,
И русских сказок закрома,
И все умы ее полета,
И люди, и она сама.

И вот на эту ширь раздолья
Глядят из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле,
И в медальоне — Ушаков.

Вся жизнь их — подвиг неустанный,
Их образ — чести образец,
Их жребий — тема для романа,
Их чувства — пища для сердец.

Они не промелькнули мимо,
Не потерялись вдалеке,
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

О глубине их отпечатка
Нам повествует их стезя
И плещет море каждой складкой,
И всем, чем можно и нельзя.

Какой-то родственною жилкой
В строении звезд и парусов,
И ветром, дующим с затылка,
И пылкостью его без слов.

Звериной грацией движений
Одушевленных кораблей,
Господством на морской арене,
Пальбой турецких батарей.

Победою и бегством турок,
И тем, как наступал рассвет,
И как затоптанный окурок,
Горел затопленный корвет.

Март 1944

* * *

Синее море. Желтый янтарь,
Блеск чернозема
Жители чинят свой инвентарь,
Лодки, паромы.
В марте, бывало, ночи — восторг,
Тихие зори.
Пеной по отмели шорх-шорх
Черное море.
Птица болотная, раки, налим,
Дым караваев.

Этой дорогою берегом — в Крым,
Той — в Николаев.
Влево — Очаков, вправо — лиман.
Вдоль поднебесья
Степью на запад — зыбь и туман.
Это к Одессе.
Было ли это? Какой это стиль?
Где эти годы?
Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль,
Эту свободу?
Ах, как скучают в бухтах вокруг
Южного Буга
Пашня по плугу, по пахоте плуг,
Все — друг по другу!
[Как подмывает к жизни, к труду,
К знаниям — работам.]
Всем бы народом, всей ширью земной
К летним работам.
Всюду предчувствие: этой весной —
Слово за флотом.

23–24 марта 1944

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Как прежде падали снаряды.
Суровое, как в дальнем плаваньи,
Большое небо Сталинграда
Прямилось в штукатурном саване.

Как бы само служа молебн
Об отвращеньи бомбы воющей
Кадильницею дым и щебень
Бросало к облакам побоище.

Когда сквозь эти клубы дыма
Он под огнем своих проводывал,

Кипевший бой необъяснимой
Привычностью его преследовал.

И вдруг он вспомнил детство, детство,
И монастырь, и ад, и грешников,
И с общиною по соседству
Свист соловьев и пересмешников.

Он мать сжимал рукой сыновней
И от копья архистратига ли
Или от света из часовни
Толпой сквозь землю черти прыгали.

Впервые средь грозы Господней
Он слушал у ворот обители
О смерти, муках преисподней
И воскресеньи и Спасителе.

Он вспомнил ангельские латы
Теперь, когда за правду ратуя,
Сам низвергал он супостата
С нечистой свастикой рогатою.

Напротив, в конном поединке
Летел над змеем лик Георгия,
И на пруду цвели кувшинки,
И птиц прокатывались оргии.

И гасли солнечные пятна.
И родина, как зов без отзыва,
Переливалась беззакатно
Звездой за рощею березовой.

Лежала немчура вповалку
Подобно полю тыкв какому-то,
Когда проснувшейся русалкой
Поволжье выплыло из омута.

Но вот и Сталинград далеко
И новая гроза осилена,
Не Волги, а Оки осока
Покрыла берега извилины.

И вот он ранен, и по ходу
Предсмертной логики какому-то
Он в Сталинграде близ завода
На берегу речного омута.

Он вновь на Сталинградском фронте,
Где души мертвых и ушедшие
Вступают в бой на горизонте
Над продолжающейся сечею.

Он будет вырывать деревья
Себе на крест и всем на палицы,
И пролежит в гробу трехдневье,
Земля-молитвенница сжалится,

Надгробье каменное треснет,
И в ветре налетевшей памяти
Он снова в третий день воскреснет
И пустится по нашим снам идти.

26 апреля 1944

СТАЛИНГРАД

Как прежде падали снаряды.
Загадочный, как в дальнем плаваньи,
Тревожный воздух Сталинграда
Качался в штукатурном саване.

Земля гудела как молебн
Об отвращеньи бомбы воющей
Кадильницею дым и щебень
Выбрасывая из побоища.

Когда сквозь эти клубы дыма
Он под огнем своих проводывал,
Привычностью необъяснимой
Вид города его преследовал.

Где мог он видеть до бомбежек
Дома и улицы с проломами?
Столы и статуи без ножек
Казались старыми знакомыми.

Что означала в этой яме
Четырехпалая отметина?
Кого напоминало пламя
И выломанные паркетины?

И вдруг он вспомнил детство, детство,
И монастырь, и ад, и грешников,
И с общиною по соседству
Свист соловьев и пересмешников.

Он мать сжимал рукой сыновней
И от копья архистратига ли
Или от света из часовни
В такие ямы черти прыгали.

И мальчик облакался в латы
И, мысленно за правду ратую,
Свергал сквозь землю супостата
С такой же свастикой хвостатою.

А рядом в конном поединке
Сиял над змеем лик Георгия,
И на пруду цвели кувшинки,
И птиц безумствовали оргии.

И родина, как голос пуши,
Как зов в лесу и грохот отзыва,
Манила музыкой зовущей
И пахла почкою березовой.

.....

Дивизиею в Сталинграде
Моря испиты, горы сдвинуты.
И вот великий город сзади.
Их силы под Орел закинута.

Но он остался колыбелью
Их гордости, ее источником,
И Волга снилась в каждом деле
Мечтателям и полуночникам.

Когда комдив упал в бурьяне,
Все, что от жизни и беспечности
Еще могло хранить сознание,
Вернулось в город русской вечности.

Он знал, что это смерть по ходу
Вещей предсмертному какому-то,
Он звал родных и видел воду
Сентябрьского речного омута.

Он вновь на знаменитом фронте,
Где ангелы и отошедшие
Сражаются на горизонте
Над продолжающейся сечею.

Он отдал жизнь отчизны ради,
За родину, свою печальницу.
Он не умрет. Он в Сталинграде,
Бессмертия славной усыпальнице.

1944

ЦВЕТЫ

Все в нынешнем году особое,
И перед празднованьем мая
Я даже выразить не пробую,
Как много этим обнимаю.

В том, что читается, что пишется,
Могучею октавой в хоре
Грудной, глубокий голос слышится
Освобожденных территорий.

Земля необозримой родины
Руками вольного пространства
Смывает черные обводины
С заплаканных очей славянства.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Срывая пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Цветы завьются над преддверьями
По переходам и по стенам,
Как украшенье в русском тереме
И на Василии Блаженном.

Дыша, как в парниках цветочника,
Брожу Москвою ночи эти
И радуюсь первоисточнику
Всего, чем будет цвести столетье.

29 апреля 1944

ВЕТЕР

По дому ходит привиденье,
Под окнами растет лопух,
И одуванчики в цветеньи,
По комнатам летает пух.

И я от частых молний слепну,
И тучи высятся в окне,
И занавески раболепно
Снуют, целуя руки мне.

1956

ПРОБЛЕСК СВЕТА

Чуть в расчистившиеся прорывы
Солнца луч улыбнется земле,
Листья ивы средь дымки дождливой
Вспыхнут живописью на стекле.

Я увижу за зеленью моклой
Мирозданья тайник изнутри,
Как в цветные церковные стекла
Смотрят свечи, святые, цари.

Из глубин сокровенных природы
Разольется поток голосов.
Я услышу летящий под своды
Гул и плеск дискантов и басов.

О живая загадка вселенной,
Я великую службу твою,
Потрясенный и с дрожью священной,
Сам не свой, весь в слезах отстою.

1956

* * *

Только краешек неба расчистив,
Солнцем даль обольется во мгле,
Чистота свежевывмытых листьев
Блещет живописью на стекле.

Точно зелень земного убора
Слюдяное большое окно,
Чрез которое хор из собора
Временами мне слышать дано.

О природа, о мир, о создание!
Я великую службу твою,
Сам не свой, затаивши дыханье,
Обратившись весь в слух, отстою.

1956

В ЧАЩЕ

Осенний лес заволосател.
В нем тень, и сон, и тишина.
Ни белка, ни сова, ни дятел
Его не будят ото сна.

И солнце, по тропам осенним
В него входя на склоне дня,
Кругом косится с опасеньем,
Не скрыта ли в нем западня.

В нем папоротник и малина,
Шмелиный бас и баритон,
Он весь опутан паутиной
И хмелем густо оплетен.

В нем сами валятся деревья,
Взметая облако трухи,
И с остановками в распеве
Вдали горланят петухи.

С какой-то оторопью грозной,
Как будто бы страслась беда,
Они поочередно, розно
Земле пророчат холода.

1956

В ПАРКЕ

Деревья в ногу и попарно
Проходят через мрак к заре,
Она горит слезой янтарной
На оголившейся коре.

И шаг по куче листьев хрусток,
И на скрещении аллей
Заря скопила светлый сгусток
И стынет, как вишневый клей.

ДВЕ СТРАНЫ

С действительностью иллюзия,
С растительностью гранит
Сплетаются в Польше и Грузии,
И это обеих роднит.

Как будто весной в Благовещенье
Им милости возвещены
Землей в каждой каменной трещине,
Травой из-под каждой стены.

В обеих склоняются лилии
Пред пышной пшеницею нив,
И словно робеет обилие
И самый избыток стыдлив.

Увиты побегами зелени
Развалины их старины,
Деревьями в каждой расселине,
Травой из-под каждой стены.

Повсюду бывшее великое,
Будь город то или село,
Колючей густой ежевикой
До крыш от земли поросло.

И хмурится всеми оттенками
Всем сумраком светотеней
Сирень в глубине меж простенками
Разрушенных монастырей.

И люди в родстве со стихиями,
Предания в дружбе с людьми,
И даль в каждом каменном выеме,
И небо пред всеми дверьми.

И с гневною лирой Мицкевича
И девичьей чистотой
Грузинских цариц и царевичей
Сближает их облик святой.

1956

* * *

Быть может, этот бор,
Который тень простер
Над далью необъятной,
Взошел на косогор
Племянником внучатым,
Которого с тех пор
Не находил мой взор
В просторе необъятном.

Упав, подпрыгивает желудь,
Самой случайности прыжок,
Отводит будущую молодь
С дороги дальше на лужок.

...из-под дубовых куп
Трясет ромашкой белокурой
...Расправляет дуб
Зеленую мускулатуру.

* * *

В тенистом темном старом парке,
Где в затени трава сыра,
Профессора и их товарки
Проводят вместе вечера.

Когда мой шаг во мрак аллеи
Рождал деревьев скрытый скрип,
Казалось, я на юбилее,
На двухсотлетьи этих лип.

* * *

<Их веянье благоуханно
Несло к купальням на пруду>
Их запах относило к < >
К купальням, к лодкам на пруду.
Как будто бы, разбив по плану,
Аллеи парка и поляны,
Имели запах их в виду.

Когда по чащам и еланям
 < > луговом,
Он становился утром ранним
Дорожек этих оправданьем,
И этих... существом.

Они дышали содержимым
Горячих от жары аллей,
Как молоко горелым дымом
И < > неуловимым
 < > сдоба кренделей.

* * *

Уже с дороги за подъемом
 < > становится видна
Ограда парка с барским домом,
Где здравница размещена.

Таких огромных территорий
Не встретится в местах других.
Просторен старый санаторий
В имени бывшем Трубецких.

* * *

Проложенное через арку
Шоссе невиданной красы
...солнечной и жаркой
Торопится к ограде парка
Через лиственницы и овсы.

Там липы в несколько обхватов,
Темнеют по краям аллей,
Справляя в золоте закатов,
Когда их отблеск бледно-матов,
Свой двухсотлетний юбилей.

Под их ветвями, как в туннеле,
Не видно ничего вдали.
Пол-лета своды их темнели,
Как вдруг на днях, в конце недели,
Парк ожил: липы зацвели.

* * *

Ныряя под воротной аркой,
Шоссе неистой красы
Приводит постепенно к парку
Через леса, луга, овсы.

Там липы в несколько обхватов
Справляли в сумраке аллей
Под небом матовых закатов
Свой двухсотлетний юбилей.

Деревья попусту темнели,
Смыкая своды в летний зной,
Как бесконечные туннели
Передо мной и надо мной.

Вдруг содержимое рывками
И все плотнее каждый день
Наполнило пустые скамьи,
Куда бросали липы тень.

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

Под каменной широкой аркой
Шоссе невиданной красы
Бежит, сворачивая к парку,
Через перелески и овсы.

Там стаями вокруг балкона
Мелькают ласточки, кружа.
Дом издали, с крутого склона,
Сам кажется гнездом стрижа.

Там липы в несколько обхватов
Справляют в сумраке аллей,
Верхи в ненастном небе спрятав,
Свой двухсотлетний юбилей.

Дорожки, как во тьме туннеля,
Без цели сходятся вдали.
Вдруг цель пришла в конце недели.
Парк ожил. Липы зацвели.

Гуляют люди в летних шляпах.
Когда они заходят в дом,
Их сзади настигает запах
Цветов, закапанных дождем.

Благоуханной этой данью
Опять, как в глубине веков,
Оправдано существованье
Прудов, дорожек, облаков.

1957

* * *

В городе хмурится зимнее небо,
Ветер врывается в арки ворот.
Тянутся люди к Борису и Глебу,
Слышится пенье, и служба идет.

Золото риз в полутьме дымно-сизой.
Пахнут сосною старух шушуны,
Пламенем свечек трепещущих снизу
Губы молящихся озарены.

Кончилась служба, и чрез минуту
Тушат огарки в храме пустом.
И фонари во дворе почему-то
Светят неярко Великим постом.

1957

* * *

Город. Зимнее небо.
Крыши. Арки ворот.
У Бориса и Глеба
Свет и служба идет.

Там лампадами снизу
Слабо озарены
Лбы молящихся, ризы
И старух шушуны...

Когда гаснут огарки
В церкви к этой поре,
Чуть горят и не ярки
Фонари во дворе.

В переулках потемки,
Их заносит метель,
И змеею поземки
Снег ползет на панель.

У проезда на площадь
Свет несущихся фар,
Объезжает на ощупь
 < > тротуар.

* * *

Молодежь, по записке
Всем доставши билет,
Шлет букеты артистке
И коробку конфет.

За дверьми еще драка
И следы суеты,
Но уж встали из мрака
Декораций холсты.

Как бы начатых танцев
Бросив прерванный круг,
Королева шотландцев
Появляется вдруг.

Ни защиты, ни свиты,
Камни стен, каземат.
Вся видна, всем открыта
С головы и до пят.

Крепостные карнизы,
Стул, обеденный стол.
Лампа яркая снизу
Льет ей свет на подол.

К смерти приговоренной,
Что ей пища и кров,
Рвы, форты, бастионы,
Пламя рефлекторов?

* * *

Молодежь, по записке
Раздобывши билет,
Знаменитой артистке
Посылает привет.

За дверьми еще драка,
А среди суеты
Уже брезжат из мрака
Декораций холсты.

Сверху светят софиты,
Но на сцене темно,
И от всех еще скрыто,
Что случиться должно.

Как бы выбежав с танцев
И покинув их круг,
Королева шотландцев
Появляется вдруг.

Все в ней дышит свободой,
Не смирили ее
Ни тюремные своды,
Ни в груди колотье.

В юбке пепельно-сизой
Села с краю за стол.
Рампа яркая снизу
Льет ей свет на подол.

Не прошли в ней, бесстыжей,
Увлечений угар,
И стихов чернокнижье,
И Париж, и Ронсар.

Стрекозою такою
Родила ее мать

Или выдрой морскою,
Чтоб губить и пленять.

И доныне, быть может,
Как огонь горяча,
Дочка голову сложит
Под рукой палача.

Нет ей в мире защиты,
Шла всегда на авось,
Всем душою открыта
И видна всем насквозь.

Как бы в бешенстве риска
Вновь платясь головой,
Исполняет артистка
Роль Марии живой.

К казни приговоренной,
Что ей пища и кров,
Рвы, форты, бастионы,
Лампы рефлекторов?

Жизнь проходит под знаком
Клеветы столько лет,
В свете сплетни двоякой
С жадой смерти в ответ.

* * *

Жизнь проходит под знаком
Неудач и обид,
С жадой смерти во всяком,
Чтобы смыть этот стыд.

Но что значат потери,
И беда, и позор,
Когда давка в партере
И опять полный сбор.

Что ей участь вселенной,
Что ей рай, что ей ад!
Море ей по колено,
И сам черт ей не брат.

В этой вечной дилемме
Пан ты или пропал, —
Люди, судьбы и время,
Век и зрительный зал.

Только в бешеном риске,
А не в выборе поз,
Упоение артистки,
Страсть и апофеоз.

Август 1957

* * *

Как повадятся ветры с метелями,
Огородов давно не навозят.
Сыпет, сыпет и сыпет неделями.
Снег уляжется, и подморозит.

На Покров это редко приходится,
Дымом изморозь липнет к озимым,
День Введения во храм Богородицы
Есть бесспорно введение в зиму.

Но уймется метель бесноватая
.....
Повалившейся на спину статуей
Разметнется в снегу средь простора.

Все в снегу, все из снега изваяно,
Все отлито в предвечные формы.
Мост у кладбища, речка, окраина,
Рельсы, лес, переезд и платформа.

* * *

Зимы делаются метелями,
Когда, тронувшись как бы в рассудке,
Снег повалит и валит неделями,
День за днем и за сутками сутки.

На Покров это редко приходится,
Тут еще зеленеет... озимой,
День Введенья во храм Богородицы —
Это время введения в зиму.

* * *

Три месяца тому назад,
Чуть только снежные метели
На наш незащищенный сад
С остервененьем налетели,

Мне виделось уже в уме,
В густом снегу, летевшем мимо,
Стихотворенье о зиме,
Мелькавшее неуследимо.

Пока я, стоя у окна,
Смотрел на снежные завалы,
Зима не то чтобы сполна,
Наполовину миновала.

* * *

Сквозь пласт оттаявшего наста
Пробился хвощ.
Весенний лес, еще не частый,
Угрюм и тощ.
Одни сигналы электрички
Усиленное с непривычки
Разносятся в молчаньи рощ.

Чего-то жаль.
С деревьев капит.
И видно вдаль
Сквозь них верст на пять.

Их не заластишь.
Ряды стволов
Открыты настежь.
Без лишних слов.

С железных стрех
Лесных сторожек
Съезжает снег
К краям дорожек.

* * *

Как недостроенное зданье,
С отдачей и со сквозняком,
Лес выстужен весною ранней
И все стоит порожняком.

Он тощ от зимнего измора
Он поражает худобой
И кротко смотрит с косогора
В простертый полдень голубой.

Взревет ли в терцию с уклона
В изнеможеньи паровик,
В открытый тамбур ли вагонный
Захлопнет дверцу проводник,

Иль птичка свистнет по привычке,
Иль, раскатившись во всю мощь,
 < > сигналы электрички,
Как все рождает отклик рощ.

Как музыкальная шкатулка,
Играющая экосез,
Весенний воздух вторит гулко
Всему, что попадает в лес.

И слышно, может быть, верст на пять,
Сквозь молчаливый строй берез,
Как в оттепель с деревьев капит
И ночью сводит их мороз.

* * *

Как выхоложенный ремонтом
Дом без окон,
Открыт насквозь всем горизонтам
Лесистый склон.

Он изнутри распахнут настежь
И так озяб.
Его словами не заластишь,
Он слишком слаб.

С его деревьев громко капит.
Настала таль.
И видно, может быть, верст на пять
Вперед и вдаль.

Пустой: зияя недоделкой
Под сквозняком,
Он вздрагивает дрожью мелкой
Весь целиком.

* * *

Как очищенный к ремонту
Дом порожняком,
Лес распахнут с горизонта
Настежь целиком.

Оглушает с непривычки
Перекличка рощ
С гулким свистом электрички,
Мчащей во всю мощь.

Проходя домой с разведок
Лесом напрямик,
Видит, как еще он редок,
На ходу лесник.

Тает снег, с деревьев капит,
Мокнет бурелом,
И, наверное, верст на пять
Ни души кругом.

Птичке, от зари поющей
До другой зари,
Кажутся дремучей пущей
Эти пустыри.

Поглядит она на лужи,
На лесистый склон,
И безудержно наружу
Рвутся трели вон.

* * *

Такой всегда густой и частый
Весенний лес,
В пластах оттаявшего наста
Подмок, облез.

Одни сигналы электрички
Во всю их мощь
Глушат и будят с непривычки
Молчанье рощ.

Лес распахнул широко настежь
Все тайники,
И не утешись, не заластишь
Его тоски.

С деревьев ночью громко капит,
И слух такой,
Что верст по крайней мере на пять
Кругом покой.

Как дом, не конченный отделкой,
Или с грешком,
Стоит лесок пустой и мелкий
Порожняком.

* * *

Я удивляюсь, как он редок,
 < > тощ,
С собою принося с разведок
Болотный хвощ.

Но птичке < > поющей
Он кажется какой-то пущей.

Она в нем видит заповедник,
Где каждый куст
Ее заветный собеседник.
И златоуст.
Она засвищет в нетерпении
И смолкнет вдруг,
Ее прерывистое пенье
Как чтение вслух.

Я эту книгу знаю вкратце,
Но в эпилог
Когда б подробнее вчитаться
Еще я мог.

* * *

У входа в лес, где поворот,
Идет опушка.
Пичужка певчая поет,
Поет пичужка.

Она, как пограничный страж,
В преддверье бора
Оберегает темный кряж,
Пещеры, норы.

Лес, полный снизу пней, колод
И бурелома,
Вздывает вверх тенистый свод,
Глухой к былому.

Она на < > прошедших лет
Слезам и бедам,
Как предсказанье, как обет
Еще неведом.

ГОТОВНОСТЬ

Вся замирая начеку
У входа в чащу,
Щебечет птичка на суку
Легко, маняще.

Она висит наперевес
И на березе
Свистит, подготавливая лес
К любой угрозе.

Она щебечет и поет
В преддверье бора
И сверху охраняет вход
В лесные норы.

За нею целый мир берлог,
Пещер, укрытий,
Призывов, кличей и тревог,
Просьб о защите.

В лесу навален бурелом,
Над лесом — тучи,
В лесном овраге за углом —
Ключи и кручи.

Нагромождением колод
Лежит валежник.
В воде и холоде болот
Дрожит подснежник.

И птичка верит, что — зарок
Ее рулада,
И не пускает на порог
Кого не надо.

Так, распахнувшись в глубине
Сквозным пролетом,
Предстало будущее мне
За поворотом.

Его уже не втянешь в спор
И не заластишь.
Оно раскинулось, как бор,
Дорогой настезь.

БУДУЩЕЕ

У входа в лес, в березняке,
В начале чащи,
Выводит птичка на сучке
Свой клич манящий,

Склонясь почти наперевес
С небес к березе,

Она подготавливает лес
К любой угрозе.

Она щебечет и поет
В преддверьи бора,
Как бы оберегая вход
В лесные норы.

За нею целый мир берлог,
Пещер, укрытий,
Предупреждений и тревог,
Просьб о защите.

В лесу навален бурелом,
Над лесом — тучи,
А за лесом и за углом —
Ключи и кручи.

Весною грудой колод
Торчит валежник.
В воде и холоде болот
Дрожит подснежник.

И птичка верит, что зарок
Ее рулада,
И не пускает на порог
Кого не надо.

Ошеломляя и маня
И пряча что-то,
Так будущее ждет меня
У поворота.

Его не втянешь в разговор
И не заластишь.
Таящееся, словно бор,
Оно — все настезь.

Март 1958

* * *

Дороги превратились в кашу.
Машины вязнут в размазне.
Я с глиной лед, как тесто, квашу,
Их огибая в стороне.

Вот я в лесу, он пуст и скважист.
Пластами оседает наст.
Деревья сковывают тяжесть,
Но крикни — эхо звук отдаст.

В лесные голые пролеты
Проглядывает даль насквозь,
Как можно ждать еще чего-то,
Все совершилось и сбылось.

В лесу разлившиеся топи,
Торчащий из ручья побег
Напоминают о потопе,
Как в воду спущенный ковчег.

Он входит в реку понемножку
Всем тонущим березняком,
Как строящаяся сторожка,
Стоящая порожняком.

Мне слышно, может быть, верст на пять,
Как, пробивая лед до дна,
С оттаявших деревьев капит,
А в перерывах — тишина.

Тогда средь мокрого суглинка,
Где обнажился жидкий грунт,
Щебечет птичка под сурдинку,
Стихая в несколько минут.

Как музыкальную шкатулку,
Играющую экосез,
Ее за дальней караулкой
Подслушивает гулкий лес.

Март 1958

ДАЛЕКАЯ СЛЫШИМОСТЬ

Дороги превратились в кашу.
Проходу нет по размазне.
Я с глиной лед, как тесто, квашу
И пробираюсь в стороне.

Вот я в лесу. Он смотрит букой.
Но он порука и обет,
Что вновь он станет царством звука,
Как в продолжение прошлых лет.

Он будущего стер границу,
В нем видны времена насквозь.
Что может впереди случиться,
Когда все наперед сбылось!

Его разлившиеся топи,
Торчащий из ручья побег
Напоминают о потопе,
Как в воду спущенный ковчег.

Он в реку погрузился стойко
Всем тонущим березняком,
Как неготовая постройка,
Стоящая порожняком.

И вот я в нем и мне не к спеху,
Пускай пластами тает наст.
Как птице, мне ответит эхо,
И целый мир дорогу даст.

Я слышу, может быть, верст за пять,
Как умолкает птичья трель,
Как в перерывах с веток капит,
Как пробивает лед капель,

Как сумрак пуст и воздух скважист,
Как до лесных последних вех
Деревья сковывает тяжесть
И как съезжает снег со стрех,

Как средь размокшего суглинка,
Где обнажился голый грунт,
Щебечет птичка под сурдинку,
Стихая в несколько секунд.

Март 1958

* * *

О женщины, благодаря
Подсказке вашей, вам в угоду,
Тянулись уличные своды
Ноябрьской ночью в непогоду
От фонаря до фонаря.

.....
Вы были точно пережитки
Природы в первой свежей читке
Ее создавшего творца.

Июль 1958

* * *

В старину, как сейчас еще помню,
Высунешься из детской в окно,
В переулке, как в каменоломне,
Было в полдень, как ночью, темно.

Мостовую таили у входа
От угла мостовой до угла
Тополей потолочные своды
И остриженных лип купола.

И как пряталась в тени глухие
Часть стены у садовой скамьи,
Я в присутствии женской стихии
Прятал мысли и чувства свои.

Вместе с жимолостью у калитки
Жались девочки, как деревца,
И спускались, как гости в накидке
Из хором по ступеням крыльца.

Сколько в доме мелькало знакомых,
По хоромам бродило подруг,
Сколько с улицы билось черемух
.....

Или взрослые женщины в гневе,
Отодвинувши стул за столом,
Подымались, как встали б деревья
< > сквозь асфальта пролом.
.....

Надо было увиливать букой,
Отклонять милость женщин, как бич,
Чтоб позднее любовь, как науку
.....

Июль 1958

* * *

Пронесшейся грозою полон воздух,
И дышится вольнее, чем в раю.
Раскрытием всех кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.

Гром катится еще по небосводу,
И ливень заливает желоба,
Но все светлее неба переходы,
И высь за черной тучей голуба.

Художник, может быть, еще всесильней
С наскучивших вещей сметает пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят в мир действительность и быль.

Он видит, как великие полвека
Пронесшейся грозой уходят вспять.
Он перерос душою их опеку
И будущим не даст себя пугать.

Не подавая виду, без протеста,
Как бы совсем не трогая основ,
В столетии освободилось место
Для новых дел, для новых чувств и слов.

Июль 1958

КОММЕНТАРИИ

Второй том собрания сочинений продолжает публикацию поэтических произведений Пастернака из основного собрания. Это роман в стихах «Спекторский» и три поэтических книги: «Второе рождение», «На ранних поездах», «Когда разгуляется». В него вошли также стихотворения, которые не включались автором в издававшиеся или подготовленные им к печати книги и сборники и печатались в журналах, альманахах и газетах или сохранились в автографах в государственных и частных архивах. Большая их часть была впервые собрана вместе и опубликована в посмертном собрании сочинений, изданном в Америке, Ann Arbor Michigan Press, 1961. Через четыре года раздел был значительно пополнен в томе Библиотеки поэта «Стихотворения и поэмы». М.—Л., 1965. В «Избранном в двух томах» (М., 1985) к нему были добавлены стихотворные наброски «Первых опытов», сохранившиеся в бумагах 1910—1913 гг., и небольшой цикл «Экспромтов и стихов на случай». Дополненные новыми, расшифрованными и найденными за последнее время материалами, эти разделы в настоящем собрании представляют собой на сегодняшний день полное собрание стихотворений Пастернака.

Угловыми скобками < > обозначены конъектуры, пропуски слов (лакуны) и неотчетливое написание в авторском тексте. В квадратных скобках [] даны вычеркнутые автором строки и слова.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- Воспоминания — Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., «Слово/Slovo», 1993.
- ГЛМ — Рукописный отдел Государственного Литературного музея.
- ГНБ — Отдел рукописей Государственной национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Ивинская. В плену времени — Ольга Ивинская. В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Париж, 1978.
- Избр.—1945 — Борис Пастернак. Избранные стихи и поэмы. М., Гослитиздат, 1945.
- Избр.—1948 — Борис Пастернак. Избранное. М., «Советский писатель», 1948 (тираж книги уничтожен).
- Избр.—1985 — Борис Пастернак. Избранное в двух томах. Стихотворения и поэмы. М., «Художественная литература», 1985.
- ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук, Москва.
- Каталог Кристи — Poetical manuscripts and autograph letters by Boris Leonidovich Pasternak from the archive of Ol'ga Vsevolodovna Ivinskaja. London, Wednesday, November 27th, 1996 at 10.30 a.m. Christie's.
- Л. Н. 93 — Из истории советской литературы 1920—1930-х гг. Литературное наследство. Т. 93. М., «Наука», 1983.
- Памятники культуры — Из ранних поэтических опытов Б. Пастернака // Памятники культуры. Находки и открытия. Ежегодник 1976. М., «Наука», 1977.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки.
- Сб. 1956 — Верстка готовившегося в Гослитиздате в 1956 г. сборника: Б. Пастернак. «Стихотворения и поэмы», набор которого был рассыпан в 1957 г.
- «Семиотика» — Труды по знаковым системам. Семиотика. Вып. 4. Тарту, 1969.
- Собр. соч. — Борис Пастернак. Собрание сочинений в пяти томах. М., «Художественная литература», 1989—1992.
- Стих. и поэмы—1961 — Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. М., «Художественная литература», 1961.
- Стих. и поэмы—1965 — Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. М.—Л., «Советский писатель», 1965.
- Стих. и поэмы—1990 — Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы в двух томах. М.—Л., «Советский писатель», 1990.
- Уитни — Неизвестный Борис Пастернак в собрании Томаса П. Уитни // Новый журнал (Нью-Йорк). 1984, № 156.

СПЕКТОРСКИЙ

(С. 5)

Роман в стихах «Спекторский» был объединен с поэмами в издании «Поэмы», М., 1933 г., отрывки из него входили в раздел поэм при подготовке сб. 1956 г. Время растянувшейся на годы работы над романом охватывало период писания революционных поэм (1925—1930). В замысел романа входило «вернуть истории поколение, видимо отпавшее от нее», — как писал Пастернак 20 апр. 1926 г. М. Цветаевой. Но в отличие от исторических поэм, здесь надо было «провести материал» через атмосферу революции 1917 г., «зафиксировать для себя и собрать воедино расплывчатую неуловимость» последнего десятилетия. «Но не в объективно эпическом построении, как это было с “1905-м”, а в изображении личном, “субъективном”, то есть придется рассказывать о том, как мы все это видели и переживали», — объяснял Пастернак свои намерения (письмо к О. М. Фрейденберг 10 мая 1928). Если даже при издании «Лейтенанта Шмидта» возникли определенные цензурные затруднения и изъятия, тем серьезнее были претензии к «Спекторскому», который вышел в 1931 г., лишившись не только строф, посвященных революции, но и потеряв существенную для замысла тему нераскрывшегося в своих обещаниях поколения, гибели биографий, разобщенности близких и отношения к эмиграции в советском обществе. Эти вопросы оказались только слегка затронутыми или убранными в подтекст.

Первые обращения к образу Сергея Спекторского были в прозе и относятся к началу 1920-х гг. Они публиковались как «Три главы из повести» (1922). Работа над стихотворным романом была начата в январе 1925 г. «Это возвращенье на старые поэтические рельсы поезда, сошедшего с рельс и шесть лет валявшегося под откосом», — писал Пастернак О. Мандельштаму 31 янв. 1925 г. Трудности и перерывы в работе сопровождали «Спекторского» на протяжении всех шести лет. Первые наброски романа были опубликованы под назв. «Двадцать строф с предисловием» как отдельное стихотворение, — чтобы представить творческий

характер героя, в лирическом ключе писались «Записки Спекторского» (1925; «Другие редакции и варианты». С. 306). «Когда пять лет назад я принялся за нее (за книжку. — *Е. П.*), я назвал ее романом в стихах. Я глядел не только назад, но и вперед. Я ждал каких-то бытовых и общественных превращений, в результате которых была бы восстановлена возможность индивидуальной повести, то есть фабулы об отдельных лицах, репрезентативно примерной и всякому понятной в ее личной узости, а не прикладной широте» (письмо П. Н. Медведеву 6 нояб. 1929).

Написанные в 1925 г. главы заполнили живой краской пространство исторического фона, встреча героев была намечена только в 5-й главе, оконченной в конце 1927 г. Пастернак признавался, что отличительная его черта как поэта «состоит во втягивании широт и множеств и отвлеченностей в свой личный, глухой круг; в интимизации, — когда-то: мира и теперь: истории; в ассимиляции собирательной сыпучей бесконечности — себе» (письмо родителям 7 июня 1926). В «Спекторском» легко вычлениаются автобиографические эпизоды: преподавание предметов в частных домах, музыкальные импровизации, первые встречи с М. Цветаевой, ставшей прототипом главной героини романа поэтессы Марии Ильиной, поиски ее стихов в заграничных журналах. Эта сторона была сразу отмечена критикой: «Лиричность, углубленность в себя Спекторского, ощущение им “наново” всего мира заставляет невольно чувствовать в герое романа автора “Сестры моей жизни”» (В. Красильников // «Печать и революция», 1927, № 8. С. 89).

Чтобы перейти к последним главам, относящимся ко времени «военного коммунизма», Пастернак задумал написать «прозаическое звено», «потому что характеристики и формулировки, в этой части всего более обязательные и разумеющиеся, стиху не под силу» («Писатели о себе», 1929). Но «Повесть», сюжетно относящаяся к замыслу «Спекторского», стала описанием лишь «последнего лета» перед Первой мировой войной.

«Спекторский» по главам печатался в журналах, окончательный текст был переработан и дописан летом 1930 г.; в 1931 г. вышел отдельной книгой с эпиграфом: «“Были здесь ворота...”». *Пушкин*. “Медный всадник”». Цитата соотносится со словами Пастернака из письма к О. Фрейденберг по поводу «Спекторского»: «Написал я своего Медного всадника, Оля, — скромного, серого, но цельного и, кажется, настоящего» (20 окт. 1930). Выход «Спекторского» был встречен резким неприятием критики, увидевшей в нем изображение «кризиса и краха прежнего мирка тонких мыслей, чувств и переживаний» и «оскудения и обесцвечивания жизни» (А. Селивановский. «Поэзия опасна?» // Литературная газета, 15 авг. 1931).

Вступление. — «Новый мир», 1930, № 12; варианты:

ст. 52: И стало правдой сроков без отсрочек.

ст. 53: Все как один и за десятилет

- ст. 60: Себе пути дальнейшие отрезав.
 ст. 64: Дружившим с вышеназванной москвичкой.
 ст. 80: Известье о нечитанном шедевре.
 ст. 81: Как темной ночью от норы к норе,
 ст. 102: По пням и шляпам шлепающий дождик,
 ст. 104: Седой, как мельник пушкинский, художник.
 — Спекторский. М., ГИХЛ, 1931. — Поэмы. 1933; вариант
 ст. 11: Меня без замедленья привлекли
 — Машин. 1930 г., текст «Нового мира»; варианты:
 ст. 93: Свинцовый глет. Рассвет. Дворы в воде.
 ст. 102: По пням и шляпам шляющийся дождик,
 — Наборная машин. ГИХЛ, 1931 (РГАЛИ, ф. 613); вариант
 ст. 102: И шляп и дрожек прыгающий дождик.

Свой возраст взглядом смеривши косым / Я первую на нем заметил проседь. — Ср. письмо к Л. Л. Пастернак 25 янв. 1925 г.: «Какой ни на есть хлам, на который бы ты даже в другом месте не взглянула, в архиве величается материалом, хранится под ключом и описывается в реестре. Таков уже и мой возраст <...> Вот в чем его отличие. Что все становится матерьялом. Что начинаешь видеть свои чувства, которые дают на себя глядеть <...>. Ты открываешь, что они подвержены перспективе». *Меня без отлагательств привлекли / К подбору иностранной лениньны.* — Осенью 1924 г. Я. З. Черняк, друг отзывчивый и рьяный, пригласил Пастернака к участию в составлении библиографии по Ленину. «По роду моей работы (я участвую в составлении библиографии по Ленину и взял на себя библиографию иностранную) мне приходится читать целыми комплектами лучшие из журналов, выходящие на 3-х языках. <...> Там подчас попадают любопытные вещи» (письмо Ж. Л. Пастернак 31 окт. 1924). *Чужой, как мельник пушкинский, художник.* — Отсылка к образу сумасшедшего старика мельника в «Русалке» Пушкина.

Главы 1–3. — альм. «Круг», 1925, № 5; варианты:

— 1-й главы:

- ст. 27: Порыв разгула раскрывает двери
 ст. 40: Проволоклось раздолья помело.
 ст. 61: Пока во мгле пустуют писсуары,

— 2-й главы:

- ст. 1–2: Трещал мороз, деревья вязли, хрушки,
 В пунцовой стуже, пьяной, как крющон,
 ст. 13: Причин за этой сладкой лихорадкой
 ст. 19–22: Как Ольгой бьют его души истоки,
 Как Ольга им, что небом ночь, нема.
 И чем она немее и громадней,
 И чем он ею жестче и зычней,

вместо ст. 45—46:

Все затевалось Ольгой для Сережи,
Но так, что муж о нем напомнил сам.
И потому в постели с нею лежа
Что мог сказать он по ее глазам?
Он верил ей, которую он выжег
Из сердца, как безвредной головне.

ст. 66: Прочистив грудь, разъезд очистил путь.

ст. 68: Рядить возниц и валенки обуť.

между ст. 168 и 169:

Когда рубашка врезалась подпругой
В углы локтей и без участия рук,
Она зарыла на плече у друга
Лица и плеч сведенных перепуг.

То был не стыд, не страсть, не страх устоев,
Но жажда тотчас и любой ценой
Побыть с своею зябкой красотою,
Как в зеркале, хотя б на миг одной.

Когда ж потом трепещущую самку
Раздел горячий ветер двух кистей,
И сердца два качнулись ямка в ямку,
И в перекрестный стук грудных костей.

Вмешались два осатанелых вала,
И задыхаясь, собственная грудь
Ей голову едва не оторвала
В стремленьи шеи любящим свернуть.

И страсть устала гривую бросаться,
И обожанья бурное русло
Измученную всадницу матраца
Уже по стрежню выпрямив несло.

По-прежнему ее, как и в начале,
Уже почти остывшую как труп,
Движенья губ каких-то восхищали,
К стыду Ирегорько прикушенных губ.

— При подготовке сб. 1956 был найден этот отрывок, на полях машинописи с этим текстом Пастернак написал: «Этот кусок, содержащийся между строфами

“И все стихает. Точно топот, рухнув,
За кухню попал в провал, в Мальстрем,

В века... Рассвет. Ни звука. Лампа тухнет
И елка иглы осыпает в крем”

и следующей строфой:

“До лыж ли тут? Что сделалось с погодой”

(стр. 342 Ленинградского однотомника 1933 г. и стр. 352 Московского 1936 г.) появился, кажется, только один раз в первоначальной редакции поэмы, напечатанной в альманахе “Стык” (не помню года, альманах выпускали Антоновская и Б. Черный). Выпущено, как слишком натуралистическое». Факсимиле записки дано в каталоге Кристи. С. 42.

ст. 181: На третий день, при всех, Спекторский бойко,

После ст. 188:

Метель тех дней! Ночных запойных туч,
Встав поутру, ничем не опохмелишь.
И жалко сна, а состраданье — ключ
К загадке самых величавых зрелищ.

Леса с полями строятся в каре,
И дышит даль нехолостою грудью,
Как дышат дула полевых орудий,
И сумерки — как маски батарей.

Как горизонт чудовищно вынослив!
Стоит средь поля, всюду видный всем.
Стоим и мы, да валимся, а после
Спасаемся под грудю хризантем.

«Нет, я рехнусь! Он знает все, скотина,
Так эти монологи лишний труд?
Молчать, кричать? Дышать зимы картиной?
Так, уши, отморозив, снегом трут.

Послушайте! Мне вас на пару слов.
Я Ольгу полюбил. Мой долг...» — «Так что же?
Мы не мешане, дача общий кров.
Напрасно вы волнуетесь, Сережа».

— 3-й главы:

ст. 4: Шурфуя снег, бушует левый подрез.

ст. 26: Чего ты смотришь?» — «Пыли, пыли, пыли!

ст. 50: Скрепит ваш храп с минувшим мировую.

— альм. «Ковш», кн. 2. Л., 1925, глава 1-я (без строф 13–15), текст — как в «Круге» (ст. 20: Торцы грозятся в лужах искупать); 2-я (строфы 1–6), текст — как в «Круге» (ст. 7: Волокся в дыме и висел на взорах); 3-я — как в «Круге». — Журн. «Россия», 1925, № 5, глава 2-я (строфы 7–21 и 29–42), под назв. «Встреча Нового года», — как в «Круге»; варианты:

- ст. 121: Мы влюбимся и фюить, — конец работе,
 ст. 130: За цвет их лиц, за встречи в мясоед.
 ст. 152: В бреду за чепчик что-то бормотал.

— альм. «Стык». М., 1925, глава 2-я, строфы 22–42 — как в «Круге», ст. 121, 130, 152 — как в «России». — Автограф, подаренный К. Л. Зелинскому, — главы 1–3, дата: февраль–март 1925, — текст «Круга». В главе 2-й между ст. 24 и 25 — вставка карандашом:

Не он супругам перешел дорогу,
 Бухтеевы и так глядели врозь,
 И разошлись бы вовсе без предлога.
 Развод был темой обоюдных просьб.

Скорей он подал повод к примиренью.
 Расстроив жизнь, не скоро строят вновь.
 Из страха откровенных повторений
 Она пошла на тайную любовь.

- ст. 53: Знаком ли вам содом таких компаний,
 ст. 56: И отвлекает от виновных слух.
 ст. 76: [Был женский визг, как иней серебрист.]
 ст. 101–102: [Тогда еще ребенок годовалый
 За девственную двойственностью чувств,]
 ст. 108: Все порывалось за ее предел.

ст. 121, 130, 152 — как в «России», вставка между ст. 168 и 169 — как в «Круге».

За что же пьют?.. — В описании праздника сочетались впечатления Рождества 1914 г. у сестер Синяковых (*четыре хозяйки*) и встречи нового, 1917 года в Тихих Горах у Збарских. ...назовешь мечтой / Те дни, когда еще ты верил в чудищ? — О преградах, которые ставит природа на пути чувству, Пастернак писал в «Охранной грамоте» (1931): «Основав материю на сопротивленьи и отделив факт от мнимости плотиной, называемой любовью, она, как о целости мира, заботится о ее прочности». Карениной, — так той дорожный сцепщик... — в сопоставлении Ольги Бухтеевой с Анной Карениной, в последние минуты жизни увидевшей мужичка, который «приговаривая что-то работал над железом» (ч. 7, гл. XXXI), сказалось толстовское отношение к героине. *Не то оркестра шум, не то оршада...* — оршад — легко пьянящее грушевое вино. *Попал в провал, в Мальстрем...* — водоворот у берегов Норвегии, ставший символом рока в повести Эдгара По «Низвержение в Мальстрем». *Не спите днем...* — цитата из стих. Пушкина «Сон» (1816).

Глава 4. — альм. «Ковш», 1926, № 4, строфы 1–18; варианты:

- ст. 6–7: Дорожки сохли, как куски дерюги.
 Напившись где-то рокота валторн,

- ст. 32: С товарищами Саши на маевку,
 ст. 65: И вот, завыв надрывной фистулой,
 ст. 69—70: И снова сосны рубятся сплеча,
 И грохот, став еще неизреченней,
 между ст. 68 и 69:

Проходит ночь, и солнце, трепеща,
 Сидит в воде и фыркает, покамест
 Река, и даль, и эхо сообща
 Заботливо выводят поезд на мост.

после ст. 76 — первоначальный вариант начала 5-й главы («Другие редакции и варианты». С. 309), три первые строфы которого повторены в журн. «Красная новь», 1928, № 1, три следующие были исключены:

Заглавья драм чернели на меди,
 Грядущих бурь неясные начатки,
 Вдруг незнакомец, шедший впереди,
 Остановился на своей площадке.

И вышел к свету, свесившись с перил,
 И в тот же миг и тоже по-актерски
 «Возможно ль», — нота в ноту повторил
 Чужую фразу, вздрогнувши, Спекторский.

За ней был также слепо повторен
 И чуждый жест, и, как статисты в группе,
 Они простерли руки с двух сторон
 И обнялись на каменном уступе.

— «Спекторский» 1931 и «Поэмы» 1933, ст. 85—88 выпущены; варианты:

- ст. 89: Догадки эти в нравах слобожан,
 ст. 125—127: Где из травы, тайком, наедине,
 Нутро беседки огненно наохрив,
 Багрый сплав смертельно леденел,

— Автограф (ИМЛИ), строфы 1—18; варианты:

- ст. 5—8: Минувшей ночью свет увидел дерн.
 Земля сырела грубою дерюгой.
 Отягощенный отзвуком валторн,
 По ней [как мяч] катился ветер юга.
 ст. 16: Не обошлось у ней без разговоров.
 ст. 26: [Не беспокойся], дай и я подвинусь.
 ст. 32: С товарищами Сани на маевку.
 ст. 37—38: [Нельзя ль хоть час без родственных приправ.
 Ты праведница]. Ну и на здоровье.
 ст. 37—40: Прости, Наташа, может, я неправ,
 Но я бы мог отбрить еще суровой.

- Я не люблю критических приправ.
Ты праведница? Ну и на здоровье.
- ст. 50—51: Пары борща. Кокосовые ветки.
Кондуктора. Процессии корзин.
- ст. 53: Игра зеркал. Ковши из серебра.
- ст. 55: И гарь и гул ударов в буфера
- ст. 57: Шары из искр. Камфарные пары.
- ст. 63: Все сказано: «Итак, в последний раз.

вместо ст. 69—72:

И вот огни и эхо сообща
С цепным мостом и крутизной уклона
В чехле из гари, свиста и хряща
Полощут ночь, как горлышко флакона.

- Встают леса и рубятся сплеча.
Восторг полета все неизреченней,
Но спит жена фабричного врача
И мчится в вихре к месту назначения.

— Машин. 1930 г. — текст автографа; варианты:

- ст. 69: И обрубает п́асучье сплеча,
- ст. 74—76: Гадливую улыбку переселя.
О город, город, много ль, скопидом,
Ты сколотил на льне и керосине?
- ст. 78: Большой ли ум при капитале нажит?
- ст. 93—94: А рощи — ненадежный элемент.
Природы ввек оседло не поселишь.

вместо ст. 98—100:

Где рельсами бременеют зори
И страшно удивляются, застав
Свой год и род в одновременном сборе.

- Где времена не тянутся подряд,
Как ссуду сутки скупко ассигнуя,
А ходят так и эдак, аккуратно,
Как новобранцы, сплошь и врассыпную.
- ст. 103: Локомотив на стрелке кипятит
- ст. 110—112: И жаркой лайкой стягивая кожу,
Как будто подтверждала правоту
Его судьбы, сложенья и одежды.
- ст. 116: И масть и сбрую мостовой игреней.
- ст. 123: Он одухотворялся и терял
- после ст. 124:

Простясь с ее трескучей нищетой
И давкою и скукой полосатой,

Он просеивал свой сон сквозь решето
Беседок и садовых палисадов.

- ст. 125: Где вечер мерк как морс и леденел,
ст. 127: И оставался вдруг наедине,
ст. 130: Неясный и еще вполне тверезый,
ст. 132: И хлопья пены сбрасывал с березы.

Вооружась «Громокипящим кубком»... — точная примета времени: вышедшая весной 1913 г. книга стихов Игоря Северянина сразу стала предметом яростных споров. Среди «двусмысленностей» и «вычурности на уровне первобытных наблюдений» Пастернак видел в ранних стихах Северянина «открытое море лирики» (письмо К. Локсу 23 дек. 1912). ...*Наташин нор...* — характер сестры Спекторского, *жены фабричного врача*, получил отчетливое описание в «Повести» 1929. ...*И сквозняки и лифты Мерилиза*. — Большого универсального магазина Мюра и Мерилиза, тогда недавно построенного в начале Петровки (теперь ЦУМ). ...*сутолоку мостовой игреней*. — Игрений (игреневый) — лошадиная масть, рыжая со светлыми гривой и хвостом (см. в автографе: «И масть и сбрую мостовой игреней»).

Глава 5. — «Красная новь», 1928, № 1 («Другие редакции и варианты». С. 309). — Автограф (ГНБ, ф. 474), дата: 10 дек. 1927. — «Спекторский» 1931 и «Поэмы» 1933; варианты:

- ст. 32: К отъявленному одному балбесу.
ст. 124: И девушку с прической а ля Ченчи.
— Машин. 1930 г.; варианты:
ст. 15: Сковавши крик, теснившийся из уст
ст. 27: Где Бальц как палец лопнувший торчал.
ст. 52: Уселся в кресло под оконной нишей.
ст. 56: Не больно он вникал в слова питомца.
ст. 67: Сбивался часто на плаксивый звук,
ст. 88: Пред платежами кровью сердца харкал.
ст. 109: И огляделся. Симпатичный тесть
ст. 114: Не только кекс, но раньше или позже

...что-то вроде рока. Вроде друга. <...> Бальц... — характер этого персонажа описан в «Трех главах из повести» (1922) под именем Шютца. В «Повести» (1929) говорится, что именно он, в отсутствие Спекторского, помог Марии Ильиной уехать за границу. *Читали «Кнут», выписывали «Вече»*. — Названия юмористического журнала «Кнут» и газеты монархического направления «Вече» характеризуют нравы семьи Кобылкиных. *«И съедят. / Не только дом, но <...> и тех, что тут сидят.* — Предчувствие обреченности уклада в первоначальной редакции «Ковша» пробуждалось с первых шагов по лестнице этого дома (см.: *Заглавья драм чернели на меди, / Грядущих бурь неясные начатки*). *И девушку с прической а ля Ченчи*. — Первое появление героини романа, поэтессы Марии Ильиной, соотносит ее облик с Мариной Цветаевой и встречей

Пастернака с нею зимой 1918 г. у поэта М. О. Цетлина. Строгая причес-ка á la Ченчи, закрывающая уши, была распространена в начале XIX в. и получила назв. в честь красавицы Беатриче Ченчи из итальянского семейства XVI в. См. упоминание этой семьи, прославившейся убийст-вом отца, жестоко обращавшегося с дочерью, и ее казнью за убийство, в поэме Цветаевой «С моря» (1926): «Столько не вешу / Вся — даже с ли-рой / Всей, с сердцем Ченчи / Всех». ...*что-то вроде «мох» иль «лёмех»*. — В «Повести» (1929) появляется старший из братьев по фамилии Лемох, младший был ранен на войне: *Во младшем крылся будущий герой*. — Про-тотипами Лемохов были братья Збарские.

Главы 6–7. — «Красная новь», 1928, № 7, без разделения на главы под общим назв. «Двор» и посвящ. Борису Пильняку;

варианты 6-й главы:

ст. 8: Насмешница какая-то, как он.

ст. 98: Грозил и их впоследствии сглотнуть

ст. 160: Фонтаном кляксов припалаила лист.

ст. 167: Но что с того? У жизни есть любимцы,

— «Спекторский» 1931, «Поэмы» 1933; варианты:

ст. 71: В кистях дождя; в черемухе и громе;

ст. 160: Фонтаном клякс расковыряла лист.

Автограф, под назв. «Спекторский. Продолжение. Двор» с посвящ. «Борису Пильняку» (собр. Д. Г. Санникова). К слову «Продолжение» дано примеч.: «См. Кр. Новь 1928 г. № 1», в конце главы: «[С присоединением 4–5-ти недописанных строф (добавлю в гранках?)]: Конец первой части. Борис Пастернак. 8/VI/28». Текст — как в «Красной нови»; варианты:

ст. 8 — как в «Красной нови»,

ст. 22: Сдавал песок и свирепел и креп,

ст. 56: И каменщиков звал за флигеля.

ст. 98, 160, 167 — как в «Красной нови».

— Машин. 1930 г., текст — как в автографе.

— Машин. сб. 1956; вариант

ст. 70: Свиданья назначались в пенье птиц

— Варианты 7-й главы — «Красная новь»:

ст. 6: Чем от догадок, бравшихся вприхват,

ст. 38: С пути не смог, на месте ж потому,

ст. 52: Плитой с отлета о пролет перил!

— «Спекторский» 1931, «Поэмы» 1933; варианты:

ст. 6 — как в «Красной нови»,

ст. 52: Подметками по плитам без перил.

— «Стихотворения в одном томе» 1935; варианты:

ст. 38 — как в «Красной нови»,

ст. 52: По лестнице без бортовых перил.

— Машин. 1930 г., ст. 6 и 52 — как в «Красной нови».

Но на одном из бальцевских окон / Над пропастью сидела и молчала... — см.: «Но не зная и тогдашних замечательных ее “Верст”, я инстинктивно выделил ее из присутствовавших за ее бросавшуюся в глаза простоту. В ней угадывалась родная мне готовность в любую минуту расстаться со всеми привычками и привилегиями, если бы что-нибудь высокое зажгло ее и привело в восхищение» («Охранная грамота», 1931). Точные зарисовки характера М. Цветаевой и некоторых обстоятельств их случайных встреч позволили Пастернаку в воображаемом сюжете передать главное в их жизни: «разминование» реальных судеб при удивительной душевной и творческой тяге друг к другу. «Кажется впервые в жизни я написал большой кусок повествовательной лирики, с началом и концом, где все претворено движением рассказа, как в прозе. Я не знаю, удачны ли эта вещь и хороша ли, но композиционная стихия в первый раз вошла в мое переживание как неразложимый элемент, то есть я пережил ее так же безотчетно просто, как метафору, как мелодию или “строчку”», — писал Пастернак об этой главе (письмо М. А. Фроману 26 июня 1928). Пастернак читал эту главу на авторских вечерах в 1940-е гг. *Отец ее, — узнал он, — был профессор...* — аналогия со смертью в 1913 г. профессора И. В. Цветаева. *Когда-то дом был ложею масонской.* — Здесь описывается история здания Училища живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой, где жило семейство Пастернаков в течение 16 лет, и его ремонт летом 1911 г., когда сносили левое крыло дома, где находилась их квартира. В самый разгар строительных работ *лабиринт шкафов, Коверы в тюках, озера из фаянса / И горы пыльных, беспросветных книг* были перевезены на новую квартиру на Волхонке. *Их разделял <...> Шкапных изнанок вытертый горбыль.* — В 1940 г. Цветаева записала против этого места в экз. «Спекторского», принадлежавшего Е. Б. Тагеру: «Похоже на мою трущобу в Борисоглебском» (РГАЛИ, ф. 2884). *Шиперка* — транспортная контора. *Она спешила утопить их груз / В оледенелом вопле самолюбья / И яростью перешибала грусть.* — Точное объяснение взрывов цветаевского темперамента, почерпнутое из переписки с нею. *Но где же дверь? Назад из тупика!* — Аллюзия на слова Пушкина из «Медного всадника», взятые для эпиграфа в издании 1931 г: «Были здесь ворота...».

Глава 8. — «Красная новь», 1929, № 12, без деления на главы под общим назв. «Спекторский. Окончание»; варианты:

- ст. 1–2: Прошли года. В них сбился бы Юпитер.
Дожди событий смыли с них число.
- ст. 23: Огородил хрустенье сонной чаши
- ст. 42–44: Зимы; и тут без видимых причин
Выносят солнце на аэростате
Пустого дня безрадостный зачин.
- ст. 54–55: Не увлекаясь в те года никем,
Не стыло бы малиновое небо

- ст. 76: И эта тень — пробел в календаре.
 ст. 124: Там спуском в шахты скалился Урал.
 ст. 128: Валютный фонд обледеневших недр.
 ст. 151: Покачивая в торбах колокольни,
 после ст. 152 (строфы 38-й):
 Шли на авось, покамест шлось, покамест
 Не скашивала с маху вихря злость,
 Пока салазки ладили с пайками,
 Шли, падали, ползли, пока ползлось.
 — «Спекторский» 1931, «Поэмы» 1933; варианты:
 ст. 51: Неужто, жив в объятьях той картины,
 ст. 64—116 (строфы 17—29-я) выпущены.
 — «Стихотворения в одном томе» 1935; вариант
 ст. 129: Там на юрах кустились перелески,
 — Машин. 1930 г.; варианты:
 ст. 12: Его как солнце, к чаю подадим
 ст. 44: Сошурясь солнце смотрит натошак.
 ст. 51: Неужто, быв деталью той картины,
 ст. 64—116 выпущены.

...в рукопашной с медным самураем... — ставить самовар было любимым хозяйственным занятием Пастернака (самурай — традиционный японский воин-рыцарь). *Шато д'икем* — сорт столового красного вина. ...*киновари ренского солнца*... — солнце винно-красного цвета. Ренские — винные погреба или бутылки. *Вдруг крик какой-то девочки в чулане*. — Символ восставшего времени и олицетворение революции; ср.: «Действительность, как побочная дочь (*И это дни побочного потомства*), выбежала полудетой из затвора и законной истории противопоставила всю себя, с головы до ног незаконную и бесприданную» (Послеловье к «Охранной грамоте», 1931). ...*заря теряет стыд дочерний <...> перелетает в руки черни <...> И небосклон уходит всем становьем*... — «...из всей рукописи <...> самое достойное (поэтически и по-человечески) место — это страницы конца, посвященные тому, как восстает время на человека и обгоняет его», — определял Пастернак содержание этих страниц в письме 28 нояб. 1929 г. П. Н. Медведеву, посылая рукопись «Спекторского» в Ленгиз. Но редакция отказалась от печатания романа «по неясности его общественных тенденций»; в московских изданиях 1931 и 1933 гг. эти строфы были сняты цензурой, восстановлены в «Стихотворениях в одном томе», Л., 1933.

Глава 9. — «Красная новь», 1929, № 12; варианты:

- ст. 25—28: И ра́мнем, кой-где в огне осеннем
 Тянулся лес к брусам оконных рам.
 Разделавшись с очередным храненьем,
 Переходили к новым номерам.

- ст. 29—64 (строфы 7—16-я) отсутствуют,
 ст. 66: В зрачках, уставших от чужих перин,
 ст. 73—74: Стояла тишь, и если б веткой хрустнуть,
 Дворовый воздух бросился б в галоп.
 ст. 76: Был небосвод холодный низколоб.
 ст. 77—80: А за углом, смыкая круг лиловый
 И вымораживая рубежи,
 Носился террор в лодке китолова
 И разливал по жилам рыбий жир.
 ст. 82: А сумрак вторил: «Шелк! Чулки! Портвейн!»
 ст. 86—88: В расхожий фонд. Под опись. В фонд. В подвал». Он думал: «Нет. О, будь я и гадалщик,
 Я б ни за что к разгадке не зывал.
 вместо ст. 89—100 (строфы 23—25-й):
 Не надо трогать этого. Не правда ль?
 Как хорошо! Ты впущен на прием
 К случайности; ты будущим подавлен,
 И по двору гуляешь с ним вдвоем.

 Неведомое! Вот оно, без спички
 В любых потемках видное лицо.
 Единственное имя в переключке,
 Носимое невыбывшим жильцом.

 Вызвезживало. Ночь играла в прятки
 С амбаром. Взгляды отливали льдом.
 «Там оказались ваши две тетрадки,
 И снимок ваш попал в чужой альбом».
 ст. 101—180 (строфы 26—45) отсутствуют.
 — «Спекторский» 1931, «Поэмы» 1933; варианты:
 ст. 36: И серебра ли ковш иль аплике.
 ст. 47: От срока сдачи больше отделяли
 между ст. 56 и 57:
 Их сковывала облачная одумь,
 Причину коей не к чему отнестъ.
 Она разит четырнадцатым годом
 И не очеловечена поднесь.
 ст. 147: Он выгибался, точно ход развязки
 ст. 167: Гремел вопрос. Затем — Я дочь народовольцев? —
 — Машин. 1930 г.; варианты:
 ст. 42: Под крышками ругался старый хлам,
 ст. 47 — как в изд. 1931 г.
 ст. 77: Был мертвый час, как в лодке китолова
 ст. 80: Весь горизонт понесся бы в опор.
 ст. 87: И делегат гнусаво, как гадалщик,

- ст. 101: Мело, мело. Метель костер лизала,
 ст. 112: Все бухло в складках с полу до стропил.
 ст. 116: Со ссылками на наш шестой этаж.
 ст. 134: На нас ложась наплывом круглых плеч.
 ст. 144: И тем быстрее, что понял только суть.
 ст. 147—148: Огонь плясал, как будто ход развязки
 Его в нагнет, речною рябью нес.
 ст. 171: И вслед: Я по природе — патриотка.

Сыромятниковские склады — товарные склады Курской железной дороги. *Союз писателей* — был организован в 1919 г. *Завалы Ступина* — транспортные склады. *Децемвир* — член выборной государственной коллегии в Древнем Риме. *Рямень* — лес по краям поля. *Штука плица* — рулон дорогой шелковой материи. ...*серебро ли ковш иль аппликé*. — Вопрос в том, чистого серебра ли этот ковш или только посеребренный. *Прикатывали кладь по дубликату*... — катили по настилу на полу склада. «*Счастливей моего ли и свободней / Или порабощенной и мертвей?*» — Вопрос о судьбах людей, оказавшихся в эмиграции, о которых, — как писал Пастернак Медведеву, — «принято говорить наиболее фальшиво и лицемерно: точно ее (части общества. — Е. П.) отсутствие ничего, кроме публицистического злорадства, не вызывает и не оставляет в воздухе ощутительной пустоты; точно разлука не является названьем того, что переживается в наше время большим, *слишком* большим множеством людей» (6 нояб. 1929). *Ликурги* — здесь: неподкупные судьи. *Коробка «Иры»* — папиросы. *Он знал не хуже моего квартиру*... — вероятно, это тот самый дом у Курского вокзала, куда Спекторский ходил на уроки к сыну *былых хозяев* Кобылкиных и где на *шестом этаже* у Бальца он впервые увидел Марию Ильину. Его дурные предчувствия относительно жильцов этого дома полностью оправдались. ...*про двух каких-то братьев*... — братьев Лемохов, с которыми Спекторский познакомился тогда же у Бальца. *И кто-то вроде рока, вроде друга*... — история гибели Якова Ильича Збарского (*Красногвардеец первых тех дивизий*...), погибшего по доносу своего друга. ...*явственней, чем полный вздох двурядки* (гармошки. — Е. П.), / *Вздохнул у локтя кожаный рукав*... — кожаная куртка — знак профессиональной принадлежности к ЧК.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ. 1930—1932

(С. 49)

Книге «Второе рождение» предшествовали годы, занятые овладением эпического, объективного повествования, писанием больших поэм. Метафора, давшая назв. новой книге, означала не только возвращение к лирике, но лирике, построенной на иных основаниях, «рождение заново». «Вторично родившимся» Пастернак назвал себя в стих. «Мар-

бург» после отказа Высоцкой, новая книга стихов стала символом преодоления смерти, той, которая должна была наступить вслед за «последним годом поэта», как называл Пастернак в «Охранной грамоте» 1929 год.

«Ни общего языка, ни чего бы то ни было другого современная жизнь лирику не подсказывает. Она его только терпит, он как-то экстерриториален в ней. Вот почему эта сторона творчества вышла из эстетического кольца. Общий тон выраженья вытекает теперь не из *восприимчивости* лирика, не из преобладания одного рода *реальных* впечатлений над каким-нибудь другим, а решается им самим почти как нравственный вопрос. То есть там, где в здоровое время мы считали бы *естественным* говорить так-то и так-то, мы теперь (каждый по-разному) считаем это своим *долгом*» (письмо С. Д. Спасскому 29 сент. 1930).

Стихотворения, составившие книгу, были написаны в 1930—1932 гг. Основой ее стал цикл, возникший в апреле — июне 1931 г., трехмесячное пребывание в Грузии пополнило книгу циклом путевых картин и размышлений. Любовная лирика посвящена двум женщинам — Зинаиде Николаевне Нейгауз, ставшей в 1931 г. женой Пастернака, и художнице Евгении Владимировне Пастернак, с которой он расставался.

Отдельному изданию книги в 1932 г. предшествовали публикации новых стихов в журналах. По времени написания и содержанию они составили семь стихотворных циклов. Разделение на циклы, повторенное во втором издании 1934 г., было снято в «Стихотворениях в одном томе» 1933, где книга называлась «Волны». Три стихотворения гражданского содержания «Когда я устаю от пустозвонства...», «Весенний день тридцатого апреля...» и «Столетье с лишним — не вчера...» были исключены автором из этого собрания.

Появление книги, ориентированной на широкую публику и отличавшейся большей доступностью, было встречено резкими нападками критики. А. П. Селивановский констатировал, что «субъективно-идеалистический метод Пастернака не позволяет ему преодолеть узкую ограниченность действительности», но признавал, однако, за «Волнами» «бесспорную художественную силу» («Пролетарская поэзия на подъеме» // Литературная газета 23 апреля 1932). Надо сказать при этом, что понятие субъективного идеализма приравнивалось по тем временам контрреволюционности. Острую полемику вызывала тема идеально понимаемого социализма, отодвигаемого «вдаль» и приравниваемого природе. Выступавшие на писательской дискуссии 6 апр. 1932 г. В. Вишневский, О. Колычев и П. Маркиш, однако, отмечали высокое мастерство и рождение новой манеры в книге Пастернака.

Волны. — «Новый мир», 1932, № 1, как цикл из 13 стих.; варианты:
 ст. 179: Борьба с природою и воздух
 ст. 221: Ты — край, где в дружбе эти обе
 ст. 229: И трачу все, что знаю я.

— «Второе рождение» 1932. — «Второе рождение» 1934, как слитный текст без деления на отрывки, посвящ. Н. И. Бухарину, между ст. 120 и 121:

Война не сказка об Иване,
И мы ее не золотим.
Звериный лик завоеванья
Дан Лермонтовым и Толстым.

(Появление этой строфы было вызвано претензиями к описанию Кавказской войны как влюбленности русских в *эту землю*. *Звериный лик завоеванья* / Дан Лермонтовым и Толстым. — Отсылка к «Валерику» Лермонтова и «Хаджи-Мурату» Толстого.)

— Автограф 1, 2, 3 и 11-го отрывков, без назв., переданный Г. В. Бобову 15 окт. 1931 г. (РГАЛИ. — «Другие редакции и варианты»: «Здесь будет все, — пережитое...». С. 319) — Автограф «Волны»; варианты:

- ст. 50: [Растущей из застав и дней,]
ст. 68: [Как ты кончаешься, Москва.]
ст. 76: Молчанье первых randevu.
ст. 88: Там испарялся Дагестан.
ст. 124: Не принятую на войне.
ст. 179: Успех и долг, и труд и воздух,
ст. 200: [Наш сон], наш генеральный план!

- ст. 221 — как в «Красной нови»,
ст. 256: В немыслимую простоту.
ст. 270: Рассматриваем[ым] в обед.

— Машин. сб. 1956; варианты:

- ст. 7—8: Волна подаст свой голос в хоре
И новой очереди ждет.

- ст. 234: И сны, и вещи наяву,

между ст. 240—241:

Шумит прибой, и неизменно
Ложится за волной волна,
И их следы смывает пена
[С песчаных куч, как письма.]
С песку как будто письма.

- ст. 248: Которому не век судья.

Варианты ст. 261—267 («Другие редакции и варианты»: «Октябрь, а солнце также жгуче...». С. 321).

— Верстка сб. 1956, ст. 7—8 — как в предыдущих изданиях, авт. примеч.: «Попало во французский перевод». Ст. 61—64 выпущены; варианты:

- ст. 73—76: Здесь будет дальнего обвала
Гремящий за горами гул,
И жалкий дворик постоянный,
И скалы, сакли и аул.

между ст. 240—241 — строфа, как в машин., последняя строка:

С песчаных куч, как письма.

ст. 248 — как в предыдущих изданиях,

ст. 261—276 — см. «Другие редакции и варианты». С. 321.

Написано в сентябре-октябре в Кобулетах (Кобулет), в Грузии, окончено в Москве зимой 1931 г. На дискуссии 6 апр. 1932 г. П. Яшвили сказал: «Все, что написано им в поэме “Волны”, написано им на моих глазах, и должен заверить, что ни в одной строчке нет фальши, нет ни одного придуманного, непроверенного чувства» (Стенограмма. ИМЛИ).

Мне хочется домой, в огромность / Квартиры, наводящей грусть. — Отцовская квартира, где Пастернак занимал одну комнату, была к этому времени перенаселена. «Много семей у нас живет на Волхонке, все в разное время встают, начиная с 6-ти утра, весь день ходьба, все это мимо меня грохочет, а у меня *перегородок тонкоробрость*, сквозь которые можно *пройти как свет*», — писал Пастернак М. Цветаевой 24 окт. 1934 г. *Ларс, Млеты* — селения на Военно-Грузинской дороге. *Девдорах* — ледник на северо-восточном склоне Казбека. ...*зависть / К наглядности таких преград... / О, если б нам подобный случай...* — мечта о живой реальности взамен неосвязаемости человеческих построений. Ср.: «Наличия пролетарской диктатуры недостаточно, чтобы сказаться в культуре. Для этого требуется реальное пластическое господство, которое говорило бы мною без моего ведома и воли и даже ей наперекор» («Что говорят писатели о постановлении ЦК РКП(б)», 1925). См. также: *Переpravляй, но только ты <...> / Ты — край, где женщины в Путивле / Зегзицами не плачут впредь...* — имеется в виду плач Ярославны в «Слове о полку Игореве»: «Полечу, рече, зегзицею по Дунаеве». Зегзица — кукушка. «Путивль — старый исторически известный город, упоминающийся в “Слове о полку Игореве”, — стольный град (резиденция) князя Игоря, на стенах которого плачет Ярославна», — объяснял Пастернак в письме к Рипеллино 17 авг. 1956 г. *Есть в опыте больших поэтов...* — в книге «Второе рождение» выявляется опора на «вековой прототип» русской классической поэзии, в первую очередь это Пушкин и Лермонтов, здесь слышны слова Боратынского, его возмущение «подражателями», подделывающими искренность поэзии. Ср.: «Публике наскучило простое, / Мудреное теперь любезно для нее...» («Богдановичу», 1824). *Неслыханная простота.* — В «Охранной грамоте» Пастернак писал, «что безличье сложнее лица. Что небрежливое многословье кажется доступным, потому что оно бессодержательно. Что, развращенные пустотою шаблонов, мы именно неслыханную содержательность, являющуюся к нам после долгой отвычки, принимаем за претензии формы».

Баллада. — «Красная новь», 1930, № 12, посвящ. Генриху Нейгаузу, вместе со следующим стих. под общим назв. «Две баллады» и примеч.: «Ирпень. Конец августа». — «Поверх барьеров» 1931, под назв. «Баллада», с посвящ., в разделе «Смешанных стихотворений». — «Второе рождение» 1932, без посвящ. — Автограф, подаренный З. Н. Нейгаузу,

текст — как в «Красной нови». — Наборная машин. книги с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 613), посвящ. зачеркнуто в ответ на редакторский вопрос. — Машин. сб. 1956, исправление в ст. 12 и 38 слова «метиол» на правильное: «матиол». *Бессонный запах матиол <...>. Метель полных матиол.* — «Метиолы — ночные цветы (садовые) с еще более сильным, чем у любки (но любка — растение дикое, лесное) запахом. Мелкая травка с крошечными цветочками в виде розовато-фиолетовых крестиков с пряным запахом ванили (напоминающим аромат гелиотропа)», — объяснял Пастернак в письме А.-М. Рипеллино 17 авг. 1956 г.

Посвящено концерту проф. консерватории Г. Г. Нейгауза (1888—1964), состоявшемуся 15 авг. 1930 г. в Киеве в Купеческом саду, на высоком берегу над Днепром и *Подолом* — прилегающей к Днепру низкой частью города. *Шопена траурная фраза...* — в программу концерта (см. газ. «Киевский пролетарий» 15 авг. 1930) входил ми-минорный концерт Шопена. *Араукария* — тропическое растение из семейства еловых. *...каторжник на Каре...* — река на границе Архангельской и Тюменской областей, место каторжных работ на золотоносных рудниках.

Вторая баллада. — «Красная новь», 1930, № 12, посвящ. Зинаиде Нейгауз, вместе с предыдущим стих. под общим назв. «Две баллады» и примеч.: «Ирпень. Конец августа»; варианты:

- ст. 6—7: Гребут, шмелем гудя, осины.
 На даче спят под гул осинный,
ст. 12—14: Сурдин рассерженный надсад,
 Льет дождь и, сталкиваясь в лад,
 Гребут сады, трещат теснины.

между ст. 16 и 17:

До нас рукой подать. Наш сад
В пяти шагах. Он в той же роте
Берез, на полном повороте
Стремглав отброшенных назад.
Клонясь впопад и невпопад,
Деревья изгибают спины.
На даче спят под стон сурдинный,
Как только в раннем детстве спят.

— «Поверх барьеров» 1931, под назв. «Баллада» и с посвящ., в разделе «Смешанные стихотворения». — «Второе рождение» 1932, под назв. «Баллада», без посвящ. — Избр.—1933, под назв. «Баллада», без посвящ., в разделе: «После Ирпеня». — Автограф, подаренный З. Н. Нейгауз, текст — как в «Красной нови». — Наборная машин. книги с авт. правкой (РГАЛИ), посвящ. зачеркнуто. — Верстка сб. 1956, назв. «Вторая баллада».

На даче спят два сына... — пяти- и трехлетние Адриан и Станислав Нейгаузы. *Комплот* — сговор, сообщество. *Плашкóт* — плоскодонная беспалубная баржа.

Лето. — «Новый мир», 1931, № 4, посвящ. Ирине Сергеевне Асмус. — «Поверх барьеров» 1931 с посвящ., в разделе «Смешанные стихотворения». — «Второе рождение» 1932, без посвящ. — Наборная машин. (РГАЛИ), посвящ. зачеркнуто. Вместе с И. С. Асмус (1893—1946), ее мужем, историком философии В. Ф. Асмусом (1894—1970), Нейгаузами и семейством брата Александра Пастернаки прожили лето 1930 г. в дачном месте Ирпень под Киевом. *Китайка* — здесь: желтая краска. *Квакша* — древесная лягушка. *В дни съезда шесть женщин топтали луга.* — Е. В. Пастернак, З. Н. Нейгауз, И. С. Асмус, И. Н. Пастернак, М. Н. Вильям, А. Н. Вильям. *Панёва* — грубая домотканая шерстяная материя в клетку и юбки, сшитые из нее, — неременная принадлежность украинского национального костюма. *На пире Платона во время чумы.* — Отсылка к диалогу Платона «Пир» и трагедии Пушкина «Пир во время чумы», столетний юбилей которой (1830—1930) приходился на эту осень (*вековой прототип*), объясняется проводившейся в окружающих деревнях насильственной коллективизацией. На этом фоне, напоминая эпидемию холеры, бушевавшей вокруг Болдина, когда Пушкин писал свою трагедию, вечерние застолья друзей в Ирпенё ассоциировались с диалогами Платона о любви и бессмертии. *Диотима* — собеседница Сократа в «Пире» Платона, жрица из Мантинеи и «сведущая женщина», как ее называет Сократ, спасающая в свое время Афины от чумы. В «Пире» она рассказывает Сократу о бессмертии как о спасении от смерти, которое достигается непрерывной передачей любви и красоты от поколения к поколению, то есть преодолением забвения. Ср.: *Каким увереньем прервать забытье? / По улицам сердца из тьмы нелюдимо!* — Таким образом, в опоре на Пушкина и Платона Пастернак находит защиту жизни и истории. *Мэри-арфистка.* — Если обращение к Диотиме и посвящ. стих. И. С. Асмус определяют прототип этого образа, то под именем Мери, персонажа пушкинской трагедии, выступает пианистка З. Н. Нейгауз. К тому же стихотворение «Лето», по наблюдению Е. Б. Рашковского, написано тем же редким размером (чередование 4-стопного амфибрахия с 3-стопным с усеченной стопой), как и песня Мери Грей из «Чумного града» Уилсона, которую брал за образец Пушкин. ...*ураган аравийский, / Бессмертья, быть может, последний залог.* — Парафраз из песни Председателя в «Пире во время чумы» Пушкина.

Смерть поэта. — «Новый мир», 1931, № 1, назв. «Отрывок», без ст. 36—47 и отточием после ст. 35. — «Поверх барьеров» 1931 в разделе «Смешанные стихотворения», с назв. «Смерть поэта»; вариант

ст. 10: Совались в грех, да будь он лих.

без ст. 11—13, 36—47.

— Избр.—1948 — текст 1931 г., без ст. 20—23, 32—35. — Верстка сб. 1956 — текст 1931 г., без ст. 20—23. — Машин. 1930 г. — текст «Нового мира», рукой редактора вычеркнуты ст. 36—47. — Автограф ст. 1—14,

оторванный от целого текста с назв. и подзаголовком: «Незаконченный отрывок»; вариант

ст. 14: <Лишь> был заплаканности сдвиг.

На своих вечерах Пастернак читал это стих. полностью. Отклик на самоубийство Маяковского повторяет назв. стих. Лермонтова на смерть Пушкина. *Спал и, оттрепетав, был тих, — / Красивый, двадцатидвухлетний, / Как предсказал твой тетрантих.* — Отсылка к прологу поэмы «Облако в штанах. *Тетрантих*» (1915): «Мир огромив мощью голоса, / Иду — красивый, / Двадцатидвухлетний...». Даже не зная снятых при публикации заключительных строк, посвященных друзьям Маяковского, Н. Асеев, — по воспоминаниям Л. Вышеславского, — возмущенно спрашивал: «— Зачем этот страшный, роковой выстрел приравняется к Этне, величественному вулкану? А внизу кто? — *Твой выстрел был подобен Этне / В предгорьях трусов и трусих.* Асеев прочел эти строки с явным неодобрением, даже, как мне показалось, с обидой» (Наизусть. М., 1989. С. 59). *Друзья же изощрялись в спорах...* — в «Охранной грамоте» (1931) Пастернак называл окружение Маяковского «людьми фиктивных репутаций и ложных, неоправданных притязаний».

«Годами когда-нибудь в зале концертной...» — «Новый мир», 1931, № 8, эпиграф: «Интермеццо Иог. Брамса, ор. 115», в цикле из 9 стих. под общим назв. «Новые стихи»; варианты:

ст. 7–8: Улыбкой огромной и полной, как глобус,
Художницы облик, художницы лоб.

ст. 19–20: Балкон полутемный и кровлю и вход
Балкон, подбородок, и брови, и рот.

ст. 23–24: Соленая давность ударит из скважин,
Как пульверизатор в салоне бритья.

ст. 28: Под этот совместный немецкий мотив.

— «Второе рождение» 1932. — Автограф стихотворного цикла, подаренный З. Н. Нейгауз; варианты:

ст. 7–8 — как в «Новом мире»,

ст. 11: Приступки террасы и комнат убранство,

ст. 18: Калитку, дорожки и кровлю, и вход,

ст. 23–24 — как в «Новом мире»,

ст. 25: И сбившись кружком на лужке интермеццо,

ст. 27–28: Завертятся сразу четыре семейства
Совместно под детский немецкий мотив.

— Публикация «Нового мира», с правкой, рукой автора вычеркнуты строфы 4–5-я (РГАЛИ, ф. 3100 Г. В. Бебутова). — Машин. сб. 1956; варианты:

ст. 21–24: И вдруг, как в открывшемся в сказке Сезаме,
Предстанут соседи, друзья и семья.
И вспомню я всех, и зальюсь я слезами,
И вымокну раньше, чем выплачусь я.

— Верстка сб. 1956; вариант

ст. 21: И вот, словно в сказочном старом Сезаме,

Мне Брамса сыграют <...> чистый, как детство, немецкий мотив. — Судя по нотной строке в стих. и «Жизни ль мне хотелось слаще...» (1931; «Стихотворения, не включенные в основное собрание»), открывавшем этот цикл в автографе, подаренном З. Н. Нейгауз, речь идет об интермеццо Брамса до-диез минор, ор. 117 № 3 (а не ор. 115, как указано в эпиграфе к публикации в «Новом мире»). ...союз шестисердый... — семейства Нейгаузов, Асмусов и Пастернаков, живших летом 1930 г. в Ирпене. *Художницы робкой, как сон, крутолобость / С безлобной улыбкой <...> как глобус...* — см. описание внешности Е. В. Пастернак в Послесловье к «Охранной грамоте»: «Улыбка колобком округляла подбородок молодой художницы, заливая ей светом щеки и глаза <...> Когда разлитые улыбки доходило до прекрасного, открытого лба, <...> вспоминалось Итальянское Возрождение». ...пачки травы, / Что «Басмой» зовутся... — дешевые папиросы.

«*Не волнуйся, не плачь, не труди...*» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи». — Автограф цикла; варианты:

ст. 13–14: Надорви ж горизонт, как письмо,

И с тропинкой вступи в переписку,

Добрый путь. Добрый путь. — Стих. обращено к Е. В. Пастернак, в мае 1931 г. уезжавшей в Германию. *Ты посмотришь на все по-другому.* — Ср.: «...впоследствии, оглянувшись назад на нашу путаницу, ты когда-нибудь ее оценишь по-другому» (письмо к Е. В. Пастернак 23 июля 1926).

«*Окно, пюпитр и, как овраги эхом...*» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи»; варианты:

ст. 5: Окно не на две створы alla breve,

ст. 12: И ночь. Здесь жил мой друг. Давно-давно

— Автограф цикла, текст — как в «Новом мире».

Здесь могло с успехом / Сквозь исполнение авторство процветать. — Г. Нейгауз в молодости писал музыку, но потом оставил. По его воспоминаниям, Пастернак не раз советовал ему вернуться к оставленному и говорил: «Гарри, почему ты не сочиняешь? У тебя был бы такой верный единственный друг» (Г. Г. Нейгауз. Размышления, воспоминания, дневники. М., 1983. С. 118). *Здесь жил мой друг.* — Описание комнаты Нейгаузов в Трубниковском переулке в отсутствие хозяина, уехавшего в январе 1931 г. на гастроли по городам Сибири: Омск и Томск. Пастернак писал 15 февр. 1931 г. С. Д. Спасскому: «Человек, которого я люблю, не свободен, и это жена друга, которого я никогда не смогу разлюбить».

«*Любить иных — тяжелый крест...*» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи». *И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносилён.* — В письме 30 апр. 1931 г. З. Н. Нейгауз Пастернак писал, что

его любовь к ней, «упрощающей все до полного счастья», позволила ему по-новому «открыто и просто» и «с такой верой в землю и ее смысл» взглянуть на свое время.

«*Всё снег да снег, — терпи и точка...*» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи». — Верстка сб. 1956; варианты:

ст. 17–18: А вскачь за громом, за четверкой

Ильи-пророка, под струи —

— Машин. сб. 1956, авт. примеч.: «В стихотворении “Все снег да снег” относительно слов “А вскачь за тряскою четверкой, за безрессоркою Ильи” редко догадываются, что имеется в виду фольклорный громовик Илья-пророк и громовые раскаты его колесницы. Измененная строчка приближает стихотворение к этому пониманию». *Подруги <...> скромный стол... зубровка... укроп... бутылка... масло... салат...* — метафоры, взятые из области кулинарии, соответствовали, по мнению Пастернака, поэтической натуре З. Н. Нейгауз, у которой, как он писал ей, — «кухонные полки ломаются от вдохновения» (14 мая 1931). *Вокабулы* — заучиваемые латинские слова с переводом.

«*Мертвецкая мгла...*» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи».

Выходят со мною / Пустынным шоссе / На поле Ямское... — весной 1931 г. Пастернак жил в доме Б. А. Пильняка на ул. Ямское Поле.

«*Платки, подборы, жгучий взгляд...*» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи»; варианты:

ст. 1: Платки, оборки, жгучий взгляд

ст. 3: И рыжий шоколад загор

ст. 5: Но слякоть лепит из лучей

ст. 7: И птичий щебет мнет ручей

ст. 12: И, как реке, зевнуть и вскрыться!!

ст. 15: И сонно окуни свой мир,

ст. 18: И устья труб в слюнявой пене.

(*Зажоры* — проталины.)

— «Второе рождение» 1932. — Автограф стихотворного цикла, подаренный З. Н. Нейгауз, — текст «Нового мира»; варианты:

ст. 9: Платки, подборы — благодать!

ст. 13: Вели, превысив нивелир,

ст. 18: И желоба в слюнявой пене.

Стих., как и предыдущее «Все снег да снег...», построено на «кулинарно-кондитерских» метафорах: *шоколад, пельмени, лакрица, желатин. Ватерпас и нивелир* — приборы для выравнивания уровня плоскости. *Черная лакрица* — застывший сироп корня солодки, употребляемый в кондитерских изделиях.

«Любимая, — молвы слащавой...» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи»; варианты:

ст. 3: Но ты — подспудной тайной славы

ст. 5: И слава — почвенная тяга.

— «Второе рождение» 1932. — Автограф стихотворного цикла, подаренный З. Н. Нейгауз, — текст «Нового мира».

...молвы слащавой, / Как угля, вездесуща гарь. — Ср. из письма к З. Н. Нейгауз 14 мая 1931 г.: «Вышло именно так, как я мечтал. Огромная, огромная дружба <...> в близости и на расстояние, и как обязательная ее частность, — любовь, — то, что обсуждают, то, что, как нам сказали, разбило две жизни <...> но что как физический круг солнца, имеющийся на небе, <...>, на который можно смотреть только сквозь копоть сплетен и осложнений». *О, если б я прямой возник! / Но пусть и так, — не как бродяга, / Родным войду в родной язык.* — «Мне, с моим местом рождения, — писал Пастернак М. Горькому 7 янв. 1928 г., — с обстановкою детства, с моей любовью, задатками и влечениями, не следовало рождаться евреем. Реально от такой перемены ничего бы для меня не изменилось <...> Ведь не только в увлекательной, срывающей с места жизни языка я сам, с роковой преднамеренностью вечно урезаю свою роль и долю. Ведь я ограничиваю себя во всем». *Леха* — гряда, полоса земли. *Рифмует с Лермонтовым лето / И с Пушкиным гусей и снег.* — Имеется в виду популярное в народе стих. Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») и отрывок из главы 4-й «Евгения Онегина» («На красных лапках гусь тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает бережно на лед...»). *И я б хотел, чтоб после смерти...* — тема смерти и бессмертия, центральная в стих. «Лето» и «Смерть поэта», звучит также и в любовных стихах этой книги.

«Красавица моя, вся статья...» — «Новый мир», 1931, № 8, в подборке «Новые стихи»; варианты:

ст. 19: Боязни тягость тяжкую

ст. 24: Срывается и тянет в путь,

— «Второе рождение» 1932. — Автограф стихотворного цикла, подаренный З. Н. Нейгауз, — текст «Нового мира»; варианты:

ст. 6: И с воли входит в наш мирок

ст. 14: Из-за которой хмурят бровь

ст. 17: А вход и пропуск за порог,

ст. 19: Поблажки и греха

ст. 24: Туманится и тянет в путь,

ст. 28: И мне знакомы издавна.

— Избр.—1945, без последней строфы.

...загробный гул корней и лон. — Развитие мотива бессмертия, или посмертного существования в поэзии (*в рифмах*), затронутого в конце предыдущего стих. *Тебе молился Поликлет.* — Греческий скульптор V в.

до н. э., установивший в своих работах классические каноны и пропорции человеческого тела.

«Кругом семяющей ватой...» — «Красная новь», 1931, № 9, дата: Москва, VI, 31; варианты:

вместо ст. 1—8:

На улице войлока клочья,
Сонливого тополя пух,
А в комнате пахнет, как ночью,
Фиалки ночной перепуг.

ст. 9: За шторой прохлада усадьбы,

ст. 11—12: В такой тишине и писать бы
Разлукой питая бюджет.

ст. 14: Как город под пухом семян,

— «Второе рождение» 1932. — Автограф в письме к З. Н. Нейгауз 26 июня 1931 г. («Другие редакции и варианты»: «На улице войлока клочья...». С. 315). Пастернак писал: «Эти плохие и малозначащие стихи углубятся и станут лучше, когда за ними последуют другие, о том, как ты будешь учить меня и чему научишь». — Автограф — текст «Красной нови» из собр. Н. И. Анова (ИМЛИ). — Автограф — текст «Красной нови» (РГАЛИ); варианты:

ст. 4: Болотной фиалки испуг

— ст. 16 исправлена по верстке сб. 1956.

«Никого не будет в доме...» — «Красная новь», 1931, № 9, дата: Москва, VI, 31; варианты:

ст. 10: И, крутясь, завертят мной

ст. 23—24: В чем-то тоньше тех материй,
Из которых зимы шьют.

— «Второе рождение» 1932. — Автограф — текст «Красной нови» из собр. Н. И. Анова (ИМЛИ). — Автограф — текст «Красной нови» (РГАЛИ); варианты:

ст. 12: И печаль зимы иной,

ст. 23 — как в «Красной нови».

— Ст. 1—4 совпадают с 3-й строфой стих. «Жизни ль мне хотелось слаще...» (1931; «Стихотворения, не включенные в основное собрание»), с вариантом одного слова в ст. 3: Серый день в сквозном проеме.

И окно по крестовине / Сдавливает голод дровяной. — Точное описание того, как заледеневают, начиная от оконного переплета к середине, стекла при недостаточной топке печей.

«Ты здесь, мы в воздухе одном...» — «Красная новь», 1931, № 9, дата: Киев, VII, 31; варианты:

ст. 4: Который в газ лучей обернут.

ст. 5: Что по пригоркам опочив,

ст. 7: Распарывает кирпичи,

между ст. 8 и 9:

Где ширью плит по-мотовски

Несутся бусинами блузки,

А с пыльных круч, как пауки,

Свисают узенькие спуски.

ст. 9—10: Где утирая пот листвою

От взятых перед тем препятствий,

ст. 15: Есть жалобная книга недр

— «Второе рождение» 1932. — Автограф — текст «Красной нови»
из собр. Н. И. Анова (ИМЛИ). — Автограф — текст «Красной нови»;
варианты:

ст. 5: Который в полдень опочив,

ст. 9: И утирая пот листвою

ст. 15: Лишь жалобная книга недр

Пастернак приехал в *Киев* к З. Н. Нейгауз в первых числах июля
1931 г., 14 числа они уже были в Тифлисе.

«Опять Шопен не ищет выгод...» — «Красная новь», 1931, № 9, дата:
Киев, VII, 31; варианты:

ст. 12: Крошатся шелковым дождем.

ст. 14—18: Гроздьями белых пирамид,
В шатре каштановом напротив
Из дома музыка гремит.

Гремит Шопен, и не увянув

С панелей под его эффект

ст. 27: Бежать, бежать и спотыкаться,

ст. 31: Будить догадки и не плакать,

ст. 38: Назад и сдерживая прыть

ст. 45: Пронесть по веткам и соцветьям

ст. 47: И девятнадцатым столетьем

после ст. 48:

Всей черной крышкой вниз с площадки,

Всем этим третьим этажом

Во двор, лопатками в нападки,

Когда мы в доме лампу жжем.

— «Второе рождение» 1932. — Автограф — текст «Красной нови»
из собр. Н. И. Анова (ИМЛИ). — Автограф (РГАЛИ); варианты:

ст. 11: И в окна из-под веток светим

ст. 14—18, 27 и 47 — как в «Красной нови».

после ст. 48:

И этажом четвертым этим,

И нашим первым этажом,

Когда мы из-под веток светим
И в низком доме лампу жжем.

— Наборная машин. книги (РГАЛИ, ф. 613), после ст. 48:

Всем этажом четвертым этим
И этим третьим этажом,
Когда мы ветки светом метим
И в ветхом доме лампу жжем.

З. Н. Нейгауз жила в Киеве у своей приятельницы в небольшом домике по соседству с *Рейтарской* улицей. Музыка, льющаяся, «падающая» из окон дома на улицу, часто становилась сюжетом стихов Пастернака («Бетховен мостовых», 1910, «Крупный разговор. Еще не запирали...», 1918, и др.). Биографический характер музыки Шопена Пастернак отмечал в статье о нем в 1945 г.: «Шопен реалист в том же самом смысле, как Лев Толстой. Его творчество <...> биографично не из эгоцентризма, а потому, что, подобно остальным великим реалистам, Шопен смотрел на свою жизнь как на орудие познания всякой жизни на свете и вел именно этот расточительно-личный и нерасчетливо-одинокый род существования». Образы музыки Шопена Пастернак всегда связывал с «особенностями парижской городской жизни тридцатых годов прошлого века», «деревьями парижских бульваров» (письмо 28 марта 1959 Ч. Гудиашвили // «Литературная Грузия», 1980, № 2. С. 38). *Фермата* — музыкальный термин, обозначающий произвольную длительность звучания или паузы. ...*в сырую ночь в мальпосте / Проездом в гости из гостей...* — из-за своей бездомности Шопен вынужден был жить у знакомых, часто совершая длинные переезды из одного города в другой в почтовых каретах, мальпостах, — что обостряло его туберкулез. ...*пенье на погосте...* — имеется в виду финал сонаты b-moll, — «вой ветра на погосте», — как назвал это Г. Нейгауз («Искусство фортепианной игры». С. 189). Творческий пример Шопена и мысли о его ранней кончине снова возвращают Пастернака к теме преодоления смерти в искусстве.

«*Вечерело. Повсюду ретиво...*» — «Темпы». Двухнедельный журнал-документация. Изд. «Звезда востока», Тифлис, 1931, № 10, вместе со стих. «Пока мы по Кавказу лазаем...» и «Весенний день тридцатого апреля...» под общим назв. «Три стихотворения. Тифлис», без строфы 2-й; варианты:

- ст. 1: Вечерело. Кругом куролеся,
ст. 3: Отовсюду ползло мелколосье.
ст. 11: И пылал и карабкался воздух,
ст. 13—18: На виду у пытливых орехов,
Хоронившихся в свежей красе,
Под прорехами леса проехав,
Колесило петлисто шоссе.
Каждый столб что-то издали чуял,
Каждый срыв вспоминал про разбой,

- ст. 23: Чем столбы и набегі ногайцев,
ст. 29—30: Как усопших восставшие души,
Ледники поднимали лицо.

— «Новый мир», 1931, № 12, вместе со стих. «Пока мы по Кавказу лазаем...» под общим назв. «Кавказские стихи» и примеч.: «Коджоры — Тифлис. Дом Паоло» (*Паоло Яшвили*, 1895—1937, — грузинский поэт, пригласивший Пастернака в Грузию и поселивший его в своем доме в Коджорах, небольшом поселке в горах над Тифлисом). Варианты:

- ст. 6: Там, как прежде, под тем же углом
ст. 11: И горел, и карабкался воздух,
ст. 15: По живому закату проехав,
ст. 30: Ледники открывали лицо.

— «Второе рождение» 1932. — Избр.—1948, под назв. «Горы», без строф 4, 6, 7-й. — Автограф (РГАЛИ) — текст публикации в «Темпах».

...былые набегі ногайцев... — ногайская орда — государство кочевников, в XV в. располагавшееся к северу от Каспийского моря. *Тамерлан* (Тимур; 1336—1405) — полководец, разгромивший Золотую орду, совершал набегі на Иран и Закавказье.

«Пока мы по Кавказу лазаем...» — «Темпы», 1931, № 10, в подборке из трех стих. под общим назв. «Тифлис» («Другие редакции и варианты». С. 316). — «Новый мир», 1931, № 12, вместе с предыдущим стих. «Вечерело. Повсюду ретиво...» под общим назв. «Кавказские стихи»; примеч.: «Коджоры — Тифлис, Дом Паоло», редакция публикации в «Темпах».

• — «Второе рождение» 1932. — Автограф — текст публикации в «Темпах» (РГАЛИ); вариант

- ст. 6: Заламываясь, как гортани,
— Автограф — текст «Нового мира».

Ты думаешь, моя далекая, / Что чем-то мне не угодила. — Стих. обращено к Е. В. Пастернак, которая в это время находилась в туберкулезном санатории в Баварии. В окончательной редакции стих. подверглось значительному сокращению, «середина, показавшаяся мне потом надуманной и искусственной, выброшена, — записал Пастернак по поводу этого стих., — напечатано в “Новом мире” или в “Заре востока”» («Выброшенный Пастернак». РГАЛИ, ф. 1331). Была снята тема Лермонтова. «Для Пастернака грузинская тема впервые открылась через любовь к Лермонтову, — вспоминал С. Чиковани. — Его привлекли грузинский пейзаж, вторгнувшийся в лермонтовскую поэзию, и грузинский характер, отраженный и воспринятый в ней» («Литературная Грузия», 1972, № 11).

«О знал бы я, что так бывает...» — «Второе рождение» 1932. — Машин. сб. 1956; вариант

- ст. 9: Но зрелость — это Рим, который

Датируется по письму к сестре Ж. Л. Пастернак 11—18 февр. 1932 г., где Пастернак упоминает, что «недавно окончил лирическую вещь», и пишет, как призвание поэта «перерождает, каким пленником времени делает эта доля, это нахождение себя во всеобщей собственности, эта отовсюду прогретая теплом неволя. Потому что и в этом, — извечная жестокость несчастной России: когда она дарит кому-нибудь любовь, избранник уже не спасется с глаз ее. Он как бы попадает перед ней на римскую арену, обязанный ей зрелищем за ее любовь (*Но старость — это Рим...*). И если от этого не спасся никто, что же сказать мне, любовь к которому затруднена ей так чрезвычайно, как любовь Германии к Heine. <...> Я назвал тебе не мотивы свои, а мою действительность, мое без мотивов движущееся существование. И я тебе назвал мой долг перед судьбой». *И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба.* — Пастернак считал, что подлинный творческий гений поклоняется не искусству, а жизни, в нем выраженной. «Как всякий большой художник, — писал он о Верлене в статье «Поль-Мари Верлен» (1944), — он требовал “не слов, а дела” даже и от искусства слова, то есть хотел, чтобы поэзия содержала действительно пережитое или свидетельскую правду наблюдателя».

«*Когда я устаю от пустозвонства...*» — «Новый мир», 1932, № 2. — В «Стихотворения в одном томе» 1933 не включалось. — Наборная машин. книги с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 613); вариант

ст. 17: Когда от следствий не спасет таблетка,

Четвертый год — пятилетнего плана, начатого в 1929 г. *Две женщины* — Е. В. Пастернак вернулась из Германии в конце декабря 1931 г., и обе героини книги, она и З. Н. Нейгауз, переживали душевно мучительное время неустроенности и разлада. *Лампы Светлана* — лампы, называвшиеся по электроламповому заводу в Ленинграде, где они изготовлялись.

«*Стихи мои, бегом, бегом...*» — «Новый мир», 1932, № 2; вариант

ст. 22: До нас похолодевших лож,

— «Второе рождение» 1932. — Машин. сб. 1956; вариант

ст. 13: Вы светлой вестью: я вас шлю,

С бульвара за угол есть дом... — дом 14 по Волхонке, где жила вернувшаяся из Германии Е. В. Пастернак. *Фетиши* — обожествляемые предметы у первобытных народов, изображения идолов, часто вешавшиеся на шею. ...*образ Синей Бороды...* — герой сказки Ш. Перро, убивавший своих жен. Е. В. Пастернак писала 6 авг. 1926 г. Пастернаку о мучительных тайнах ее ревнивого чувства к М. Цветаевой: «Я не хочу, чтоб существовали ключи “Синей Бороды”, — этим можно... а этим маленьким золотым... и что за этой дверью. Найти тут границу — запертого, отпертого, враждебного и нет, пустяков и серьезного трудно. Я хочу с легкой душой все двери открывать (в данном случае и Марине, и тебе,

и мне должно казаться естественным *твое* желание читать мне письма)» (Существования ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. М., 1998. С. 171). *Вий* — страшный властитель подземного царства из одноименной повести Гоголя. *Обидный призрак нелюбви...* — ср.: «Из одного страха перед тем, какое унижительное, уничтожающее наказание нелюбовь, я бессознательно остереглась бы понять, что не люблю тебя. <...> Мое собственное сердце скрыло бы это от меня, потому что нелюбовь почти как убийство, и я никому не в силах была бы нанести этого удара» («Доктор Живаго»). *О, как она была смела, / Когда едва из-под крыла / Любимой матери...* — в периоды грустно складывавшихся обстоятельств жизни со своей первой женой Пастернак часто искал опоры в воспоминаниях о времени их первых встреч. «В разлуке, — писал он Цветаевой 11 июля 1926 г., — я ее постоянно вижу такой, какою она была, пока нас не оформило браком <...>. Тогда то, чем был полон до того воздух, и для чего мне не приходилось слушать себя и запрашивать, потому что это признание двигалось и жило рядом со мной в ней, как в изображеньи...».

«Еще не умолкнул упрек...» — «Новый мир», 1932, № 2; варианты:

ст. 1—4: Упрек не успел потускнеть —
С рассвета опять потрясенье:
Вослед за содеянным смерть
Той ночью вошла в твои сени.

ст. 49: Магнето прошло темнотой,

ст. 53: Оттуда дул ветер, и снег,

— «Второе рождение» 1932 — текст «Нового мира». — Избр.—1948.

— Машин. сб. 1956, записка составителю Н. В. Банникову: «Перенесена правка по новому варианту. Тот лучше»; варианты:

ст. 1—4: Раскаянья срок не истек
И слезы звенели в укре,
Как ночью к тебе на порог
Нагрянуло новое горе.

— По верстке сб. 1956 выправлены ст. 49 и 53.

Скончался большой музыкант, / Твой идол и родич... — дядя Г. Нейгауза, пианист Ф. М. Блуменфельд. Стих. обращено к З. Н. Нейгаузу, ученице Блуменфельда по Петербургской консерватории. «Блуменфельд, — объяснял Пастернак переводчику А.-М. Рипеллино 17 авг. 1956 г., — петербургский пианист, композитор, профессор Консерватории и дирижер Императорской оперы, о котором упоминает И. Стравинский в *Chronique de ma vie* (Denoël et Steel на стр. 26)» ...выходил, как Самсон, / Из кладки, где был замурован. — Библейский герой Самсон, захваченный в плен филистимлянами, обрушил опоры дома и погиб вместе с врагами под обломками (Книга Судей. 16, 25—30). *О нашем с тобой обручении.* — День смерти Блуменфельда 22 января 1931 г. Пастер-

нак считал днем своего обручения с З. Н. Нейгауз. Совпадение этих событий легло в основание символического значения «Второго рождения» как книги о любви и смерти, о *вседневном бессмертии* искусства. *Ритурнель* — инструментальное вступление к музыкальному произведению.

«*Весенний день тридцатого апреля...*» — Двухнедельный журнал «Темпы». Тифлис, 1931, № 10, в подборке под назв. «Три стихотворения. Тифлис» («Другие редакции и варианты»: «Начало дня тридцатого апреля...». С. 314). — «Новый мир», 1932, № 5. — В «Стихотворения в одном томе» 1933 не включалось. — Автограф — текст «Нового мира», посланный 6 авг. 1931 г. В. П. Полонскому вместе со стих. «Столетье с лишним — не вчера...» и «Будущее! Облака встрепанный бок!..» («Стихотворения, не включенные в основное собрание»), под общим назв. «Гражданская триада» (собр. Е. В. Лидиной); варианты:

ст. 7: Текут шеренги малорослых карлиц

ст. 12: И воздух пахнет маслом ремесла.

— Автограф (РГАЛИ) — текст публикации в «Темпах». — Наборная машин. книги с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 613); вариант

ст. 32: В луга колхозов и на промысла.

Пастернак писал 30 апр. 1931 г. З. Н. Нейгауз: «Сегодня тридцатое, сейчас утро. Мне хочется все это запомнить <...> Вчера были гости, утром стол стоял, еще раздвинутый на обе доски под длинной белой скатертью, весь солнечный, заставленный серебром и зеленым стеклом, с двумя горшками левкоев, и дверь на балкон была открыта, там тоже было солнце, стекло и зелень». Через несколько дней он уже читал ей свое «первомайское» стих., но работа над ним затянулась. Одна редакция была послана в Москву из Грузии в августе, другая в октябре передана для публикации в Тбилиси, третья опубликована в мае 1932 г. Но гражданские стихи никогда не удовлетворяли Пастернака и три таких стих. не были включены им в изд. 1933 г., готовившееся как первый том Собрания сочинений. *Как были до него березы Троицы...* (в ранней редакции было: *Как дни Страстей и как березы Троицы...*). — Всенародное празднование первого мая должно было заменить церковные события Страстной недели и Пасхи, приходясь на время между Пасхой и Троицей или совпадая с ними. *Панатенеи* — ежегодные праздники в честь богини Афины, включавшие в себя ночные факельные бега. *Центифолия* — махровая роза.

«*Столетье с лишним — не вчера...*» — «Новый мир», 1932, № 5, без ст. 13—16. — «Второе рождение» 1932. — В «Стихотворения в одном томе» 1933 не включалось. — Автограф, посланный 6 авг. 1931 г. В. П. Полонскому в составе цикла «Гражданская триада» (собр. Е. В. Лидиной); варианты:

ст. 5: И жить в отличьи от хлыща

ст. 7: Желаньем дела сообща

ст. 9: Но тот же тотчас же тупик

- ст. 11: И выписки из тех же книг,
 ст. 13—14: Однако лишь теперь пора,
 Сказать, сравнение сходством разня:

Столетье с лишним... — время, отделяющее это стих. от «Стансов» Пушкина (1826), которые Пастернак использовал в качестве композиционной и текстуальной основы своего стих. Ср.: «В надежде славы и добра / Пляжу вперед я без боязни: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни». Пушкинская параллель между Николаем и Петром заменена у Пастернака распространенным сопоставлением, начало которому положил сам Сталин, — «революции сверху» и петровских реформ. Впечатления от «огромных сооружений» в Челябинске, куда Пастернак был послан с писательской бригадой весной 1931 г., невольно наводили на «сравнение с Петровой стройкой», хотя, как он писал З. Н. Нейгауз, «это говорилось сто раз» (1 июня 1931). Но главной мыслью Пастернака в этом стих., как и у Пушкина век назад, было обращение к правителю с призывом отказаться от насилия и террора.

«Весеннему порою льда...» — «Новый мир», 1932, № 3, под назв. «Стихи», между ст. 31 и 32:

Струитесь, черные ручьи.
 Родимые, струитесь.
 Примите в заводи свои
 Околицы строительства.

Их марева — как облака
 Зарей неторопливой.
 Как август жаркие века
 Скопили их наплывы.

после ст. 64:

О том ведь и веков рассказ,
 Как, с красотой не справясь,
 Пошли топтать не осмотрясь
 Ее живую завязь.
 А в жизни красоты как раз
 И крылась жизнь красавиц.
 Но их дурманил лоботряс
 И развивал мерзавец.
 Венец творенья не потряс
 Участвующих и погряз
 Во тьме утаек и прикрас.
 Отсюда наша ревность в нас
 И наша месть и зависть.

— «Второе рождение» 1934, между ст. 31 и 32, как в «Новом мире», — «Стихотворения в одном томе» 1933. — Оттиск публикации в «Новом

мире», сокращения строк между 31 и 32 и после ст. 64 сделаны рукой автора поверх текста стих. (РГАЛИ, ф. 1334).

Уходит с Запада душа / Ей нечего там делать. — Пастернак, всецело принадлежавший неразделенному миру начала XX века, болезненно воспринимал первые годы 1930-х как отрыв от Европы, рано почувствовав тень надвигающегося фашизма. «И одно и то же <...> угнетает меня и у нас, и в вашем порядке, — писал он родителям в Германию. — То, что это движение не христианское, а националистическое <...>, тот же отрыв от вековой и милостивой традиции, дышавшей превращениями и предвосхищениями, а не одними констатациями слепого аффекта. <...> Это правое и левое крылья одной матерьялистической ночи» (5 марта 1933). *Пред нею край, где...* — возвращение к теме идеального социализма, понимаемого как равноправие женщины, освобожденной от общественных ограничений и самой распоряжающейся своей судьбой, которая была затронута в «Волнах». Ср.: «Ты — край, где женщины в Путивле / Зегзицами не плачут впредь». См. также олицетворение революции в «Спекторском» (1931): «И та, что в фартук зарывала, мучась, / Дремучий стыд, теперь, осатанев, / Летит в пролом открытых преимуществ...». *И так как с малых детских лет / Я ранен женской долей...* — ср.: «Из <...> общения с нищими и странниками, по соседству с миром отверженных и их историй и истерик на близких бульварах, я преждевременно рано на всю жизнь вынес пугающую до замирания жалость к женщине» («Люди и положения», 1956). *Но их дурманил лоботряс / И развивал мерзавец.* — Тема эксплуатации женщины в откинутом конце стихотворения, по словам З. Н. Пастернак, была снята из-за того, что Г. Г. Нейгауз принял эти строки на свой счет. В действительности здесь отразился роман З. Н. Еремеевой (будущей — Пастернак) с Н. Милитинским, впоследствии легший в основу отношений Лары и Комаровского в романе «Доктор Живаго» (кн. первая, ч. 2, гл. 14). Ср.: «Девочке льстило, что годящийся ей в отцы красивый, седеющий мужчина <...> тратит деньги и время на нее, <...> возит в театры и на концерты и, что называется, “умственно развивает” ее».

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ. 1936—1944

(С. 89)

Книга под этим названием вышла летом 1943 г. в издательстве «Советский писатель». Она состояла из четырех циклов: «Военные месяцы (Конец 1941 г.)», «Художник (Зима 1936 г.)», «Путевые записки (Лето 1936 г.)», «Переделкино (Начало 1941 г.)». Но все циклы были представлены в ней в урезанном виде. «Это книжка никчемная и конфузная по запоздалости, малости размеров и случайности содержания, — характеризовал ее автор в письме Д. С. Данину (3 янв. 1944). — Лучшее из военных

(“Русскому гению”) и лучшее из переделкинских (единственных живых страниц книги) “Вальс с чертовщиной” выкинуты».

В следующей книге «Земной простор» 1945 (первоначальное название «Свободный кругозор») были представлены только два цикла: «Стихотворения о войне», дополненные написанными в 1943—1944 гг., и «На ранних поездах» («Переделкино»). Публикации стихотворений в газетах и журналах подвергались посторонней редактуре, частично снятой автором при составлении сборников, частично исправленной нами в посмертных изданиях по автографам. В «Избранных стихах и поэмах» 1945 г. Пастернак вернулся к названию «На ранних поездах», при подготовке неизданного сб. 1956 г. в раздел предполагалось включить также первую главу поэмы «Зарево», стихотворение «Памяти Марины Цветаевой». Сохранились беловые и черновые автографы стихотворений в разных редакциях, машинописи и газетные публикации со следами редакторской и авторской правки, документальные материалы, использованные в стихах военных лет. Среди них наборная машинопись книги «На ранних поездах» с подзаголовком: «Новые стихотворения 1941 года» и припиской: «С добавлением части стихотворений, печатавшихся в 1936 г. в журналах» (РГАЛИ, ф. 379) и машинопись с авторской правкой, озаглавленная: «Борис Пастернак. Новые стихи. Москва. 1944» и авторским объяснением: «Наиболее поздняя полная подборка военных стихов (без “Ожившей фрески”))».

Отсутствие подготовленной автором и композиционно оформленной книги стихотворений этого времени объясняет то, что при составлении раздела в посмертных изданиях приходилось руководствоваться авторскими намерениями, выраженными в письмах, примечаниях и исправлениях в рукописях, желанием освободить текст от чужого вмешательства.

Оправданием книги были для Пастернака стихи, написанные весной 1941 г., «несколько здоровых страниц, написанных по-настоящему, — признавался он в письме О. Фрейденберг 5 нояб. 1943 г. — Это образец того, как стал бы я теперь писать вообще...». Не имея возможности включить в книгу стихотворения, посвященные репрессированным друзьям, грузинским поэтам Т. Табидзе и П. Яшвили, Пастернак исключил из нее вторую часть стихотворения «Мне по душе строптивый норов...», посвященную Сталину, снял строфы о новизне пробудившегося в Грузии чувства революции из стихотворения «Он встает. Века. Гелаты...». «Вас огорчат страшные, ранящие пробелы в моей маленькой и ничтожной книжке, — писал он вдове расстрелянного поэта Нине Табидзе, посылая ей книгу «На ранних поездах». — Но Вы увидите, раз нельзя называть тех, кто был наряду с Зиной единственной новой моей жизнью в революции, пусть не будет и ни о ком в ней упоминания» (июнь 1943).

Новая творческая манера, проявившаяся в цикле «Переделкино» и основанная на «не облеченной уподоблениями, прямой и прозрачной

речи в поэзии», на мысли, «отлеживавшейся, определившей свой смысл и только совершенствующей свое выражение в неметафорическом утверждении» (письмо С. Чиковани 6 окт. 1957), стала осуществлением той простоты и естественности, которые были заявлены еще во «Втором рождении», и объясняла позднейшее категорическое утверждение автора: «Я не люблю своего стиля до 1940 года» («Люди и положения», 1956).

Стихи, написанные в начале войны и включенные в книгу 1943 г., были пополнены стихами конца 1943 г., основой которым послужила поездка Пастернака на фронт, в места боев за Орел. Композиционно они были ориентированы на поэму «Зарево», но после оборвавшейся работы над ней оформлены в отдельные стихотворения.

В оставшейся ненапечатанной рецензии С. Н. Дурылин писал: «Кажется, в военных стихах словарь Пастернака еще народнее, чем в предвоенных; речь его еще проще, еще целомудренней сторонится она всяческих приукрашений, малейшей риторики. Пастернак еще строже к себе в этих стихах о суровой године войны, когда строгость и суровость стали условием жизни, условием победы. <...> По точности рисунка, по простоте передачи, по суровой безыскусности это почти проза, причем самая строгая проза, признающая законы пушкинской простоты и толстовской суровости, но в этой “почти прозе” и заключена свежесть и сила стихов Пастернака» («Литературная учеба», 1988, № 6. С. 112–113).

ХУДОЖНИК (С. 90)

Четыре стих. цикла были опубликованы в журн. «Знамя», 1936, № 4, под назв. «Несколько стихотворений», объединившим также стих. «Я понял: все живо...» и «Все наклоненья и залогии...» («Стихотворения, не включенные в основное собрание»). В книге «На ранних поездках» 1943 г. цикл имел подзаголовок «Зима 1936», без стих. «Безвременно умершему». В машин. книги (РГАЛИ, ф. 379) имеется авт. примеч.: «Из более обширного цикла, напечатанного зимой 36 г. в “Знамени”». В верстке сб. 1956 — только стих. «Мне по душе строптивый норв...» и «Безвременно умершему».

1. *«Мне по душе строптивый норв...»* — «Известия» 1 янв. 1936; варианты:

- ст. 14: Стяжал он лавры, бросаясь в бой?
ст. 18: Он создан весь сквозным теплом.
ст. 21–24: Он этого не домогался,
 Он жил как все. Случилось так,
 Что годы плыли тем же галсом,
 Как век стоял его верстак.

после ст. 24: А в те же дни на расстояньи
 За древней каменной стеной
 Живет не человек — деянье:
 Поступок ростом в шар земной.

Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел,
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.

За этим баснословным делом
Уклад вещей остался цел.
Он не взвился небесным телом,
Не исказился, не истлел.

В собрании сказок и реликвий,
Кремлем плывущих над Москвой,
Столетия так к нему привыкли,
Как к бою башни часовой.

Но он остался человеком,
И, если зайцу вперерез
Пальнет зимой по лесосекам,
Ему, как всем, ответит лес.

И этим гением поступка
Так поглощен другой, поэт,
Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.

Как в этой двухголосой фуге
Он сам ни бесконечно мал,
Он верит в знание друг о друге
Предельно крайних двух начал.

— «Знамя», 1936, № 4; вариант ст. 18 — как в «Известиях», без строфы: «За этим баснословным делом...». — «На ранних поездках» 1943.

Авт. примеч. 17 февр. 1956 г. к снятым строфам: «...разумел Сталина и себя. Было напечатано в таком виде в “Известиях”. Бухарину хотелось, чтобы такая вещь была написана, стихотворение было радостью для него. <...> Искренняя, одна из сильнейших (последняя в тот период) попытка жить думами времени и ему в тон» (Ивинская. В плену времени. С. 95). Вдова Бухарина А. М. Ларина вспоминала, что Бухарин боялся ревности Сталина и после посвящения ему поэмы «Волны» («Второе рождение» 1934) просил Пастернака написать о Сталине. Л. В. Горнунг 3 окт. 1936 г. записал в дневнике разговор с Пастернаком о том, что «намеками ему было предложено взять на себя эту роль (Маяковского как придворного поэта. — *Е. П.*), но он пришел от этого в такой ужас и умолял не рассчитывать на него» (Воспоминания. С. 80). Поводом для стих. явилось ходатайство Пастернака за аресто-

ванных Н. Н. Пунина и Л. Н. Гумилева и письмо Сталину с благодарностью «за чудесное молниеносное освобождение родных Ахматовой» (дек. 1935).

...он отвык / От фраз, и прячется от взоров... — в том же письме Сталину Пастернак благодарил его также за то, что, «поставив Маяковского на первое место», он тем самым давал Пастернаку возможность «жить и работать по-прежнему, в скромной тишине, с неожиданностями и таинственностями», без которых он не представлял себе жизни. *На какой арене / Стяжал он поздний опыт свой?* — О поэте как римском гладиаторе в связи со стих. «О, знал бы я, что так бывает...» Пастернак писал 11 февр. 1932 г. Ж. Пастернак: «Он как бы попадает перед ней (Россией. — Е. П.) на римскую арену, обязанный ей зрелищем за ее любовь». *Он жаждал воли и покоя...* — реминисценция из стих. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834): «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Тема была подхвачена А. Блоком в Пушкинской речи «О назначении поэта» (1921): «*Покой и воля*. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают».

В снятых строфах: *Живет не человек — деянье: / Поступок ростом в шар земной.* — Станные, на первый взгляд, характеристики героя были выражением существенного для Пастернака противопоставления человека творческой складки и человека действия, *гения поступка*. Концепция *предельно крайних двух начал* впервые проявилась в статье «Черный бокал» (1916) и получила завершение в романе «Доктор Живаго»: «Как он любил всегда этих людей убеждения и дела, фанатиков революции и религии! И как никогда, никогда не задавался целью уподобиться им и последовать за ними» («Ранние редакции»). На другом полюсе, полюсе притяжения, у Пастернака всегда стояла впитывающая, *словно губка*, фигура поэта как творческой личности. ...*зайцу вперез / Пальнет зимой по лесосекам...* — в герое стих. выделены также некоторые черты Бухарина, бывшего страстным охотником.

2. «*Как-то в сумерки Тифлиса...*» — «Знамя», 1936, № 4; варианты:

ст. 3: Воплощенную теплицу

вместо ст. 21—28:

Я люблю лицо немое
Помешавшихся небес,
День, глядящий неумоей,
Сажи с жемчугом замес.

Обновленный до кровинок,
Как по спаде вод в бору
Первый сорванный барвинок,
Вдох и выдох на ветру.

Я люблю каким-то чудом
Звезд плывущих звон, и век
Буду стужи самогодам
Верен, грешный человек.

ст. 30: За порханием пурги

ст. 46: Эта стана крутизна

ст. 48: И осанке полусна.

— «На ранних поездках» 1943. — Черновой набросок двух первых строф (Уитни); варианты:

ст. 5—8: Посередке тротуара
Ветер стаскивал с чинар
Заревые шаровары
И рычал, как сенбернар.

— Автограф двух циклов «Путевые записки» и «Художник», подаренный А. Крученых (РГАЛИ, ф. 379), текст — как в «Знамени»; вместо строфы 7-й:

Воздух с запахом барвинка
На проталине в бору,
И душистую крупинку
На размашистом ветру.

И воскресный день досужий
В зимнем городе, и век
Буду северу и стуже
Верен, грешный человек.

В конце стих., после ст. 48, — восемь строк отточий.

— Корректирные листы публикации в «Знамени», назв. «Зима в Тифлисе» (РГАЛИ, ф. 2587).

Авт. примеч. 17 февр. 1956 г.: «В 1933 г. ездили с большой делегацией в Тифлис. Здесь все творческое и личное, связанное с семьей Леонидзе» (Ивинская. В плену времени. С. 95). *Как на родине Миньоны...* — героиня романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) родилась в Италии. «Dahin! Dahin!» — рефрен песни Миньоны «Ты знаешь край лимонных рощ в цвету...» (перевод Б. Пастернака).

3. «Скромный дом, но рюмка рому...» — «Знамя», 1936, № 4; вариант ст. 10: Топит все наперечет.

— «На ранних поездках» 1943. — Автограф (Уитни) и корректирные листы «Знамени», под назв. «Устами друга» и посвящ. Георгию Леонидзе (РГАЛИ, ф. 2587). Пастернак писал Леонидзе 15 апр. 1951 г., вспоминая свое первое знакомство с ним и его женой: «И опять встает перед глазами вся эта непередаваемая тбилисская сказка и морем входят в душу сопровождающие ее чувства. И так хочется сейчас же обратиться к Вам, голосу этого моря, его шуму, его творческому толкованию!! <...> и пришлось бы

сызнава писать “Волны” и те стихи про художника, где — про Вас, и потом вспоминать приезд зимой 1933 года». *От шагов и волн капота / И расспросов — ни следа.* — Ср. «Ты появишься у двери / В чем-то белом без причуд...» из стих. «Никого не будет в доме...» (1931). *Полюдые* — сбордани.

4. «Он встает. Века. Гелаты...» — «Знамя», 1936, № 4, как продолжение предыдущего стих.; вариант

ст. 28: Чтоб рекою в вечность впасть.

между ст. 16 и 17:

Революция, ты чудо.
Наконец-то мы вдвоем.
Ты виднее мне отсюда,
Чем из творческих ярем.

Мало верить понаслышке.
Мало ездить и глазеть,
Надо с этой сердца вышки
По тебе равняться сметь.

— «На ранних поездках» 1943. — Автограф, подаренный Крученых (РГАЛИ, ф. 379), текст — как в «Знамени», выкинутые из книги две строфы взяты в скобки; вариант одной строки:

«Надо с самовольной вышки

— Авт. исправления, сделанные для чтения на публичном вечере в книге «На ранних поездках», подаренной С. Г. Нейгаузу: вычеркнуты две первые строфы и вписаны две, выпущенные при издании (собр. М. С. Нейгауз).

Гелаты — один из древнейших монастырей в Грузии (XII в.), находится около Кутаиси. *Балакирь* (балакарь) — шутник, балагур, от глагола балакать. *Ты пройдешь умы и земли...* — ср. слова из «Пророка» (1826) Пушкина: «И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей». Стих. передает представление Пастернака о бессмертии поэта.

Безвременно умершему. — «Знамя», 1936, № 4, без назв.; вариант

ст. 16: Уставный ровный шрифт.

— Автограф под назв. «Похороны товарища»; варианты:

ст. 13: Его раскаты громче

ст. 16 — как в «Знамени»,

ст. 27: Итак, в самоубийстве ль

ст. 33: Кривые ветки ольшин —

между ст. 28 и 29:

Как Кама из Закамья,
В слезах уходит взор,
Из комнаты с венками
На потемневший двор.

Закатно гаснет краска,
День поджигает хвост.
Он ощутил острastку
Увоза на погост.

между ст. 36 и 37:

Не подавая виду,
Украдкою, как вор,
С гражданской панихиды
На темный выйду двор.

между ст. 44 и 45:

Самоубийство — пропасть.
Внизу черным-черно.
Толпой окольной робость
Сбегается на дно.

Отвсюду люди кучей
Стремглав наперебой
Стеснить несчастный случай
Счастливою толпой.

— Корректурные листы «Знамени», вычеркнуты назв. и пять стрóf.

— «На ранних поездах» 1943, вариант

ст. 16: Простой уставный шрифт.

— Ст. 16 выправлена по верстке сб. 1956.

Стих. написано на смерть покончившего с собой 28-летнего комсомольского поэта Николая Дементьева (28 октября 1935). *Немые индивиды...* — бессловесной тоске *гражданской панихиды* (из вычеркнутых стрóf) противопоставлена красота темнеющего небосвода и убранных *первым инеем* ветвей. Собственные мысли о смерти, преследовавшие Пастернака во время нервного кризиса летом 1935 г., нашли выход в словах о чужой смерти, о том, что *спасенье и исход* не в самоубийстве, а в терпеливом и плодотворном существовании. *Как прусской пушке Берте...* — дальнобойные пушки, обстреливавшие Париж в 1917 г. *Кормчая книга* — древнерусский сборник церковных и светских законов (с XIII в.). *Но тут нас не оставляют <...> Найдут и воскресят.* — Отсылка к «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, которым серьезно увлекались современники Пастернака, в частности М. Горький, В. Маяковский, А. Платонов.

ИЗ ЛЕТНИХ ЗАПИСОК (С. 96)

Двенадцать стихотворений цикла были полностью опубликованы в «Новом мире», 1936, № 10. В книгу «На ранних поездах» 1943 г. вошли пять стих., под назв. «Путевые записки (Лето 1936)». В верстке сб. 1956 — восемь. В сб. «Стихи о Грузии. Грузинские поэты. Избранные переводы» (1958) — девять, причем составитель сборника контаминировал

ранние и поздние варианты. Редакционные сокращения первой публикации восстанавливаются по трем сохранившимся автографам 1936 г. (два из собр. Г. А. Санникова, третий — РГАЛИ, ф. 2530) и одного — 1943 г., подаренного Крученых (РГАЛИ, ф. 379), машин. 1943 г. с примеч.: «Из цикла стихотворений, напечатанных летом 36 г. в «Новом мире»».

Биографической основой цикла стала летняя поездка в Грузию в 1931 г., по свежим впечатлениям которой писались кавказские стихи «Второго рождения». «Тогда Кавказ, Грузия, отдельные ее люди, ее народная жизнь явились для меня совершенным откровением. Все было ново, все удивляло», — писал Пастернак в очерке «Люди и положения» (1956). На примере грузинских друзей, главным образом Т. Табидзе и П. Яшвили, которым посвящен этот стихотворный цикл, Пастернак попытался выразить свое понимание народного поэта, передать его духовную связь с народной стихией, которая открылась ему в работе над переводами грузинской поэзии.

1. *«Не чувствую красот...»* — «Новый мир», 1936, № 10. — Автограф 1936 г. (собр. Г. А. Санникова), 1-я строфа заключена в кавычки, как чужая речь, после ст. 12:

(Роняет ли красу
Седого моря в полночь
Часами на мысу
Флиртующая сволочь?)

2. *«Как кочегар, на бак...»* — «Новый мир», 1936, № 10. — «На ранних поездках» 1943; варианты:

ст. 17—19: Полночная муть.
Левкой недавно полит
И белый Млечный Путь

3. *«Счастливы, кто целиком...»* — «Новый мир», 1936, № 10, без ст. 25—36. — Автографы 1936 г. — полностью. — Автограф 1943 г. (РГАЛИ, ф. 379) — первые три строфы; вариант

ст. 7: С толпою прихлебал

Счастливы, кто целиком, / Без тени чужеродья... — ср.: «О, если б я прямой возник! / Но пусть и так, — не как бродяга, / Родным войду в родной язык» из стих. «Любимая, — молвы слащавой...» (1931). *Народ, как дом без кром...* — как бескрайний дом, без границ. *Он, как свое изденье, / Кладет под долото / Твои мечты и цели.* — В сокращенной редакции это стих. было превратно понято В. П. Ставским, первым секретарем Союза писателей, который в докладе на общемосковском собрании сказал: «Поэт, которого чуть было не провозгласили вершиной советской поэзии, пишет, печатает с благословения редакции журнала «Новый мир» стихи, в которых клеветает на советский народ <...>. Нельзя

без возмущенья читать эти строчки и говорить о них» («Литературная газета» 20 дек. 1936). Пастернак был вынужден давать объяснения: «Во второй строфе, вызвавшей нарекания, говорится о том, что индивидуальность без народа призрачна, что в любом ее проявлении авторство и заслуга движущей первопричины восходит к нему — народу. Народ — мастер (плотник или токарь), а ты художник — материал. Такова моя истинная мысль, и как бы ни сложилась дальнейшая ее судьба, я в ней не вижу ничего с идеей народа не совместимого. Происшедшее недоразумение объясняю себе одной только слабостью и неудачностью этого места, равно, как и вообще этих моих стихов» («Литературная газета» 1 янв. 1937). ...*кладет под долото*... — профессиональное выражение, означающее отделку деревянного изделия специальным резцом — долотом. «Идея народа» была выражена также в стих. «Все наклоненья и залогии...», 1936 («Стихотворения, не включенные в основное собрание»): «Тебя пилили на поленья / В года, когда в огне невзгод, / В золе народонаселенья / Оплавилось ядро: народ».

4. «*Дымились, встав от сна...*» — «Новый мир», 1936, № 10. — Автографы 1936 г., между ст. 4 и 5:

Давнишняя мечта
Осуществлялась въяве,
Я посещал места,
Знакомые в заглавьи.

Варианты:

ст. 11–12: Рвала с себя башмак
С распоротой дратвой.

Навтлуг (Навтлуги) — район Тбилиси, где находится вокзал.

5. «*За прошлого порог...*» — «Новый мир», 1936, № 10, без ст. 17–20. — «Стихи о Грузии» 1958. — Автографы 1936 г. — полностью. — Автографы из собр. Г. А. Санникова; вариант

ст. 18: Но уловив источник.

— В одном из автографов (собр. Г. А. Санникова) строфы 3, 4 и 5-я идут в другом порядке: 5, 3, 4-я.

Паоло Яшвили, глава поэтической группы «Голубые роги», пригласил Пастернака к себе летом 1931 г. и познакомил со своими друзьями, с достопримечательностями Тбилиси, возил по Грузии. «Яшвили чудно рассказывал. Он был прирожденный рассказчик приключений. С ним вечно происходили неожиданности в духе художественных новелл <...> Когда я думаю о Яшвили, городские положения приходят в голову, комнаты, споры, общественные выступления, искрометное красноречие Яшвили на ночных многолюдных пирушках» («Люди и положения», 1956). *Ваш будущий подстрочник*. — Стихи Яшвили Пастернак переводил в 1934 г.

6. «Я видел, чем Тифлис...» — «Новый мир», 1936, № 10, без ст. 9—12. — «Стихи о Грузии» 1958. — Автографы 1936 г.; вариант ст. 11: Смотрели свесясь вниз

7. «Я помню грязный двор...» — «Новый мир», 1936, № 10; варианты:
ст. 3—4: А из чердачных створ
Виднелся гор апокриф.
ст. 7: А через них гуськом
ст. 12: Тащились по этапу
ст. 16: Вставала по-иному
ст. 18: Где жарили оладьи,
ст. 26—28: Остановивший время,
Которым мы, ввали,
Так грезили в богеме.

(Ссылка на *вралей, грезивших в богеме* Демоном, относится, в частности, к стих. Пастернака «Памяти Демона», 1917.)

— «На ранних поездках» 1943. — «Стихи о Грузии» 1958, текст — как в «Новом мире»; вариант

ст. 1: Я помню старый двор.

— Автограф 1936 г. (собр. Г. А. Санникова), текст — как в «Новом мире»; варианты:

ст. 8: Плетется цепь страшилищ.

ст. 9—10: В колодку облаков
Просовывая шляпы,

ст. 25—28 отсутствуют.

— Верстка сб. 1956, текст — как в «Новом мире»; вариант

ст. 9: В разрывы облаков

Апокрифы — неканонизированные тексты раннехристианской литературы.

8. «Меня б не тронул рай...» — «Новый мир», 1936, № 10. — Автограф 1936 г. (РГАЛИ, ф. 2530); вариант

ст. 7: Вкруг этих — фантазер

между ст. 12 и 13 вычеркнутая строфа:

На пастбище трава
В ромашках, как в сметане,
И это — кружева
Обрядов и преданий.

...фантазер / Стал пятою стихией. — Объясняя понятие «пятой стихии», Пастернак писал: «К четырем “основным стихиям” воды, земли, воздуха и огня итальянские гуманисты прибавили новую, пятую — человека» («Историческая справка» к статье «Квинтэссенция», — первоначальный вариант «Нескольких положений», 1918). Ср. также в «Волнах» (1931): «И мы пойдем, в сколь тонких дозах / С землей и небом

входят в смесь / Успех и труд, и долг, и воздух, / Чтоб вышел человек, как здесь». О «полной мистики и мессианизма символике народных преданий (Грузии. — *Е. П.*), располагающей к жизни воображением» Пастернак писал в очерке «Люди и положения» (1956).

9. «*Чернее вечера...*» — «Новый мир», 1936, № 10; вариант

ст. 8: Он — как дольмен валунный.

(*Дольмен* — древнее каменное погребение, распространенное на Кавказе.)

между ст. 12 и 13:

Он может наугад
В любую даль зарыться,
Он сам — восстанье дат,
Как пятый год гурийца.

Колхозы не вопрос
Для старика. Неужто
Рассудком не дорос
До нас двойник Вахушта.

— «На ранних поездках» 1943. — «Стихи о Грузии» 1958, текст — как в «Новом мире», отсутствуют ст. 9—12, выпущена вторая из выше приведенных строф, после ст. 20:

В нем отзвук трех эпох,
Он дышит с той же ширью,
Как меха долгий вздох
Волынкой длит мествире.

— В автографах (собр. Г. А. Санникова и РГАЛИ, ф. 2530) — семь строф; после ст. 20:

В нем отзвук трех эпох,
И дышит всей их ширью.
Так меха долгий вздох
Волынкой длит мествире.

Авт. примеч: «Царевич *Вахушти* — грузинский летописец. *Мествире* — народный величатель-импровизатор, потомок средневековых менестрелей». *Пятый год гурийца*. — Имеется в виду крестьянское восстание в 1905 г. в Гурии (Кутаисской губ.).

— Один из двух автографов (собр. Г. А. Санникова); варианты:

ст. 12: Из лиц, времен и жизней,

ст. 16—20 вычеркнуты,

ст. 21—22: В нем отзвук трех эпох
Широко слит как в мире.

10. «*Немолчный плеск солей...*» — «Новый мир», 1936, № 10; варианты:

ст. 7—8: С его невядалеке
Гремящей галлопадой.

— «На ранних поездках» 1943. — Автографы (собр. Г. А. Санникова и РГАЛИ, ф. 2530), текст — как в «Новом мире». — Один из двух автографов (собр. Г. А. Санникова); варианты:

ст. 7—8: Он здесь невядалеке
В раскатах галлопады.

ст. 13: От грохота ключей,

ст. 17—18: Они гремят внизу во мгле
Повиснув ниткой книзу,

...пламя кувырком / Упавшего шандала. — Образ водопада, как «обращенного канделябра», идет еще от впечатлений поездки Пастернака через Альпы в 1912 г. См. стих. «В пучинах собственного чада...» (1912). *...висят во мгле / Сученой ниткой книзу...* — ср. описание в «Охранной грамоте» водопадов Сен-Готарда: «Развешаны они по крутизнам и спущены сучеными нитками вниз, в долину».

11. «Еловый бурелом...» — «Новый мир», 1936, № 10. — Автограф (собр. Г. А. Санникова), без ст. 1—4; варианты:

ст. 6: Всех размывает оптом,

ст. 13—14: В раздумьи подперев
Ладонью подбородок

ст. 19: Он — в глыбе, как Роден

ст. 21: Он в глыбу поселен

ст. 23: Сквозь слой ее пелен

ст. 25—28 отсутствуют.

Стих. посвящено поэту Тициану Табидзе (1895—1937), с которым Пастернак был связан глубокой дружбой. «Мысль о Табидзе наводит на стихию природы, в воображении встают сельские местности, приволье цветущей равнины, волны моря. Плынут облака, и в один ряд с ними в отдалении строятся горы. И с ними сливается плотная и приземистая фигура улыбающегося поэта <...> Вот он поднялся, стал боком к столу и постучал ножом о бокал, чтобы произнести речь» («Люди и положения», 1956). — *Сейчас он речь начнет / И мыслью на прицеле <...> Таким, как он, Роден / Изобразил Бальзака.* — Портрет Бальзака работы французского скульптора О. Родена вырезан в глыбе необработанного мрамора. Аналогия с Табидзе, помимо сходства внешнего облика, объясняется «чувством неисчерпанности лирической потенции, стоящей за каждым его стихотворением, перевесом несказанного и того, что он еще скажет, над сказанным» («Люди и положения», 1956).

12. «На Грузии не счесть...» — «Новый мир», 1936, № 10. — «На ранних поездках», последняя строфа выделена как отдельное стих. — В «Стихах о Грузии» 1958 отсутствует. — В автографе (собр. Г. А. Санникова) его тоже нет.

ПЕРЕДЕЛКИНО (С.106)

Начиная с 1936 г. Пастернак большую часть года проводил в подмосковном поселке Переделкино. Первые стихи, посвященные жизни там, появились в 1940 г. «После долгого периода сплошных переводов я стал набрасывать что-то свое, — писал он 15 нояб. 1940 г. О. Фрейденберг. — Однако главное было не в этом. Поразительно, что в нашей жизни урожайность этого чудного, живого лета сыграла не меньшую роль, чем в жизни какого-нибудь колхоза. <...> Какая непередаваемая красота жизнь зимой в лесу, в мороз, когда есть дрова. Глаза разбегаются, это совершенное ослепление». В марте-апреле 1941 г. были написаны девять стихотворений, составившие основу цикла и композиционное ядро будущей книги. Начало войны помешало публикации отдельных стихотворений (только четыре из двенадцати попали тогда в печать). Цикл как целое, но без стихотворения «Вальс с чертовщиной», появился только в 1943 г., в книге «На ранних поездках» с подзаголовком «Начало 1941 года». В сборнике «Земной простор» 1945 г. цикл назывался «На ранних поездках», из него исключено стих. «Присяга», добавлено «Зазимки», написанное позднее, текст получил некоторые изменения, не учтенные в вышедших одновременно Избр.—1945. В том же составе цикл готовился для сборника 1956 г.

Автограф цикла из девяти стих. был подарен Е. Л. Ланну и А. В. Кривцовой (собр. М. В. Волосова), заглавие «Для новой книги» заклеено. В машин. 1943 г. книги «На ранних поездках» цикл назывался «Год в Переделкине» с подзаголовком «Начало 1941 г.» и датой: «III—IV — 1941».

Летний день. — «Молодая гвардия», 1941, № 1, под назв. «Лето» («Другие редакции и варианты». С. 322). — «На ранних поездках» 1943. — «Земной простор» 1945, без последней строфы. — Избр.—1945, полностью. — Машин. трех стих.: «Лето», «Город» и «Сосны», дата: ноябрь 1940 (собр. Ю. Агапова).

Сосны. — «На ранних поездках» 1943. — «Земной простор» 1945; вариант

ст. 11: И от болезней, эпидемий

— Избр.—1945, ст. 11 — как в книге «На ранних поездках» 1943. — Избр.—1948 — как в «Земном просторе». — Автограф (собр. М. В. Волосова); вариант

ст. 31: Выносят кверху дождь креветок

— Машин. трех стихотворений, дата: ноябрь 1940 (собр. Ю. Агапова).

Лежим мы, руки запрокинув / И к небу головы задрав. — То же состояние приобщения к природе Пастернак описал в письме Е. В. Пастернак 27 авг. 1926 г.: «Я уговорил Льва Соломоновича (Лейбовича. — Е. П.) расположиться на травке и вздремнуть, и разлегся на опушке безотрад-

нейшей, шашечной дачной просеки <...> Мне пришлось бы исписать пропасть бумаги, чтобы точно передать чувство, которое я вскоре испытал, лежа на спине с улетевшими в небо глазами...». ...*за стволами море / Мерещится все время мне.* — Ср. в стих. «Так начинают. Года в два...» (1921): «Так открываются, паря / Поверх плетней, где быть домам бы, / Внезапные, как вздох, моря».

Ложная тревога. — «На ранних поездках» 1943; вариант

ст. 22: В окно, как каждый год.

— «Земной простор» 1945.

...*зовы паровоза / С шестнадцатой версты.* — Старое назв. соседней с Переделкином станции, теперь Солнечная. *С погоста за рекой.* — Пастернак похоронен на этом кладбище, расположенном на высоком берегу, прямо напротив его дачи: *Я вижу из передней / В окно, как всякий год, / Своей поры последней / Отсроченный приход.*

Зазимки. — «Литературная газета» 11 нояб. 1944, под назв. «Зимние праздники», между ст. 8 и 9:

Опять переполох в подлунной,
Земля отходит, ей не встать.
И вдруг предчувствия, кануны,
Обетованье, благодать.

О смерть притворщицы-природы,
Задумавшей к весне побег
Из гробового обихода
И завалившейся под снег!

Заглянешь в лес — как все похоже!
Всё борется, не мы одни.
Сравнишь — мороз дерет по коже,
Так всё понятно, так сродни.

Всё борется с тем царством ночи,
С той самой смертоносной тьмой,
С которой сормовский рабочий
Вступил в победоносный бой.

— Избр.—1948, под назв. «Наступление зимы». — Антология русской советской поэзии. Т. 1. М., 1957, под назв. «Зимние праздники». — Автограф, под назв. «Зимние праздники»; вариант

ст. 3: И сумрак обдал чем-то старым,
между ст. 8 и 9:

Возвещено большое что-то.
О этот близкий зимний зов

Октябрьского переворота
И поклонения волхвов.

О смерть притворщицы-природы,
Задумавшей к весне побег
И по условиям обихода
Ушедшей временно под снег!

Открыли дверь, и в кухню паром... — ср. первую строку стих. А. Блока «Второе крещение» (1907): «Открыли дверь мою метели...».

Иней. — «На ранних поездках» 1943. — Автограф (собр. М. В. Волосова); вариант

ст. 31: И это как четверостишье

...четверостишье / О спящей царевне в гробу. — Из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833) Пушкина: «Перед ним, во мгле печальной, / Гроб качается хрустальный, / И в хрустальном гробе том / Спит царевна вечным сном».

Город («Зима на кухне, пенье петьки...»). — «Молодая гвардия» («Другие редакции и варианты». С. 323). — «На ранних поездках» 1943. — «Земной простор»; вариант

ст. 29: Он звезд мерцанье собезьянил

— Избр.—1945, как в книге «На ранних поездках». — Машин. трех стих. «Лето», «Город» и «Сосны», дата: ноябрь 1940 (собр. Ю. Агапова).

Это стих., в первой редакции написанное осенью 1940 г., стало возвращением к поэзии и существенной для Пастернака теме города как живого воплощения истории, ипостаси неба и бессмертия. Видение города, как всегда у Пастернака, отодвинуто вдаль и связано с детством (*Я тоже читл его подростком*) и образом железной дороги (*...всем скреплением поперечин / Вонзает в запад магистраль.* — В первой редакции). Разные подходы к этой теме см. в отрывке из поэмы «Город» (1916), стих. «Пространство» (1927), «Поездка» (1958).

Пенье петьки — пенье петуха. *Он звезды переобезьянил <...> место неба занял...* — центральный образ первой книги стихов Пастернака «Близнец в тучах» (1914).

Вальс с чертовщиной. — В книгу «На ранних поездках» 1943 г. не вошло. — «Земной простор» 1945, под назв. «На Рождестве». — Избр.—1948, назв.: «Елка». При подготовке этого сборника Пастернак писал заведующему редакцией А. К. Тарасенкову: «Если возможно, восстановить старое заглавие: “Вальс с чертовщиной”, а если нельзя, озаглавить “Елка”» (Уитни). — Автограф (собр. М. В. Волосова), назв.: «Вальс с чертовщиной», последняя строка стих. густо вычеркнута и не прочитывается. — Машин. книги (РГАЛИ, ф. 1334),

назв. «Вальс без затей». — Верстка сб. 1956, восстановлено первоначальное название.

Веселая «*чертовщина*» масок и ряженных роднит это стих. с «Сочельником» (1914), в котором отразились народные поверия о пробуждении бесовских сил в ночь перед Рождеством.

Вальс со слезой. — «На ранних поездках» 1943. — Избр.—1948, под назв. «Елка». — Верстка сб. 1956, восстановлено первоначальное назв.

Это волнующаяся актриса / С самыми близкими в день бенефиса. — Сюжет картины Л. О. Пастернака «Дебютантка» (1893, находится в музее М. Н. Ермоловой). Яблоне — яблоки, елочке — шишки. — Имеются в виду пословицы: «От яблоньки — яблочко, а от ели — шишка». А также: «Не расти яблочку на елке» (В. И. Даль. Толковый словарь... Т. 1. М., 1955. С. 519).

На ранних поездках. — «Красная новь», 1941, № 9—10; варианты:

ст. 12: В застывшей яме января.

ст. 20: На ослепленный виадук.

ст. 37: Усевшись кучей, как в повозке,

— «На ранних поездках» 1943. — Автограф (собр. М. В. Волосова), текст — как в первой публикации; вариант

ст. 31: Тут были бабы, слобожане,

— Автограф (РГАЛИ, ф. 379); вариант

ст. 36: Терпели все, как господа.

В стих. отразились впечатления зимы 1940—1941 г., проведенной в Переделкине, когда Пастернак должен был часто ездить в Москву, где во МХАТе шла работа над его переводом «Гамлета». См. его письмо О. Фрейденберг 15 нояб. 1940 г.: «А поездки в город, с пробуждением в шестом часу утра и утренней прогулкой за три километра темным, ночным еще полем и лесом, и линия зимнего полотна, идеальная и строгая, как смерть, и пламя утреннего поезда, к которому ты опоздал и который тебя обгоняет у выхода с лесной опушки к переезду!».

Опять весна. — «На ранних поездках» 1943. — «Земной простор» 1945; вариант

ст. 7: Бестолочь, кумушек пересуды...

— Избр.—1945, как в книге «На ранних поездках». — Избр.—1948; вариант

ст. 7: Шумы и кумушек пересуды...

— Верстка сб. 1956, как в «Земном просторе».

...в чаду водяном <...> Лампой висячего водопада... — сравнение было впервые употреблено в стих. «В пучинах собственного чада...» (1912): (Как обращенный канделябр, / Горят и гаснут водопады...).

Дрозды. — «На ранних поездах» 1943.

Живут, как жить должны артисты... — на представлении об «усидчивом бездельи» дроздов сказались стих. Джона Китса «O thou whose only book has been that light» (1818), написанное от имени дрозда, и его письмо к Дж. Рейнольдсу, которые Пастернак послал К. Локсу 11 янв. 1914 г. в своем переводе.

СТИХИ О ВОЙНЕ (С. 119)

Пять стихотворений, открывающие цикл, были написаны в Переделкине и Москве в первые месяцы войны. В книге «На ранних поездах» они объединены названием «Военные месяцы». Машинопись книги, подаренная автором Крученых, включала стихотворение «Русскому гению», которое было снято при печатании (РГАЛИ, ф. 1334).

В середине октября 1941 г. Пастернак был эвакуирован в Чистополь на Каме. Жизнь в северном провинциальном городке отразилась в стихах 1943 г., написанных уже по возвращении в Москву. В конце августа 1943 г. Пастернак с бригадой писателей ездил на Брянский фронт в места недавних боев за Орел. По живым впечатлениям поездки были написаны стихи зимы 1943 г., относящиеся к замыслу неоконченной поэмы «Зарево», писавшейся по заказу «Правды». Стихи 1944 г. были написаны для газет «Красная звезда», «Красный флот», «Труд». Сохранившиеся автографы и правленные автором машинописные копии и газетные вырезки передают особенности публикации и редактирования стихов в газетах и сборниках, характерные для военного времени. Переделки вызывали появление в разных изданиях одновременно различных вариантов одних и тех же вещей, создающих текстологические трудности.

Под названием «Военные стихи» цикл объединил написанные во время войны стихотворения в сб. «Земной простор» 1945, в числе предполагавшихся названий которого были: «Четыре лета», «Гроза», «Стихотворения о войне и природе», «Огонь и слава», «И дым отечества», «Новый кругозор» и, как окончательное — «Свободный кругозор». «Трагический тяжелый период войны, — писал Пастернак в заметке 17 февр. 1956 г. — был *живым* периодом и в этом отношении вольным, радостным возвращением чувства общности со всеми» (Ивинская. В плену времени. С. 95). Вступление в поэму «Зарево» входило в цикл на правах стих., первая глава не была напечатана в свое время, но, составляя сборник 1956 г., автор разыскал ее текст и, внося некоторые поправки, подготовил ее к изданию. Такова же судьба стих. «Памяти Марины Цветаевой», не включавшегося в прижизненные издания по тем же идеологическим причинам, но которое должно было войти в сб. 1956 г.

Страшная сказка. — «Огонек», 1941, № 29; между ст. 8 и 9:

Когда-нибудь его приход
Сочтут за небылицу.

За вдов, увечных и сирот
Заплатит враг сторицей.

— «На ранних поездках» 1943. — В «Земной простор» не включалось.
Когда он делал, что хотел, / Как Ирод в Вифлееме. — Царь Ирод велел убить всех младенцев в Вифлееме возраста «от двух лет и ниже», чтобы погубить родившегося там Иисуса (Мф. 2, 16—18).

Бобыль. — «Красная новь», 1941, № 9—10, дата: июль 1941; варианты:

- ст. 7: Он спровадил семью
ст. 13: Он является в сад
ст. 15: И глядит на закат
ст. 22: И под стать молодежи.

И на пункт ополченский... — «Я делаю все, что делают другие, и ни от чего не отказываюсь: вошел в пожарную оборону, принимаю участие в обученье строю и стрельбе», — писал Пастернак жене 1 сент. 1941 г. *В направлении к Смоленску.* — Старший сын Е. Б. Пастернак был направлен под Смоленск на окопные работы, от него не было никаких вестей. *А его дробовик / Лет на двадцать моложе.* — В учебной стрельбе в клубе ворошиловских стрелков Пастернак оказался среди лучших стрелков, что отмечалось в «Литературной газете» 10 сент. 1941.

Застава. — «Огонек», 1941, № 29; между ст. 16 и 17:

Из-за реки прожектора
Лесную высь облазят сетью,
Как шарит раков детвора
В прибрежном мелком очерете.

Вариант

- ст. 22: Хотя ракета вражья светит

— «На ранних поездках» 1943. — В «Земной простор» не включалось. — Машин. 1943 г., подаренная Крученых (РГАЛИ, ф. 1334), дополнительная строфа вычеркнута.

При зареве с аэродрома. — Имеется в виду учебный аэродром в Сукове, соседней с Переделкином станции.

Смелость. — «Литературная газета» 24 сент. 1941; варианты:

- ст. 1: Безымённые герои
ст. 25: И таинственное что-то,
после ст. 44: Этим делом, этой славой
Завершалось ваше я.
Ваша доля, ваше право
В давней тяжбе бытия.

Голос долга и успеха,
Спетою песни вечный след,

Дальний отголосок эха,
Раздающийся в ответ.

— сб. «В огне Отечественной войны», Нальчик, 1942, как в первой публикации. — «На ранних поездах» 1943, вариант ст. 1 — как в первой публикации. — «Земной простор» 1945. — Два экземпляра машин. (РГАЛИ, ф. 1334 и ф. 379), текст — как в первой публикации.

Старый парк. — «На ранних поездах», 1943. — Два автографа (РГАЛИ, ф. 379 и 1334),

между ст. 4 и 5:

Умиранье дня и лета
Прогоняет облака
Мимо окон лазарета
Минометного полка.

между ст. 20 и 21:

Как он рад, что до разрыва
Отскочил от западни
И отделался счастливо
Ампутацией ступни.

ст. 24: Протыкает парк насквозь.

между ст. 52 и 53:

Все мечты его в театре
Он с женою и детьми
Тайно, года на два, на три
Сгинет где-нибудь в Перми.

после ст. 56: Сколько пожеланий сразу!

Сколько замыслов и дел!
Заглядишься вдаль вполглаза,
Так туда б и улетел.

— Автограф (собр. Л. А. Озерова); варианты:

ст. 4: Низвергаются с дерёв.

ст. 14—15: С голосами той поры
Затишают под опекой

ст. 25—28 отсутствуют, между ст. 52 и 53 и после ст. 56 — дополнительные строфы, как в автографах РГАЛИ.

Вдруг больной узнал <...> дом отцов. — Во время войны в бывшем Самаринском имении в Переделкине был размещен военный госпиталь. *Парк преданьями состарен.* — Имеется в виду Самаринский парк, при выходе из которого был ряд холмов — могилы французов наполеоновской армии. *Славянофил Самарин* — Ю. Ф. Самарин (1819—1876) похоронен в Москве в Даниловом монастыре. ...потомок декабриста, / Правнук русских героинь... — Пастернак в свои университетские годы был знаком с внучатым племянником славянофила, Д. Ф. Самариным (1890—1921), мать которого была сестрой знаменитых философов Е. Н. и С. Н. Тру-

бецких. Декабристом был С. П. Трубецкой, его жена Екатерина Ивановна поехала за ним в ссылку. *Сам же он напишет пьесу, / Вдохновенную войной...* — воображаемому потомку Самариных приданы автобиографические черты. В конце августа 1941 г. Пастернак подписал заявку на пьесу, основой которой «послужит нынешний и ближайший будущий опыт московской обороны» (РГАЛИ, ф. 379).

Зима приближается. — «Литература и искусство» 13 нояб. 1943, под назв. «Зима начинается». — «Земной простор» 1945; варианты:

- ст. 3: Под слезы ребенка капризного
ст. 10: Накрытые ночью, как крышей,
ст. 19—20: Вы с детства любимую книгою
Как бы на середке открыты.

— Избр.—1945, как в «Земном просторе». — Автограф, посланный в письме 30 окт. 1943 г. В. Д. Авдееву; после ст. 28:

И полные листьев колдобины
И наше октябрьское имя
По нашей привычке особенной
Всего нам на свете родимей.

«Меня просили, — писал Пастернак Авдееву в Чистополь, — написать что-нибудь к Октябрю, и видите, как Ваш дом и город стоят передо мной и живут во мне <...> Конечно: “Всего нам на свете родимей” звучит несколько неестественно и не может заглушить слышимого за ним: дороже (Всего нам на свете дороже). Но строчка: “И наши октябрьские рожи” была бы, наверное, нецензурна» (РГАЛИ, ф. 2867). — Автограф (собр. Л. А. Озерова); вариант

- ст. 18: Хлебов раскидав алфавиты,
после ст. 28:

И в духе природы и климата,
Что от октября наше имя,
И дали пред праздником вымыты,
Как будто руками своими.

— Вырезка из газеты с первой публикацией, где исправленные для книжного издания строки соответствуют пометкам редактора (РГАЛИ, ф. 1334, альбом Крученных «Б. Л. Пастернак. Стихи»).

На вас, захолустные логова / Написано: «Сим победиши». — Слова, написанные византийским императором Константином Великим на кресте и обусловившие в начале IV в. победу христианства над римским язычеством.

Памяти Марины Цветаевой. — «Новый мир», 1965, № 1, первые пять строф, с подзаголовком «Отрывок». — «Стихотворения и поэмы» 1965 — полностью. — Автограф под назв. «Памяти Цветаевой» и с подзаголовком «Два отрывка» (РГАЛИ, ф. 1334, 1, 789. — «Другие редакции

и варианты». С. 324). — Автограф ранней редакции с тем же назв. и подзаголовком, как предыдущий, дарственная надпись «Анатолию Тарасенкову с новогодним приветом и поздравлением Б. П. 1. I. 44» (Уитни); варианты:

ст. 19: Я слонялся у Камского плеса

ст. 24: [В голодный год среди обжор]

ст. 46: Из самой глубины земли

— Машин. с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334, 1, 1006); примеч.: «Задумано в 1942 году, написано по побуждению Алексея Крученых 25 и 26 декабря 1943 года в Москве. У себя дома. Мысль этих стихотворений связана с задуманною статьей о Блоке и молодом Маяковском. Это круг идей, только еще намеченных и требующих продолжения, но ими я начал свой новый, 1944 год. 5.I.44. Борис Пастернак». Вариант

ст. 25: О что мне сделать в память друга?

— В верстке сб. 1956 стих. отнесено в раздел «Стихотворения разных лет».

М. И. Цветаева покончила с собой в Елабуге 31 авг. 1941 г. Пастернак узнал об этом 10 сент. 1941 г. в Москве. О первоначальном замысле стих. Пастернак рассказывал А. К. Гладкову в Чистополе 20 февр. 1942 г. Гладков записал: «Хороший, почти весенний денек (*Безутешно струятся ручьи...*) и интересный длинный разговор, из которого записываю только малую часть. Он начинается с того, что Б. Л. говорит о вмерзших в Каму барках, что, когда он на них смотрит, он всегда вспоминает Марину Цветаеву, которая перед отъездом отсюда сказала кому-то, что она предпочла бы вмерзнуть в Чистополе в лед Камы, чем уезжать (См.: *Над снегами пустынного плеса, / Где зимуют баркасы во льду*). <...> Когда-нибудь я напишу о ней, я уже начал... Да, и стихами и прозой. Мне уже давно хочется. Но я сдерживаю себя, чтобы накопить силу, достойную темы, то есть ее, Марины. О ней надо писать с тугой силой выражения...» (Воспоминания. С. 337—338). («Другие редакции и варианты». С. 326: *Я жизнь в стихах собою так туго, / Чтоб можно было ложкой есть*.) Стихотворение было окончено «у себя дома», — как отмечает Пастернак в примеч., то есть именно в первые дни, когда вернувшаяся в Москву полгода назад семья смогла въехать в свою квартиру, освобожденную от зенитчиков. *Общественный сад*. — Напротив дома в Чистополе по улице Володарского, где Пастернак снимал комнату (теперь там музей Пастернака), находился городской парк культуры и отдыха. *...мерещится книга / О земле и ее красоте*. — Пожизненная мечта Пастернака о романе в прозе. *Я рисую лесную шишигу...* — в поэме Цветаевой «Царь-девица» Ветер, который несет героиню к возлюбленному, называется «лесным шишигой». *Коринка* — мелкий изюм. *Кутья* — крутая сладкая каша с изюмом и медом, которую едят на поминках. *Лицом повернутая к Богу...* — подобно стих. Цветаевой «Новогоднее» (1927), написанному как посмертный разговор с Рильке, стих. Пастернака тоже представля-

ет собой продолжение живого разговора с ней. «Круг идей», с которым связано стих., как признается Пастернак в примеч. к нему, касается сближающего Блока и молодого Маяковского отношения к «литургическим параллелям» в их поэзии и «кускам церковных распевов и чтений», которые были им «дороги в их буквальности, как отрывки живого быта» («Люди и положения», 1956). Стих. Пастернака характеризует та же особенность. Оно не могло быть опубликовано при его жизни, однако он читал его на своих авторских вечерах 1940-х гг.

Зарево (С. 127)

Вступление. — «Правда» 15 окт. 1943, под назв. «Зарево. Вступление к поэме»; варианты:

ст. 37: Невылазной болотной гущею

ст. 40: Вздыхается из них навстречу.

ст. 46: И словно в сновиденьи вещем,

— «Земной простор» 1945, как отдельное стих. цикла «Стихотворения о войне» под назв. «Зарево», без ст. 49—52. — Пять черновых набросков вступления в поэму «Возвращение из армии (Отпускник)» («Другие редакции и варианты». С. 326).

По замыслу «Зарево» должно было объединить несколько реальных эпизодов прорыва немецкого фронта в Орловской операции, создать правдивый образ героя войны. В поэме найдена интонация армейского рассказа, вынесенная из знакомства во время поездки в армию с участниками недавнего наступления. Герой поэмы Володя — младший командир, возможно сержант; речь идет о возвращении из армии на побывку.

Хортица — остров на Днестре, где располагалась Запорожская Сечь.

Глава первая. — «Стихотворения и поэмы» 1965 по машин. с авт. правкой сб. 1956 г., с надписью: «Полный текст; появившееся в печати Вступление и оставшаяся ненапечатанной первая глава предположенной, начатой и брошенной без продолжения поэмы. Именно ее непоявление в «Правде», для которой писалась поэма, отвратило от мысли продолжить ее» (собр. О. В. Ивинской). — Три экз. машин. 1943 г. с правкой (один из них был подарен Я. З. Черняку, другой в собр. Л. А. Озерова). — Автограф ст. 149—192; варианты:

ст. 108: Изгнанников неправосудья.

между ст. 108 и 109:

Мы стали голью перекаточной,

Лицо и облик позабыли.

А что трубят листки печатные?

Произрастанье. Изобилье.

ст. 109: Ни пил, ни ведер, ни учебников,

ст. 113—120: Да, боги, сирота казанская,
Да, либо боги, либо слякоть.
Своею песнью арестантскою
Меня ты не заставишь плакать.
Несчастные меня пресытили.
Что задолжал тебе я трусу?
Сквозь жизнь пробейся в победители
И волю ей диктуй по вкусу.

после ст. 124:

Не хнычь и носом не посапывай,
Не распускай слюнями жижу.
Ты власовец, паршивец драповый,
Я вас насквозь, мерзавцев, вижу.
Мне вас стрелять, поганных идолищ,
По совести велит присяга.
Я за угол с тобою выйду лишь,
Вернусь и долго спать не лягу.

— Черновые наброски главы под назв. «Шилов переулоч», «Родимые задворки» и надписью: «Глава первая, тяжелая. Окошкин переулоч»; варианты:

ст. 1—8: У Достоевского падучая,
Мир Гоголя страданьем светел,
Описывать благополучие
Не мог бы, если бы и встретил.
Но я б хотел морскою пеною
С игрой картин и бурей мыслей
< > тематику военную
Писать, как Хемингуэй и Пристли.

вместо ст. 17—20:

В квартире две судьбы усталые,
Углы лопаток и затылки.
В ней пахнет мылом и мочалкою.
Все брошено. Блестят бутылки.
И враг скользит какой-то классовый
Виденьем через всю квартиру.
Предатель из отряда Власова
В кошмаре снится командиру.

— Машин. с правкой 1943 г.; варианты:

ст. 32: Все будет выше подниматься
ст. 41: Все как бывало, напамадится
ст. 57: Как все, он омоложен порохом,
ст. 59: Он охладил к мышиним шорохам
ст. 61: Он не изменит нравам воина
ст. 71: Всем человечеством отмеченный

ст. 93–96: Нет этих мест непроходимее.
Я был на погребеньи тети,
И малость нагрузился химией.
Нам по пути. Не подвезете?

ст. 114: Да боги, боги, или плесень.

ст. 132: О нашем времени и детях.

— Два экз. машин. с правкой 1943 г. (РГАЛИ, ф. 379; собр. Л. А. Озерова), текст, аналогичный предыдущему; варианты:

ст. 57–58: Его переродило порохом.
Как все, он омоложен риском.

ст. 66–67: А широта народной роли!
А вдаль летящее порывами

ст. 117: Нытьем меня свои пресытили,

В поэме отразилась поездка на фронт в сентябре 1943 г. А. Гладков передает свой разговор с Пастернаком в конце войны о том, что писать поэму ему «отсоветовал Фадеев, пришедший в ужас от реализма изображения противоречий и неустойчивости военного быта» (А. Гладков. Встречи с Пастернаком. М., 2002. С. 159). Написанная часть поэмы читалась на авторском вечере 22 марта 1944 г. Сюжеты, предполагавшиеся как продолжение поэмы, использованы в стих. «Смерть сапера», «Преследование» и «Разведчики», написанных от лица героя поэмы, участника битвы за Орел. Оставшиеся неиспользованными отрывки поэмы были частично опубликованы в «Дне поэзии» 1985. С. 146–148.

Его герой болел падучею, / Горел и был страданьем светел. — Имеется в виду герой романа Достоевского «Идиот» князь Мышкин.

Центральным мотивом первой главы стало противопоставление перерожденного огнем и смертельным риском героя и его двойника, которого он видит в кошмарном сне и называет *придорожной нежизнью*, отказывая ему в жалости. В главе дана зарисовка колонии заключенных, арестованных по *ошибке правосудия, как все порядочные люди*, но ожесточение героя поэмы продиктовано приобретенной на войне бесчеловечностью, проявление которой Пастернак увидел в своих встречах с солдатами и мирными жителями во время поездки в армию. Вместе с тем нельзя приравнивать точку зрения героя авторской, — это следующая по счету, после второй части первоначального текста стих. «Мне по душе строптивый норов...» (1935), разработка темы: поэт и герой.

Смерть сапера. — «Красная звезда» 10 дек. 1943; варианты:

ст. 7–8: Вся проволокой опутана
Как паутиною колючей

ст. 23: Проходы нужные проделаем

ст. 33–36 отсутствуют,

ст. 37: Все в мире может быть издержано

- ст. 47: Хотя за речкой почва глиниста,
 ст. 50: Пред ним мы стали на колени
 ст. 52: Открыв собою наступленье
 ст. 73: Мы оттого теперь за Гомелем
 — сб. «В боях за Орел». Нальчик, 1943; варианты:
 ст. 33: Опять наверно оцарапали,
 ст. 36: Мечтал он и терял сознание.
 ст. 50 и 52 — как в первой публикации.

— «Земной простор» 1945. — Автограф ранней редакции («Другие редакции и варианты». С. 328). Варианты авт. правки:

- ст. 11: Он из конюшни вновь обрушивал
 ст. 29—32: Он открывал глаза урывками
 На мятой пахнущем пригорке,
 И сердце ныло под нашивками
 Его кровавой гимнастерки.
 ст. 33: Пустое, просто оцарапали,
 ст. 35: Как прошлый раз к семье в Сарапуле,
 ст. 43: Хваленой стойкости крестьянина
 ст. 54: В машине завертелись шкивы
 ст. 60: В волнении проломив плотину.

— Автограф (РГАЛИ, ф. 379), текст — как в сборнике «В боях за Орел».

По поводу редакционного вмешательства при публикации в «Красной звезде» Пастернак писал Д. С. Данину 3 янв. 1944 г.: «У меня действительно были серьезные намерения, когда я писал “Сапера”. Его немного изуродовали (даже его!), как все, что мы пишем. Там все рифмы были полные и правильные: У Гомеля — сэкономили, смелые — проделаю, вынести — глинистей. Изменения, которые делали без меня, пришлись как раз по рифмовке. Кроме того, выпустили одну строфу. Это противно». Под «серьезными намерениями» Пастернак имел в виду связь стих. с замыслом поэмы «Зарево». В архиве Пастернака сохранился «Дневник боевых действий» штаба армии с донесением от 11—12 июля 1943 г.: «В дивизии п. Ромашова группа саперов во главе с сержантом Коваленко получила задание ночью проделать проходы в проволочных заграждениях противника. От переднего края нашей обороны саперы поползли на высоту, там были проволочные заграждения врага (*И сверху поползли по склону...*), а в 150 м за ними — его окопы <...> При этом был тяжело ранен сапер Микеев <...> (*Вдруг одного сапера ранило.*) Стоило раненому вскрикнуть или застонать — и саперы были бы обнаружены противником. Микеев понял это, преодолевая острую боль, крепко сжав зубы, он ни разу не застонал (*Хоть землю грыз от боли раненый, / Но стонами не выдал братьев...*). Группа не была обнаружена врагом. Она в срок выполнила задание. На рассвете 11 июля наша артиллерия открыла огонь» (*Заговорила артиллерия / В две тысячи своих гортаней*). Он

из конюшни вниз обрушивал / Свой бешеный огонь по Зуше. — «Знаменитая конюшня в деревне Вяжи, в которой была огневая точка противника» (примеч. автора). Ср. в эпилоге «Доктора Живаго» разговор Дудорова с Гордоном, оказавшихся на реке Зуше: «Там было каменное сооружение, получившее имя “Конюшни”. Действительно, совхозная конюшня конского завода, нарицательное название, ставшее историческим. Старинная, толстостенная. Немцы укрепили ее и превратили в неприступную крепость. Из нее хорошо простреливалась вся местность, чем задерживалось наше наступление».

Преследование. — «Красная звезда» 9 февр. 1944, без ст. 9—12; вариант

- ст. 23: От этой непрерывной скорости
— «Земной простор» 1945, без ст. 9—12; вариант
ст. 26: И все мы долго поминали
ст. 36—40 отсутствуют.

— Автограф, текст — как в «Красной звезде» (РГАЛИ, ф. 1334.1.811) — Автограф (РГАЛИ, ф. 1334. 1. 818); варианты:

- ст. 9: Мы материли заковыристо
ст. 12: Пускались в новую погоню.
ст. 25—28: Но поднятую в поле девочку,
Которой тешились каналы,
Мы долго хоровою спевочкой
Катюш и пушек поминали.

— Машин. 1944 г. с авт. правкой ранних вариантов:

- ст. 23 — как в «Красной звезде»,
ст. 25: [Разбойникам рядиться не во что]
ст. 28: [Мы ревом пушек поминали]
ст. 39—40: [Мы налетали с прибаутками
На них и гнезда их гадючьи]

— Вырезка из газеты с первой публикацией, где автором вписаны ст. 9—12 и переписаны ст. 25—28 (РГАЛИ, ф. 1334. 1. 795).

Разведчики. — «Красная звезда» 9 февр. 1944, под назв. «Летний день», без ст. 9—16; варианты:

- ст. 24: Сосредоточась и угрюмые.
ст. 56: От всякого жулья проклятого.
ст. 58—59: Двух прочих окружили кучею
Вздыхнув, они рукой махнули.

— «Земной простор», без ст. 13—16. — Избр.—1945, без ст. 13—16; вариант

- ст. 11: Луга пестрели курослепом,
— Верстка сб. 1956; вариант
ст. 36: И лез сюда, в гнездо осиное.

— Машин. 1944 г., под назв. «Летний день», текст — как в «Красной звезде», дата: январь 1944. — Вырезка из газеты с первой публикацией, где вписаны ст. 9—16, исправлены ст. 58—59 (РГАЛИ, ф. 1334).

В архиве Пастернака сохранилось боевое донесение, подчеркнутое его рукой: «Лейтенант Редькин и красноармейцы Панчиков и Корнилов (из дивизии Коновалова) должны были разведать силы противника в укрепленной врагом деревне Петровке (*Деревня вражеским вертепом / Царила надо всей равниною.*). Разведчики достигли деревни и по сигналу ворвались в нее (*В деревню ворвались нахрапом...*). Завязался бой (*Огню разведки отвечала / Вся огневая мощь противника*). Вражеские пули тяжело ранили всех трех разведчиков (*Они контужены и ранены*). <...> Фашистские солдаты набросились на раненых, схватили и поволокли их на допрос в ближайшую избу (*Поволокли, как на аркане, / За палисадник в канцелярию*). Тяжело раненный лейтенант Редькин, уловив момент, выхватил у одного немецкого солдата автомат и, прежде чем немцы опомнились, оглушил четырех из них (*Он дал ногой в подвздошье вору / И, выхвативши автомат его, / Очистил залпами контору / От этого жулья проклятого*). Оставшиеся немцы тут же убили отважного лейтенанта (*Как вдруг его сразила пуля*). В дом, где немцы вели допрос, попал снаряд нашей артиллерии (*Над домом крышу расщепило / Снарядом нашей артиллерии*). Дом загорелся. Разведчики, воспользовавшись замешательством немцев, бросились к выходу (*Дом загорелся. В суматохе / Метнулись к выходу два пленника...*). Фашисты открыли стрельбу. Пуля сразила Панчикова, Корнилов, петляя по улицам, вырвался из-под обстрела (*По ним стреляют из-за клетки. / Момент — и не было товарища. / И в поле выбегает третий...*). А в деревню уже входили наши наступательные цепи (*В деревню входят наши цепи...*). Корнилов присоединился к наступающим, несмотря на ранение, вступил в бой с врагами (*Без памяти, забыв раненья... Бежит он на соединенье / С победоносною пехотою*)».

Неоглядность. — «Красный флот» 8 марта 1944; варианты:

ст. 6: Чем раньше грезилося во сне,
между ст. 28 и 29:

О глубине их отпечатка
Свидетельствует их стезя,
И плещет море каждой складкой,
Чем только можно и нельзя.

ст. 33: А вот на боевой арене

«Земной простор» 1945, вариант ст. 33 — как в «Красном флоте». — Избр.—1945. — Черновой набросок ранней редакции; варианты:

ст. 29—40: Какой-то юношеской жилкой,
Присущей ночью парусам,
И ветром, глядящим с затылка
По звездам и по волосам.

Звериной грацией флотилий
Средь низких дымовых завес
И тем, как на врага ходили
Стремительно наперерез.

Как верили два адмирала
Всегда в счастливый оборот,
И сколько с верой умирало
За родину и свой народ.

Ночной победой, бегством турок
И тем, как находил рассвет,
Как догорающий окурок,
Чужой затопленный корвет.

ст. 42: Вздымался флагманский фрегат,

— Беловой автограф со следами двух стадий работы, первоначальный вариант («Другие редакции и варианты»: «Непозабываем многолетье!..». С. 331).

Написано по заказу редакции «Красного флота» на учреждение 3 марта 1944 г. орденов Нахимова и Ушакова (см.: Н. Жданов. Б. Пастернак — «Красному флоту» // «Дружба народов», 1979, № 11).

В низовьях. — «Красный флот» 26 марта 1944; вариант

ст. 27: Сроки приблизились. В этом году

— «Земной простор» 1945, как в первой публикации. — Избр.—1945. — Черновой набросок (РГАЛИ, ф. 379. — «Другие редакции и варианты»: «Синее море. Желтый янтарь...». С. 332). — Вырезка из газеты с авторской правкой ст. 27.

Написано для газеты «Красный флот» по поводу широкого наступления в направлении Одессы и Крыма, «о том чувстве, которое вызывает нынешняя весна» и освобождение Черноморья (Н. Жданов. Б. Пастернак — «Красному флоту» // «Дружба народов», 1979, № 11. С. 268). В стих. нашли выражение воспоминания детства, когда семья проводила летние месяцы в Одессе, поездки на лиманы.

Ожившая фреска. — «Литература и искусство» 15 апр. 1944, без ст. 1—8; варианты:

ст. 9: Когда средь сталинградских схваток

ст. 11—12: Какой-то странный отпечаток
В чертах врага его преследовал.

ст. 33: А рядом в конном поединке

ст. 44: Теперь, когда своей погоней

— «Земной простор» 1945, ст. 44 — как в первой публикации. — Три черновых автографа, последний под назв. «Воскресенье» имеет примеч.:

«6-го апреля, в день, когда наши войска достигли прежних границ Румынии» («Другие редакции и варианты». С. 333) — Автограф с поисками назв.: «Предчувствие детства», «Народ-избавитель». — Беловой автограф, под назв. «1. Вместо вступления», который должен был открывать цикл «Стихотворения об армии и флоте». — Машин. 1944 г. под назв. «Сталинград» с неизв. отметками слов церковного словаря («Другие редакции и варианты». С. 335). — Автограф (ГЛИМ, о. ф. 4836) с примеч. автора к ст. 44: «“Теперь, когда с такой иронией”: Если будут придирки, то Теперь, когда своей погоней». — Вырезка из газеты с правой ст. 11—12, 33 как в «Земном просторе» (РГАЛИ, ф. 1334).

Посвящено гибели командира дивизии генерала Л. Н. Гуртьева, героя Сталинграда и Орла. «Скромную и славную могилу командира 308-й стрелковой дивизии», расположенную в парке разрушенного Орла, Пастернак описал в очерке «Поездка в армию» (1943). Отделившись от писательской бригады, он разъезжал по местам недавних боев в поисках Гуртьевской дивизии, стремительно уходившей на запад. Значительной была его встреча с генералом А. В. Горбатовым, «другом и сподвижником покойного Гуртьева», свидетелем его последних минут. На полях одного из черновиков стих. записаны предсмертные слова Гуртьева: «Я, кажется, умираю» (В первоначальном варианте: *Он знал, что это смерть / По ходу предсмертной логики какому-то*). В книге В. Гроссмана «Сталинград» (М., 1943), подаренной автором Пастернаку, на с. 88—95 отмечены места, послужившие фактической основой стих.

Архистратиг — здесь: архангел Михаил, предводитель небесного воинства против сил зла. *Сиял над змеем лик Георгия...* — чудо святого Георгия о змие. Образная структура стих., выявляя смысл назв. «Ожившая фреска», — что отчетливо видно в стих. «Воскресенье» (Другие редакции и варианты. С. 333), — опирается на предметы и символы религиозного богослужения, перерастая в представления о бессмертии героя в человеческой памяти.

Победитель. — «Труд» 28 янв. 1944; варианты:

ст. 14—16: Как в цепь легенд он входит, как звено!
Все, что бывало на земле и небе,
Им вынесено и побеждено.

— «Земной простор» 1945. — Вырезка из газеты с авт. правкой ст. 14—16 как в «Земном просторе» (РГАЛИ, ф. 379).

Посвящено прорыву блокады Ленинграда, который отмечался 27 января 1944 г. общим митингом «900 дней блокады» на Марсовом поле. *И вот пришло заветное мгновенье: / Он разорвал осадное кольцо <...> смотрит на его лицо.* — В четверостишии отразились размер, лексика и рифмы Блока: «Но час настал, и ты ушла из дому. / Я бросил в ночь заветное кольцо <...> И я забыл прекрасное лицо» («О доблестях, о подвигах,

о славе...», 1908). *Как он велик! Какой бессмертный жребий!* — Ср.: «О, как он велик был! Как сеткой конвульсий...» — слова, относящиеся к Петру I, из стих. «Петербург» (1915).

Весна. — «Правда» 17 мая 1944; варианты:

ст. 27—28: Я дома у первоисточника

Всего, чем будут цвести столетья.

— «Земной простор» 1945. — Автограф ранней редакции под назв. «Цветы», дата: 29 апр. 1944 («Другие редакции и варианты». С. 338). — Машин., подаренная Крученых (РГАЛИ, ф. 379); варианты:

ст. 15—16: Шумят, одна другой извилистей,

Как вешнею порой овраги.

ст. 21: Жизнь дымкой сказочной подернется,

Рукописное примеч., обращенное к А. Крученых: «В “Правде” спекулировали на множественном числе “будут цвести столетья”, чтобы получилось больше, хотя одно верное столетье больше многих риторических. Потом вместо “он” попросили, чтобы было “я”, автор. Алеша, ты помнишь, я тебе рассказывал про скандал в “Правде” и “Труде”, когда его заверстали в обоих к 1 мая. Б. П. 29. IV. 44».

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ. 1956—1959 (С. 147)

Начало последней стихотворной книге положила подготовка сб. 1956, в который «требовались новые стихи для последнего, дополнительного раздела книги, — как писал Пастернак 4 авг. 1956 г. М. К. Баранович, — их надо было написать, и едва только (совсем недавно, недели две-три тому назад) я кончил статью, я принялся за стихи». К концу 1956 г. было написано 21 стих., 18 включены в составлявшийся сборник под назв. «Новые строки», 9 тогда же опубликованы в журналах «Знамя» (№ 9) и «Новый мир» (№ 10).

Окончательный текст книги «Когда разгуляется» был переписан в тетрадь в 1957—1959 гг., уже после того, как издание сб. 1956 было остановлено. Она получила название по одному из вошедших в нее стихотворений, эпиграф взят из романа М. Пруста «*Le temps retrouvé*» («Обретенное время»). Эпиграф определяет содержание книги как память о прошлом, тогда как перенесенное на всю книгу назв. стих. «Когда разгуляется» освещено надеждой на близкие перемены в будущем. Стихи 1958 г., писавшиеся уже после запрещения сборника и отказа от публикации «Доктора Живаго» в России, наполняют ее страницы напряженным и радостным ожиданием скорого наступления нового времени.

По мере написания стихотворения собирались в машинописные подборки: первая, осенью 1956 г., под назв. «Четырнадцать стихотворе-

ний» (собр. В. С. Баевского), вторая — в декабре, содержала 19 стих., в декабре 1957 — третья — 31 стих., «Июльские дополнения 1958 г.» — 6 стих., весной 1959 г. — 4 стих., названные «Январские дополнения, 1959». Сохранились автографы ранних редакций и наброски, главным образом находящиеся в семейном собрании, большая часть — в собрании О. В. Ивинской, которая опубликовала многие из них в своей книге «В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком», Париж, 1978. При подготовке тома «Стихотворения и поэмы» 1965 г. и в дальнейшем мы пользовались фотокопиями некоторых бумаг из этого собрания. Кроме того, нами были сделаны копии материалов семейного собрания. Даются ссылки на факсимильное воспроизведение автографов, имеющиеся в каталоге Кристи, сделанном для аукциона, прошедшего в Лондоне в 1996 г. Книга «Когда разгуляется» вышла в Париже в 1959 г. в составе 30 стих., без эпиграфа («Издательство любителей поэзии Б. Л. Пастернака»). Впервые в полном составе книга вошла в Собрание сочинений в пяти томах, т. 2, М., 1989. Текст и расположение стихов публиковались по белой рукописи, сохранившейся в семейном собрании. В комментариях наличие этой, окончательной редакции специально не оговаривается.

В последней книге Пастернака нашли выражение основные темы его творчества: верность жизни как высшему началу, призвание художника, одушевленная деятельностью человека природа. Пейзажи Перedelкина, ставшие главным действующим лицом книги, озарены светом и опытом пережитого, чувством близости конца и верности долгу художника.

«Во всем мне хочется дойти...» — «Знамя», 1956, № 9, в подборке под назв. «Новые строки». — Автограф (карандаш) — текст «Знамени» (собр. О. В. Ивинской). Факсимиле в каталоге Кристи. С. 10.

«Быть знаменитым некрасиво...» — «Знамя», 1956, № 9, под назв. «Быть знаменитым»; вариант

ст. 20: Когда в нем не видать ни зги,

— Верстка сб. 1956; варианты:

ст. 20 — как в «Знамени».

ст. 25–26: Чтоб ни единой малой долькой

Не отступиться от лица,

— «Когда разгуляется», Париж, 1959.

— Два автографа (собр. М. К. Баранович и М. Окутюрье), дата: 5 и 20 мая 1956 г., строфы 1, 5, 6, 7; варианты:

ст. 17–20: Как плавает в тумане местность

И в ней не различить ни зги,

Таинственная неизвестность

Пускай хранит твои шаги.

ст. 25—27: Чтоб в жизни ни единой долькой
 Не отступитья от лица,
 И быть живым, живым и только,

— Два автографа (карандаш); один, под назв. «Верую», текст — как в верстке сб. 1956, другой — как в собр. М. К. Баранович. Факсимиле в каталоге Кристи. С. 13.

Не надо заводить архива, / Над рукописями трястись. — В очерке «Люди и положения» (1956) Пастернак писал об отношении к судьбе своих работ: «Терять в жизни более необходимо, чем приобретать. Зерно не даст всхода, если не умрет. Надо жить не уставая, смотреть вперед и питаться живыми запасами, которые совместно с памятью вырабатывает забвение». *И надо оставлять пробелы / В судьбе...* — ср. у Ахматовой в стих. «Столько просьб у любимой всегда!..», 1913 («В биографии славной твоей / Разве можно оставить пробелы?»). Первоначальное назв. «Верую» соотносит стих. с «Символом веры» и говорит о фундаментальных основах поведения и жизненного «кредо» автора.

Душа. — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Ю. Свиридов. Снег идет. Кантата. Партитура, 1975, с редакционной заменой

ст. 9: Ты в наше время трудное

— «В мире книг», 1987, № 4. — Автограф, посланный 18 сент. 1956 г. М. К. Баранович. — Машин. с правкой (Гос. Музей грузинской литературы); вариант

ст. 15—16: Ты пахнешь пылью трупов
 Египетских гробниц.

Автор. заметка 1956 г.: «Написать памяти погибших и убиенных наподобие ектеньи в панихиде». *Ектенья* — последовательность общих молитв, читаемых дьяконом или священником от лица верующих, с просьбами к Богу. Эпиграф из Пруста называет книгу старым кладбищем с полустертыми надписями забытых имен, что соотносит книгу Пастернака с образом *души-скудельницы*, которая *пахнет пылью трупною / Мертвецких и гробниц*, перемалывая пережитое в *погостный пережной*. Скудельница — место массовых захоронений.

Ева. — «Знамя», 1956, № 9; варианты:

ст. 2: И летний день с горы соседней

ст. 4—6: Как полные рыбацьи бредни.

 Тяжел, как невод, небосвод,

 И в это небо, словно в сети,

— Верстка сб. 1956; вариант

ст. 22: И к жизни не вполне привыкла.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш), ст. 1—4; варианты:

ст. 2: И летний день у поворота
 ст. 4: Как ставят рыбаки наметы.
 — Автограф (карандаш), текст — как в «Знамени».

— Автограф (карандаш); варианты:
 ст. 2: И жаркий полдень из болота
 ст. 4: Как рыболов свои наметы.
 ст. 18: И блеск меня в тупик не ставят.
 ст. 22 — как в верстке.

Автограф (карандаш); варианты:
 ст. 2: И день с холма берегового
 ст. 4: Как переметы рыболова.
 (Ивинская. В плену времени. С. 425—426.)

Без названия. — «Знамя», 1956, № 9; варианты:

ст. 13—14: За беседой ты нижешь на шнур
 Кучку с шеи скатившихся бусин.

ст. 24: Для чего же глаза ты печалишь
 — Верстка сб. 1956; варианты:

ст. 2: Ты сейчас все порыв, вся горенье
 ст. 7: Конура, край окна и стена
 ст. 13, 24 — как в «Знамени».

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш), без назв., варианты ст. 2, 7 — как в верстке сб. 1956, ст. 13—14 — как в «Знамени»; варианты:

ст. 15: Слишком весел твой вид, чересчур
 ст. 21: Разве грустный твой вид передаст
 ст. 24: Для чего же глаза ты печалишь?
 (Ивинская. В плену времени. С. 424—425.)

Пошло слово любовь... — см.: «Опошлено слово одно / И стало рутиной...» из стих. П.-Б. Шелли «К...» в переводе Пастернака (1943).

Перемена. — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — «Чукоккала», М., 1979. — Автограф (карандаш), факсимиле в каталоге Кристи. С. 14; варианты:

вместо ст. 5—12:
 Бездарный гонор барства — ноль.
 Я мир трущоб избрал жилищем.
 Мне честь оказывала голь,
 Меня считая тоже нищим.

ст. 17—18: Я стал, как камень, тверже скал,
 Себе, товарищам неверен.

— Автограф, посланный 18 сент. 1956 г. М. К. Баранович; варианты:
 ст. 17—18: Я никому не верен стал,
 И скверен и высокомерен.

(Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. М., 1998. С. 49.)

«Людей художественной складки всегда будет тянуть к бедным, к людям трудной и скромной участи, там все теплее и выношеннее, и больше, чем где бы то ни было, души и краски», — писал Пастернак родителям 6 янв. 1938 г.

Весна в лесу. — «Знамя», 1956, № 9; варианты:

ст. 2: Задерживали таянье.

ст. 7—8: Сосна, оборотясь на юг,
Лицом на солнце жмурится.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф, текст перечеркнут и помечено автором: «Переписано»; варианты:

ст. 5: Дурит, амурится петух,

ст. 9—13: Лес почернел, как антрацит,
Весне в лесу неможется.

Она озябла и дрожит,
Ей лужи строят рожицы.

Кругом еловый мусор, хлам,

ст. 17: И только небо наверху

ст. 19—20: В барашках белых, как в пуху
Синеет и не движется.

— Автограф (карандаш), текст — как в «Знамени». Факсимиле в каталоге Кристи. С. 15.

Июль. — «Знамя», 1956, № 9, под назв. «Лето»; варианты:

ст. 12—16: Взлетает вверх до потолка.

Но кто ж тот баловник-невежа,

То привиденье, тот двойник?

Тот призрак — наш жилец приезжий,

Тот дух — наш дачник-отпускник.

ст. 18: Мы этот дом ему сдаем.

ст. 28: Июльский воздух полевой.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш), под назв. «Ветер», над ним строка: «На даче поселилось лето» («Другие редакции и варианты». С. 339).

— Автограф (карандаш); варианты:

ст. 13—16: И это привиденье — лето,

Разгуливает в колпаке

Волшебником по кабинету,

Как чья-то тень на сквозняке.

— Автограф (карандаш), под назв. «Лето»; варианты:

ст. 11—12: К оконной шторе, как к танцорше,

Чтоб взвиться с ней до потолка.

ст. 13—16, 18, 28 — как в «Знамени».

(Ивинская. В плену времени. С. 431 «Ветер». С. 417—418 «Лето».)
Факсимиле в каталоге Кристи. С. 16.

По дому бродит домовой. — Образная система стих. передает различные стороны народных представлений о домовых (В. С. Баевский. Этнографические темы в лирике Пастернака // Типологический анализ литературного произведения. Кемерово, 1982. С. 148—154).

По грибы. — «Знамя», 1956, № 9, под назв. «Осенний день»; вариант
ст. 15: Нам вехой служит тень,
— Верстка сб. 1956; вариант
ст. 15: Нам вехой служит тень,
— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Машин. с правкой, под назв. «Осенний день»; варианты:
ст. 19—20: Что через лес заре
До нас не дотянуться.
(Ивинская. В плену времени. С. 430.)

Тишина. — «Литературная Грузия», 1957, № 4 (октябрь). — Верстка сб. 1956; варианты:
ст. 12: И оттого в лесу так тихо.
ст. 23: Твердит то глуше, то звончей
— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Черновые наброски, объединенные со стих. «Деревья, только ради вас...» и «Чувство жизни» («Стихотворения, не включенные в основное собрание») общей обложкой, надписанной: «Леса (зеленая мускулатура, почти как ты и про земное зелье)». Один из них: «Быть может, этот бор...» («Другие редакции и варианты». С. 343).

Стога. — «Литературная Грузия», 1957, № 4 (октябрь); вариант
ст. 19: Неспавший день встает с ночлега
— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш; собр. О. В. Ивинской); варианты:
ст. 9—11: Стог поутру темней притона
И высится, как сеновал,
В который месяц с небосклона,
— Машин. с правкой; варианты:
ст. 9—10: Стог достигает на закате
Длины заезжего двора,

Липовая аллея. — «Литературная Грузия», 1957, № 4 (октябрь); варианты:
ст. 18: И липы за чертой оград
ст. 20: Неизреченный аромат.
ст. 21—24: Проходят люди в летних шляпах,
Оглядывая каждый ствол.

Как неотступен этот запах,
Открытый пониманью пчел.

без ст. 25–28,

ст. 32: Цветы зажженные огнем.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Черновые наброски: «В тенистом, темном старом парке...», «Их веянье благоуханно...», «Уже с дороги за подъемом...», «Проложенное через арку...» и «Ныряя под воротной аркой...» («Другие редакции и варианты». С. 343–345). — Автограф ранней редакции, перечеркнутый автором («Чукоккала», М., 1979. С. 412–413. — «Другие редакции и варианты». С. 346). — Автограф, посланный Н. А. Табидзе 21 авг. 1957 г. (Гос. Музей грузинской литературы. Фонд С. Чиковани), текст — как в «Литературной Грузии».

В стих. изображен парк санатория «Узкое», бывшего имения кн. Трубецких, где Пастернак проходил курс лечения в течение июня и июля 1957 г.

Когда разгуляется. — «Литературная Грузия», 1957, № 4 (октябрь), без ст. 21–28. — Верстка сб. 1956; варианты:

ст. 3: Нагроможденный грозной грудой

ст. 9: Когда к исходу дней дождливых

ст. 17: Церковной росписью оконниц

ст. 23: Заглохший отголосок хора

ст. 25: Природа, жизнь, тайник вселенной,

— «Когда разгуляется», Париж, 1959, вариант (возможно — опечатка)

ст. 18: Так вечность смотрит изнутри.

— Два автографа ранней редакции (карандаш): «Проблеск света» и «Только краешек неба расчистив...» («Другие редакции и варианты». С. 339, 340). — Машин. этих же вариантов, на полях которой синим карандашом рукою автора написано: «Этого стихотворения пока не существует». — Автограф (карандаш) окончательного текста (Ивинская. В плену времени. С. 413–414). Факсимиле в каталоге Кристи. С. 17–19.

Хлеб. — «Новый мир», 1956, № 10; вариант

ст. 12: Таинственных недр и зверей.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Машин. с правкой; вариант

ст. 12: Растительных недр и зверей.

Осенний лес. — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Машин. сб. 1956, ранняя редакция под назв. «В чаще» («Другие редакции и варианты». С. 340).

Заморозки. — «Литературная Грузия», 1958, № 4. — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (РГАЛИ, ф. 1334), дата: 12 сент. 1956. — Автограф (собр. О. В. Ивинской) в составе цикла «Осенние стихотворения» вместе с «Ночным ветром» и «Осенью».

Ночной ветер. — «Когда разгуляется», Париж, 1959, опечатка в ст. 15. — Автограф (карандаш) в составе цикла «Осенние стихотворения». Факсимиле в каталоге Кристи. С. 20.

Золотая осень. — Верстка сб. 1956, под назв. «Золото»; варианты:

ст. 11: И береза под фатой,

ст. 25–26: Где в другом конце аллеи

Эхо отдается хрустко.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959; вариант

ст. 30: Старых книг, одеж, оружия,

— Черновой набросок под назв. «В парке» («Другие редакции и варианты». С. 341). — Автограф (карандаш) под назв. «Осень» в составе цикла «Осенние стихотворения»; варианты:

ст. 2: Выстроенный для обзора.

ст. 4: Облака, пруды, озера.

ст. 9: Рощи обруч золотой

ст. 11: Вид березы под фатой

ст. 16: Зданья и усадьбы в рамах.

ст. 18: Строятся зарей попарно,

ст. 20–22: Выделяет сок янтарный.

Где едва сбежишь в овраг,

Сразу все в лесу известно

ст. 28: Застывает твердым сгустком.

— Автограф (карандаш), под назв. «Золото», как в верстке сб. 1956 (Ивинская. В плену времени. С. 426–427). Факсимиле в каталоге Кристи. С. 20–21.

Ненастье. — Верстка сб. 1956; вариант

ст. 8: В восемь дисков и борон.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959.

Трава и камни. — Верстка сб. 1956; варианты:

ст. 10: Природой, делами их рук,

ст. 24: Сквозь стены проросшей травой

ст. 29–32: Сиренью со всеми оттенками

Цветущих кустов и кистей,

В отверстиях между простенками

Разрушившихся крепостей.

ст. 35–37: И даль — в каждом каменном выеме,

И небо — пред всеми дверьми.

Где с мессианизмом Мицкевича

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш) под назв. «Две страны» («Другие редакции и варианты». С. 341). Факсимиле

в каталоге Кристи. С. 22. — Машин. с правкой, под назв. «Трава и камень»; варианты:

- ст. 10 — как в верстке,
ст. 12: Течением ремесл и наук
ст. 21: Пшеницею в рост выше сажени,
ст. 24: Стенною проросшей травой.
ст. 29: Сиренью, любыми оттенками
ст. 30—31 — как в верстке,
ст. 32: Разрушенных крепостей.
ст. 36: И небо пред всеми дверьми.
ст. 37—40: И с громкою лирой Мицкевича
Ведет переключку из книг
Грузинских поэтов-царевичей
По-девичьи чистый язык.

Дополнительные варианты ст. 29—31:

Сиренью, со всеми оттенками
Играющих светотеней
Меж каменными простенками

Строфы 5-я и 6-я обведены по правому полю фигурной скобкой, и рукой автора написано: «эти временно выпущенные строфы восстанавливаются» (Ивинская. В плену времени. С. 422—424). — Автограф, посланный 18 сент. 1956 г. М. К. Баранович.

Написано к столетию со дня смерти Мицкевича, отмечавшемуся в ноябре 1955 г. С темой стих. связаны слова, передающие первые впечатления Пастернака от Грузии: «Полная мистики и мессианизма символика народных преданий, располагающая к жизни воображением и, как в католической Польше, делающая каждого поэтом» («Люди и положения», 1956).

Ночь. — «День поэзии». М., 1957. — Верстка сб. 1956; варианты:

- ст. 6: Пропал в его струе:
ст. 9: Внизу ночные бары,
ст. 33—36: Наедине с планетой
Уже не первый год,
Он огорчений лета
Звезде не ставит в счет.
ст. 38: Не покидай труда,
ст. 42: Не поддавайся сну,

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш), текст — как в верстке (Ивинская. В плену времени. С. 415). Факсимиле в каталоге Кристи. С. 23.

Стих. отразило впечатления от чтения «Планеты людей» и «Ночного полета» А. де Сент-Экзюпери.

Ветер (Четыре отрывка о Блоке). — Верстка сб. 1956; варианты:

- ст. 4: Всезнающим только одним.
- ст. 6: Годится ли Пушкин иль нет,
- ст. 8: Дающих на это ответ.
- ст. 10: Особая к счастью статья,
- ст. 15: Он не сфабрикован руками
- ст. 22—24: Чистейшей души, как кристалл,
Которого ни на мизинец
Внук-ветреник хуже не стал.
- ст. 62: И это — предвестье невзгод,
- ст. 69—70: Когда же закат над столицей
Так ветрено ржав и багрян,
- ст. 78—80: След этого лег на стихи,
Отсюда закатные краски,
Зигзаги на них и штрихи.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959, с опечаткой в ст. 15. — Автограф (карандаш, правка чернилами и цветными карандашами), подзаголовок «Отрывки о Блоке» заменен на «Четыре отрывка о Блоке»; варианты:

- ст. 4: Учительствующим одним.
- ст. 6: Годится ль нам Пушкин иль нет,
- ст. 10: Особая, к счастью, статья.
- ст. 12: Нас не призывал в сыновья.
- ст. 14—15: Ценимый вне школ и систем,
Не сделан из грязи руками
- ст. 17—19: Он ветрен, как дедовский ветер,
Шумевший в Шахматове, в дни,
Когда еще Филька-фалетер
- ст. 23—24: От этого ни на мизинец
[Внук-ветреник хуже не стал.]
- ст. 29—30: След ветра повсюду. Он дома
[В деревьях деревни, в дожде,]
- ст. 38: [Оглядываться недосуг].
- ст. 42: [Косой перешиб двух гадюк].
- ст. 43: Но он не dokonчил урока,
- ст. 46: О песни Шахматовских слуг.
- ст. 52: Тростник и резучку излук.
- ст. 54: О песни Шахматовских слуг!
- ст. 59—60: [Как в ссадинах ран и царапин
Босая нога косаря.]
- ст. 67: Закатные эти зигзаги
- ст. 69—70: Когда ж небосвод над столицей
Так с запада ржав и багрян,
- ст. 72: [Постигнет весь край ураган.]
- ст. 73—76 отсутствуют.

(Ивинская. В плену времени. С. 418–421.) Факсимиле в каталоге Кристи. С. 25.

— Автограф, посланный М. К. Баранович 18 сент. 1956 г.; варианты:

ст. 14–15: Он вечен вне школ и систем,
Не сваян из грязи руками

ст. 18 — как в предыдущем автографе,

ст. 24: И ветреный внук не отстал.

ст. 46 и 54 — как в предыдущем автографе,

ст. 63: И пахнет травой и железом

ст. 75: Невиданную непогоду,

(Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. С. 51–53.)

Объяснением назв. «Ветер» служат слова Блока из статьи «О современном состоянии русского символизма» (1910): «Быть художником — значит выдерживать *ветер* из миров искусства», существенные для поэтики самого Пастернака (см. стих. «Двор», 1916: «Двор! Этот ветер тем родственен мне...»): *Тот ветер, проникший под ребра / И в душу...* — в «Отрывках о Блоке» слышны ритмы и реминисценции блоковских стихов. *Без докторских их диссертаций, / На все проливающих свет.* — Ср.: «И стать достояньем доцента, / И критиков новых плодить...» — А. Блок. «Друзьям» (1908). *Он к нам не спускался с Синая...* — в Библии рассказывается о пророке Моисее, спустившемся с Синая со скрижалями, содержащими Божьи заповеди (Исх. 32, 15–16). *Дед-якобинец* — дед Блока А. Н. Бекетов (1825–1902), профессор ботаники и ректор Петербургского университета. См.: «Деды дремлют и лелеют / Сны французских баррикад...» — А. Блок. «Светлый сон, ты не обманешь...» (1904). *В поэзии третьего тома...* — свои стих. Блок издавал в трех томах, третий составляла лирика 1907–1916 гг. («Страшный мир», «Возмездие», «Соловьиный сад», «Родина», «О чем поет ветер» и др.). *Раскинулись речка и луг...* — ср.: «Река раскинулась...» — начало стихотворного цикла Блока «На поле Куликовом» (1908). Ритмический рисунок третьего отрывка, перебивающийся восклицаниями «в сторону»: *О детство! О школы морока! / О песни пололок и слуг!* — повторяет построение стих. Блока «Двойник» (1909): «О, миг непроданных лобзаний! О, ласки некупленных дев!» Отвечая на присылку стихотворения, М. К. Баранович писала Пастернаку: «Мне очень мешает моя привычка произносить “Шахматово” с ударением на первом слоге, мне что-то помнится, что и друзья и знакомые Блока — Книпович, Борис Н<иколаевич> (А. Белый. — Е. П.), Нилендер тоже так произносили» (Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. С. 73). Пастернак немедленно убрал упоминание имени из стихотворения (ст. 18, 46, 54). *Ему предвещал небосклон / Невиданную непогоду* (автограф, посланный М. Баранович) — ср.: «Сулит нам, раздувая вены <...> Неслыханные перемены, / Невиданные мятежи» — Блок, «Возмездие», гл. 1.

Дорога. — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Два машин. экз. осени 1956 г. (собр. В. С. Баевского и М. К. Баранович); варианты:

ст. 17–23: От поворота к повороту
 Через местности и времена,
 Через преграды и красоты
 Несется к цели и она.

А цель ее — чтоб в полном блеске
В слиянье с виденным войти,
Как с далью связаны отрезки

В больнице. — Верстка сб. 1956; варианты:

ст. 7: И скуку ненастья ночную
ст. 15: Покамест строка за строкою
ст. 29–36: И он благодарного взора
 Не мог отвести от окна,
 В которое из коридора
 Вдруг стала заставка видна.

Там город с привычностью старой
Виднелся и звал в свой предел,
Разбрасывал отблеск пожара
И заревом прошлого рдел.

ст. 47–48: Твоим стародавним подарком
 Себя и свой путь сознать.

— Автограф (карандаш), текст — как в верстке (Ивинская. В плену времени. С. 414). Факсимиле в каталоге Кристи. С. 26.

В стихотворении отразились реальные события и чувство близости смерти, которые Пастернак пережил осенью 1952 г. в связи с перенесенным им тяжелым инфарктом миокарда. Те же обстоятельства описаны им в письме к Н. Табидзе 17 янв. 1953 г. после возвращения из больницы: «Когда это случилось, и меня отвезли, и я пять вечерних часов пролежал сначала в приемном покое, а потом ночь в коридоре обыкновенной громадной и переполненной городской больницы, то в промежутках между потерей сознания и приступами тошноты и рвоты меня охватывало такое спокойствие и блаженство! <...> Длинный верстовой коридор с телами спящих, погруженный во мрак и тишину, кончался окном в сад с чернильной мутью дождливой ночи и отблеском городского зарева, зарева Москвы, за верхушками деревьев. И этот коридор, и зеленый жар лампового абажура на столе у дежурной сестры у окна, и тишина, и тени нянек, и соседство смерти за окном и за спиной — все это по сосредоточенности своей было таким бездонным, таким сверхчеловеческим стихотворением! В минуту, которая казалась последнею в жизни, больше, чем когда-либо до нее, хотелось говорить с Богом, славословить видимое, ловить и запечатлеть его. “Гос-

поди, — шептал я, — благодарю тебя за то, что ты кладешь краски так густо и сделал жизнь и смерть такими, что твой язык — величественность и музыка, что ты сделал меня художником, что творчество — твоя школа, что всю жизнь ты готовил меня к этой ночи”. И я *ликовал и плакал* от счастья».

Музыка. — «День поэзии». М., 1957; варианты:

ст. 1—3: Рояль на лямках волоча,
Болтавшийся все своевольней,
Его несли два силача

ст. 14: На землю поглядел с балкона.

— Верстка сб. 1956, текст — как в первой публикации; вариант

ст. 26: Отжившей выдумки нехитрой.

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш), текст — как в верстке. Факсимиле каталога Кристи. С. 29. — Два машин. экз. осени 1956 г. (собр. М. К. Баранович и В. С. Баевского), варианты ст. 1—3 — как в первой публикации.

Как с заповедями скрижаль / На каменное плоскогорье. — Библейский эпизод из Книги Исхода (32, 15) о восхождении Моисея на гору Синай со скрижалями Божьих заповедей. *Полет валькирий* — музыкальный сюжет из оперы Рихарда Вагнера «Валькирия». *Судьбой Паоло и Франчески.* — Имеется в виду симфоническая фантазия П. И. Чайковского «Франческа да Римини», написанная на сюжет из «Божественной комедии» Данте.

После перерыва. — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Черновые автографы отдельных строф, один из них «Три месяца тому назад...» («Другие редакции и варианты». С. 352); варианты других набросков:

ст. 5—10 а): Я пополнял уже в уме,
В какой-нибудь ближайший вторник
Стихотвореньем о зиме
Свой новый стихотворный сборник.

Пока, не выдав ни строки,
Смотрел на снежные завалы,

ст. 21: Пока за лампой у стола

ст. 23: Зима застала и ушла

ст. 5—8 б): Решил тогда же я в уме,
Что летних замыслов добычу
Я записями о зиме
Обогащу и увеличу.

ст. 5—8 в): Я пополнял уже в уме
Не в понедельник, так во вторник
Стихотвореньем о зиме
Свой летний стихотворный сборник.

— Машин. с правкой; варианты:

ст. 5—11: Я стал прикидывать в уме,
Что я укроюсь, как затворник,
И что стихами о зиме
Пополню стихотворный сборник.
И что ж, пока прильнув к окну,
Считал я снежные завалы,
Зима, почуявши весну,
(Ивинская. В плену времени. С. 417.)

Первый снег. — «Знамя», 1956, № 9, после ст. 16:

Повалит снег — и в трепете
Окно и частокол,
Но петель не расцепите,
Которые он сплел.

— Верстка сб. 1956, как в «Знамени». — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Машин. с правкой, текст «Знамени», против последней строфы рукою автора: «Лишняя строфа, выкидывается» (Ивинская. В плену времени. С. 416).

Снег идет. — «Литературная Грузия», 1957, № 4; вариант

ст. 6: Все пускаются в полет,

— «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Автограф (карандаш); вариант

ст. 19: Быстрый промежуток краткий,

ст. 28 отсутствует.

Фотокопия в каталоге Кристи. С. 30. — Машин. с правкой, дата: 21 февр. 1957.

Следы на снегу. — «Стихотворения и поэмы». М., 1961. — Это стих. не попало в парижское издание книги, печатавшееся по машин., сделанной осенью 1957 г., что датирует его началом зимы 1957—1958 г.

После вьюги. — «Когда разгуляется», Париж, 1959. — Два черновых наброска «Как повадятся ветры с метелями...» и «Зимы делаются метелями...» («Другие редакции и варианты». С. 351, 352). — Автограф (карандаш), дата: 7 марта 1957; варианты:

ст. 8: Наземь навзничь упала зима.

ст. 15—16: Все уложено в мягкие формы,
Все приглажено, все без углов.

Факсимиле в каталоге Кристи. С. 31. — Два экз. машин. с правкой; варианты:

ст. 1—2: После дней нескончаемой вьюги
Мир в округе и сон и покой.

ст. 4: К разговорам детей за рекой.

ст. 5: Я наверно ослеп, я ошибся

- ст. 7—8: Белой женщиной, словно из гипса,
Наземь навзничь упала зима.
ст. 15—16: Отлиты в безупречные формы,
Все заглажено, все без углов.
ст. 21: Вот как эти холмы, и коряги,
(Ивинская. В плену времени. С. 415—416.)

Вакханалия. — «Когда разгуляется», Париж, 1959, опечатки в ст. 13, 28, 33, 150. — Черновые наброски представляют собой многочисленные подступы к теме зимнего города, озаглавленные «Город в снегу», «Городская горячка», «Вечер в городе», среди которых постепенно прорисовывается сюжет, обозначенный в пометках «Город, именины, театр и т. д.». Из них «В городе хмурится зимнее небо...», «Город. Зимнее небо...», «Молодежь по записке...», «Жизнь проходит под знаком...» («Другие редакции и варианты». С. 347—350). — Автограф ранней редакции (зачеркнуто); варианты:

- ст. 2: Крыши. Арки ворот.
ст. 5: Там лампадами снизу
ст. 6 и 7—8 в обратной последовательности,
ст. 9—20: Когда гаснут огарки
В церкви к этой поре,
Чуть горят и неярки
Фонари на дворе.
В переулке потемки,
Их заносит метель,
И змеею поземки
Снег ползет на панель.
У проезда на площадь
Свет несущихся фар
Объезжает на ошупь
< > тротуар.

— Автограф ранней редакции; варианты:

- ст. 10: Все смешалось в одно,
ст. 14: Потонула тюрьма,
ст. 41—44: На ветру и в метели
В тщетных поисках мест
Обивают панели
Осаждают подъезд.
ст. 50—53: Получивши билет,
Шлет великой артистке
Ото всех свой привет.
ст. 54—55: А среди темноты
Уже реют из мрака
ст. 67: И самой обмирать.

вместо ст. 89—92:

Жизнь проходит под знаком
Клеветы столько лет,
В свете сплетен двояком,
С жаждой смерти в ответ.

ст. 93: Словно смелость премьерши

ст. 96: Убежать от оков.

ст. 106: При народе простом.

ст. 125—127: За портьерой лиловой

Гости, горы икры,
Поросята, в столовой

ст. 168: Ведь они двойники.

ст. 175: От людей с перегрева

ст. 178: [Стынуть в полном цвету.]

ст. 190: Строй воззрений с утра,

— Черновой набросок последнего отрывка; варианты:

ст. 206—212: Поливка их порою ранней

Проходит мимо их вниманья.
Отряхивает брызги сад,
И на песок ручьями грязи
Вода с земли стекает с гряд
Они < > свернувши спят
В плену своих ночных фантазий.

— Машин. с правкой последнего отрывка, дата: 4 августа 1957;

варианты:

вместо ст. 208—210:

Разбросано белье с прошивкой,
На кресле лифчик и халат.
В ушах шумят два-три отрывка

ст. 215: Цветы земли не знают грязи

(Ивинская. В плену времени. С. 416—417.)

Весной 1957 г. во МХАТе была поставлена трагедия Шиллера «Мария Стюарт» в переводе Пастернака. Посылая А. К. Тарасовой, которая играла главную роль в этом спектакле, рукопись «Вакханалии», Пастернак писал, что в основу стих. легли «подготовка Марии Стюарт в театре и две зимних именинных ночи в городе»: «Мне хотелось стянуть это разрозненное и многоразличное воедино и написать обо всем этом сразу в одной, охватывающей все эти темы компоновке. Я это задумал под знаком вакханалии в античном смысле, то есть в виде вольности и разгула того характера, который мог считаться священным и давал начало греческой трагедии, лирике и лучшей и доброй доле ее общей культуры <...> Я Вам эту вакханалию посылаю, так как одна ее часть, как Вы сами увидите, косвенно связана с Вами. Но, пожалуйста, не подходите с меркою прямой точности ни к изображению артистки, ни к пониманию об-

раза самой Стюарт. В этом стихотворении и нет ни отдельных утверждений, ни какого бы то ни было сходства с кем-нибудь, хоть артистка стихотворения, это, конечно, Вы, но в той свободной трактовке, которой бы я ни к Вам лично, ни в обсуждении Вас себе не позволил» (5 авг. 1957). Композиционным стержнем стих. стало желание передать разное происхождение света, озаряющего снизу лица молящихся со свечками людей в церкви, фигуру актрисы в свете рамп, лицо, залитое краскою стыда. «Как сливается с огнями улиц, фонарями, огнями рамп, вечерним светом Ваш священный огонь артистки, — записал Пастернак в альбом А. П. Зуевой. — Ваша искра Божия, в одно мерцающее целое городской ночи, тепла и света, творческой тревоги и тайны». Лучи света, огни, фонари, фары автомобилей переполняют первые наброски стих.

У Бориса и Глеба / Свет, и служба идет. — Церковь Бориса и Глеба находилась на площади Арбатских ворот в конце Никитского бульвара, недалеко от Пятой Московской гимназии, где учился Пастернак. *Королева шотландцев* — Мария Стюарт (1542—1587), сначала королева Франции, потом Шотландии, казнена по приказу Елизаветы Английской. Синтаксическая форма *Королева шотландцев* берет свое происхождение из латинского языка, она была употреблена в стих. А.-Ч. Суинберна «Прощание с Марией Стюарт», которое Пастернак переводил в 1916 г.: «Царица шоттов встарь, моя теперь...». Тогда же Пастернак переводил две драмы из трилогии Суинберна, посвященной Марии Стюарт, текст перевода не сохранился. Пьер де Ронсар (1524—1585) — французский поэт. «Ронсар до рождения Марии Стюарт служил у ее отца в пажах в Шотландии. Ронсар был теперь ее учителем в Париже», — писал Пастернак в предисловии к своему переводу «Марии Стюарт» Шиллера (1958).

За поворотом. — «День поэзии», 1962. — Черновые наброски: «Сквозь пласт оттаявшего наста...», «Как недостроенное зданье...», «Как выхоложенный ремонтом...», «Как очищенный к ремонту...», «Такой всегда густой и частый...», «Я удивляюсь, как он редок...», «У входа в лес, где поворот...» («Другие редакции и варианты». С. 352—357). — Автографы под назв. «Готовность» и «Будущее» («Другие редакции и варианты». С. 357—358).

— Автограф; варианты:

ст. 1: Вся замирая начеку

ст. 9: В лесу валежник, бурелом

ст. 13—16 отсутствуют,

ст. 22—25: Лесного крова,
В запасе будущее мне
Давно готово.

Теперь его не втянешь в спор

ст. 27—28: Как путь в тенистый темный бор,
Оно все настезь.

— Автограф; варианты:

ст. 22: Лесного крова

ст. 24: И мне не ново.

Факсимиле в каталоге Кристи. С. 23. — Автограф, посланный М. К. Баранович 2 мая 1958 г., — текст предыдущего. — Машин. с правкой, дата: март 1958.

Посылая два стих., это и «Все сбылось», М. К. Баранович 2 мая 1958 г., Пастернак писал: «Надо набраться духу на большую новую прозу <...> А вместо этого пробуждающаяся работа мысли начинается, как всегда, со стихов. Надо будет пописать и их, на серьезные, на глубокие, важные темы. А кругом грязь, весна, пустые леса, одиноко чирикающие птички, и все это лезет в голову в первую очередь, отсрочивая более стоящие намерения, занимая понапрасну место и отнимая время».

Все сбылось. — «Литературная Грузия», 1958, № 4, опечатка в ст. 27. — Автографы, один — под назв. «Далекая слышимость», другой без названия «Дороги превратились в кашу...» («Другие редакции и варианты». С. 360). — Автограф, посланный М. К. Баранович 2 мая 1958 г.; варианты:

ст. 4: Скольжу по жидкой размазне

ст. 16: И целый мир дорогу даст.

— Машин. с правкой, дата: март 1958.

Пахота. — «Литературная Грузия», 1958, № 4; вариант

ст. 3: Дыша весенним солнцем, пашни

— Автограф; варианты:

ст. 13: И ни соринки ниоткуда,

ст. 15–16: Чем зелень цвета изумруда
И светло-серой пашни цвет.

после ст. 16: И вот руками человека
Вся эта ширь и глубина
Дождям и солнцу под опеку
До новой жатвы отдана.

— Автограф (карандаш); варианты:

ст. 13 и 15 — как в предыдущем автографе,

ст. 16: И чернобурой пашни цвет.

Факсимиле в каталоге Кристи. С. 34. — Машин. (Гос. Музей грузинской литературы), дата: май 1958; варианты:

ст. 13–16: И так еще прозрачны кроны,
И в мире чище красок нет,
Чем листьев цвет светло-зеленый
И светло-серый пашни цвет.

(Ивинская. В плену времени. С. 430.)

Поездка. — «Стихотворения и поэмы» 1961. — Черновой набросок в обложке со стих. «Когда я с честью пронесу...», «Как ко всему на свете глухо...» («Стихотворения, не включенные в основное собрание»), надписанной: «Пренебрегу». — Автограф (карандаш); варианты:

- ст. 3: И лес густой смолист и хвоист,
ст. 6: И веет ветер, дым простерши,
ст. 16: И лес, как при царе Горохе
ст. 18: Не замечает суматохи,
ст. 21: Стоят, как прежде, как бывало,
ст. 29–31: С вокзала за угол загиб
 И сразу — крыши, ниши, трубы
 И громоздящиеся кубы

ст. 32–39 отсутствуют.

Автограф (карандаш), факсимиле в каталоге Кристи. С. 35. — Машин. с правкой, дата: июль 1958.

Женщины в детстве. — «Стихотворения и поэмы» 1961. Черновой набросок «О женщины, благодаря...» и автограф ранней редакции «В старину, как сейчас еще помню...» («Другие редакции и варианты». С. 362, 363). — Автограф (карандаш); варианты:

- ст. 22: Щебет женщин сносить точно бич,
ст. 28: Я за всех перед ними в долгу.

На полях рукою Ивинской записаны варианты ст. 18, 22, 28. Факсимиле в каталоге Кристи. С. 35. — Машин. с правкой, дата: июль 1958.

В очерке «Люди и положения» (1956) Пастернак признавался, что с детских лет «вынес пугающую до замирания жалость к женщине». *В переулке, как в каменоломне...* — Юшков переулок, в который выходил сад и флигель Училища живописи, где жили Пастернаки с 1893 по 1901 г. *Церковь слева, ее купола...* — церковь св. Флора и Лавра, куда Бориса Пастернака маленьким мальчиком водила няня. *Рядом к девочкам...* — имеются в виду младшие сестры Бориса Пастернака Жозефина и Лидия.

После грозы. — «Литературная Грузия», 1966, № 2 (по автографу из альбома художника Л. Гудиашвили, датированному 3 марта 1959), без назв. и последней строфы; вариант

- ст. 8: И высь за темной тучей голуба.

— Машин. ранней редакции, без назв. (Гос. Музей грузинской литературы. — «Другие редакции и варианты. С. 364). — Автограф (карандаш), без назв., дата: июль 1958; вариант

- ст. 12: Вступают в жизнь действительность и быть.

Факсимиле в каталоге Кристи. С. 37.

Воспоминание о полувекe <...> уходит вспять. <...> Пора дорогу будущему дать. — В письме 11 июня 1958 г. Пастернак писал Н. Табидзе: «Огромный, неслыханных сил стоивший период закончился и миновал.

<...> Освободилось безмерно большое, покамест пустое и незанятое место для нового и еще небывалого, для того, что будет угадано чьей-либо гениальной независимостью и свежестью, для того, что внушит и подскажет жизнь новых чисел и дней». Ср.: *В столетии освободилось место / Для новых чувств, для новых слов и дел* (ранняя редакция). *А откровенья, бури и щедроты / Души воспламененной чьей-нибудь.*

Зимние праздники. — «Стихотворения и поэмы» 1961. — Открывало машинописную подборку под назв. «Зимние праздники», в которую входили последние четыре стих. книги, дата: январь 1959.

Стихотворение завершает тему Рождественских праздников, идущую через всю поэзию Пастернака, но угнетенное душевное состояние последних месяцев 1958 г., унижения и гонения, которые он перенес в связи с присуждением ему Нобелевской премии, сказались в духе стих., преобразившего светлые образы праздника в уродливые картины будней: вместо нарядной елки, она — *трубочиста замаранней и напыжилась барыней*, — *Лица становятся каменней*, дом содрогается *от храпа*, и *точно утлая хижина*, гости проспали завтрак, солнце — *уродина и пьяница*, с *образиною пухлой*.

Нобелевская премия. — «В мире книг», 1987, № 4. — Автограф; варианты:

ст. 9—10: Что ж посмел я намаракать,
 Пакостник я и злодей?

— Автограф; вариант

ст. 13: Но и так у двери гроба,

— Машин. подборка, дата: январь 1959, ст. 13—16 вычеркнуты и на полях примеч.: «Этого не было раньше. Написано в те страшные дни» (собр. О. Ивинской). — В белой тетради заклеены два четверостишия, вместо которых идут ст. 13—16:

Все тесней кольцо облавы
И другому я виной:
Нет руки со мною правой
Друга сердца нет со мной.

А с такой петлей у горла,
Я б хотел еще пока,
Чтобы слезы мне утерла
Правая моя рука.

Строфы связаны с эпизодом в отношениях Пастернака с О. В. Ивинской (см. «В плену времени». С. 318).

В октябре 1958 г. Пастернаку была присуждена Нобелевская премия «За выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и на продолжение традиций великой русской прозы». В советской печати

была организована политическая кампания, расценивающая премию как плату за предательство, то есть публикацию «Доктора Живаго» за границей. Травлей и угрозами Пастернака заставили отказаться от премии. Но эта жертва не была замечена советской печатью, и 30 янв. 1959 г. Пастернак передал цикл «Январские дополнения» английскому корреспонденту, который опубликовал стих. «Нобелевская премия» 11 февр. 1959 г. в газете «Daily Mail».

Божий мир. — «Стихотворения и поэмы» 1965, без назв. — «Юность», 1965, № 8. — Машин. подборка, дата: январь 1959.

«Бури и анафематствования местного происхождения ничто по сравнению с тем, что ко мне приходит и тянется со всего мира. Я утопаю в горах писем из-за границы. Говорил ли я Вам, что однажды наша переделкинская сельская почтальонша принесла их мне целую сумку, пятьдесят четыре штуки сразу. И каждый день по двадцати. В какой-то большой доле это все же упоенье и радость, — душевное единение века» (письмо Л. А. Воскресенской 12 дек. 1958).

Единственные дни. — «Стихотворения и поэмы» 1965. — Машин. подборка, дата: январь 1959.

Дни солнцеворота — имеются в виду дни конца декабря, когда день начинает прибавляться в росте. День св. Спиридона 12/25 декабря в народе называется Спиридон-солнцеворот.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ (С. 197)

Раздел стихотворных произведений Пастернака, публиковавшихся автором в периодической печати, но оставшихся за пределами основного собрания его лирики, включает стихотворения, исключенные автором из своих книг при переизданиях. Сюда вошли также стихотворения, никогда не издававшиеся и сохранившиеся в автографах, в свое время подаренных или посланных в письмах, записанных в альбомы или как дарственные надписи на книгах, а также сохраненные сотрудниками журналов, куда были отданы автором и не напечатаны. Писавшиеся вне книги, как единого целого, где стихотворение поддерживается соседними, или выкинутые из нее и оставшиеся без опоры на общее настроение, эти стихотворения требуют более внимательного чтения, оказываясь порою неожиданным раскрытием мотивов, составляющих основы поэтики Пастернака. Здесь представлены стихи разных лет, начиная с самых ранних, вошедших в первую публикацию 1913 г., кончая оставшимися среди черновигов последней книги Пастернака «Когда разгуляется» (1956—1959).

«Сумерки... словно оруженосцы роз...» — альм. «Лирика» 1913.

По устному свидетельству композитора С. Е. Фейнберга, участники группы «Сердарда», в которую входил Пастернак, это стих. он слышал еще в 1909 г. В «Повести об одном десятилетии» К. Локс определял его «глубоко скрытый» смысл как «эротический», «раскрывающийся в двух последних строфах»: «...для выражения длительной и неудачной любви-страсти понадобилось совершенно необычное по своей образной структуре стихотворение» (Воспоминания. С. 42). *Менестрель* — средневековый певец и музыкант, воспевающий рыцарские подвиги и служение Даме. *Альмавива* — рыцарский плащ, накидка.

«Я в мысль глухую о себе...» — альм. «Лирика» 1913. — Автограф, подаренный К. Локсу, открывает цикл из пяти стихотворений «Жнивь» (собр. Е. В. Суховаловой). Цикл включает стихи: «Piazza S. Marco», «Сегодня мы исполним грусть его...», «Февраль. Достать чернил и плакать!...», «Бесцветный дождь... как гибнущий патриций!...», «Бетховен мостовых». — «Семиотика»; варианты:

- ст. 3—4: Это как смерть — застыть в судьбе,
 В судьбе — формующей повязке.
- ст. 5—8: Я слепком горько разрешен,
 Как памятник протекшей жизни.
 Как тяжек мыслей капюшон
 Надгробием над беглой жизнью.
- ст. 6: Я этим изваяньем жизни.
- ст. 8: Надвинутый весной капризной.

Первоначальный набросок стих., опубликованный в «Семиотике», записан на странице с текстом реферата «Скептицизм Юма», срок сдачи которого — 1 февр. 1910 г. определяет дату его написания. Стих. разрабатывает характерный для Пастернака образ судьбы-фатума как лишения свободы воли, данный в метафоре гипсовой маски-повязки, налагаемой на человека и становящейся преградой его развитию, то есть концом жизни, смертью.

Цыгане. — альм. «Руконог». М., изд. «Центрифуга», в подборке со стих. «Мельхиор» и «Об Иване Великом». По воспоминаниям С. П. Боброва, эти стихи были заказаны Пастернаку в качестве примеров «истинного футуризма» в поэзии, о противопоставлении которого «ложному футуризму» Пастернак писал в статье «Вассерманова реакция», помещенной в этом же номере альманаха. Эти три стихотворения написаны в несвойственной Пастернаку манере, опирающейся на славянское корнесловие, близкое поэтике В. Хлебникова, причисленного в статье «Вассерманова реакция» к представителям «истинного футуризма». «Немаловажное значение» приписывали Н. И. Харджиев и В. В. Тренин «кратковременному “асеевскому”» (он же — “хлебников-

ский”) этапу» в поэтическом развитии Пастернака, выводя из него «метод форсированных звуковых повторов, то есть звуковую метафору» (Поэтическая культура Маяковского. М., 1970. С. 318).

В яровых пруженные удоля... — густо засеянные пшеницей поля. *Град-Загреб* — столица Хорватии. *Смерд* — крестьянин в Древней Руси. *Долони* (длани) — руки, ладони. *Полуда* — тонкий слой олова, которым покрывают поверхности металлических изделий.

Мельхиор. — альм. «Руконог» в подборке из трех стихотворений. — Опечатки публикации в ст. 5 и в пунктуации исправлены по авт. правке в экз. А. Л. Штиха (РГАЛИ, ф. 379). В стих. зарисован вид из окна четвертого этажа дома в Лебяжьем переулке, где Пастернак снимал комнату в 1914 г.: Кремлевская набережная, зыблющиеся отражения в воде Москвы-реки соборов и дворцов, башни, мосты. *Малахит... карела* — камень и древесина, имеющие в разрезе волнистый (*курчавый*) рисунок. *Бочаг* — глубокая яма, залитая водой. *Смирна* — благовонная смола. *Зорьянь, часоем* — неологизмы Пастернака. *Погон* — путь. *Балакирь (балакарь)* — шутник, балагур.

Об Иване Великом. — альм. «Руконог», в подборке из трех стихотворений. — Опечатки публикации в ст. 10, 18, 19 и в пунктуации исправлены по авт. правке в экз. А. Л. Штиха (РГАЛИ, ф. 379). *Иван Великий* — колокольная Успенского собора в Кремле. *Твердо слово рцы* — названия букв русского алфавита (кириллицы): Т, С, Р (*рцы* — говори). *Торец* — поперечный разрез бревна, употреблявшийся для мощения улиц. *За полбл́ином целый блин...* — фольклорное звуковое подражание колокольному звону: блин, блин, блин, полблина-полблина, четверть блина-четверть блина. *Цвель* — плесень, гниль.

<Надпись на книге «Сонетов» Петрарки> — Избр.—1985. — Дарственная надпись «Генриэтте Петровне Лунц от преданного ей Б. Пастернака», предворяющая стихотворение, сделана на книге Francesco Petrarca. Sonette und Kanzonen. Insel Verlag, 1904. Г. П. Лунц (урожд. Орлова; 1880—1950-е гг.) — пианистка, жена ученого и публициста М. Г. Лунца, во втором браке Дукельская.

«Весна, ты сырость рудника в висках...» — альм. «Весеннее контр-агентство муз». М., 1915. Сочетание весны и головной боли в висках см. также в стих. «Опять весна в висках стучится...» (1910).

«Тоска, бешеная, бешеная...» — «Второй сборник Центрифуги». М., 1916. Перечисляя в очерке «Люди и положения» (1956) рукописи, которые у него пропали в разное время, Пастернак назвал «тетрадь стихов, промежуточную между сборником “Поверх барьеров” и “Сестрой

моей — жизнью»». Манеру, в которой она была написана, он характеризовал, как «лафorgiaнскую», то есть в стиле французского поэта «тоски и жалобы» Жюль Лафorgia. Биографически время написания этой тетради можно отнести к концу 1915 г. Сочетание верлибра со строками упорядоченного ритма, характеризующее поэзию Лафorgia, и соответствующее содержание позволяет отнести разбираемое стихотворение к этой утраченной тетради. Метафорический строй стих. сближает его также с «Голосом души» (1918).

«Улыбаясь, убывала...» — Стих. и поэмы—1965 по автографу (собр. И. Б. Збарского). Стих. было подарено жене инженера химических заводов во Всеволодо-Вильве Фанни Николаевне Збарской (урожд. Зильбергман; 1884—1971). *Прясла* — изгородь из длинных жердей.

«Уже в архив печали сдан...» — Стих. и поэмы—1965 по автографу (собр. И. Б. Збарского). Стих. записано на бланке конторы Уральских заводов З. Г. Резвой во Всеволодо-Вильве и подарено Фанни Николаевне Збарской. — В автографе — авт. правка; варианты:

- ст. 1: В архив воспоминанья сдан
- ст. 3: И солнце мне на чемодан
- ст. 6 а): Был, как и прежде, неминучим
- ст. 6 б): Был как и сборы неизбежен
- ст. 8: Зажженных солнца поцелуем
- ст. 9: И на полу оно — стекло

Посвящено предотъездным сборам из Всеволодо-Вильвы, откуда Пастернак уехал 23 июня 1916 г.

Два посвящения. — «Литературная Россия» 9 дек. 1988 по автографу из собр. С. П. Боброва (Музей Маяковского). Стихи были посланы Боброву осенью 1916 г. из Тихих Гор для готовившегося «Третьего сборника Центрифуги», издание которого не осуществилось.

1. *«Когда я был в парах тока́я...»* — автограф; вариант

- ст. 11—12: Мне все перестает казаться
- Перед неперестающим быть.

Предположительно стих. посвящ. Н. Асееву и воспоминаниям о совместном праздновании Рождества у Синяковых. *Токай* — марка венгерского вина.

2. *«Я говорю тебе: Сибирь...»* — посвящено Надежде Михайловне Синяковой (в замуж. Пичета; 1889—1975). *Инде* — в другом месте.

Наброски к фантазии «Поэма о ближнем». — Стих. и поэмы—1965 по автографу (собр. А. А. Петрова). Рукопись «Набросков» была послана С. П. Боброву 10 февр. 1917 г. из Тихих Гор для включения в «Третий сборник Центрифуги». Работа над поэмой продолжалась еще некоторое вре-

мя: «...уже и сейчас она в черновике вдвое против посланного Сергею (Боброву. — *Е. П.*) больше», — писал Пастернак 13 февр. 1917 г. К. Локсу. Характеризуя свою поэму в письме к сестре Лидии 11 февр. 1917 г., Пастернак сопоставлял ее с вещами, написанными в прошлые годы: «...местами вроде “Петербурга” и “Метели” (в начале) — вроде “Марбурга” в некоторых местах, и по строению — вроде “Паганини” и “Баллады”».

Можно выделить строки и образы «Марбурга» в «Набросках», в первом фрагменте которых речь идет о том же «Энееве вечере воспоминаний» у Збарских, который год назад стал поводом к написанию «Марбурга» (1916). Рассказ Б. И. Збарского о своей любви вызывает в слушателе (*Был слушатель холост, рассказчик — женат*) ответ: *Я тоже любил, посвященный его кораблекрушенью лета 1912 года*. Ср. ст. 128—129: *Лязга не слышно / Идущих мимо вагонов* со ст. 59 «Марбурга» (ред. 1928 г.): «Насупленный лязг и полет поездов...»; ст. 168—169: *День был резкий, / Марбург, жара...* со ст. 1—2 «Марбурга» (ред. 1916 г.): «День был резкий и тон был резкий, / Резки были день и тон...»; ст. 176: *А в зарослях парковых глаз хоть выколи...* со ст. 37 (ред. 1916 г.): «А в зарослях парковых очи хоть выколи»). О переделке «Набросков к фантазии» в 1928 г. см. коммент. к отрывкам «Из поэмы» (1916, 1928).

Суламифь — героиня библейской книги «Песнь песней». *Не я ли <...> о спящих песках <...> сравнивал с мелью <...> / С песчаной косой...* — см. стих. «Я найден у истоков щек...» (1913) и в коммент. варианты к нему. *Где у Тебя, непробудный...* — ср.: «Он двинуться хочет, не может проснуться, / Не может, засунутый в сон на засов» («Дурной сон», 1914).

«*Кому, когда не этим, в сумерки...*» — Собр. соч. Т. 1. — Автограф из собр. С. П. Боброва (Музей Маяковского). *Кому, когда не этим...* — то есть деревьям в лесу. *Лесам виднее, чем эсэрам.* — Сопоставление «растительного царства» и истории развито в стих. «История» (1927) и «Докторе Живаго»: «Истории никто не делает, ее не видно, как нельзя увидеть, как трава растет». Осень и зиму 1916—1917 г. Пастернак провел в Тихих Горах, где директором завода был Л. Я. Карпов, инженером — Б. И. Збарский, принадлежавшие к партии социалистов-революционеров (эсеров), и был свидетелем их разговоров и стремлений к революционному преобразованию России.

Драматические отрывки. — газ. «Знамя труда» 18 апр. (1 мая) и 3 (16) июня 1918 (оба отрывка). — Отрывок 2-й — «Известия Пензенского совета» 21 апр. 1918. Работа над трагедией, посвященной казни Робеспьера и концу якобинской диктатуры, была начата весной 1917 г. В своих воспоминаниях К. Локс называл ее «романом из времен Великой Французской революции»: «Помню ряд книг, взгромоздившихся на его столе <...>. Огромные тома с планами Парижа той эпохи, где изображались не только улицы, но и дома на этих улицах, книги с подробностями

ми быта, нравов, особенностей времени — все это требовало колоссальной работы. Понятно, что замысел скоро оборвался. Воплотилось только несколько сцен в драматической форме, которые были потом напечатаны в одной из газет. Однако он читал мне начало одной главы. Ночь, человек сидит за столом и читает Библию» (Воспоминания. С. 52–53).

Отрывок 1-й рисует прощание Луи де *Сен-Жюста* (1767–1794) со своей невестой *Генриеттой* Леба перед его отъездом в Рейнскую армию, отрывок 2-й — последнюю ночь перед казнью триумвиров якобинской диктатуры Максимилиана *Робеспьера* (1758–1794), *Сен-Жюста*, *Жоржа Кутона* (1755–1794) и их сподвижников: *Филиппа Леба* (1765–1794) и *Огюстена* Робеспьера (1763–1794), заключенных в здание ратуши (Отель де виль). *Анрио* — преступник, освобожденный Робеспьером и ставший его опорой. *Коффингаль* — крайний якобинец, приверженец Робеспьера.

В работе над драмой, посвященной крушению Якобинской диктатуры, отразились взгляды Пастернака на сущность революционного террора, выросшего из идеалистического понимания общественных преобразований и приводящего к жестокой расправе с его инициаторами. *Что духу человека негде жить, / Когда не в мире, созданном вторично...* — мысль Пастернака о мире творческого духа со временем нашла более полное выражение в представлении о «второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление смерти с помощью явлений времени и памяти» («Доктор Живаго»). *Дантон не понимал меня... в жертву / Я именно его принес. Тебе.* — Жорж Жак Дантон (1759–1794) — участник восстания, свергнувшего монархию, возглавил правое крыло якобинцев, требовавших ослабления террора, был осужден и казнен в апреле 1794 г. Во время последнего выступления Робеспьера в ратуше ему крикнули из зала: «Тебя душит кровь Дантона».

«*Как облаками облагать...*»; «*Где синий свет, свой зимний воск...*» — Собр. соч. Т. 1. — Автограф Уитни. *Декабрь воссоздает Нивоз...* — четвертый месяц по календарю Французской революции, с 21 декабря по 19 января (от лат. *nivus* — снежный).

«*...Мутится мозг. Вот так? В палате?..*» — «Новый мир», 1989, № 4. Вероятно, начало стих. отсутствует. Посвящ. убийству министров Временного правительства и депутатов Учредительного собрания от партии кадетов А. И. Шингарева (1869–1918) и Ф. Ф. Кокошкина (1871–1918). Накануне открытия Учредительного собрания в ночь с 7 на 8 января 1918 г. в палату Мариинской больницы в Петрограде, где находились депутаты, ворвались два революционных матроса и застрелили их выстрелами в упор. *Сарказм на Маркса.* — В подготовительных материалах к «Доктору Живаго» Пастернак писал: «Большевики взяли верх над остальными благодаря бесчестности своих принципов, приспособляющихся к меняющимся обстоятельствам. Они начали как левейшие из

социалистов, чтобы быть допущенными к законному соревнованию с другими подвидами Социал. Демократии, и ценой демагогии вышли вперед к крайнему солдатскому и матросскому крылу тогдашней столичной массы».

Русская революция. — «Новый мир», 1989, № 4. В стих. отразилось противопоставление Февральской революции, как мирной и бескровной (*изо всех великих революций / Светлейшая...*), событиям после Октября, когда в конце 1917 г. кронштадтские матросы бросали офицеров в топки кораблей (*топки полыханье / И чад в котельной...*). О приезде Ленина в апр. 1917 г. и «неожиданности его появления из-за закрытой границы» Пастернак писал в дополнительной главе к очерку «Люди и положения» (1956) «Сестра моя, жизнь», отмечая «не имеющую примера смелость его обращения к разбушевавшейся народной стихии; его готовность не считаться ни с чем, даже с ведшейся еще и не оконченной войной, ради немедленного создания нового невиданного мира».

...иностранка, / Ты по сердцу себе приют у нас нашла. — Речь идет о западном происхождении идеи революции и ее русском национальном мирном характере весной 1917 г. ...*копоть в катакомбах*... — имеются в виду первохристианские общины, скрывавшиеся в римских катакомбах, отчего далее — прямая связь с христианским социализмом (*Социализм Христа*). Дром — дремучий лес, чаща. О сопоставлении истории «растительного царства» см. выше стих. «Кому, когда не этим, в сумерки...» (1917) и коммент. к нему. Вернер Зомбарт (1863—1941) — немецкий экономист и социолог, испытывавший влияние марксизма. ...*свинец к вагонным дверцам <...> / Навешивался вспех ганноверцем, ландверцем <...> пломбы / Тряслись, и взвод курков мерещился стране*. — В Германии, воюющей в это время с Россией, Ленин с соратниками были посажены солдатами местной службы — ландвера (возможно, прусского происхождения из провинции Ганновер) в пломбированный вагон и отправлены в революционный Петроград; намек на заинтересованность Германии в насаждении анархии в России. Он, — «С Богом, — кинул, сев; и стал горланить, — к черту!» — / Отчизну увидав... — ср. в «Высокой болезни» (1923—1928): «Опять, хлебнув большой волны, / Дитя предательства и каверз / Не узнает своей страны».

«*Боже, Ты создал быстрой касатку...*» — Собр. соч. Т. 1. — Автограф Уитни. Посвящ. расстрелу заложников, окрасившему красным вдохновенный рассвет «утра революции». Датируется осенью 1918 г., временем начала «красного террора». *Где Ты? На чьи небеса пришел Ты? / Здесь, над русскими, здесь Тебя нет*. — Первые переживания богооставленности были связаны у Пастернака с началом Первой мировой войны (см. стих. «Дурной сон», 1914). В стих. «Рассвет» (1947) Пастернак в полном соответствии со сказанным писал: «Ты значил все в моей

судьбе. / Потом пришли война, разруха, / И долго-долго о Тебе / Ни
слуху не было, ни духу».

«Врасчете на благородство...» — Собр. соч. Т. 1. — Автограф (ГЛИМ, ф. 143) с дарственной надписью: «Дорогому Рюрику Ивневу по-братски Борис Пастернак». Рюрик Ивнев (наст. имя: М. А. Ковалев; 1891—1981) — поэт, в 1915 г. примыкавший к группе «Центрифуга», потом ставший одним из имажинистов. Короткий эпизод дружбы Пастернака и Ивнева относится к концу 1918 г., когда Ивнев написал стих. «Борису Пастернаку» (13 нояб. 1918 // сб. «Мы», М., 1920), а 18 дек. 1918 г. Пастернак подарил ему рукопись статьи «Несколько положений».

Любовь Фауста. — Стих. и поэмы—1965. — Автограф вклеен в экз. книги «Поверх барьеров» 1917. Возможно, стих. относилось к «Фаустову циклу», упоминавшемуся в первых публикациях «Маргариты» и «Мefистофеля» (1919). *Гален* — древнеримский врач и исследователь-экспериментатор (II в. н. э.).

Жизнь. — «День поэзии», М., 1981 по автографу. Стихи, посвящ. рождественской елке как образу детства и символу жизни, составили в творчестве Пастернака особый цикл, соединивший сквозным мотивом написанное в самые ранние годы («И мимо непробудного трюмо...», 1911), через «Близнеца в тучах» («Зима», 1913), «Сочельник» (1914) и «Вальсы» (1941) с последними стихами 1959 г. («Зимние праздники»). ...о крысах, / Орехах, балах, колымагах... — образы сказок Э.-Т.-А. Гофмана («Щелкунчик») и Ш. Перро («Золушка»). ...*Фаустов кафтан, и атласность корсажа / Шелков Маргаритина лифа*... — упоминание героев «Фауста» Гёте дает возможность причислить это стих. к «Фаустову циклу» 1919 г. Ф. А. Битепаж (1832—1904) — петербургский издатель и книгопродавец, инициатор профессионального издания детской литературы.

Голос души. — «Темы и варьации» 1923. — Снято из всех переизданий книги. — В автографе ранней редакции стих. представляет собой прямую речь сидящего в креслах «Духа» («мертвый, как мел, мотив») и составляет одно целое со стих. «Может статься так, может иначе...» (1919); вариант

ст. 3: Собери. На куски
между ст. 4 и 5: Завернись в платок
Я в енотовый,
Побегу, — не то
Заметет его.

строфы 3-я и 4-я — в обратной последовательности.

В экз. книги «Темы и варьации», подаренном М. Цветаевой, против слов: — *Это я сказал!* / — *Нет, мои слова* (ст. 19–20) Цветаева отметила на

полях: «Я и Б. П.» (собр. Л. М. Турчинского). Вяч. Вс. Иванов в работе «“Вечное детство” Б. Пастернака» отметил стилистическую близость этого стих. позднейшей поэтике Цветаевой (Избранные труды. Т. 1. М., 1998).

Стихотворенье. — Стих. и поэмы—1965 по автографу (собр. Л. Ю. Брик). — Автограф в альбоме Ю. И. Юркуна (местонахождение неизвестно) вместе со стих. «Косых картин, летящих ливня...» и надписью: «Милому Юрию Ивановичу Юркуну — новообретенному и драгоценному другу»; дата: 15 августа 1922 г. Петроград; синтаксические варианты ст. 1 и 5, строфы 3-я и 4-я — в обратной последовательности,

ст. 9—12: Он так прилипчиво белес,
Что раззеваясь до лому,
Как раззевался этот лес,
В зевках постигший лом и гомон.

ст. 15: Зевок лесной зари горит
— Черновой набросок ст. 1—10 (РГАЛИ); варианты:

ст. 1: Стихотворение! Малыши
ст. 7—8: Кивает ветер холщовым стулом,
Кивает, устает кивать.

ст. 10: Террасу с ног сбивает гомон

Зачеркнутый автором набросок написан на том же листе, что и стих. «Встреча» (1921), что позволяет датировать его тем же годом. *Кивач* — водопад в Финляндии (теперешней Карелии). *Кортомный* — сдаваемый в наем.

Голод. — «Известия ВЦИК» 15 марта 1922. — Автограф без заглавия (Гос. Музей грузинской литературы). Стихи написаны по заказу газеты в связи со страшным голодом, поразившим Поволжье и унесшим сотни тысяч жизней. М. Цветаева записала слова Пастернака, сказанные в ответ на ее признание, что она прочла его «стихи про голод»: «Не говорите. Это позор. Я совсем другого хотел. Но знаете — бывает так: над головой — сонмами, а посмотришь: белая бумага. Проплыло. Не коснулось стола. А это я написал в последнюю минуту: пристают, звонят, номер не выйдет...» (письмо 14 июня 1922 г. // М. Цветаева. Собр. соч. в семи томах. Т. 6. М., 1995. С. 222). *Крыжак* — крестоносец (польск.), паук-крестовик.

«Записки завсегдатая...» — Стих. и поэмы—1965 по копии, сделанной С. Я. Мотолянским и заверенной Н. Асеевым, ошибки в ст. 7, 14, 19 и датировке. — Избр.—1985. Т. 2 по копии Э. И. Левинтовой. — Запись ст. 1—4 в дневнике Р. Я. Райт-Ковалевой; дата: 25 июня 1922; варианты:

ст. 1: Я стану завсегдатаем
ст. 4: Рассвет лицо повертывает.

(Труды по русской и славянской филологии, IX. Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1966.)

Дарственная надпись Н. Асееву на книге «Сестра моя жизнь» 1922, где стих. предварялось словами: «Дорогой и драгоценный друг мой! Однажды и раз и навсегда узурпировал ты слово “брат”, и однажды раз навсегда зажал им мне рот. И оттого моя любовь к тебе — без преувеличений и с точностью почти докучной — смешана постоянно с болью, что без этого слова, предвосхищенного тобой, ты так, наверное, и не узнаешь, сколько бы обстоятельства ни говорили тебе о том другими словами, — что ты составил в моей жизни и что ты представляешь для меня. С этой-то болью, с болью от отнятости этого слова передаю я тебе эту сестру твою, твою столько же, сколько и мою. Это не “третья моя” книга: она посвящена тени, духу, покойнику, несуществующему; я одно время серьезно думал ее выпустить анонимно; она лучше и выше меня. Так вот, знай же: этой-то затронутой стихии поэзии, этой “потусторону” книге, этой абракадабре поэтической действительности ты — в большей, конечно, степени, нежели я, — родной брат. И не в каламбуре возвращаю я тебе это собственное твое золотое слово. Нет. Но ты должен знать, что когда я слышу его от тебя, то горжусь и радуюсь, что только ей брат ты, жизни и поэзии, не ниже и не меньше. Тебе эти». Книга с надписью была в 1923—1924 г. подарена Асеевым Эрнестине Иосифовне Левинтовой, сотруднице ГИЗа. Этот экз. погиб во время войны.

Маяковскому. — «Новый мир», 1965, № 1 (строфы 1-я и 4-я в составе очерка «Люди и положения»). — Л. Н. С. 685 по автографу, подаренному Г. О. Винокуру; варианты:

ст. 4: У края любого стиха.

ст. 6: Ревела дремучей Двиной

— Избр.—1985. Т. 2. — Автограф 1931 г., записанный по просьбе Г. В. Бебутова, под назв. «Маяковскому в 20-м году» (РГАЛИ, ф. 3100); варианты:

ст. 10: Отпрянув (?) и оторопев

<вопросительный знак авторский>

ст. 16: На искреннем этом пути?

— Автограф с объяснением: «Стихотворение не опубликовано и напечатанию не подлежит. Надпись на книге “Сестра моя жизнь”, подаренной Маяковскому 9 ноября 1932 г. Б. П.» (РГАЛИ, ф. 1334). — Автограф под назв. «Надпись на экземпляре “Тем и Вариаций” или “Сестры моей жизни”, сделанная Маяковскому в 19-м или 1920-м году», варианты ст. 4 и 6 — как в Л. Н. На обороте пояснение Г. О. Винокура: «Стихотворение это записано по моей просьбе Б. Л. Пастернаком в Переделкине в сентябре 1945 г., после того, как я напомнил ему, что видел его в 1922 г. летом на экземпляре его книги “Сестра моя жизнь”, подаренном им Маяковскому. По-моему, экземпляр должен находиться в библиотеке О. М. Брига. Речь идет именно о “Сестре моей жизни”, а не

о «Темах и вариациях», вышедших позднее. Г. О. Винокур. 12 сент. 45» (собр. Т. Г. Винокур). Книга с надписью не сохранилась.

Gleisdreieck — Стих. и поэмы—1965 по факсимиле в кн.: Y. Berger. Boris Pasternak. Paris, 1958. P. 192. Стих. записано в альбом Н. А. Залшупиной, хранящийся в рукописном отделе Парижской национальной библиотеки. (См. описание этого альбома с автографами Ахматовой, Гумилева, М. Кузмина: Л. Чертков // «Континент» № 31. С. 25.) *Надежда Александровна Залшупина* (в замужестве Данилова) была секретарем издательства З. И. Гржебина в Берлине, где вышло второе издание «Сестры моей жизни». **Gleisdreieck** — название станции берлинского метро, расположенной на высокой эстакаде. «В Берлине его (Пастернака. — Е. П.) воображение особенно поразила станция “Глейсдрайэк”, где скрещивались линии городских поездов и метро, — вспоминала о пребывании Пастернака в Берлине в 1922—1923 гг. приятельница Залшупиной Е. Каннак. — Надземные вагоны, прилетавшие с запада, — а какие закаты открывались с верхнего вокзала! — с грохотом летели потом и очень высоко на уровне 5-х этажей, до станции Ноллендорф платц, а затем низвергались вниз, как в преисподнюю. Глейсдрайэк был главным образом пересадочной станцией, новых пассажиров там было почему-то очень мало, и это обстоятельство тоже занимало Пастернака. “Это метро в никуда”, — говорил он. Он любил взбираться вверх по высоким крутым лестницам и смотреть на скрещивающиеся внизу пути, похожие на геометрические чертежи. Эта станция вдохновила его на стихотворение, которое он посвятил своей спутнице» («Русская мысль» 17 нояб. 1975).

Морской штиль. — Стих. и поэмы—1965 по автографу 1923 г. подборки стих., переданных в журнал «Леф» и сохранившихся в собр. Л. Ю. Брик. В стих. нашли выражение впечатления от поездки в Германию морем через Штеттин, причем сон возвращает автора к ужасам пережитого террора, из которого он вырвался: *Прохладой заряжен револьвер / Подвалов, и густой салют / Селитрой своды отдают...*

Перелет. — Стих. и поэмы—1965 по автографу 1923 г. (собр. Л. Ю. Брик). В стих. зарисованы картины морского побережья в Штеттине. Пастернак с женой прибыли в Штеттин 19 авг. 1922 г. *...как мало было пользы / В преследованы рифмой форм ее.* — Ирония по поводу суеверного отказа автора от стихов, посвящ. жене. Ср. письмо к Е. В. Пастернак 20 июня 1924 г.: «Если бы я просто покорился своей природе, горячо любимая моя, <...> я бы недостижимую книгу написал тогда...»

Осень («Ты распугал моих товарок...»). — «Русский современник», 1924, № 2, вместе со стих. «Отплытие» (1922) и «Петухи» (1923). — Ав-

тограф 1924 г. в составе подборки стих., посланных в «Русский современник» и сохранившихся в собр. А. М. Эфроса (РГБ).

Наступление зимы. — сб. «Поэты наших дней», М., 1924, без назв.; вариант

ст. 13: Едва распушенный Шопен

— «Записки отдела рукописей ГБЛ». М., 1971. Вып. 32 по автографу 1924 г. (РГБ); вариант

ст. 14: Опять не сдержит обещаний

Высказанное здесь М. О. Чудаковой предположение о том, что рукопись, переданная «Русскому современнику», представляет окончательную редакцию стихотворения, кажется убедительным (С. 211).

Седьмой этаж. Бодрость. — «Записки отдела рукописей ГБЛ». М., 1971. Вып. 32 по автографу 1924 г. (РГБ).

1 Мая — «Леф», 1923, № 2 (проспект). Вошло в подборку стихов разных поэтов, посвящ. Первому мая, в том числе Маяковского и Асеева. Стих. стало одним из вариантов темы города как воплощения истории, в нем выражены надежды на то, что будет положен конец террору, жестокостям *трупоедских пиров и утрат* <...> *Что... / Плетням и межам меж людьми не бывать. ...за сословьем четвертым...* — пролетариатом. *...последний решительный бой.* — Парафраза начальных слов рефрена «Интернационала».

Стихи для детей

Карусель. — «Новый Робинзон», 1925, № 9, иллюстрации Н. Тырысы. — «Карусель». Л., 1925, иллюстрации Д. И. Митрохина. — Автограф в письме Н. К. Чуковскому 14 мая 1925 г. (собр. Д. Н. Чуковского), вычеркнуты ст. 29–32, между ст. 56 и 57:

В этих седлах и на козлах
Многим в редкость — первый раз.
Между нами много взрослых,
Между взрослых много нас.

Зверинец. — «Огонек», 1925, № 52. — «Руль». Берлин. 3 янв. 1926. — «Зверинец». М., 1929, иллюстрации Н. Н. Купреянова; варианты:

ст. 26: Портов в воде не держит пояс,

ст. 45: И тех же пронизей мельканье

ст. 66: В платке из черно-синей саржи

— «Молодая гвардия», 1939, № 4.

— Сб. 1956, текст — как в «Молодой гвардии». — Автограф (ИМЛИ), вычеркнуты строфы:

между ст. 12 и 13:

Тогда в испуге без оглядки
Бегут взволнованные складки
Зеленых ив и желтых свай
На противоположный край.

Тут их охватывают лютым
Не в шутку пушечным салютом,
Истомой с ног до головы
Со сна охваченные львы.

между ст. 16 и 17:

В сырых пещерах дремлют совы,
Как в полдень потные засовы
Глухих амбаров и клетей
С чанами ледяных питей.

Снопы лучей длиною в сажень
Сочатся из замочных скважин:
Светлей отверстия для ключей
Горят впотьмах глаза сычей.

Как крысы в пятнах от проказы
Топорщат иглы дикобразы.
Зато природного добра
Полны движения бобра.

между ст. 20 и 21:

Когда же шлепается булка
В ушат с водой, то своды гулко
Обрушивают детский смех
На плиты и в медвежий мех.

между ст. 36 и 37:

Зловонье псины и гниенье
Дошло до гнусности в гигиене.
Потягивается шакал,
Сверкает хищника оскал.

И день и ночь, как по дорожке,
Вдоль перекладин ходят кошки.
Шипит окрысившийся рысь
На смельчаков, кричащих брысь.

между ст. 48 и 49:

И как мясник в подножья плахи,
В широко огненной рубахе
Разлегся сонной тушей тигр.
Как людоед средь детских игр.

Навозный пар и кучи грязи
И мухи, как у коновязей.
В загоне зубр, в соседнем — вепрь,
А в следующем — пара зебр.

Глаза помимо их желанья
Скользят по очертаньям лани,
Но вдруг мы их отводим вкось:
По ним скользит глазами лось.

между ст. 60 и 61:

Но вот, влача на дно двугорбой
Горой наваленные торбы,
Ложится на землю баркас,
Заслыша сторожа приказ.

между ст. 96 и 97:

Средь визга, хохота и стонов
Шимпанз, игрунок и гиббонов,
Забившись в угол, кенгуру
Хмелеет на чужом пиру.

между ст. 128 и 129:

Едва плетясь, подходим к пруду.
Вдали — искусственная гряда
Седых известняковых скал.
Вот и кассир, что нас впускал.

«Не оперные поселяне...» — «Дружба народов», 1987, № 6, в тексте письма к Цветаевой 11 апр. 1926 г. по автографу (РГАЛИ, ф. 1190). — Первое стихотворное послание М. Цветаевой, за которым через месяц последовало «Посвященье» (1926), а через три года: «М. Ц.» и «Мгновенный снег, когда булыжник узрен...» (1929). Это стих. явилось непосредственным откликом на недавнее чтение «Поэмы конца» Цветаевой, которая покорила его поэтической силой и смелостью, но одновременно внушила серьезное беспокойство за судьбу ее автора ярко выраженными в поэме тенденциями самоубийства. ...*авторы Вед и Заветов / И Пира во время чумы.* — Сборников божественных гимнов на древнеиндийском языке (2—1 тысячелетие до н. э.), библейских книг Ветхого и Нового Завета и «маленькой трагедии» Пушкина (1830). ...*не лезь на котурны...* — применявшиеся в древнегреческом театре скамеечки, которые привязывались к ногам актеров, игравших богов, чтобы увеличить их рост. В переносном смысле «влезать на котурны» значит выражаться выпендренно и с пафосом. «Не поддавайся живущей в тебе романтике. Это плохо, а не хорошо», — писал Пастернак Цветаевой через несколько дней после этого стихотворения (20 апр. 1926). *Ни на паровую трубу.* — Страшная подробность недавнего самоубийства

Есенина, о котором Цветаева задумала писать поэму и просила Пастернака собрать для нее документальные материалы о его гибели. «Внутреннюю линию — всю знаю, — приводит Пастернак ее слова, — каждый жест, — до последнего. И все возгласы, вслух и внутри» (письмо Г. Ф. Устинову 24 янв. 1926).

«Событие на Темзе, столбом отрубей...» — «Вопросы литературы», 1978, № 4. Посвящено всеобщей забастовке английских рабочих в мае 1926 г. Стих. было послано Цветаевой 19 мая 1926 г., недавно вернувшейся из Лондона, в одном письме с «Посвящением» к поэме «Лейтенант Шмидт», написанном, как признавался Пастернак, «в странном состоянии, доля которого, впрочем, была и в значительно худшем, то есть просто плохом, для газеты стихе об Англии. <...> оно кончается тем же колечкоподобным, узким и втягивающим словом, что и посвящение». М. Е. Кольцов (1898—1940) — главный редактор журнала «Огонек». *Конаться* — бросать жребий в игре.

История. — «Новый мир», 1928, № 1, без назв.; вариант ст. 15: Над ним плывет улыбка инвалида

— Автограф, посланный 18 сентября 1927 г. М. Цветаевой, под назв. «История» (РГАЛИ, ф. 1190). — Автограф, подаренный Я. З. Черняку (РГАЛИ, ф. 379), с тем же назв. — Автограф, отданный С. А. Обрадовичу в журн. «Земля и фабрика» (РГАЛИ, ф. 1874).

В стих. проводится параллель между ходом истории и «растительным царством»: «Лес не передвигается, мы не можем его накрыть, подстеречь за переменою места. Мы всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы вечно растущую, вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю <...> Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения. Они в несколько часов или дней опрокидывают старый порядок. <...> а потом десятилетиями, веками поклоняются духу ограниченности, приведшей к перевороту, как святыне» («Доктор Живаго»).

Мороз. — журн. «30 дней», 1928, № 1. *Струной вязиги...* — сушеная хорда (струна позвоночника) осетровых рыб, употребляемая в пищу.

Ремесло. — Приложение к газ. «Tartu riiklik ülikool» «Русская страница» 26 дек. 1969 г. по автографу (ГНБ, ф. 474, альбом П. Н. Медведева).

«Мгновенный снег, когда булыжник узрен...» — «Красная новь», 1929, № 5, в подборке под назв. «Четыре стихотворения», куда входили послания «Анне Ахматовой», «М. Ц.» и «Мейерхольдам». — Автограф на

форзаце книги «Избранные стихи». Изд. «Огонек», 1929, подаренной Цветаевой (РГАЛИ, ф. 1190), под назв. «Вместо стихотворения (Акростих)»; варианты:

- ст. 1: Минутный снег... когда булыжник узрен,
 ст. 3: Резвись и тай; Москва, как пончик в пудре,
 ст. 9: Ежесекундно можно глупость ляпнуть,
 ст. 16 отсутствует.

Акростих — стих., начальные буквы строк которого составляют имя, в данном случае: «Марине Цветаевой». Этот акростих представлял также адресата следующего в журнальной подборке стих. послания («М. Ц.»), шедшего без назв., и позволил нарушить строгий запрет на публикации, посвященные эмигрантам (естественно, за исключением ругательных), с которым Пастернак столкнулся два года назад в связи с печатанием «Посвящения» М. Цветаевой «Лейтенанта Шмидта». *Ежеминутно можно глупость ляпнуть, / Тогда прощай охулка и хвала!* — Намек на слежку и опасность неосторожных высказываний. «А ты знаешь, террор возобновился, без тех нравственных оснований или оправданий, какие для него находили когда-то, — писал Пастернак О. Фрейденберг 10 мая 1928 г. — <...> Я боюсь, что попытка <...> без которой я не могу закончить двух вещей, принесет мне неприятности и снова затруднит мне жизнь, если не хуже».

«*Жизни ль мне хотелось слаще?..*» — Стих. и поэмы — 1965 по автографу, открывающему тетрадь из десяти стихотворений «Второго рождения» весны 1931 г., подаренных З. Н. Пастернак. Между 2-й и 3-й строфами нотная строка начала Интермеццо Брамса до-диез минор (ор. 117, № 3; в автографе ошибочно «Johannes Brahms ор. 115»). Это то самое Интермеццо, о котором идет речь в стих. «Годами когда-нибудь в зале концертной...». Авт. надпись на левом поле против 3-й строфы: «См. 11-ое стихотворение», но вторая половина тетради, начиная с 11-го стих., оторвана и не сохранилась. Вероятно, имеется в виду стих. «Никого не будет в доме...» (1931), первое четверостишие которого представляет собой вариант ст. 9—12 (с заменой одного слова в ст. 11 *зимний*). На правом поле автографа запись: «Побочный вариант. Тревога о Зине (в отн<ошении> Гаррике и о Женичке и Жене. Коджоры. Зина с Адиком на лугу». Надпись относится к более позднему времени, чем весенний цикл, записанный в тетради, и датируется августом 1931 г., когда Пастернак с З. Н. Нейгауз и ее сыном Адиком были в Грузии (Коджоры), где их не покидало чувство тревоги об оставленных ими Г. Г. Нейгаузе (Гаррике) и Е. В. Пастернак с сыном (Жене и Женичке): *Так и нам прощенье выйдет, / Будем верить, жить и ждать. ...ночью сборов мне... / Сновиденье в Ирпене?* — Имеется в виду эпизод, когда З. Н. Нейгауз накануне их общего с Пастернаками отъезда из Ирпеня в сентябре 1930 г. быстро помогла им собраться и уложить вещи, что-

бы утром погрузиться на подводу и ехать на станцию. Начало влюбленности Пастернака З. Н. Нейгауз относила ко времени их возвращения в Москву. (Воспоминания. С. 179.)

«Будущее! Облака встрепанный бок!..» — Стих. и поэмы—1965 по автографу из собр. Е. В. Лидиной, в составе цикла «Гражданская триада», куда входили стих. «Весенний день тридцатого апреля...» и «Столетье с лишним — не вчера...» (1931). Рукопись цикла была послана из Тбилиси в Москву 6 авг. 1931 г. в редакцию «Нового мира», но из «Триады» были опубликованы только два первых стихотворения. *Райское яблоко года, когда я / Буду как Бог.* — Стих. построено на сопоставлении пребывания в Коджорах под Тбилиси с первородным грехом Адама и Евы в раю. «И сказал змей жене: <...> знает Бог, что в день, в который вы вкусите их (плоды дерева. — *Е. П.*), откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 4—5). *Дерево деви и древо запрета.* — По Библии: «дерево познания добра и зла» (Быт. 2, 9).

На смерть Полонского. — Л. Н. С. 702. — Два автографа (РГАЛИ, ф. 1328), более ранний имеет название и дату; вариант ст. 4:

Взглянул и прошел душегубом.

Вячеслав Павлович *Полонский* (наст. фамилия: Гусин; 1886—1932) — литературный критик, главный редактор «Нового мира», его понимание и дружба были Пастернаку большой опорой в трудные для него годы. Внезапная смерть Полонского 24 февр. 1932 г. во время его командировки в Магнитогорск, куда он приглашал и Пастернака, стала для него тяжелым ударом и упреком совести. *Я видел — и не уберег. / Узнал — и прошел душегубом.* — В стих. отразилось свойственное Пастернаку чувство вины перед утратой близкого человека. *Ты дрался — я жил под шумок...* — имеется в виду борьба против идеологических перегибов и разобщенности в литературе, которой Полонский посвятил жизнь.

«Я понял: все живо...» — «Известия» 1 янв. 1936 вместе со стих. «Мне по душе строптивый норов...» под общим назв. «Два стихотворения»; варианты:

ст. 6: Двум тысячам лет,

ст. 21: И вечным обвалом

между ст. 4 и 5:

Бывали и бойни,
И поед живьем,
Но вечно наш двойня
Гремел соловьем.

Глубокою ночью,
Задуманный впрок

Не он ли, пророча,
Нас с вами предрек?

между ст. 20 и 21:

Я понял: все в силе,
В цвету и в соку,
И в новые были
Я каплей теку.

— «Знамя», 1936, № 4, в большой подборке под назв. «Несколько стихотворений». — Автограф Уитни; вариант ст. 21 — как в «Известиях».

Нехарактерная для Пастернака лапидарность в разработке сюжета и откровенная плакатность выдают заказной характер стихотворения. Через запятую в нем перечисляется весь ассортимент тем и клише дежурных стихов в газету. В выкинутых строфах автор таких стихов представлялся как *двойня* автора, гремевший *соловьем* также и по поводу *бойни и поезда живьем... И звезды, которых / Износ не берет*. — Подспудно чувствуемая ирония доходит здесь до откровенного издевательства над недавно установленными на башнях Кремля гигантскими хрустальными звездами, которые, судя по писавшемуся в газетах, должны были простоять тысячи лет, но их очень скоро заменили на другие, рубиновые. Разбирая для сб. 1956 небольшое количество не включавшихся в книги дополнений, Пастернак написал на машин. копии цикла «Несколько стихотворений», публиковавшихся в «Знамени»: «Искренняя, одна из сильнейших (последняя в тот период) попытка жить думами времени и ему в тон» (Ивинская. В плену времени. С. 95). Стих. было написано в конце 1935 г., незадолго до начала «страшных процессов», когда многим казалось, что «пора жестокости» прекратилась, когда готовилась конституция, на которую возлагались большие надежды. В февр. 1936 г. в своем выступлении на писательском пленуме Пастернак объяснял, что «в течение некоторого времени» будет «писать плохо, с прежней своей точки зрения»: «Два таких стихотворения я напечатал в январском номере «Известий», они написаны сгоряча, черт знает как, с легкостью, позволительной в чистой лирике, но на такие темы, требующие художественной продуманности, недопустимой» («Выступление на III пленуме правления Союза писателей СССР в Минске», 1936).

«*Все наклоненья и залог...*» — «Знамя», 1936, № 4, в цикле «Несколько стихотворений». — Автограф Уитни, как два стихотворения, одно — строфы 1–9-я, второе — строфы 10–16-я («Поэт, не принимай на веру...»), под назв. «В наступление»; вариант

ст. 54: Недавний лютик луговой,

— Корректурa публикации в «Знамени» с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2587). Первая часть стих. связана с выходом в 1935 г. в Праге сборника Пастернака в переводе чешского поэта Йозефа Горы (1891–1945):

Boris Pasternak. Lyrika. Praha, 1935. «Переводы Горы меня глубоко взволновали, — рассказывал Пастернак австрийскому журналисту Ф. Брюгелю. — Когда я стал записывать это ощущение взволнованности в своем дневнике, совсем непривычно и неожиданно для меня получилась запись в стихах» (Воспоминания. С. 564). *Наведаться из грек в варяги...* — «Многое в стихах Горы, — записал слова Пастернака Брюгель, — звучит как фразы из древних русских летописей, в которых рассказывается, как в нашу страну пришли стародавние варяги, чтобы проложить торговый путь к грекам». *Тебя пилили на поленья...* — ср.: «...нравственно уничтоженный ее (революции. — Е. П.) обличительными крайностями, не раз чувствовал себя потом вновь и вновь уничтожаемым ими, если брать ее дух во всей широте и строгости», — писал Пастернак в «Автобиографии» (1932). *...пеньковый гордень...* — веревка, корабельная снасть, поддерживающая полотно паруса.

Присяга. — «На ранних поездах» 1943. — Автограф в цикле стихов 1941 г. (собр. М. В. Волосова). При жизни автора не переиздавалось.

Русскому гению. — «Литературная газета» 8 окт. 1941, под назв. «Правда»; варианты:

ст. 1—4: Чего бы вздорного кругом
 Вражда ни говорила,
 Ни в чем не меряйся с врагом,
 Тебе он не мерило.

ст. 5—8 отсутствуют,

ст. 21: Пусть сплавы вражьи отлиты,
— Стих. и поэмы—1961 по автографу под назв. «Духу родины»; вариант
ст. 21: Пусть у врага винты, болты,

Авт. пометка на полях: «Важно, не вошло в книжки». — Избр.—1985. Т. 2 по экз. машин. 1943 г. в составе цикла «Военные месяцы» под № 15, между стих. «Застава» и «Смелость» (РГАЛИ, ф. 1334). — Машин., под назв. «Русская сила», замененным рукой автора на новое — «Русскому гению», с пометкой: «После 12 страницы книги “На ранних поездах” (то есть в конец “Военных месяцев”, после “Старого парка”)». — Вырезка из «Литературной газеты» с исправлением назв. на «Дух народа» и ст. 21 (Гос. Музей грузинской литературы).

В. Д. Авдееву («Когда в своих воспоминаньях...») — «Русская литература», 1966, № 3, по автографу из альбома В. Д. Авдеева (РГАЛИ, ф. 2867). *Таланты братьев завершала / Усмешка умного отца.* — Сыновья чистопольского врача Дмитрия Дмитриевича Авдеева — Валерий Дмитриевич, будущий профессор ботаники, и Арсений Дмитриевич, театровед, — с горячим интересом относились к литературе и открыли двери своего дома для регулярных вечеров (*дни Авдеевских салонов*), на которых

собирались эвакуированные из Москвы писатели *Федин и Леонов, Тренев, Асеев, Петровых* и др.

«Грядущее на все изменит взгляд...» — «Русская литература», 1966, № 3 (с ошибкой в ст. 16), по автографу из альбома В. Д. Авдеева (РГАЛИ, ф. 2867). В конце стих. авт. пометка: «Не окончено. Предполагалось продолжение о зиме и доме Авдеевых». *Ошанин познакомит нас в читальне...* — «В последней строке, — замечает В. Д. Авдеев, — Б. Л. несколько ошибается: познакомил нас Асеев на улице немного ранее. В «читальне» Дома учителя я присутствовал уже знакомым при его разговоре с Ошаниным и его женой Е. Успенской. Б. Л. был чем-то взвинчен, бегал по комнатам, постукивая каблучками, как козенок, и говорил задиристые вещи, чем Ошанины были несколько смущены» (РГАЛИ, ф. 2867). Л. И. Ошанин (1912–1997) — советский поэт-песенник.

1917–1942. — «Новый мир», 1965, № 1, по автографу (РГАЛИ, ф. 379). — Автограф, подаренный А. Крученых (РГАЛИ, ф. 1334), поясняющая приписка 24 дек. 1942 г.: «Алеша, ты был страшно мил все время — большое тебе спасибо. Я тебе обещал записать стихотворение, которое я написал к 7 ноября для «Комсомольской правды». Большое счастье, что они его не напечатали. Это очень бледный вздор, в данном случае особенно глупый своим неуместным интимизмом. Единственное ценное в этой страничке, что я тебе строчу это посреди страшной спешки, когда совсем не до того. Будь здоров. Твой Б. П.» Далее примеч. Крученых: «Б. Л. 25 XII сообщил, что стихотворение взял «Огонек». 25-го Б. Л. уезжал (в Чистополь. — *Е. П.*)». Здесь изложена характерная судьба вещей Пастернака, писавшихся для газет. Кроме того, «интимизация истории», то есть «втягивание широт и множеств и отвлеченностей в свой личный, глухой круг», характеризовала его отношение к миру, сказавшееся в работе над историческими поэмами (письмо родителям 17 июня 1926). Искренность и личное восприятие событий в стихах Пастернака неизменно встречали резкий отпор в редакциях, а самому автору становилось стыдно за «неуместный интимизм». *Мне не жалко незрелых работ...* — имеется в виду гибель архива, сгоревшего в Переделкине. Вместе с собственными рукописями погибли также работы отца, художника Л. О. Пастернака, что было гораздо более страшной потерей для сына.

Спешные строки. — «Новый мир», 1965, № 1, контаминация двух автографов, более ранний из них датирован 7 августа 1943; строфы 1-я и 3-я переставлены; варианты:

ст. 13:	Помнится искус бомбежек,
ст. 15:	Щеткою торчавший ежик
ст. 22:	Кинуло труху,

ст. 26: До семи небес,
ст. 29: Я сейчас спущусь к жилищам,
вместо ст. 33—47:

Помните, Орла не стало
Две зимы назад.
Это горе миновало,
Он обратно взят.

— Избр.—1985. Т. 2 по машин. 1943 г. (РГАЛИ, ф. 1334).

Написано в день освобождения Орла. *Разговор «катюш»*... — «Катюши» — народное название бесствольных систем реактивной артиллерии. *Я любил искус бомбежек*... — Пастернак участвовал в противовоздушной обороне 9-этажного дома, где он жил, и ночи бомбежек проводил на крыше. «В последний раз, когда я с 11-го на 12-е дежурил в Лаврушинском на крыше, на моих глазах в дом попали две фугасные бомбы. Одною разрушило четыре квартиры в 1-м подъезде, в том числе Паустовских, другая попала в красный кирпичный дом налево, разрушив четверть его до основания...» (письмо З. Н. Пастернак 17 авг. 1941). *Анатолий Глебов* (1899—1964) — драматург и журналист.

Одесса. — газ. «Красный флот» 12 апр. 1944, под назв. «Великий день»; между ст. 16 и 17:

В полях не видно южной житницы.
Ее былое вспоминают.
А ночь унылым гласом скитницы
Как по покойнику читает.

Товарищи, благообразие
Нарисовали вам потемки,
Заря развеет все фантазии,
Вас утром окружают обломки.

без ст. 21—24.

— Стих. и поэмы—1961 по машин. ранней редакции. — Стих. и поэмы—1965 по вырезке из газеты с авт. правкой, исправлено название, восстановлены ст. 21—24.

Написано в связи с освобождением Одессы (10 апр.) по заказу газ. «Красный флот» (см. Н. Жданов. Пастернак — «Красному флоту» // «Дружба народов», 1979, № 11. С. 268—269). В сб. «Земной простор» 1945 не вошло случайно, в чем Пастернак признавался А. К. Тарасенкову: «Среди этих военных стихотворений об освобожденных городах есть и такое («Одесса»), печаталось в какой-то морской газете, не вставил в «Земной простор» по забывчивости». Выделив в стих. ст. 28: *Еще каким-то новым словом* и ст. 31: *Победы одухотворением*, он писал далее: «Подчеркнуто для тебя. Горе мое не в том, что не «откликаюсь» я на темы, но наоборот, в любую минуту готов договариваться на них до конца» (Уитни).

Нежность. — «Новый мир», 1965, № 1, по автографу, подаренному К. Н. Бугаевой 13 янв. 1950 г. В письме, сопровождающем посылку, Пастернак писал: «“Нежность” должна была быть глубже и не удалась» (ГНБ, ф. 60). — Автограф ранней редакции (собр. Н. А. Ольшевской):

Ослепляя блеском,
Вечерело в семь.
С улиц к занавескам
Подступала темь.

Люди — манекены,
Только страсть с тоской
Водит по вселенной
Шарящей рукой.

Сердце под ладонью
Дрожью выдает
Бегство и погоню,
Трепет и полет.

Чувству на свободе
Вольно налегке,
Точно рвет поводья
Лошадь в мундштуке.

Бессонница. Под открытым небом. — «Новый мир», 1965, № 1, по автографу стих. цикла «Колыбельные песни», в который входили также стих. «Ветер» и «Хмель» из романа «Доктор Живаго». В тексте романа Юрий Живаго пишет эти стихи ночью; глядя на спящую Лару, «ему хотелось средствами, простотою доходящими до лепета и граничащими с задушевностью колыбельной песни, выразить свое смешанное настроение любви и страха и тоски и мужества так, чтобы оно вылилось как бы помимо слов, само собою». Опорные образы композиции этих стихотворений: меркнувшие на рассвете звезды, звуки выгоняемого пастухами стада, «дыханье бессонницы», пробуждающее чувство, — впервые появились в 1912 г. («Он слышал жалобу бруска...») и стали содержанием первого отрывка «Из поэмы» («Я тоже любил, и дыханье...», 1916, 1928).

«В разгаре хлебная уборка...» — «Литературная газета» 19 окт. 1957 г. Стих. отличает типичная для заказных вещей лапидарная однолинейность темы и нарочито клишированный язык, но при этом сохраняется характерное для Пастернака восприятие завоеваний революции через судьбу женщины. *Локомотили экономий...* — паровые машины, работав-

шие на сельскохозяйственных фермах до революции. *В Брянске, в Канске...* — из известной народной частушки: «Где бы нашему потомству / Разводиться суждено, / То ли в Брянске, то ли в Канске, / То ли в Туле, — все равно».

«Друзья, родные, милый хлам...» — Ивинская. В плену времени; варианты:

- ст. 4: Когда-нибудь, лжецы и трусы.
ст. 5—8: Ведь в этом видно Божий перст
И нету вам другой дороги,
Как по приемным министерств
Упорно обивать пороги.

Ивинская опубликовала стих. по памяти, признаваясь, что третью строфу она не помнит (Там же. С. 324). — Собр. соч. Т. 2 по автографу, оставшемуся среди черновых набросков книги «Когда разгуляется». Это и два следующих стих. объединены общим назв.: «Даром гложнуть»; варианты:

- ст. 5—6: Я вижу в этом Божий перст,
Что нет для низости дороги,

Отклик на совместное празднование двух дней рождений — Вс. Иванова и К. Федина 24 февр. 1957 г., впечатления которого стали также первым толчком к стих. «Вакханалия».

Анастасии Платоновне Зуевой. — «Театр», 1957, № 7, под редакционным назв. «Актриса». — Избр.—1985. Т. 2 по автографу, сохранившемуся среди черновиков книги «Когда разгуляется». — Автограф (ГЛМ, ф. 143). — Черновой набросок; варианты:

- ст. 13—14: Ведь приедаются все чары
<...> любой мираж,
ст. 17—20: Он превосходит все расчеты,
Всю жизнь он незнаком и нов,
Есть в этом дивном даре что-то
От ясновиденья и снов.
ст. 21 а) Забытое Островским где-то
ст. 21—22 б): Есть в наблюдательности этой,
В ужимках, тоне, говорке

А. П. Зуева (1896—1986) — народная артистка СССР, актриса МХАТа. См. также стих., записанное ей в альбом, «Великой истинной артистке...».

«Перед красой земли в апреле...» — Собр. соч. Т. 2 по автографу, сохранившемуся среди черновых набросков книги «Когда разгуляется»; варианты:

- ст. 1: О как ты хороша в апреле.

- ст. 4: Несмелую красу твою.
ст. 6—8: Дерзання наши и права,
И не дано нам развернуться
<...> оперясь едва.
между ст. 8 и 9:
Разверзнутся весною хляби,
И льет и льет, нет сил терпеть.
Так перевозносим мы по-рабы
Любую власть, любую плеть.
ст. 10: Зачем же должен я молчать
ст. 14—16: Расплачиваясь кровью жил,
<...> расхлебывать похлебку,
Которую не я варил.
ст. 17—20: А ну вас к черту в самом деле,
За грош удавите, поди,
Витии, трусы, пустомели,
<...> товарищи, вожди!

О Боге и городе. — Избр.—1985. Т. 2 по автографу из черновых набросков к книге «Когда разгуляется». Первоначальный далекий подход к замыслу стих. «Вакханалия», объединенный с другими набросками общей обложкой с перечислением тем будущей работы: «Город в снегу. Город, именины, театр и т. д. Городская горячка. Стихи с советской припиской. Город. Зимнее небо». Там же — другой вариант:

В снежных просторах ни капельки крови.
Стелется путь на тот свет прямиком,
Даль повязалась по самые брови
Небом нависшим, как черным платком.

Город кончается папертью храма,
Бог над толпой в переулке склонен.
Вьюжною ночью премьерою драмы
<...> открыт театральный сезон.

Падают на руки, на рукавицы
<...> внутренний голос опять
Вспомнить, опомниться, остановиться,
<...> понять.

Наставшее Введение во храм. — Двенадесятый праздник Введения Богородицы и Приснодевы Марии во храм православная церковь отмечает 4 декабря н/ст.

«Дерева, только ради вас...» — «Новый мир», 1971, № 1 по автографу, сохранившемуся среди черновиков книги «Когда разгуляется». На-

броски к этому стих. и стих. «Тишина», «Чувство жизни» объединены общей обложкой, на которой записан тематический план: «Леса (зеленая мускулатура, почти, как ты и про земное зелье)».

Варианты:

ст. 2: На вас и вашу прелесть глядя.

ст. 6: Чтобы раскрасить ваши листья,

Первоначальный вариант:

Леса, луга и перелески,
В вас молодости клад зарыт,
И он в непотускневшем блеске
Как сорок лет назад горит.

Господь все эти краски кистью
Из сердца моего извлек.

Чувство жизни. — Избр.—1985. Т. 2 по автографу (зачеркнутому крестом). — Первоначальный вариант (зачеркнут):

Жить на земле не тяжело,
Лишь только бы душа хотела.
Восходит солнце, и тепло
Живой струей бежит по телу.

Жить — это, верно, сорт вина,
Которого тут океаны.
Бессмертьем даль веков пьяна,
И мы ее бессмертьем пьяны.

Всего себя забыть, отдать,
Я весь желаньем жертвы налит.
Существованья благодать
Меня волнует и печалит.

Передо мною вечность вся,
Как памятник без покрывала.
Мир только что лишь начался,
Природы раньше не бывало.

Жизнь и бессмертие одно. — См. «Доктор Живаго»: «Я думаю, надо быть верным бессмертию, этому другому имени жизни, немного усиленному». *Мир Божий только начался.* — Чувство первозданности природы впервые было выражено в стих. «Эдем», которое открывало книгу «Близнец в тучах» (1913).

«Когда я с честью пронесу...» — Избр.—1985. Т. 2 по наброскам, сохранившимся среди черновиков книги «Когда разгуляется» (зачерк-

нуто синим карандашом, а красным снято зачеркивание), объединено со следующим стих. «Как ко всему на свете глухо...» обложкой с надписью: «Пренебрегу»; вариант

ст. 2: Нападок бремя

строки предположительного продолжения

Дом был от посторонних скрыт

<...> всегдашней,

А сверху открывался вид

На лес и пашни.

И к изгороди прильну,

К тому пришедши

В надежде, может быть жену

В окне замечу.

Первоначальные варианты:

Когда-нибудь, свернув, как встарь,

С дороги пешей,

Я будущее как фонарь

В лесу повешу

.....

Когда я все перенесу

.....

Увижу я, как свет в лесу,

Иное время.

Я вспомню, как бесилась встарь

Лесная нежить,

Свет избавленья как фонарь

В лесу забрезжит.

.....

[Что стала вновь Святая Русь

Святою Русью]

«Как ко всему на свете глухо...» — Избр.—1985. Т. 2 по черновым наброскам книги «Когда разгуляется»; варианты:

ст. 4 а): Прижав лицо.

ст. 4 б): Зарыв лицо.

ст. 6: Систем, эпох,

— Первоначальный набросок:

Летним рассветом

На берегу

Всяким запретом

Пренебрегу.

ЭКСПРОМТЫ. СТИХИ НА СЛУЧАЙ (С. 271)

Впервые собранные в особый раздел в Избр.—1985, эти стихи расширяют представления о художественной манере Пастернака, притом, что их немногочисленность свидетельствует о его нелюбви к этому жанру, легкость которого шла вразрез с серьезным отношением к требованиям искусства. В своей статье 1918 г. «Несколько положений» Пастернак говорил о «заботе», «о книге», в которую он был всегда погружен: «По собственной же воле, без принуждения, я никогда и ни за что из мира своей заботы в этот мир любительской беззаботности не перейду». Разбирая первые стихотворные опыты Пастернака, Ю. М. Лотман отметил, что в XX в. «стихи с установкой на шутку стали значительно менее экспериментальными, чем лирические. Это видно в сатириконовских гимнах Маяковского и в сатирической поэзии Пастернака». Среди стихотворений 1911—1912 гг. встречается ироническое отношение к философии, с которой Пастернак тогда расставался. «Язык философии противопоставляется языку поэзии, как фраза — жизни» («Семиотика». С. 236). В качестве примера Лотман приводит одно четверостишие этого рода:

И разойдясь в народном танце,
В безбрежной дали тупика,
Перед трактиром хор субстанций
Отплясывает трепака.

Обычно Пастернак уничтожал свои экспромты, прорывавшиеся на страницы его черновиков во время серьезной работы над стихами, — примером этому служит судьба стих. «Кулыт личности забрызган грязью...» (1956). Но видя в дарственной надписи или записи в альбом своеобразную литературную задачу, Пастернак старался сделать свой подарок острым по мысли и красивым по исполнению. В экспромтах явно проступает ирония Пастернака, порою трудноуловимая в его серьезных вещах. Вызванные внешними побуждениями и ограниченные временем исполнения, они часто нуждаются в объяснениях, вскрывающих конкретные обстоятельства их возникновения.

Многие из сохранившихся экспромтов обязаны настойчивости поэта-футуриста и страстного коллекционера А. Е. Крученых. Почти каждую встречу с Пастернаком (да и с другими) он стремился зафиксировать текстом, для чего выдавал свой альбом или просто лист бумаги, который потом туда клеивал. О трудности такого рода общения Пастернак записал на очередной странице его альбома: «Я страшно туп. Когда, Алеша, ты мне подсовываешь бумажку, я никогда не бываю способен выразить на ней всего того, что чувствую по отношению к тебе или тем общим друзьям, о которых заходит речь. 18 марта 1945» (РГАЛИ, ф. 1334).

Стихотворные экспромты тостов в честь присутствующих привела Т. В. Иванова в своих воспоминаниях: «Мои современники, какими я

их знала» (М., 1984). С некоторыми разночтениями их записала также Л. И. Толстая (ИМЛИ, ф. 100), бывшая в числе гостей на объединенном праздновании дня рождения Вс. Иванова и К. Федина 24 февр. 1957 г. Ей был посвящен самый «лирический» тост:

Как кораблям даны кормила
И ими движут паруса,
Так сила главная Людмилы
Ее высокая краса.
Через моря, через туманы
Она врзается в судьбу
И героинею романа
Плывет к причальному столбу.

Эфемерности экспромта Пастернак противопоставил серьезность и глубину возникшего в те же дни замысла «Вакханалии», где «именинные ночи в городе» вырастали до «смеси легкости и мистерии», становясь «выражением разгула на границе священнодействия» (письмо Н. Табидзе 21 августа 1957).

А. Л. Штиху («Как видишь, уезжает викинг...») — Избр.—1985. Т. 2. Надпись на конверте письма А. Л. Штиху (1890—1962), другу детских лет, сделанная перед отъездом Пастернака в Меррекулё (Усть-Нарва) в первых числах июля 1910 г. Штих проходил тогда курс лечения *кумысом*. *Кинг* и *Альберт* — сорта сухого печенья, выпускавшегося фабрикой Эй-нема, в семействе которого Штих был тогда домашним учителем.

<Гартманну> («Гляди — он доктор философии...») — «Семиотика» по автографу, сохранившемуся среди университетских тетрадей. Акрос-тих, обращенный к профессору Николаю Гартманну (1882—1950), последователю Г. Когена, в семинаре которого в Марбурге Пастернак занимался Лейбницем. Поначалу очарованный высокой эрудицией профессора, Пастернак через неделю увидел в нем «обидчивого и подозрительного человека» (письмо отцу 22 июня 1912). Свое отталкивание от философии Пастернак объяснял также царившим в академической среде мещанским духом: «Я видел этих женатых ученых; они не только женаты, они наслаждаются иногда театром и сочностью лугов; я думаю, драматизм грозы также привлекателен им. Можно ли говорить о таких вещах на трех строчках? Да, они не существуют; они не спрягаются в страдательном. Они не падают в творчестве. Это скоты интеллектуализма» (письмо А. Л. Штиху 19 июля 1912). *Духом нищие...* — первая из христианских заповедей блаженства; в данном случае она определяет творческий характер человеческого духа в противоположность пошлой самоуверенности немецкого ученого.

С. П. Боброву (*«Когда в руке твоей, фантаст...»*) — Избр.—1985. Т. 2 по автографу (РГАЛИ, ф. 2542). Дарственная надпись поэту и издателю Сергею Павловичу Боброву (1889—1971) на первой книге Пастернака «Близнец в тучах» сопровождается словами благодарности за помощь в издании и составлении: «Дорогому крестному и путеводителю Сергею и его очаровательной спутнице Марье Ивановне крестник Б. Пастернак. 20 XII. 913».

Ю. П. Анисимову (*«Когда ж лиловой двери...»*) — Автограф (ГЛМ): De visu. 5/6, 1994. Дарственная надпись поэту и переводчику Юлиану Павловичу Анисимову (1889—1940) сопровождается словами: «Юлиану горячо и братски. Б. П.».

Качка в доме (Буриме). — В. А. Катанян. Не только воспоминания // Vladimir Majakovskij. Memoirs and essays. Stockholm, 1975. — Автограф (ГЛМ, ф. 130).

Буриме (фр. bouts rimés) — стихотворение на заданные рифмы, в тексте они выделены курсивом. В игре принимали также участие Маяковский, Р. Якобсон, В. Хлебников и др. На обороте листка наброски еще одного стих. «Москву в мечтах уже хоронишь...». Мокнет «Роста». — Сатирические плакаты «Окна РОСТА» (Российского телеграфного агентства), которые писал и рисовал Маяковский. *Крещенный кипятком Талмуд...* — Талмуд — собрание догматических положений иудаизма (IV в. до н. э. — V в. н. э.).

Л. Ю. Брик (*«Пусть ритм безделицы октябрьской...»*) — Собр. соч. Т. 2. по автографу на рукописи «Сестры моей, жизни», подаренной Лили Юрьевне Брик (1891—1978). Стихотворное напутствие к предполагаемой поездке Л. Ю. Брик в Америку осенью 1919 г. (собр. Л. Ю. Брик). Уолт Уитман (Уитмен; 1819—1892) — американский поэт. Рифма *цветногвардейцев / зардеться* использована также в стих. «Боже, Ты создал быстрой касатку...» (1918): «Как заставляю зардеться... / Идол и доля красногвардейца...»

С. С. Адельсон (*«Есть странности, и смысл одних...»*) — Избр.—1985. Т. 2. — Автограф не сохранился, печатается по копии, сделанной Стеллой Самойловной Адельсон (урожд. Фришман; 1901—1988), которая с родителями и мужем после отъезда Л. О. Пастернака с дочерьми в Германию осенью 1921 г. стала соседкой Пастернаков по квартире. Надпись была сделана ей в день рождения на экз. журн. «Красная новь» (1921, № 4) с публикацией стих. «Матрос в Москве» и предварялась словами: «Стрелочке — в день частых посетителей и печников, а также пропажи кота. Москва. 5 ноября 1921. Борис Пастернак». («Стрелочка» — домашнее имя Стеллы). *Что под карандашом отца...* — графический

портрет работы Л. О. Пастернака, на котором С. С. Адельсон изображена на две трети.

А. Е. Крученых («Пока мне рифмы были в первоучину...») — сб. «Турнир поэтов» (отпечатанное на стеклоглафе издание Ленинградского театра «Дома печати»), М., 1928, 1929, 1930, строфа 1. — Избр.—1985. Т. 2 по автографу (РГАЛИ, ф. 1334). Стих. предваряется объяснением автора: «Ответ на предложение участвовать в конкурсе рифм на имя Крученых, выставленное самим его обладателем. Если считать рифмою ассонанс, то *все решительно животные* в молодости с ним рифмуются (волчонок, верблюжонок, собачонок и т. д.) и только в зрелости утрачивают эту способность. Таким образом, эти рифмы, вероятно, исчисляются сотнями и не представляют никакого труда. В приведенном наблюдении нет намека и не заключено никакой обиды: еще большее множество глупостей рифмуется с моим именем, воплощено смешным и в отдельности, безо всякой рифмовки». Алексей Елисеевич *Крученых* (1886—1968) — поэт-футурист, позднее коллекционер. *Драчёны* — олады из тертого картофеля. ...*сибирское прозвание помхою*. — Помехой служит фамилия Крученых сибирского происхождения (в тексте автором сделано примеч. к слову «помхою»). *Бронхи* — простонародная форма слова «бронхи». ...*бессмертный «арапченок»*. — Пушкин.

Я. З. Черняку («Поверх барьеров», *склок и сплетен...*) — Печатается по записи поэта Платона Набокова. Утерянный автограф был записан как дарственная надпись на книге «Поверх барьеров» 1929. Яков Захарович *Черняк* (1895—1955) — историк литературы и революционного движения.

Б. И. Корнееву («Пока Вы бились с Эриванью...») — «Литературная Грузия», 1966, № 3. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2563). Борис Иванович *Корнеев* (1896—1958) — журналист и переводчик, издательский работник. Об обстоятельствах написания экспромта рассказывает Г. В. Бебутов: «20 августа Борис Леонидович, приехавший в июле, зашел вместе с Паоло Яшвили в издательство “Заккнига” к Борису Ивановичу Корнееву, заранее извещенному о предстоящем посещении. Это был обычный визит дружбы. Разговор — непринужденный — переключался с темы на тему. Паоло вносил в него много остроумия. Пастернак написал одну, затем другую свою книгу Корнееву, когда же тот протянул лист бумаги и стал настойчиво просить написать что-нибудь экспромтом, Борис Леонидович буквально растерялся. С необычайной непосредственностью старался он доказать, что он не может так писать, говорил что-то о творческом процессе. Но вот Паоло, как бы подзадоривая его, вызвался написать сонет, и Борис Леонидович, теряя союзника в самозащите, совсем упал духом. В это время Корнееву позво-

нили из Еревана по делам издательства и пока он говорил по телефону (разговор был продолжительный), Пастернак, поглядывая в мою сторону и как бы ища сочувствия, наконец, написал нечто, похожее на объяснение своего положения. Этот листок сохранился в архиве Корнеева, как памятка о нескольких неловких минутах, быстро затем забытых в разговоре» («По страницам одной переписки» // «Литературная Грузия», 1966, № 3).

В Чукоккалу («Юлил вокруг да около...») — К. Чуковский. Что вспомнилось // Прометей. Историко-биографический альманах. Т. I. 1966 (факсимиле стихотворения).

Чукоккала — рукописный альманах Корнея Чуковского, собравшего автографы многих знаменитых людей. Впервые издан в цензурованном виде в 1979 г., полностью в 1999-м. *Любимцу сына*, то есть Евгения Борисовича Пастернака. *Питомице невянущей / Финляндских побережий...* — собрание рисунков и автографов началось в 1914 г., когда Чуковский жил на финском побережье в поселке Куоккала, что отразилось на названии его альбома. *За Колю и за Whitman'a...* — за сына К. Чуковского Николая, поэта и прозаика, с которым Пастернак дружил в 1920-е гг., и за книгу переводов К. Чуковского из Уолта Уитмена «Поэзия грядущей демократии», М., 1914.

Татьяне Владимировне Толстой («Чем незаслуженнее честь...») — Избр.—1985. Т. 2. Написано на экз. книги «Воздушные пути» (М., 1933; собр. Л. Б. Либединской). Т. В. Толстая (1892—1965) — поэт и прозаик, печаталась под псевдонимом Татьяны Вечорки. Среди книг Пастернака сохранился подаренный ему с надписью автора сборник стихов «Треть души», М., 1927. *...в Вашем лестном посвященьи.* — Т. Толстая посвятила Пастернаку свой исторический роман «Бестужев-Марлинский» (М., 1933).

<В альбом Ниты Табидзе> («Пускай мне служат красной нитью...») — Собр. соч. Т. 2, по автографу в альбоме Танит Табидзе, дочери поэта Тициана Табидзе.

А. И. Вьюркову («Пришел за пачкой облигаций...») — Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. — Автограф в альбоме А. И. Вьюркова (РГАЛИ, ф. 1452). Стих. предваряется словами: «Ты замечательный, душевный человек, Вьюрков! Первый твой недостаток, какой я заметил, это что ты завел этот альбом». После стихов: «Да, а во всем остальном ты прелесть. Будь здоров и счастлив. 5. VI. 36. Б. П.». Александр Иванович Вьюрков (1885—1956) — автор рассказов и очерков о старой Москве, работал в группе издательства «Советский писатель». Сохранился отзыв Пастернака на книгу очерков Вьюркова «Москва-матушка», которые «держатся жизнью и колоритом» (12 нояб. 1930; ГЛМ, ф. 143).

«*Мы пили чай из красных чашек...*» — Стих. и поэмы—1990. Т. 2. — Записано В. Д. Авдеевым на конверте от письма Л. М. Леонова. Примеч. Авдеева: «Пастернак по духовному наитию Асеева» (РГАЛИ, ф. 286). ...*ушедших* — *Колю / С женой*. — Николай Асеев с женой Ксенией Михайловной. «Авдеевские салоны» собирали приехавших в Чистополь эвакуированных писателей. См. стих. «В. Д. Авдееву» («Когда в своих воспоминаньях...», 1942).

А. Е. Крученых («Вместе с Алешей...») — Избр.—1985. Т. 2 по автографу (РГАЛИ, ф. 1334). — Машин. с пометкой автора на полях против строфы 1-й: «Проверено давностью. Б. Пастернак» и примеч. Крученых: «Написано в 1923 г.» (РГАЛИ, ф. 1334). Михаил Михайлович *Морозов* (1897—1952) — историк литературы, шекспировед, редактор переводов Пастернака. Последнее обстоятельство сопоставляется в стих. с путешествием Данте в «Божественной комедии» с *Вергилием в аду*, как с проводником.

Алексее Крученых («Я превращаюсь в старика...») — Избр.—1985. Т. 2. — Автограф (РГАЛИ, ф. 1334). Написано к 60-летию А. Е. Крученых.

Евгении Казимировне Ливановой. Имениннице. — В. Ливанов. Невыдуманный Борис Пастернак. М., 2002. — Автограф в собр. В. Б. Ливанова. Евгения Казимировна Ливанова (1911—1978) — жена актера МХАТ Б. Н. Ливанова. *Она мне внушила / «Звезду Рождества»...* — имеется в виду стих. «Рождественская звезда» (1948). День именин Е. К. Ливановой приходится на Рождественский сочельник (6 января).

Петру Ивановичу и Марии Антоновне Чагиным («Сколько было пауз-то...») — Собр. соч. Т. 2. — Стих. было записано на книге И.-В. Гёте. Фауст. Перевод Б. Пастернака. М., 1953. — Автограф (собр. М. А. Чагиной; теперь: Швеция, частное собр.). Петр Иванович *Чагин* (наст. фам. Болдовкин; 1898—1967) — издательский работник. *Благодетельные сдвиги / В толках средь очередей.* — Пастернак отмечает большую свободу в общении людей, наступившую после смерти Сталина. Ср.: «Зимой несколько либеральных месяцев были в том отношении облегчением, что знакомые заговорили живее и с большим смыслом, стало интереснее ходить в гости и видеть людей» (письмо к О. Фрейденберг 12 июля 1954). *Выпускают и людей.* — В это время началось освобождение арестованных, возвращавшихся из лагерей. «Ничего, конечно, для меня существенным образом не изменилось, кроме одного, в нашей жизни самого важного. Прекратилось всedневное и повальное исчезновение имен и личностей, смягчилась судьба выживших, некоторые возвращаются» (письмо О. Фрейденберг 30 дек. 1953).

«*Культ личности забрызган грязью...*» — Ивинская. В плену времени; варианты:

ст. 1—4 а): Культ личности лишен величия,
Но в силе — культ трескучих фраз,
И культ мещанства и безличья
Быть может, вырос во сто раз.

ст. 1 б): Культ личности забросан грязью

ст. 9: И видно, также культ мещанства

— Собр. соч. Т. 2. — Стих. не было записано автором или автограф был сразу же уничтожен, оно ходило в списках в разных вариантах. *Культ личности забрызган грязью...* — «культ личности Сталина» был разоблачен Н. С. Хрущевым на XX съезде партии в феврале 1956 г. *Фотографические группы / Одних свиноподобных рож.* — Ивинская связывает это уподобление с впечатлением от недавно прочитанного «Animal farm» («Скотного двора») Оруэлла. ...*стреляются от пьянства, / Не в силах этого снести.* — Отклик на самоубийство А. Фадеева (16 мая 1956). В очерке «Люди и положения» (1956) Пастернак писал: «И мне кажется, что Фадеев с той виноватой улыбкой, которую он сумел пронести сквозь все хитросплетения политики, в последнюю минуту перед выстрелом мог проститься с собой такими, что ли, словами: “Ну вот, все кончено. Прощай, Саша”».

А. П. Зуевой («Великой истинной артистке...») — Избр.—1985. Т. 2 по автографу из альбома А. П. Зуевой. После стихов приписка: «Но все это глупости. Но как сливается с огнями ramпы, вечерним светом Ваш священный огонь артистки, Ваша искра Божия, в одно мерцающее целое городской ночи, тепла и света, творческой тревоги и тайны. Вот это-то и есть счастье, и другого не надо. Ваш Б. П.» (собр. А. П. Зуевой).

...в телефонном этом списке... — альбом Зуевой представляет собой телефонную записную книжку.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

(С. 281)

В тетрадах студенческих записей Пастернака университетского времени (1909—1913) сохранились первые наброски стихотворений и прозы, собранные А. Л. Пастернаком, сберегшим их от строгих глаз старшего брата, резко отрицательно относившегося к написанному в ранние годы.

Сочетание в тетрадах конспектов философских работ и книг, математических подсчетов, спряжений греческих глаголов и фрагментов прозы, первых стихотворных переводов Рильке и оригинальных стихотворений отражает художественное становление Пастернака, легко пе-

реходившего от одного жанра к другому и объединявшего их различия стремлением к совершенствованию и овладению мастерством.

В очерке «Люди и положения» (1956) Пастернак назвал свои ранние литературные пробы «первыми опытами», в которых его друг С. Н. Дурылин сумел найти «что-то достойное внимания». Мы воспользовались авторским наименованием, чтобы обозначить раздел допечатных стихотворных и прозаических набросков. В письмах 1910-х гг. Пастернак неоднократно вспоминал об этих вещах, которые он подписывал именем Реликвимини (письмо А. Л. Штиху 10 июля 1914).

Семьдесят стихотворений этого собрания были опубликованы в 1969 г. в Тартуском сборнике «Семиотика». Некоторые автографы были подарены и сохранились в архивах друзей Пастернака А. Л. Штиха (РГАЛИ) и К. Г. Локса (собр. Е. В. Суховаловой). В своих воспоминаниях «Повесть об одном десятилетии. 1907—1917» К. Локс упоминает о подаренных ему семи стихотворениях «той эпохи с вариантами». «Эти стихотворения, — пишет он, — создавались на моих глазах и были написаны на клочках бумаги в Café Грес на Тверском бульваре» («Минувшее»: Исторический альманах, № 15. М.—СПб., 1994. С. 63).

Наброски датируются по расположению в тетрадах, бумаге и цвету чернил, по вложенным в тетради библиотечным требованиям с датами, по содержащимся в них отражениям биографических событий и тексту, написанному на обратной стороне листа. Обоснования датировок не комментируются. Упоминание стихотворений, написанных летом 1912 г. в Марбурге, в письмах Пастернака и в «Охранной грамоте» также помогает датировать некоторые из них. Наиболее ранние отнесены нами к 1910 г., потому что их наброски сохранились на страницах реферата «Скептицизм Юма», работа над которым была окончена 1 февр. 1910 г.

В автографах много вычеркиваний и разночтений, характеризующих многостадийную работу над черновиком. В коммент. приводятся лишь те, которые дают добавочные штрихи и помогают пониманию текста, причем более поздние идут перед ранними. Часто отсутствуют знаки препинания, которые, как и сокращения окончаний в словах, восстанавливаются без специального объяснения.

Полный свод вариантов строк приведен в «Семиотике». Рассматривая в предисловии к этой публикации творческое движение текста как последовательную реализацию идеальной модели стихотворения, Ю. М. Лотман отмечает проявившуюся уже в первых стихах характерную для поэтики Пастернака особую сочетаемость слов, которая давала критике и читателям материал для обвинений его в субъективности, иррационализме и произвольности образов. Но «многочисленность вариантов, отвергаемых автором, рисующая картину трудного и длительного поиска, исключает возможность предположения, что единственным законом построения текста является отказ от общепринятых законов».

Ритм и рифма не влияют на содержание стихотворения, как это бывает у других поэтов, но — «семантический костяк текста», который «втискивают в размер». Так характеризует Лотман то свойство Пастернака, которое он сам называл словом «композиция» и которое было первым условием для написания стихотворения. «Именно значение слов, а не их ритмика определяют характер отбора слов в поэзии Пастернака», — пишет Лотман. Отвергая тезис субъективизма поэтического мира Пастернака, Лотман главным образом убеждается в «вещности, предметности его “поэтического хозяйства” и в напряженности попыток найти скрытые отношения между предметами и сущностями внешнего мира» («Семиотика». С. 220—221, 224).

Аналогичные наблюдения по поводу первых стихотворных опытов Пастернака высказывал С. П. Бобров: «...Боря начал поздно. Но и это еще не все! Мало того <...>, он тащил в стих такое огромное содержание, что оно <...> разрывало стих в куски, обращало стих в осколки стиха, он распадался просто под этим гигантским напором <...>. Нравственная трагедия Бори была не в трудностях со стихом, а в одиночестве непостижимого для окружающих содержания» (письмо Е. Б. Пастернаку 12 дек. 1964).

Кроме того, отметим, что уже в первых стихах Пастернака появляются те образы и темы, которые станут впоследствии постоянными в его поэзии, такие, как зимние пейзажи Москвы с ее церквями или пробуждающаяся городская весна. В стихах ранней поры отразился переживаемый в то время юношеский аскетизм и христианский образ мыслей, который, по словам Пастернака, «владел» им «сильнее всего» в 1910—1912 гг., «когда закладывались основы (его. — Е. П.) своеобразного взгляда на вещи, мир, жизнь» (письмо к Ж. де Пруайяр 2 мая 1959).

«Гримасничающий закат...» — «Семиотика», окончательный текст первой строфы выписан на отдельной странице, последняя строфа зачеркнута; варианты:

- ст. 1 а): О сколько верст и сколько лиц
- ст. 1 б): Как тот кружащийся закат
- ст. 1 в): Как издевается закат
- ст. 5—8 а): Как мельниц машущая даль
В пустынный год неурожайный,
Весны рванувшая педаль,
Расставшись с любимой тайной.
- ст. 5—6 б): Как горизонт крылатых мельниц
В ночной, неурожайный год
- ст. 9—11: Как эти руки мертвых мельниц
Беззвучен <...>
Весенний крысолов, Гамельнец

Тревога, вызываемая неустанной работой вхолостую ветряных мельниц, позднее отразилась в статье «Несколько положений» (1918), где Пастернак сопоставил «чистую сущность поэзии» со «зловещим кружением десятка мельниц на краю голого поля в черный, голодный год». ...крысолов Гамельнец — то есть из города Гамельна — герой немецкой средневековой легенды, записанной в сб. Братьев Гримм «Deutsche Sagen». Легенда о нашествии крыс нашла частичное отражение в стих. Г. Гейне «Бродячие крысы» (из книги «Последние стихи»). В прозаическом фрагменте («Была весенняя ночь...») у Пастернака вновь появляется «истребитель из Гамельна», а в другом («Вероятно, я рассказываю сказку...») речь идет об актере, играющем в театре роль Крысолова.

«Опять весна в висках стучится...» — «Семиотика»; вариант первой строфы на отдельной странице:

- ст. 1 а): Опять снега землей больны,
- ст. 1 б): Тихо пушенный облачный город
- ст. 4: У прохожих весна над висками.
- ст. 1—2 а): Что далеко отпущенный город ушел
С своей думой — весной над висками.
- ст. 1—2 б): У всех весна в висках стучится,
Опять снега землей больны,
- ст. 5: Опять вызванивают пост,
- ст. 8 а): Туманят даль сырых борозд.
- ст. 8 б): Постлали по небу помост.
- ст. 12: Не свергнут сновидений гнет.

Связь весны с головной болью нашла выражение в стих. «Весна, ты сырость рудника в висках...» (1915): «Мигренью руд горшок цветочный полон».

Бетховен мостовых. — «День поэзии», 1981 по автографу из собр. К. Г. Локса. Ранняя редакция под назв. «Звуки Бетховена в улице» — «Семиотика»; варианты:

- ст. 2: Глушит проталин пылкий камень.
- ст. 3—4 а): Кто-то над улицей второй
Вечерний задувает пламень.
- ст. 3—4 б): И кто-то за зарей второй
Каменьев закликает пламень.
- ст. 6: Жилец, донесшись из-под бревен,
- ст. 5—7: Другим жильцом живут полы.
Из окон каторжник Бетховен
Бежал: грохочут кандалы.

Музыка, звучащая из открытых окон, мотив нескольких стих. Пастернака, таких как «Крупный разговор. Еще не запирали...» (1918) или «Опять Шопен не ищет выгод...» (1931). Образ траурного хора в стих.

«Еще не умолкнул упрек...» (1931) помогает понять ранние попытки Пастернака передать в стихах аналогичный характер музыки. Ср.: «Ворочая балки, как слон, / И освобождаясь от бревен, / Хорал выходил, как Самсон, / Из кладки, где был замурован».

«Безумный, жадный от бессонниц...» — «Семиотика»; варианты:

- ст. 3: Зрачок приник к черте оконниц,
ст. 7: Нет ночи; жегшей словно солнце,
ст. 5—8: Зрачок, как алчущее горло,
В рассвете захлебнулся зев.
О ночь, наведенное жерло
На задохнувшийся посев.

В стих. отразилось желание передать вызванную ночными бдениями обостренную впечатлительность, которая составляет главное настроение первых опытов Пастернака.

«По вечерам случаться грудью...» — «Семиотика»; варианты:

- ст. 1—2: По вечерам с порожней грудью
Роднится с улицами вслух.
ст. 4: Из линий, проступивших вслух.

«Пощады! Горестным курьезом...» — «Семиотика»; варианты:

- ст. 1—2 а): За детством косности курьезом
Отмечен наш невольный роздых.
ст. 1—2 б): Пощады! Как сознаться жутко
В жестокой правде парадокса
ст. 1—3 в): Пощады! Горестным курьезом
Настал за диким детством роздых,
Как клен, приговоренный к грозам,
ст. 4: Приговоренный к вешним грозам.
ст. 7—8: Предать самоубийцу казни,
Вернув, вернув его оттуда.

Стих. позволяет увидеть, что в преодолении юношеских настроений играл определенную роль церковный запрет на самоубийство.

«И дышит, дышит снежной гнилью...» — Впервые по автографу из архива А. Штиха (РГАЛИ). — «Семиотика»; варианты:

- ст. 1 а): Как дышит, дышит снежной гнилью
ст. 1 б): На сумерки распался храм
ст. 1—3 в): На сумерки распался двор
И дышит, дышит снежной гнилью
Оконных задушевных створ.
ст. 5—6: Как бледные гнилые груши
Весны снега и вечера

Весна («В померкших коридорах корь...») — «Семиотика»; варианты:

- ст. 1—2: Застынет в коридорах корь,
А в окнах будет город карий.
ст. 4: Занялся над лошадкой пегой.
ст. 8: На сумрак каплет кожа кэба.

В автографе стих. сопровождается планом, частично реализованным: «Карий гнедой зрачок мальчика — зерна снегу. А ближе брови переходят в кусты и птиц черту, под ними капель благовеста, и вечереют огни, и кутается в мех, внизу же земля огни хватает и зароет пр. Ясный корень, корь, гнезда, гнедой». Ю. М. Лотман отмечает, что этот текст «обнажает зерно, из которого разворачивается у Пастернака стихотворение. Это не ритмическая инерция и не сюжет <...> В основе — поиски нужных семантических сцеплений, соположения слов. Во-вторых, бесспорный интерес представляет слитность внешнего и внутреннего в некий единый портрет-пейзаж» («Семиотика». С. 234).

Enseignement. — «Семиотика»; варианты:

- ст. 3—4: Ты надо мной, как прежде, верховенствуй,
Во мне душа послушная подпaska.
ст. 9: И пробудясь, как сумрачное эхо,
ст. 13: Покинут день минувший: — ты в отъезде.

Посвящ. Елене Высоцкой, младшей сестре Иды, с которой они вместе приезжали к Пастернаку в Марбург в 1912 г. Эпиграф взят из стих. Ф. И. Тютчева «Проблеск» (1825). *Трабант* (фр. *traban*) — средневековая почетная охрана.

«[Как читать мне! Оплыли слова...]» — «Семиотика», четверостишие зачеркнуто; варианты более ранние и поздние записаны на двух разных листах:

- ст. 1 а): Как читать мне? Оплыла печать
ст. 1—2 б): Как читать мне? Я болью сквожу,
Оплывает зажженная книга
ст. 1—2 в): Набегают — сбегает слова
В оплывающей <...> книге.
ст. 2 г): Чьей задувшею далью сквожу я
ст. 2 д): О как грустью сквожу я.

«Ближайшей задачей поэта, — пишет Ю. М. Лотман, — видимо, было описать некоторую реальную ситуацию <...>. Выраженная в категориях бытового опыта <...>, эта картина должна была, очевидно, определить текст такого рода: «Мне трудно читать: свеча оплыла и ветер разгоняет страницы». Добавим от себя, что сквозняк в этом стихотворении — не реальный ветер, а внутреннее волнение, вызываемое чтением, — подобные мотивы есть и в прозаических отрывках этого времени.

«Действительность, — продолжает Лотман, восстанавливая ход мысли Пастернака, — слитна, и то, что в языке выступает как отгороженная от других предметов вещь, на самом деле представляет собой одно из определений единого мира» («Семиотика». С. 226).

«И сделай драму мне...» — «Семиотика»; вариант

ст. 3: И осень тяжкой поступью своей,

[Обозный город] — «Семиотика»; вариант

ст. 4: Выводят линию поводырей.

«Шарманка ль, петух, или окрик татар...» — «Семиотика».

«С кем в стихе назначено свиданье?...» — Стих. и поэмы—1990. Т. 2.

Варианты по автографу:

ст. 2: Похищений беглая тропа.

ст. 5—6 а): Просмоленно-сусальный люд
Оттянут вглубь огнями

ст. 5—6 б): Сусально тяжкая толпа,
Повязанная огоньками,

ст. 6 в): Обремененный позолотой

ст. 6—8 г): Впиваясь, копит позолоту,
Перемежаясь каждый миг,
Взгорает хищником с налету.

«Дар поступи — дар привиденья...» — Впервые печ. по автографу; варианты:

ст. 2: О поступь крадущихся в явь!

ст. 3: Возникновенье над ступенью

ст. 5: Так вскакивают на запятки

ст. 13—14: И усталых сизо-желтых щелок
Над землею как кольца Сатурна.

«Что, если Бог — сорвавшийся кистень...» — «Семиотика» с опечаткой в ст. 11; варианты:

ст. 3: А ты, любовь, освобождая день,

ст. 11: Отрыв обломки рук из-под одежд,

Стих. посвящено вопросам юношеского аскетизма, который Пастернак культивировал в себе в эти годы.

«И был ребенком я. Когда закат...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 1—2: И когда вырос я, чтобы найти,
Найти себя, пропавшего ребенка.

- ст. 4 а): Царя в лучах сощуренного света.
 ст. 4 б): В сощуренных лучах накошенного света.
 ст. 7: Бессмертный танец шли освобождать.
 ст. 8—9 а): Ах, я умел так странно сострадать
 Ступням скрещенным девушек в цистерне.
 ст. 8—9 б): Они в лучах топили воск ступеней,
 Они ваяли поступь.
 ст. 8—9 в): Я был ребенок, но учился ждать,
 Пока купались голени в цистерне.
 ст. 9 г): Ногам, что мыли девушки в цистерне.
 ст. 13: Чтоб забежать и первым посмотреть,

В автографе в ст. 16 слово *готовности* взято в скобки и поставлен вопрос (?). Стих. записано на трех страницах в трех вариантах и с прозаическим пересказом, который позволяет связать его замысел с событиями лета 1903 г., когда, увязавшись за девушками, гнавшими лошадей в ночное, Пастернак упал с лошади и сломал ногу, сросшуюся с укорочением: «Мне навязали мальчика. Не могу я не вспоминать, когда грущу и т. д. Кому было сострадать мальчику, мальчику-калеке. Но он мог представить себе, что можно стать калекой. Никто не удерживал, чтобы погостить у его одинокого страдания и тут. Роковым образом мешает гостить у женственности, и женственность как бы не знает, что ко мне пришло что-то роковое, и задерживает, не дает к ней». (Не обозначены сокращенные окончания слов, восстановлена отсутствующая пунктуация.) Образ амазонки, часто встречающийся в стих. этого времени, снова возвращает нас к настроению юношеского аскетизма. Ю. М. Лотман на примере этого и нескольких других стих. отмечает возникновение у Пастернака его постоянной темы «женской доли» («Семиотика». С. 235).

«Я грущу об утерянном зле...» — «Семиотика»; варианты:

- ст. 1—4: Я в тоске об утерянном зле,
 О подростке зиме покаянной,
 О повальной февральской земле,
 О любви
 ст. 3: Об утраченной брачной земле
 ст. 12: Ах, двоящихся надо земель,
 ст. 14—15: Но земли нераспутанный хмель
 Выползает на ропот пророка.

На обратной стороне листа начало письма к Иде Высоцкой и наброски последнего четверостишия:

Как стоят в твоём крове певучем
 [Твой мгновенно обры<вистый >]
 <...> По наследженным тучам
 Твой землистый готический шрифт.

Письма Пастернака к Высоцкой не сохранились.

«Так страшно плыть с его душой...» — «Семиотика»; варианты:

- ст. 4: Как страшно вырастать в лишены.
 ст. 7–8 а): И рубежом таким же страсть
 Врезалась в хаос окаянный.
 ст. 7–8 б): Не так ли снаряжаясь, страсть
 Плыла над тайной окаянной.
 ст. 9: Что дно — его — как вспомнить жалко.
 ст. 13–14: И вдруг свершилось: — небесам
 Прольет пучина завещанье.
 ст. 14–15: И вот заброшенную смерть
 На плитах затонувших палуб

На примере этого стих. Ю. М. Лотман иллюстрирует принцип поэтики Пастернака, который превращает «абстрактную мысль в одну или ряд зримых (вернее, ощущаемых) картин»: «Так, метафорический, абстрактный образ «плыть с его душой и с нею же терпеть крушение» превращается в цепь картин, включающих и наблюдаемую со дна («точка зрения» утопленника!) трость, которая плавает на поверхности воды, оказавшейся в таком ракурсе — поднебесьем» («Семиотика». С. 230–231). Биографической основой стих. стали события весны 1910 г., когда Пастернак «выводил» своего друга А. О. Гавронского (1888–1958) из глубокого душевного кризиса, «заразившись его состоянием», — как писал он А. Штиху 17 июля 1912 г.

«И мимо непробудного трюмо...» — «Семиотика»; варианты:

- ст. 1: Оставив непробудные трюмо,
 ст. 8: С молчаньем ангела и звонкой кровью шпор.
 ст. 9: О как закинет первую гирлянду

Появление излюбленной темы Пастернака — рождественской елки и зимних праздников как живого образа детства.

«[Плоскою] грудь[ю] подростка...» — «Семиотика»; последняя строфа зачеркнута; варианты:

- ст. 1: Небо по грудь подростка
 ст. 1–4: Плоскою грудью подростка
 Небо казалось весной.
 О как жестоки и жестки,
 Жмемся к одежде ночной.
 ст. 3–4: Как против ночи мы жестки,
 Сам я с землей за спиной.
 ст. 5–8: Мы на подмостках — одни.
 Верь же, я — небо — ребенок,
 Палевой ночью весны
 Звонок закон амазонок.
 ст. 9: Былей забытых и притч.

«Мастер уехал давно...» — «Семиотика», текст стих. зачеркнут; варианты:

ст. 1—2 а): На рассвете, перед дверью,
Дверью мастерской,

ст. 1—2 б): Я опять подмастерье,
Верь мне — верь.

ст. 4: И даже не смятый покос

Бруствер — насыпь перед окопом, военное укрепление с бойницами для стрелков.

«Пространства туч — декабрьская руда...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 1—4: И как всегда обременен рудой,
Рудой туч нагружен был квартал.
И как всегда над санною ездой
Смычок-фонарь <...> заколебал.

ст. 1: И небосклон, залегший, как руда,

ст. 13—14: И вечер, размещенный нараспев,
Борясь со сном, картавит огоньками.

ст. 20: Там горизонт рябой уносят птицы,

ст. 21—22: И выкорчевывают, как всегда,
Кремлевский благовест — тысячелетний дуб.

вместо ст. 23—26:

И накренься, вычерпывает гул
Даль белокаменной из каждого проулка.
И вот повисшим лесом гул заснул.
И вот гремя над отрока прогулкой,
Сползает туч гудящая руда.

ст. 28—30: И тише пляшущих вокруг дуг испарин
Притихло небо, стихло. — Тише стен!
Как благовест, гуляют тень и барин.

ст. 31—32: И вдруг душа, — кувшинка полой плошки,
Заправь ее под благовест в зрачки.

ст. 32—33: В колоколах кочует жизнь в тумане,
И как колокола, кочуют клячи.

ст. 37: В которой загнанный погоней океан

«Быть полем для себя; сперва как озимь...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 1—2: Быть полем для себя; все ежедневней
Межой события душного идти.

ст. 2: Не узнавать себя, потом сквозь сон

«Немотно! Насильственно заперт...» — Избр.—1985. Т. 2. Варианты по автографу:

ст. 1: Но грустно! Насильственно заперт

ст. 1—3: Мой брат, ты дышал ли сегодня
 <...> поверю свой дух
 <...> Десница Господня

ст. 10—12: Рождают видений бред
 И будят строфою тревожной
 Волненья сменившихся лет.

ст. 12: Привычки из прожитых лет.

Дар детства определяется как открытость «миру отверженных», калек на церковной паперти, «нищих духом» и благодарность за «зажженный» ими огонь «пугающей до замиранья жалости» («Люди и положения», 1956).

«И если бы любовь взяла...» — Избр.—1985. Варианты по автографу:

ст. 5—6: Играй же мной, раз день играл,
 Играй, богини изголовье,
 Как набегающий камыш

В стих. отразился отказ И. Высоцкой летом 1912 г. и бессонные ночи в Марбурге.

«Бесцветный дождь... как гибнущий патриций...» — «День поэзии», 1981. Автограф был подарен К. Локсу в составе цикла «Жнивьё». Перечисляя в «Охранной грамоте» темы стих., запоем писавшихся летом 1912 г. в Марбурге, Пастернак назвал стихи «о южном дожде». Весной 1913 г., собирая стихи для своей первой публикации, Пастернак писал С. Н. Дурылину: «Вообще я против “Дождя” ввиду того, что <...> не сохранился тот живой и непосредственный образ сплошного стершегося безземелия, которое свелось только к дару песен, сумеречных песен без слов, которые вызвал во мне один неизлечимый, трехдневный дождь в Марбурге, и которому я посвятил стихотворение». Здесь же Пастернак приводит ст. 1—2 ранней редакции:

О дождь, обезземелевший патриций,
Чье сердце смерклось в даре повестей!

«Он слышал жалобу бруска...» — Стих. и поэмы—1965. Автограф был подарен А. Штиху в 1912 г. (РГАЛИ). Те же образы бессонницы и звуки просыпающегося дня вошли потом в сюжет первого отрывка «Из поэмы» («Я тоже любил, и дыханье...», 1916, 1928), посвященного марбургскому лету.

Элегия 3. — Стих. и поэмы—1965. Автограф был подарен А. Штиху в 1912 г. (РГАЛИ). ...*жестокый ваш отказ.* — Имеется в виду объяснение с И. Высоцкой в Марбурге.

«Там, в зеркале, они бессрочны...» — Стих. и поэмы—1965 по автографу, подаренному А. Штиху (РГАЛИ). — Автограф из собр. К. Локса отличается вариантами:

ст. 1: Там в зеркале — о как заочны,

ст. 3: Самой себе такой заочной

...в зеркале, они бессрочны, / Мои черты... — аналогичный образ использован в стих. «Баллада» (1916): «Черты твои в зеркале срочны».

«Пусть даже смешаны сердца...» — Стих. и поэмы» — 1965. Автограф из собр. А. Штиха (РГАЛИ).

«В пучинах собственного чада...» — Избр.—1985 по списку рукою А. Штиха. — «Семиотика»; вторая строфа, выпущенная в списке Штиха:

И звуки кажутся с горы
 Фигурами доски шахматной,
 (Как башни на доске шахматной)
 И эхо движется обратно
 За каждым шагом их игры.

Варианты:

ст. 1–2: Как свечи, опрокинутые книзу,
 Так гаснут и хладеют водопады.

ст. 2: Как свечи в павших канделябрах,

ст. 4: Под гулы траурных литавр.

ст. 5–8: Как привиденье Монгольфьера,
 С собой приведшего ладью,
 Так Сен-Готарда профиль серый
 Относит долы в ночь свою.

ст. 7: Монблан явился темно-серый,

ст. 8: Влача кантоны в ночь свою.

Как обращенный канделябр... — впечатление от альпийских водопадов навсегда сохранилось у Пастернака в образе перевернутого пламенем вниз подсвечника, он повторялся потом в стихах о Грузии «Немолчный плеск солей...» (1936): «Как пламя кувырком / Упавшего шандала» и в стих. о переделкинском ручье «Опять весна» (1941): «Тонет в чаду водяном быстрина / Лампой висячего водопада / К круче с шипеньем пригвождена». *Монгольфьер* — воздушный шар, названный по имени изобретателей, братьев Монгольфье. См. также описание освобождающихся от тумана гор, подобных взлетающим воздушным шарам в прозаическом отрывке «Ночь. Только водопады...»: «...с приближением рассвета горы, словно наполняемые шарлиеры, приподымаются, расправляются изнутри, принимают свои растянутые формы, расступаются друг от друга и тихо-тихо отделяются от долин, еще черных, как прииск в этот час» (т. III).

«Кто позовет амазонку в походы...» — «Семиотика». Текст стих. в автографе перечеркнут. Вариант

ст. 2: Где засыпая, в крови, одногрудая,

Образ поверженной амазонки позже лег в основу стих. «Маргарита» (1918). ...*над ней, одногрудую...* — свое название *амазонки* получили от греческого слова *ἀμάρτος* — безгрудый; они выжигали себе правую грудь, чтобы она не мешала при натягивании тетивы лука.

Piazza S. Marco. — «День поэзии», 1981. Автограф, подаренный К. Локсу, в составе цикла «Жнивье». — «Семиотика», без назв. и строф 3—4; варианты:

ст. 3: Море вставши — ушло, как мать,

ст. 7: Говор дна — это плач половиц

Сан Марко — главная площадь в Венеции, где Пастернак пробыл три дня в августе 1912 г. Возможно, стих. было написано раньше, в Марбурге, а назв. получило позже. Перечисляя в «Охранной грамоте» писавшиеся там стихотворения, Пастернак называет и стихи «о море».

«*Пускай рассвет полынный даже...*» — «Семиотика»; варианты:

ст. 3—4: И зыби мертвые адажий

Ложатся под твою ладонь.

Santo Campo (святое поле. — *ит.*) — кладбище в итальянских городах.

«*За ними пять слепых застав...*» — «Семиотика»; варианты:

ст. 4: Прижавшем зрячего сустав.

ст. 5—8: Томит в кольце слепых ключицу

Планет без далей и сторон.

Не таковы ли и бойницы

В венце трилистников — ворон.

«*Я найден у истоков щек...*» — «Семиотика»; варианты:

ст. 3—4: О ты, покоящий висок

И свечек гибнущее эхо.

На отдельном листке того же собрания студенческих бумаг имеется, вероятно, более поздний вариант первой строфы:

ст. 1—4: С гортанью найден мой висок,

Но дальше, к древнему низовью

Относит от истоков щек,

Относит взветренной любовью.

Эпиграф «*Resté dans ton étreinte*» («Остаюсь в твоих объятьях». — *фр.*) — подпись под новогодней телеграммой, посланной Иде Высоцкой за границу. После объяснения летом 1912 г. отношения Пастернака с Идой оставались прежними; судя по ее воспоминаниям, она не придала никакого значения его признаниям, запомнив только, что он перестал с ней видеться после ее замужества в 1917 г. (Boris Pasternak. *Colloque de Cerisy-La-Salle*. Paris, 1979. P. 518).

«Пусть над тобою, друг...» — «Семиотика»; вариант

ст. 3: И гор светающих испуг

Внизу под текстом четверостишия записана рифма: Первопрестольным — Колокольным, определяющая план незавершенного стих. образами Москвы.

«Пусты объятья башенных...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 4: Сомкнет засов.

ст. 7—8: Бесснежьем прежним до восьми,
Людьми и кругом дуг.

«И словно наугольник площадей...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 6: За мир, где в залах люстры пылки.

«С каждым шагом хватаюсь за голову...» — «Семиотика», строфы 2—3 вычеркнуты. Внизу под стих. — четверостишие, названное «Рифма на eu»:

Скажи же навсегда адье
Своей прекрасной даме,
И неуступчивое лье
Заляжет между вами.

Это и следующие восемь стих., написанные на больших листах бумаги с маркой рижской фирмы, мы датируем 1913 годом, временем написания стихов, составивших книгу «Близнец в тучах».

«Облака были осенью набело...» — «Семиотика», с опечаткой в ст. 11;

варианты:

ст. 4: Нашей ночи отъезжие сны.

ст. 6: Были черные дали елей,

ст. 9—12: О ветра и вереска вретище,
О далее разнузданных ветр,
Багровыми брызгами метящий
Прибой густолиственных недр.

«Грозь измереньем четвертым...» — «Семиотика»; вариант

ст. 13: И шелест над личным порывом

В автографе внизу под стих. примеч.: «См. статью Импрессионизм в лирике». По договоренности с С. Бобровым Пастернак для издательства «Лирика» собирался летом 1913 г. написать несколько статей для теоретического сборника «Символизм и бессмертие», — возможно, это стих. было иллюстрацией к статье для несостоявшегося сборника.

Передышка. — «Семиотика»; вариант

ст. 12: Над строфою век прошел.

«Недоуменье очных ставок...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 3: Сошло с своих высоких лавок,

ст. 4: Целует в ногу чудный день.

«Быть может, над городом нынче...» — «Семиотика»; в автографе стих. вычеркнуто. Вариант

ст. 1: Быть может в Москве вы нынче.

На примере этой замены Ю. М. Лотман показывает умение Пастернака «перекодировать словесный текст в зримый <...>, как критерий истинности и основание для отбора. Указание на присутствие было заменено картиной зажигающегося на темном фоне окна, а значение этого присутствия — пространственной вынесенностью ее вверх» («Семиотика». С. 230).

«Сегодня пригород прискорбий...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 5–6: Ползучею рассадой ветра

Из сада выгнало

ст. 9–12: И небо зеленью убрало

Своей воды бескровный лик,

Двугорбый бледностью коралла

В листву подводную поник.

ст. 9–11: Я видел, небо убирало

Его капелью вод своих,

Иль может, бледностью коралла

ст. 16: Лик Саваофа вековой.

«Ядерную структуру текста, — отмечает по поводу этого стих. Ю. М. Лотман, — представляет здесь некоторая реальная ситуация — встреча со стариком-горбуном. Ситуация эта трансформируется в некоторую поэтическую реальность, в которой “горбун”, “пригород”, “прискорбие” составляют один семантический центр — угнетенности, скорби, незащищенности, а “сад”, “центр”, “дождь”, “гнет” — второй, агрессивный и подавляющий. Второй мир нападает на первый, первый прощает второму. <...> В облике горбуна выделено противоречие (чисто зрительное) между искривленным телом (“О, торса странная подушка”) и величественным лицом (“Лик Саваофа вековой”). Однако на это наслаивается, вероятно, под влиянием живописи, образ отрубленной головы Иоанна-Крестителя» (курсив наш. — Е. П.) («Семиотика». С. 230).

«Я не ваш, я беспечной черни...» — «Семиотика»; варианты:

ст. 2: Беззаботный и мстительный брат,

ст. 3–4: День за днем меня вздох вечерний

Из чужих выпускает врат.

ст. 3: Пусть. Мне воздух народной вечерни

ст. 9: Но в отдушине беглая дырочка

ст. 12: Городским утешеньем извне.

Ключарь — монах-привратник, открывающий монастырские ворота.

Ю. М. Лотман отмечает в этом стих. наличие философской анти-тезы «субъективное-объективное», определяющей для Пастернака «тему народа», из которой в соединении с темой женщины «потом разовьется тема революции» («Семиотика». С. 235).

«На волю, на волю, на волю!...» — «Семиотика».

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

(С. 305)

«Пока мы по Кавказу лазаем...» — «Темпы», 1931, № 10, в подборке из трех стих. под общим назв. «Тифлис»; варианты:

ст. 9—11 сняты,

ст. 24: Четырехгранный монастырь,

ст. 28: И с поворота дрожь берет.

ст. 36—37 сняты,

ст. 40—43: Как происшествие в пути,
И совершается в пространстве,
Как самая превратность странствий
И как случайность во плоти.

ст. 44—49 сняты,

ст. 52: Шоссе относит эту странность

ст. 59: И пыльным малахитом плит.

— Автограф — текст публикации в «Темпах» (РГАЛИ); вариант

ст. 6: Заламываясь, как гортани,

— Автограф — текст «Нового мира»; вариант

ст. 76—77: Я верен всем большим мечтам.

А верен ли себе останусь,

В окончательной редакции стих. была снята тема Лермонтова, вставшая при виде монастыря *Джвари*, куда поместил Лермонтов героя своей поэмы «*Мицыри*». *Обнявшись будто две сестры <...> Столбы обрушенных ворот* — цитаты из гл. 1 поэмы Лермонтова «*Мицыри*». *Но происходит текста ради / В одной из юнкерских тетрадей <...> летим с пути / В объятие лермонтовских стансов...* — Пастернак был потрясен реализмом лермонтовских описаний, которые казались настолько первичными, что слияние Арагвы и Куры должно было соответствовать сказанному. *Где Лермонтов уже не Янус.* — «Я имел в виду, — объяснял Пастернак Г. Бебутову эти слова, — что в противоположных свидетельствах современников он представлял обладателем взаимно друг друга исключających черт, двуликим, как Янус» (7 янв. 1957). *Янус* — в римск. мифол. бог, охраняющий вход и выход из дома, его изображения в виде двуликой головы вешались над дверьми. «Страшно обрадовался выпу-

шенным строфам из “Пока мы по Кавказу...”. Без конца Вам благодарен. У меня ни следа нет того, что я сделал, и все позабыто», — писал Пастернак Бобутову, приславшему ему первоначальный текст стих.

Волны («Октябрь, а солнце также жгуче...»). — Машин. сб. 1956; варианты ст. 261—267.

Черновые варианты:

ст. 268 а): Меж нашей участью и ней.

ст. 268 б): Меж мною и тобой и ей.

ст. 268 в): Между гостиницей и ей

ст. 269—276 а):

Следы людей в поселке стерты,
Как будто не шутя всерьез
Последних дачников с курорта
Порыв норд-оста в море снес.
Простимся с ним и побережьем,
И память сохраним о нем.
И сами вслед другим приедем
Стопы на север повернем.

ст. 272—276 б):

Вчерашний ветер в море снес.
Итак простимся с побережьем
И, память сохранив о нем,
Стопы вслед остальным приедем
Домой на север повернем.

Зарево.

Вступление — Пять черновых набросков вступления в поэму «Возвращение из армии (Отпускник)»

Двор конюшенный — авт. примеч. дано к стих. «Смерть сапера»: «Знаменитая конюшня в деревне Вяжи, в которой была огневая точка противника» (Автограф). *Вяжи-Завершье* — эта же деревня упоминается в стих. «Смерть сапера». Имя погибшего друга *Филиппов Третий* повторяет имя реального человека, члена редакции журнала «Москвитянин», друга А. Н. Островского и А. А. Григорьева Т. И. Филиппова (1825—1889), блестящего исполнителя народных песен, в конце жизни государственного контролера.

Е. Б. Пастернак,

Е. В. Пастернак

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

(т. I–II, IV)

«А затем прошалось лето...» (Гроза, моментальная навек) (Гроза моментальная навеки) — I, 155, 395

«А над обрывом, стих, твоя опешит...» (Перелет) — II, 233

Август («Как обещало, не обманывая...») — IV, 531

Авдееву В. Д. («Когда в своих воспоминаниях...») — II, 256

Адельсон С. С. («Есть странности, и смысл одних...») — II, 273

Алексею Крученых («Я превращаюсь в старика...») — II, 277

Анастасии Платоновне Зуевой («Прощу простить. Я сожалею...») — II, 265

Анисимову Ю. П. («Когда ж лиловой двери...») — II, 272

Анне Ахматовой («Мне кажется, я подберу слова...») — I, 212

Appassionata («От жара струились стручья...») — I, 366

«Артиллерист стоит у кормила...» — I, 347

«Ах, на напрасно пернатым...» (Седьмой этаж) — II, 235

«Ахейцы проявляют цепкость» (Высокая болезнь) — I, 402

Бабочка-буря («Бывалый гул былой Мясницкой...») — I, 219

Бабочка-буря («Из десяти житейских действий...») — I, 400

Бабье лето («Лист смородины груб и матерчат...») — IV, 524

Балашов («По будням медник подле вас...») — I, 124

Баллада («Бывает, курьером на бóром...») — I, 99, 362

Баллада («Дрожат гаражи автобазы...») — II, 59

Бальзак («Париж в золотых тельцах, в дельцах...») — I, 218

Без названия («Недотрога, тихоня в быту...») — II, 152

«Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти...» (Урал впервые) — I, 88

Безвременно умершему («Немые индивиды...») — II, 95

«Безумный, жадный от бессонниц...» — II, 283

«Безымянные герои...» (Смелость) — II, 121

Белая ночь («Мне далекое время мерещится...») — IV, 518

Белые стихи («Он встал. В столовой било час. Он знал...») — I, 248

Бессонница («Который час? Темно. Наверно, третий...») — II, 262

«Бесцветный дождь... как гибнущий патриций...» — II, 294

- Бетховен мостовых («Какой речистою зарей...») — II, 283
- Близнец на корме («Как топи укрывает рдест...») — I, 334
- Близнецы («Сердца и спутники, мы коченеем...») — I, 333
- Боброву С. П. («Когда в руке твоей, фантаст...») — II, 272
- Бобыль («Грустно в нашем саду...») — II, 119
- Бодрость («В холодный ясный день, как сосостав листву...») — II, 236
- «Боже, Ты создал быстрой касатку...» — II, 225
- Божий мир («Тени вечера вóлоса тоньше...») — II, 195
- Болезни земли («О еще! Раздастся ль только хохот...») — I, 132
- Болезнь (1—7) — I, 176
- «Больной следит. Шесть дней подряд...» (Болезнь, 1) — I, 176
- «Большое озеро как блюдо...» (Когда разгуляется) — II, 160
- Борису Пильняку («Иль я не знаю, что, в потемки тычась...») — I, 212
- «Босой по угольям иду...» (Лето) — II, 322
- Брик Л. Ю. («Пусть ритм безделицы октябрьской...») — II, 273
- Брюсову («Я поздравляю вас, как я отца...») — I, 225
- «Будто всем, что видит глаз...» (Уральские стихи, 1. Станция) — I, 234
- «Будущего недостаточно...» (Зимние праздники) — II, 193
- «Будущее! Облака встрепанный бок!...» — II, 249
- Будущее («У входа в лес, в березняке...») — II, 358
- «Бывает, курьером на бóрзом...» (Баллада) — I, 99, 362
- «Бывали дни: как выбитые кегли...» (Элегия 3) — II, 295
- «Бывалый гул былой Мясницкой...» (Бабочка-буря) — I, 219
- «Был вечер, как удар...» (Последний день Помпеи) — I, 367, 384
- «Был утренник. Сводило челюсти...» (На пароходе) — I, 105
- «Быть знаменитым некрасиво...» — II, 149
- «Быть может, над городом нынче...» — II, 302
- «Быть может, этот бор...» — II, 343
- «Быть полем для себя; сперва как озимь...» — II, 293
- <В альбом Ниты Табидзе> («Пускай мне служат красной нитью...») — II, 276
- В больнице («Стояли как перед витриной...») — II, 173
- «В городе хмурится зимнее небо...» — II, 347
- «В девять, по левой, как выйти со Страстного...» (Возможность) — I, 77
- «В детстве, я как сейчас еще помню...» (Женщины в детстве) — II, 191
- «В занавесках кружевных...» (До всего этого была зима) — I, 121
- В лесу («Луга мутило жаром лиловатым...») — I, 192
- «В московские особняки...» (Земля) — IV, 542
- В низовьях («Илистых плавней желтый янтарь...») — II, 142
- В парке («Деревья в ногу и попарно...») — II, 341
- «В померкших коридорах корь...» (Весна) — II, 285
- «В посадке, куда ни одна нога...» (Метель, 1) — I, 86
- «В пучинах собственного чада...» — II, 296
- «В разгаре хлебная уборка...» — II, 263
- «В расчете на благородство...» — II, 226
- «В старину, как сейчас еще помню...» — II, 363
- «В степи охладевал закат...» (Вариации, 6) — I, 176
- «В тверди тверда слова рцы...» (Об Иване Великом) — II, 200

- «В тенистом темном старом парке...» — II, 343
- «В траве, меж диких бальзаминов...» (Сосны) — II, 107
- «В трюмо испаряется чашка какао...» (Зеркало) — I, 118
- «В холодный ясный день, как сосвиставлиству...» (Бодрость) — II, 236
- В чаще («Осенний лес заволосател...») — II, 340
- В Чукоккалу («Юлил вокруг да около...») — II, 275
- «В шалющую полночью площадь...» (Раскованный голос) — I, 85
- Вакханалия («Город. Зимнее небо...») — II, 180, 347
- Вальс с чертовщиной («Только слышу польку вдаль...») — II, 112
- Вальс со слезой («Как я люблю ее в первые дни...») — II, 114
- Вариации (1—6) — I, 171
- Вдохновение («По заборам бегут амбразуры...») — I, 164
- «Великой истинной артистке...» (А. П. Зуевой) — II, 280
- Венеция («Я был разбужен спозаранку...») — I, 68, 332
- «Весеннею порою льда...» — II, 87
- «Весенний день тридцатого апреля...» — II, 85
- Весенний дождь («Усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил...») — I, 128
- Весенняя распутица («Огни заката догорали...») — IV, 520
- Весна («В померкших коридорах корь...») — II, 285
- Весна («Всё нынешней весной особое...») — II, 146
- Весна (1—3) — I, 90
- Весна. *Пять стихотворений* — I, 198
- «Весна была просто тобой...» (Осень, 4) — I, 209
- Весна в лесу («Отчаянные холода...») — II, 154
- «Весна! Не отлучайтесь...» (Весна, 2) — I, 91, 383
- «Весна, ты сырость рудника в висках...» — II, 202
- «Весна, я с улицы, где тополь удивлен...» (Весна, 1) — I, 198
- Ветер («По дому ходит привиденье...») — II, 339
- Ветер. (*Четыре отрывка о Блоке*) («Кому быть живым и хвалимым...») — II, 169
- Ветер («Я кончился, а ты жива...») — IV, 523
- «Вечерело. Повсюду ретиво...» — II, 77
- «Вместе с Алешей...» (А. Е. Кручных) — II, 277
- «Во все продолженье рассказа голос...» (Наброски к фантазии «Поэма о ближнем») — II, 207
- «Во всем мне хочется дойти...» — II, 148
- «Во сне ты бредила, жена...» (Голод, 1) — II, 229
- «Вода рвалась из труб, из луночек...» (Встреча) — I, 165
- «Воздух дождиком частым сечется...» (Весна, 3) — I, 200
- «Воздух седенькими складками падает...» (Зимнее утро, 1) — I, 195
- Возможность («В девять, по левой, как выйти со Страстного...») — I, 77
- Вокзал («Вокзал, несгораемый ящик...») — I, 67, 330
- Волны («Здесь будет все: пережитое...») — II, 50, 319
- Воробьевы горы («Грудь под поцелуи, как под рукомойник!...») — I, 136
- «Ворота с полукруглой аркой...» (Липовая аллея) — II, 159
- Воскресенье («Как прежде падали снаряды...») — II, 333
- «Все в крестиках двери, как в Варфоломееву...» (Метель, 2) — I, 87
- «Все в нынешнем году особое...» (Цветы) — II, 338
- «Все в шкафу раскинь...» (Голос души) — II, 228
- «Все наденут сегодня пальто...» — I, 66

- «Все наклоненья и залогои...» — II, 251
- «Всё нынешней весной особое...» (Весна) — II, 146
- «Все оденут сегодня пальто...» — I, 329
- «Всё переменится вокруг...» (Страшная сказка) — II, 119
- Все сбылось («Дороги превратились в кашу...») — II, 188
- «Всё снег да снег,— терпи и точка...» — II, 68
- «Все стремятся на юг Кисловодским этапом...» (Из записок Спекторского) — II, 306
- «Все утро голубь ворковал...» (Еще более душный рассвет) — I, 142
- «Все утро с девяти до двух...» (Сон в летнюю ночь, 2) — I, 202
- «Все фонари, всех лавок scarлатина...» (Любовь Фауста) — II, 226
- «Вслед за мной все зовут вас барышней...» — I, 365
- «Встав из грохочущего ромба...» — I, 71, 330
- «Встарь, во время оно...» (Сказка) — IV, 528
- Встреча («Вода рвалась из труб, из луночек...») — I, 165
- «Всю ночь вода трудилась без отдышки...» (Петухи) (Осень) — I, 222, 401
- «Вся замирая начеку...» (Готовность) — II, 357
- Вторая баллада («На даче спят. В саду, до пят...») — II, 61
- «Второе июля. Три часа утра...» — I, 393
- «Вчера, как бога статуэтка...» — I, 336
- «Вы заняты нашим балансом...» (Маяковскому) — II, 231
- «Вы помните еще ту сухость в горле...» (Победитель) — II, 145
- Высокая болезнь («Ахейцы проявляют цепкость...») — I, 402
- Высокая болезнь («Мелькает движущийся ребус...») — I, 252
- «Вытянись вся в длину...» (Под открытым небом) — II, 263
- Вьюркову А. И. («Пришел за пачкой облигаций...») — II, 276
- Гамлет («Гул затих. Я вышел на подмостки...») — IV, 515
- <Гартманну> («Гляди — он доктор философии...») — II, 271
- «Где синий свет, свой зимний воск...» — II, 222
- Гефсиманский сад («Мерцаньем звезд далеких безразлично...») — IV, 547
- Gleisdreieck («Чем в жизни пробавляется чудак...») — II, 232
- «Глухая пора листопада» (Иней) — II, 110
- «Гляди — он доктор философии...» (<Гартманну>) — II, 271
- «Годами когда-нибудь в зале концертной...» — II, 65
- Голод (1–2) — II, 229
- Голос души («Все в шкафу раскинь...») — II, 228
- Город («Зима на кухне, пенье петушки...») — II, 111
- Город («Когда с колодца лед не сколот...») — II, 323
- Город (*Отрывки целого*) («Уже за версту...») — I, 228, 387
- «Город. Зимнее небо...» (Вакханалия) — II, 180, 347
- Городская ночь («Я вишу на пере у Творца...») — I, 400
- Готовность («Вся замирая начеку...») — II, 357
- «Графленная в линейку десть!...» (Двадцать строф с предисловием) (*Зачаток романа «Спекторский»*) — I, 231
- «Гримасничающий закат...» — II, 282
- «Гроза, как жрец, сожгла сирень...» (Наша гроза) — I, 134
- Гроза, моментальная навек («А затем прошалось лето...») — I, 155
- Гроза моментальная навеки («А затем прошалось лето...») — I, 395

- «Грозь измереньем четвертым...» — II, 301
- «Грудь под поцелуи, как под рукомой-ник!...» (Воробьевы горы) — I, 136
- «Грустно в нашем саду...» (Бобыль) — II, 119
- «Грусть моя, как пленная сербка...» — I, 331
- «Грядущее на все изменит взгляд...» — II, 257
- «Грязный, гремучий, в постель...» — I, 394
- «Гул затих. Я вышел на подмостки...» (Гамлет) — IV, 515
- «Густая слякоть клейковиной...» (К Октябрьской годовщине, 3) — I, 246
- Да будет («Рассвет расколыхнет свечу...») — I, 194
- «Давай ронять слова...» — I, 156
- Далекая слышимость («Дороги превратились в кашу...») — II, 361
- «Дар поступи — дар привиденья...» — II, 287
- Два письма (1—2) — I, 206
- Два посвящения (1—2) — II, 206
- Двадцать строф с предисловием (*За-чаток романа «Спекторский»*) («Графленая в линейку десть!...») — I, 231
- Две страны («С действительностью иллюзия...») — II, 341
- Двор («Мелко исписанный инеем двор!...») — I, 74
- «Дворня бастует. Брезгуя...» (Свистки милиционеров) — I, 129
- Девочка («Из сада, с качелей, с бухты-баракты...») — I, 119
- 9-е января (*Первоначальный вариант*) («Какая дальность расстоянья!...») — I, 240
- Девятьсот пятый год — I, 261
- «День был резкий, и тон был резкий...» (Марбург) — I, 375
- «Деревья в ногу и попарно...» (В парке) — II, 341
- «Деревья, только ради вас...» — II, 268
- Десятилетье Пресни (*Отрывок*) («Усыпляя, влачась и сплющивая...») — I, 78
- «Дик прием был, дик приход...» — I, 145
- «Для этой книги на эпитаф...» (Тоска) — I, 116
- До всего этого была зима («В занавесках кружевных...») — I, 121
- Дождь («Она со мной. Наигрывай...») — I, 120
- «Дождь дороги заболотил...» (Ненастье) — II, 165
- «Дом высился, как каланча...» (Музыка) — II, 174
- «Дом показался чужим...» — I, 394
- Дорога («То насыпью, то глубиьюлога...») — II, 172
- «Дороги превратились в кашу...» — II, 360
- «Дороги превратились в кашу...» (Все сбылось) — II, 188
- «Дороги превратились в кашу...» (Далекая слышимость) — II, 361
- «Достатком, а там и пирами...» — I, 191
- Драматические отрывки — II, 213
- «Дрожат гаражи автобазы...» (Баллада) — II, 59
- Дрозды («На захолустном полустанке...») — II, 117
- «Друзья, родные, милый хлам...» — II, 265
- Дурной сон («Прислушайся к вьюге, сквозь десны процеженной...») — I, 75, 345
- Дурные дни («Когда на последней неделе...») — IV, 543
- Душа («Душа моя, печальница...») — II, 150
- Душа («О вольноотпущенница, если вспомнится...») — I, 84
- «Душа — душна, и даль табачного...» (Мучкап) — I, 143
- «Душа моя, печальница...» (Душа) — II, 150

- «Душа, что получается?...» (Скрипка Паганини) — I, 359
- «Душистою веткою машучи...» — I, 127
- Душная ночь («Накрапывало, — но не гнулись...») — I, 141
- «Дымились, встав от сна...» (Из летних записок, 4) — II, 99
- Ева («Стоят деревья у воды...») — II, 151
- Евгении Казимировне Ливановой. Имениннице («Еще я не знаю...») — II, 278
- Единственные дни («На протяжении многих зим...») — II, 196
- Елене («Я и непечатым...») — I, 151
- «Еловый бурелом...» (Из летних записок, 11) — II, 104
- Enseignement («Я научу тебя тому блаженству...») — II, 285
- «Если бровь резьбою...» (Мухи мучкапской чайной) — I, 144
- «Есть странности, и смысл одних...» (С. С. Адельсон) — II, 273
- Еще более душевный рассвет («Все утро голубь ворковал...») — I, 142
- «Еще кругом ночная мгла...» (На Страстной) — IV, 516
- «Еще не умолкнул упрек...» — II, 82
- «Еще о восходах молодых...» (Ледоход) — I, 89
- «Еще я не знаю...» (Евгении Казимировне Ливановой. Имениннице) — II, 278
- «Жар на семи холмах...» (У себя дома) — I, 151
- «Желоба коридоров иссякли...» (Мейерхольдам) — I, 215
- Женщины в детстве («В детстве, я как сейчас еще помню...») — II, 191
- «Жизни ль мне хотелось слаще?...» — II, 248
- Жизнь («Ты справлена в славу, осыпана хвоей...») — II, 227
- «Жизнь вернулась так же беспричинно...» (Объяснение) — IV, 521
- «Жизнь проходит под знаком...» — II, 350
- «За ними пять слепых застав...» — II, 298
- «За обрывками редкого сада...» — I, 340
- «За окнами давка, толпится листва...» (После дождя) — I, 98, 368
- За поворотом («Насторожившись, начеку...») — II, 187
- «За прошлого порог...» (Из летних записок, 5) — II, 99
- «За тусклый колер позумента...» (<Надпись на книге «Сонетов» Петрарки>) — II, 201
- Зазимки («Открыли дверь, и в кухню паром...») — II, 109
- «Заколдованное число...» (1917—1942) — II, 258
- «Закрой глаза. В наглушайшем органе...» (Весна, 4) — I, 200
- Заместительница («Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет...») — I, 135
- Заморозки («Холодным утром солнце в дымке...») — II, 163
- «Записки завсегда...» — II, 230
- «Заплети этот ливень, как волны, холодных локтей...» (Разрыв, 5) — I, 184
- Зарево («Нас время балует победами...») — II, 127
- Зарево (*Вступление; три наброска*) — II, 326
- Заря на севере («Сквозь снег чернеется кадык...») — I, 371
- «Засим, имелся сеновал...» (Имелось) — I, 158
- Застава («Садясь, как куры на насест...») — II, 120
- «Засыпет снег дороги...» (Свидание) — IV, 535
- Звезды летом («Рассказали страшное...») — I, 130

- Зверинец («Зверинец расположен в парке...») — II, 239
- «Здесь будет все: пережитое...» (Волны) — II, 50, 319
- «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...» (Осень, 5) — I, 210
- Земля («В московские особняки...») — IV, 542
- «Земля смотрела именинницей...» (Одесса) — II, 260
- Зеркало («В трюмо испаряется чашка какао...») — I, 118
- Зима («Прижимаюсь щекою к воронке...») — I, 69
- Зима («Прижимаюсь щекою к улитке...») — I, 338
- «Зима на кухне, пенье петьки...» (Город) — II, 111
- Зима приближается («Зима приближается. Сызнова...») — II, 125
- Зимнее небо («Цельною льдиной из дымности вынут...») — I, 84
- Зимнее утро (*Пять стихотворений*) — I, 195
- Зимние праздники («Будущего недостаточно...») — II, 193
- Зимняя ночь («Мело, мело по всей земле...») — IV, 533
- Зимняя ночь («Не поправить дня усилиями светилен...») — I, 71
- «Зимы делаются метелями...» — II, 352
- Золотая осень («Осень. Сказочный чертог...») — II, 164
- Зуевой А. П. («Великой истинной артистке...») — II, 280
- «И был ребенком я. Когда закат...» — II, 288
- «И даже в портняжной...» (Полярная швея, 2) — I, 351
- «И дышит, дышит снежной гнилью...» — II, 284
- «И если бы любовь взяла...» — II, 294
- «И мимо непробудного трюмо...» — II, 290
- «И сделай драму мне...» — II, 286
- «И словно наугольник площадей...» — II, 300
- «И спящий Петербург огромен...» — I, 413
- Ивака («Кокошник нахлобучила...») — I, 92, 372
- «Идет без проволочек...» (Ночь) — II, 167
- «Из десяти житейских действий...» (Бабочка-буря) — I, 400
- Из записок Спекторского («Все стремятся на юг Кисловодским этапом...») — II, 306
- Из летних записок (1—12) — II, 96
- «Из массы пыли за заставы...» (Мефистофель) — I, 167
- Из «Письма к сестре» (Из поэмы «Лейтенант Шмидт») — I, 418
- Из поэмы (*Два отрывка*) — I, 107
- Из поэмы «Лейтенант Шмидт» («Посвящение», «Письмо о дрязгах», «Мужское письмо», Из «Письма к сестре») — I, 415
- «Из сада, с качелей, с бухты-барахты...» (Девочка) — I, 119
- Из суеверья («Коробка с красным померанцем...») — I, 122
- «Извозчикий двор и встающий из вод...» (Шекспир) — I, 168, 396
- «Илистых плавней желтый янтарь...» (В низовьях) — II, 142
- «Иль я не знаю, что, в потемки ты-чась...» (Борису Пильняку) — I, 212
- Имелось («Засим, имелся сеновал...») — I, 158
- Импровизация («Я клавишей стаю кормил с руки...») — I, 98
- Иней («Глухая пора листопада...») — II, 110
- «Ирпень — это память о людях и лете...» (Лето) — II, 62
- История («Когда смертельный треск сосны скрипучей...») — II, 245
- «Исчерпан весь ливень вечерний...» (Счастье) — I, 94

- «Итак, только ты, мой город...» (Сердца и спутники) — I, 343
- «<Их веянье благоуханно...>» — II, 344
- Июль («По дому бродит привиденье...») — II, 155
- Июльская гроза («Так приближается удар...») — I, 96
- К ногам прилипают наждак...» (Пространство) — I, 216
- К Октябрьской годовщине (1—3) — I, 244
- «Как бронзовой золой жаровень...» — I, 63, 380
- «Как брошенный с пути снегам...» (Кремль в бурю конца 1918 года. Болезнь, 5) — I, 179
- «Как были те выходы в тишь хороши!...» (Степь) — I, 140, 392
- «Как было хорошо дышать тобою в марте...» (Русская революция) — II, 224
- «Как в пулю сажают вторую пулю...» (Петербург) — I, 80
- «Как видишь, уезжает викинг...» (А. Л. Штиху) — II, 271
- «Как всякий факт на всяком бланке...» (Нескучный) — I, 190
- «Как выхоложенный ремонтом...» — II, 354
- «Как казначей последней из планет...» — I, 352
- «Как ко всему на свете глухо...» — II, 269
- «Как кочегар на бак...» (Из летних записок, 2) — II, 97
- «Как не в своем рассудке...» (Зимнее утро, 2) — I, 196
- «Как недостроенное зданье...» — II, 353
- «Как обещало, не обманывая...» (Август) — IV, 531
- «Как облаками облагать...» — II, 222
- «Как очищенный к ремонту...» — II, 354
- «Как попадают ветры с метелями...» — II, 351
- «Как прежде падали снаряды...» (Воскресенье) — II, 333
- «Как прежде падали снаряды...» (Ожившая фреска) (Сталинград) — II, 143, 335
- «Как-то в сумерки Тифлиса...» (Художник, 2) — II, 91
- «Как топи укрывают рдест...» (Ближе к корме) — I, 334
- Как у них («Лицо лазури пышет над лицом...») — I, 153
- «Как усыпительна жизнь!...» — I, 147
- «[Как читать мне! Оплыли слова...]» — II, 286
- «Как я люблю ее в первые дни...» (Вальс со слезой) — II, 114
- «Какая горячая кровь у сумерек...» — I, 349
- «Какая дальность расстоянья!...» (*Первоначальный вариант*) (9-е января) — I, 240
- «Какой речистою зарей...» (Бетховен мостовых) — II, 283
- «Камень мылоунынье...» (Предчувствие) — I, 357
- Карусель («Листья кленов шелестели...») — II, 237
- Качка в доме (*Буриме*) («Последствий шаткости *не чая...*») — II, 272
- Клеветникам («О детство! Ковш душевной глубины!...» Я их мог позабыть, 1) — I, 186
- «Когда в руке твоей, фантаст...» (С. П. Боброву) — II, 272
- «Когда в своих воспоминаньях...» (В. Д. Авдееву) — II, 256
- «Когда до тончайшей мелочи...» (Три варианта, 1) — I, 95
- «Когда жлиловой двери...» (Ю. П. Анисимову) — II, 272
- «Когда за лиры лабиринт...» (Эдем) — I, 64, 326
- «Когда мечтой двояковогнутой...» (Ночное панно) — I, 342
- «Когда на последней неделе...» (Дурные дни) — IV, 543
- «Когда-нибудь поймут...» — I, 396
- Когда разгуляется («Большое озеро как блюдо...») — II, 160

- «Когда с колодца лед не сколот...» (Город) — II, 323
- «Когда случилось петь Дездемоне...» (Уроки английского) — I, 130
- «Когда смертельный треск сосны скрипучей...» (История) — II, 245
- «Когда я был в парах тока́я...» (Два посвящения, I) — II, 206
- «Когда я, кончив, кресло отодвину...» (Ремесло) — II, 247
- «Когда я с честью пронесу...» — II, 269
- «Когда я устаю от пустозвонства...» — II, 80
- «Кокошник нахлобучила...» (Ивака) — I, 92, 372
- «Кому быть живым и хвалимым...» (*Четыре отрывка о Блоке*) (Ветер) — II, 169
- «Кому, когда не этим, в сумерки...» — II, 212
- Конец («Наяву ли всё? Время ли разгуливать?...») — I, 161
- Корнееву Б. И. («Пока Вы бились с Эриванью...») — II, 275
- «Коробка с красным померанцем...» (Из суеверья) — I, 122
- «Корыта и ушаты...» (Ложная тревога) — II, 108
- «Косую тень зари роднит...» (Уральские стихи, 2. Рудник) — I, 236
- «Косых картин, летящих ливнями...» (Я их мог позабыть, 5) — I, 190
- «Который час? Темно. Наверно, третий...» (Бессонница) — II, 262
- «Красавица моя, вся статья...» — II, 72
- Кремль в буран конца 1918 года («Как брошенный с пути снегам...» Болезнь, 5) — I, 179
- «Кругом семенящейся ватой...» — II, 73
- «Крупный разговор. Еще не запирали...» (Сон в летнюю ночь, I) — I, 202
- Крученых А. Е. («Вместе с Алейшей...») — II, 277
- Крученых А. Е. («Пока мне рифмы были в первоучину...») — II, 274
- «Кто позовет амазонку в походы...» — II, 297
- «Куда часы нам затесать?...» (Распад) — I, 139
- «Куль личности забрызган грязью...» — II, 280
- Ландыши («С утра жара. Но ответи...») — I, 222
- «Лариса, вот когда посожалею...» (Памяти Рейснер) — I, 226
- Ледоход («Еще о восходах молодых...») — I, 89
- Лейтенант Шмидт — I, 289
- Лесное («Я — уст безвестных разговоров...») — I, 327
- Летний день («У нас весною до зари...») — II, 106
- Лето («Босой по угольям иду...») — II, 322
- Лето («Ирпень — это память о людях и лете...») — II, 62
- Лето («Тянулось в жажде к хоботкам...») — I, 154
- Лето в городе («Разговоры вполголоса...») — IV, 522
- Липовая аллея («Ворота с полукруглой аркой...») — II, 159
- Липовая аллея («Под каменной широкой аркой...») — II, 346
- Лирический простор («Что ни утро, в пленены барьера...») — I, 337
- «Лист смородины груб и матерчат...» (Бабье лето) — IV, 524
- «Листья кленов шелестели...» (Карусель) — II, 237
- «Лицо лазури пышет над лицом...» (Как у них) — I, 153
- «Лишь закатится гул за кольями...» (Ночное панно) — I, 382
- «Лодка колотится в озерной груди...» — I, 390
- «Лодка колотится в сонной груди...» (Сложь весла) — I, 127, 391
- Ложная тревога («Корыта и ушаты...») — II, 108

- «Луга мутило жаром лиловатым...»
(В лесу) — I, 192
- «Любимая, безотлагательно...» (Два письма, 1) — I, 206
- «Любимая — жуть! Когда любит поэт...» — I, 155
- «Любимая, — молвы слашавой...» — II, 71
- «Любить, — идти, — не смолкнул гром...» — I, 159
- «Любить иных — тяжелый крест...» — II, 68
- Любка («Недавно этой просекой лесной...») — I, 224, 419
- Любовь Фауста («Все фонари, всех лавок скарлатина...») — II, 226
- Магдалина I («Чуть ночь, мой демон тут как тут...») — IV, 544
- Магдалина II («У людей пред праздником уборка...») — IV, 545
- «Мальчик маленький в кровати...» (Старый парк) — II, 123
- Марбург («День был резкий, и тон был резкий...») — I, 375
- Марбург («Я вздрагивал. Я загорался и гас...») — I, 110
- Маргарита («Разрывая кусты на себе, как силок...») — I, 166
- М<арине> Ц<ветаевой> («Ты вправде, вывернув карман...») — I, 214
- Март («Солнце греет до седьмого пота...») — IV, 516
- «Мастер уехал давно...» — II, 291
- Materia prima («Чужими кровями сдабривавший...») — I, 356
- Матрос в Москве («Я увидел его, лишь только...») — I, 238
- Маяковскому («Вы заняты нашим балансом...») — II, 231
- «Мгновенный снег, когда булыжник узрен...» — II, 247
- «Между прочим, все вы, чтицы...» (Зимнее утро, 5) — I, 198
- Mein Liebchen, was willst du noch mehr? («По стене сбежали стрелки...») — I, 137
- Мейерхольдам («Желоба коридоров иссякли...») — I, 215
- «Мелко исписанный инеем двор!...» (Двор) — I, 74
- «Мелко исписанный снежной крупой...» (Посвящение) — I, 344
- «Мело, мело по всей земле...» (Зимняя ночь) — IV, 533
- «Мелькает движущийся ребус...» (Высокая болезнь) — I, 252
- «Мельканье рук и ног, и вслед ему...» (Посвящение) — I, 415
- Мельницы («Над свежевзрытой тишиной...») — I, 354
- Мельницы («Стучат колеса на селе...») — I, 103
- Мельницы (*Из старой тетради*) («Хрустальна ночь и ветер терпок...») — I, 385
- Мельхиор («Храмовой в малахите лихолен...») — II, 200
- «Меня б не тронул рай...» (Из летних записок, 8) — II, 102
- «Мертвецкая мгла...» — II, 69
- «Мерцаньем звезд далеких безразлично...» (Гефсиманский сад) — IV, 547
- Метель (1–2) — I, 86
- «Метлы бастуют. Брезгуя...» (Уличная) — I, 391
- Мефистофель («Из массы пыли за заставы...») — I, 167
- «Мне в сумерки ты все — пансионеркою...» (Болезнь, 7) — I, 181, 398
- «Мне далекое время мерещится...» (Белая ночь) — IV, 518
- «Мне кажется, я подберу слова...» (Анне Ахматовой) — I, 212, 419
- «Мне по душе строптивый нор...» (Художник, 1) — II, 90
- «Мне снилась осень в полусвете стекол...» (Сон) — I, 64, 327
- «Мне так же трудно до сих пор...» (*Два отрывка*) (Памяти Цветаевой, 2) — II, 325
- «Может статься так, может иначе...» (Болезнь, 3) — I, 178

- «Мой друг, мой нежный, о, точь-в-точь, как ночью...» (Разрыв, 7) — I, 185
- «Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею...» (Разрыв, 8) — I, 185
- «Молодежь, по записке...» — II, 348, 349
- Мороз («Над банями дымятся трубы...») — II, 246
- Морской штиль («Палящим полднем вне времен...») — II, 232
- Мужское письмо (Из поэмы «Лейтенант Шмидт») — I, 417
- Муза девятьсот девятого («Слывшая младшею дочерью...») — I, 374
- Музыка («Дом высился, как каланча...») — II, 174
- «...Мутится мозг. Вот так? В палате?...» — II, 223
- Мухи мучкапской чайной («Если бровь резьбою...») — I, 144
- Мучкап («Душа — душна, и даль табачного...») — I, 143
- «Мчались звезды. В море мылись мысы...» (Вариации, 3) — I, 174
- «Мы Бога знаем только в переводе...» (О Боге и городе) — II, 267
- «Мы время по часам заметили...» (Смерть сапера) — II, 134, 328
- «Мы настигали неприятеля...» (Преследование) — II, 137
- «Мы пили чай из красных чашек...» — II, 277
- «На берегу пустынных волн...» (Вариации, 2. Подражательная) — I, 172
- «На волю, на волю, на волю!...» — II, 304
- «На всех парах несется поезд...» (Поездка) — II, 190
- «На Грузии не счесть...» (Из летних записок, 12) — II, 105
- «На даче спят. В саду, до пят...» (Вторая баллада) — II, 61
- «На днях, в тот миг, как в ворох корпии...» (Два письма, 2) — I, 206
- «На захоластном полустанке...» (Дрозды) — II, 117
- «На кустах растут разрывы...» (Три варианта, 3) — I, 96
- «На ней была белая обувь девочки...» (Полярная швея, 1) — I, 350
- На парохе («Был утренник. Сводило челюсти...») — I, 105
- «На протяженьи многих зим...» (Единственные дни) — II, 196
- На ранних поездах («Я под Москвою эту зиму...») — II, 115
- На смерть Полонского («Ты был обречен. Твой упрек...») — II, 249
- На Страстной («Еще кругом ночная мгла...») — IV, 516
- «На тротуарах истолку...» (Про эти стихи) — I, 115
- «На улице войлока ключья...» — II, 315
- Наброски к фантазии «Поэма о ближнем» («Во все продолжение рассказа голос...») — II, 207
- «Над банями дымятся трубы...» (Мороз) — II, 246
- «Над свежевзрытой тишиной...» (Мельницы) — I, 354
- <Надпись на книге «Сонетов» Петрарки> («За тусклый колер поэмы...») — II, 201
- «Над шабашем скал, к которым...» (Вариации, 1. Оригинальная) — I, 171
- «Накрапывало, — но не гнулись...» (Душная ночь) — I, 141
- «Налетела тень. Затрепыхалась в тяге...» (Pro domo) — I, 365
- «Нас время бálует победами...» (Зареве) — II, 127
- «Нас мало. Нас, может быть, трое...» (Я их мог позабыть, 4) — I, 189
- «Насторожившись, начеку...» (За поворотом) — II, 187
- Наступленье зимы («Трепещет даль. Ей нет препон...») — II, 234
- «Начало дня тридцатого апреля...» — II, 314

- Наша гроза («Гроза, как жрец, сожгла сирень...») — I, 134
- «Наяву ли всё? Время ли разгуливать?...» (Конец) — I, 161
- «Не верили, — считали, — бредни...» (Смерть поэта) — II, 63
- «Не волнуйся, не плачь, не труди...» — II, 66
- «Не как люди, не еженедельно...» — I, 85
- «Не оперные поселяне...» — II, 243
- «Не подняться дню в усилиях светилен...» — I, 333
- «Не поправить дня усилиями светилен...» (Зимняя ночь) — I, 71
- «Не слушай сплетен о другом...» (Русскому гению) — II, 255
- Не трогать («Не трогать, свежеевыкрашен...») — I, 123
- «Не чувствую красот...» (Из летних записок, 1) — II, 96
- «Небо гадливо касалось холма...» (Прощанье) — I, 373
- «Недавно этой просекой лесной...» (Любка) — I, 224, 419
- «Недотрога, тихоня в быту...» (Без названия) — II, 152
- «Недоуменье очных ставок...» — II, 302
- Нежность («Ослепляя блеском...») — II, 261
- «Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском...» (Спасское) — I, 193
- «Немолчный плеск солей...» (Из летних записок, 10) — II, 103
- «Немотно! Насильственно заперт...» — II, 293
- «Немые индивиды...» (Безвременно умершему) — II, 95
- Ненастье («Дождь дороги заболотил...») — II, 165
- Неоглядность («Непобедимым — многолетье...») — II, 141
- «Непобедимым — многолетье...» (Неоглядность) — II, 141
- «Непозабывшим многолетье!...» — II, 331
- Нескучный («Как всякий факт на всяком бланке...») — I, 190
- «Нет, не я вам печаль причинил...» (Послесловие) — I, 160
- «Нет сил никаких у вечерних стрижей...» (Стрижи) — I, 93
- «Никого не будет в доме...» — II, 74
- Нобелевская премия («Я пропал, как зверь в загоне...») — II, 194
- «Но город, как обоз, просмолен...» ([Обозный город]) — II, 286
- «Но и им суждено было выпцвеств...» (Осень, 3) — I, 208
- «...Но как я сожалею...» — I, 414
- Но почему («Но почему...») — I, 358
- «Ночам соловьем обладать...» (Эхо) — I, 95
- Ночное панно («Когда мечтой двояковогнутой...») — I, 342
- Ночное панно («Лишь закатится гул за колыями...») — I, 382
- Ночной ветер («Стихли песни и пьяный галдеж...») — II, 163
- Ночь («Идет без проволочек...») — II, 167
- «Ночью... со связками зрелых горелок...» — I, 338
- «Ну, и надо ж было, тужась...» (Зимнее утро, 4) — I, 197
- «Ныряя под воротной аркой...» — II, 345
- «О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б...» (Разрыв, 1) — I, 182
- «Обедный Нотом sapiens...» (Образец) — I, 125
- О Боге и городе («Мы Бога знаем только в переводе...») — II, 267
- «О вольноотпущенница, если вспомнится...» (Душа) — I, 84
- «О город! О сборник задач без ответов...» (1 Мая) — II, 236
- «О детство! Ковш душевной глубин...» (Клеветникам. Я их мог позывать, 1) — I, 186
- «О еще! Раздастся ль только хохот...» (Болезни земли) — I, 132
- «О женщины, благодаря...» — II, 362

- «О, знал бы я, что так бывает...» — II, 80
- «О стыд, ты в тягость мне! О совесть, в этом раннем...» (Разрыв, 2) — I, 183
- Об Иване Великом («В тверди тверда слова рцы...») — II, 200
- «Облака были осенью набело...» — II, 300
- «Облако. Звезды. И сбоку...» (Вариации, 4) — I, 174
- [Обозный город] («Но город, как обоз, просмолен...») — II, 286
- Образец («О бедный Homo sapiens...») — I, 125
- Объяснение («Жизнь вернулась так же беспричинно...») — IV, 521
- «Огни заката догорали...» (Весенняя распутица) — IV, 520
- Одесса («Земля смотрела именинницей...») — II, 260
- Ожившая фреска («Как прежде падали снаряды...») — II, 143
- «Окно, пюпитр и, как овраги эхом...» — II, 67
- «Октябрь, а солнце также жгуче...» (Волны) — II, 321
- «Он встает. Века. Гелаты...» (Художник, 4) — II, 93
- «Он встал. В столовой било час. Он знал...» (Белые стихи) — I, 248
- «Он слышал жалобу бруска...» — II, 295
- «Он шел из Вифании в Ерусалим...» (Чудо) — IV, 541
- «Она со мной. Наигрывай...» (Дождь) — I, 120
- Определение души («Спелой грушею в бурю слететь...») — I, 132
- Определение поэзии («Это — круто налившийся свист...») — I, 131
- Определение творчества («Разметав отвороты рубашки...») — I, 133
- Опять весна («Поезд ушел. Насыпь черна...») — II, 116
- «Опять весна в висках стучится...» — II, 282
- «Опять Шопен не ищет выгод...» — II, 75
- Орешник («Орешник тебя отрешает от дня...») — I, 191
- Оригинальная (Вариации, 1. «Над шабашем скал, к которым...») — I, 171
- Осенний лес («Осенний лес заволосател...») — II, 162
- «Осенний лес заволосател...» (Осенний лес) (В чаще) — II, 162, 340
- Осень («Всю ночь вода трудилась без отдышки...») — I, 401
- Осень (*Пять стихотворений*) — I, 207
- Осень («Ты распугал моих товаров...») — II, 234
- Осень («Я дал развезаться домашним...») — IV, 527
- «Осень. Отвыкли от молний...» — I, 348
- «Осень. Сказочный чертог...» (Золотая осень) — II, 164
- «Ослепляя блеском...» (Нежность) — II, 261
- «От жара струились стручья...» (Appassionata) — I, 366
- «От луча отлынивая смолю...» (Цыгане) — II, 199
- «От тебя все мысли отвлеку...» (Разрыв, 3) — I, 183
- «От тела отдельную жизнь, и длинней...» (Фуфайка больного. Болезнь, 4) — I, 179
- «Открыли дверь, и в кухню паром...» (Зазимки) — II, 109
- Отплытие («Слышен лепет соли каплющей...») — I, 220
- «Оттепелями из магазинов...» — I, 83
- «Отчаянные холода...» (Весна в лесу) — II, 154
- «Палящим полднем вне времен...» (Морской штиль) — II, 232
- Памяти Демона («Приходил по ночам...») — I, 114
- Памяти Марины Цветаевой («Хмуро тянется день непогожий...») — II, 126

- Памяти Рейснер («Лариса, вот когда посожалею...») — I, 226
- Памяти Цветаевой (*Два отрывка*) («Хмуро тянется день непогожий...») — II, 324
- «Пара форточных пётелек...» (Весна, 2) — I, 199
- «Париж в золотых тельцах, в дельцах...» (Бальзак) — I, 218
- Пахота («Что случилось с местностью всегдашней?...») — II, 189
- «Пей и пиши, непрерывным патрулем...» (Сон в летнюю ночь, 5) — I, 204
- «Пекло, и берег был высок...» (Подражатели) — I, 125
- 1 Мая («О город! О сборник задач без ответов...») — II, 236
- Первый снег («Снаружи вьюга мечется...») — II, 177
- «Перед красой земли в апреле...» — II, 266
- Передышка («Прочь от стиха! И выйди убедиться...») — II, 302
- Перелет («А над обрывом, стих, твоя опешит...») — II, 233
- Перемена («Я льнул когда-то к беднякам...») — II, 153
- «Пересекиши край двора...» (Свадьба) — IV, 525
- Петербург («Как в пулю сажают вторую пулю...») — I, 80
- Петру Ивановичу и Марии Антоновой Чагиным («Сколько было пауз-то...») — II, 279
- Петухи («Всю ночь вода трудилась без отдышки...») — I, 222
- «Пианисту понятно шнырянье ветошниц...» (Сон в летнюю ночь, 3) — I, 203
- Piazza S. Marco («Я лежу с моей жизнью неслышною...») — II, 297
- Пиршества («Пью горечь тубероз, небес осенних горечь...») — I, 335
- Пирь («Пью горечь тубероз, небес осенних горечь...») — I, 70
- Письмо о дрязгах (Из поэмы «Лейтенант Шмидт») — I, 415
- «Платки, подборы, жгучий взгляд...» — II, 70
- Плачущий сад («Ужасный! — Капнет и вслушается...») — I, 117
- «Плетемся по грибы...» (По грибы) — II, 156
- «[Плоскою] грудь[ю] подростка...» — II, 291
- «По будням медник подле вас...» (Балашов) — I, 124
- «По вечерам случаться грудью...» — II, 284
- По грибы («Плетемся по грибы...») — II, 156
- «По дому бродит привиденье...» (Июль) — II, 155
- «По дому ходит привиденье...» (Ветер) — II, 339
- «По заборам бегут амбразуры...» (Вдохновение) — I, 164
- «По стене сбежали стрелки...» (Mein Liebchen, was willst du noch mehr?) — I, 137
- Победитель («Вы помните еще ту сухость в горле...») — II, 145
- «“Поверх барьеров”, склок и сплетен...» (Я. З. Черняку) — II, 275
- «Под каменной широкой аркой...» (Липовая аллея) — II, 346
- Под открытым небом («Вытянись вся в длину...») — II, 263
- «Под раkitой, обвитой плющом...» (Хмель) — IV, 524
- «Под спудом пыльных садов...» (К Октябрьской годовщине, 2) — I, 245
- Подражатели («Пекло, и берег был высок...») — I, 125
- Подражательная (Вариации, 2. «На берегу пустынных волн...») — I, 172
- «Поезд ушел. Насыпь черна...» (Опять весна) — II, 116
- Поездка («На всех парах несется поезд...») — II, 190
- «Пока Вы бились с Эриванью...» (Б. И. Корнееву) — II, 275

- «Пока мне рифмы были в первоучи-
ну...» (А. Е. Крученых) — II, 274
- «Пока мы по Кавказу лазаем...» —
II, 78, 316
- «Положим,— гудение улья...» (Си-
рень) — I, 223
- «Полями наискось к закату...» (Следы
на снегу) — II, 179
- Полярная швея (1—2) — I, 350
- «Помешай мне, попробуй. Приди, по-
кусись потушить...» (Разрыв, 4) —
I, 184
- «Помню в поездах мороку...» (Спеш-
ные строки) — II, 258
- «Попытка душу разлучить...» — I, 146
- «Порою ты, опередив...» — I, 366
- Посвящение («Мельканье рук и ног, и
вслед ему...») (Из поэмы «Лейте-
нант Шмидт») — I, 415
- Посвящение («Мелко исписанный
снежной крупой...») — I, 344
- После выюги («После уgomонившейся
выюги...») — II, 179
- После грозы («Пронесшейся грозой
полон воздух...») — II, 192
- После дождя («За окнами давка, тол-
пится листва...») — I, 98, 368
- После перерыва («Три месяца тому
назад...») — II, 176
- «После уgomонившейся выюги...» (По-
сле выюги) — II, 179
- Последний день Помпеи («Был вечер,
как удар...») — I, 367, 384
- «Последствий шаткости не чая...» (*Бу-
рима*) (Качка в доме) — II, 272
- Послесловье («Нет, не я вам печаль
причинил...») — I, 160
- «Потели стекла двери на балкон...»
(Осень, 2) — I, 208
- «Пошады! Горестным курьезом...» —
II, 284
- Поэзия («Поэзия, я буду клясться...») —
I, 205
- Предчувствие («Камень мыло уны-
нье...») — I, 357
- Преследование («Мы настигали не-
приятеля...») — II, 137
- Приближение грозы («Ты близко. Ты
идешь пешком...») — I, 227
- «Прижимаюсь щекою к воронке...»
(Зима) — I, 69
- «Прижимаюсь щекою к улитке...»
(Зима) — I, 338
- «Прислушайся к выюге, сквозь десны
процеженной...» (Дурной сон) —
I, 75, 345
- Присяга («Толпой облеплены огра-
ды...») — II, 254
- «Приходил по ночам...» (Памяти Де-
мона) — I, 114
- «Пришел за пачкой облигаций...»
(А. И. Вьюркову) — II, 276
- Pro domo («Налетела тень. Затрепыха-
лась в тяге...») — I, 365
- Про эти стихи («На тротуарах истол-
ку...») — I, 115
- Проблеск света («Чуть в расчистивши-
еся прорывы...») — II, 339
- «Проложенное через арку...» — II, 345
- «Пронесшейся грозой полон воз-
дух...» (После грозы) — II, 192
- «Пронесшейся грозой полон воз-
дух...» — II, 364
- «Пронизан солнцем лес насквозь...»
(Тишина) — II, 157
- «Пространства туч — декабрьская
руда...» — II, 292
- Пространство («К ногам прилипают
наждак...») — I, 216
- «Прочь от стиха! И выйди убедить-
ся...» (Передышка) — II, 302
- «Прошу простить. Я сожалею...» (Ана-
стасии Платоновне Зуевой) —
II, 265
- Прощанье («Небо гадливо касалось
холма...») — I, 373
- «Пускай мне служат красной нитью...»
(<В альбом Ниты Табидзе>) —
II, 276
- «Пускай рассвет полынный даже...» —
II, 298
- «Пусты объятья башенных...» — II, 299
- «Пусть даже смешаны сердца...» —
II, 296

«Пусть над тобою, друг...» — II, 299
 «Пусть ритм безделицы октябрьской...»
 (Л. Ю. Брик) — II, 273
 «Пью горечь тубероз, небес осенних
 горечь...» (Пирь) (Пиршества) —
 I, 70, 335
 «Разве только грязь видна вам...» (Вес-
 на, 3) — I, 91
 «Разве только по канавам...» (Весна,
 3) — I, 369
 Разведчики («Синело небо. Было ти-
 хо...») — II, 138
 «Разговоры вполголоса...» (Лето в го-
 роде) — IV, 522
 Разлука («С порога смотрит чело-
 век...») — IV, 534
 «Разметав отвороты рубашки...»
 (Определение творчества) — I,
 133
 «Разочаровалась? Ты думала — в мире
 нам...» (Разрыв, 6) — I, 184
 Разрыв (1—9) — I, 182
 «Разрывая кусты на себе, как силок...»
 (Маргарита) — I, 166
 Раскованный голос («В шалашную пол-
 ночью площадь...») — I, 85
 Распад («Куда часы нам затесать?») —
 I, 139
 Рассвет («Ты значил все в моей судь-
 бе...») — IV, 540
 «Рассвет расколыхнет свечу...» (Да бу-
 дет) — I, 194
 «Рассказали страшное...» (Звезды ле-
 том) — I, 130
 «Редчал разговор оживленный...» (К Ок-
 тябрьской годовщине, 1) — II, 244
 Ремесло («Когда я, кончив, кресло
 отодвину...») — II, 247
 Рождественская звезда («Стояла
 зима...») — IV, 537
 «Рослый стрелок, осторожный охот-
 ник...» — I, 221
 «Рояль дрожащий пену с губ обли-
 жет...» (Разрыв, 9) — I, 186
 Рудник («Косую тень зари роднит...».
 Уральские стихи, 2) — I, 236

Русская революция («Как было хоро-
 шо дышать тобою в марте...») —
 II, 224
 Русскому гению («Не слушай сплетен
 о другом...») — II, 255
 «С вокзала брат поплелся на урок...»
 (Глава из «Спекторского») —
 II, 309
 «С действительностью иллюзию...»
 (Трава и камни) — II, 166
 «С действительностью иллюзия...»
 (Две страны) — II, 341
 «С каждым шагом хватаюсь за голо-
 ву...» — II, 300
 «С кем в стихе назначено свидан-
 нье?...» — II, 287
 «С полу, звездáми облитого...» (Бо-
 лезнь, 2) — I, 177
 «С порога смотрит человек...» (Разлу-
 ка) — IV, 534
 «С рассветом, взваленным за спи-
 ну...» — I, 356
 «С тех дней стал над недрами парка
 сдвигаться...» (Осень, 1) — I, 207
 «Сутра жара. Но отведи...» (Ландыши)
 — I, 222
 «Сады тошнит от верст затишья...»
 (Три варианта, 2) — I, 96
 «Садясь, как куры на насест...» (Заста-
 ва) — II, 120
 Свадьба («Пересекши край двора...») —
 IV, 525
 Свидание («Засыпет снег дороги...») —
 IV, 535
 Свистки милиционеров («Дворня ба-
 стует. Брезгуя...») — I, 129
 «Сегодня мы исполним грусть его...» —
 I, 63, 381
 «Сегодня пригород прискорбий...» —
 II, 303
 «Сегодня с первым светом встанут...» —
 I, 66
 Седьмой этаж («Ах, нас напрасно пер-
 натым...») — II, 235
 «Сердца и спутники, мы коченеем...»
 (Близнецы) — I, 333

- Сердца и спутники («Итак, только ты,
мой город...») — I, 343
- «Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...» — I, 116
- «Синее море. Желтый янтарь...» — II, 332
- «Синело небо. Было тихо...» (Разведчики) — II, 138
- Сирень («Положим, — гудение улья...») — I, 223
- Сказка («Встарь, во время оно...») — IV, 528
- «Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа...» (Тема) — I, 170
- «Сквозь пласт оттаявшего наста...» — II, 352
- «Сквозь снег чернеется кадык...» (Заря на севере) — I, 371
- «Сколько было пауз-то...» (Петру Ивановичу и Марии Антоновне Чагиным) — II, 279
- Скрипка Паганини («Душа, что получается?») — I, 359
- «Скромный дом, но рюмка рому...» (Художник, 3) — II, 92
- Следы на снегу («Полями наискось к закату...») — II, 179
- Сложившая весла («Лодка колотится в сонной груди...») — I, 127, 391
- «Слышавшая младшею дочерью...» (Муза девятьсот девятого) — I, 374
- «Слышен лепет соли каплющей...» (Отплытие) — I, 220
- Смелость («Безымянные герои...») — II, 121
- Смерть поэта («Не верили, — считали, — бредни...») — II, 63
- Смерть сапера («Мы время по часам заметили...») — II, 134, 328
- «Снаружи вьюга мечется...» (Первый снег) — II, 177
- Снег идет («Снег идет, снег идет...») — II, 177
- «Снуют пунцовые стрекозы...» (Стога) — II, 158
- «Событие на Темзе, столбом отрубей...» — II, 244
- «Солнце греет до седьмого пота...» (Март) — IV, 516
- Сон («Мне снилась осень в полусвете стекол...») — I, 64
- Сон в летнюю ночь (*Пять стихотворений*) — I, 202
- Сосны («В траве, меж диких бальзамов...») — II, 107
- Сочельник («Все в крестиках белых, как в Варфоломееву...») — I, 348
- Спасское («Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском...») — I, 193
- Спекторский — II, 5
- «Спекторский» (*Глава из романа*) («С вокзала брат поплелся на урок...») — II, 309
- «Спелой грушею в бурю слететь...» (Определение души) — I, 132
- Спешные строки («Помню в поездах мороку...») — II, 258
- Сталинград («Как прежде падали снаряды...») — II, 335
- Станция («Будто всем, что видит глаз...». Уральские стихи, 1) — I, 234
- Старый парк («Мальчик маленький в кровати...») — II, 123
- Степь («Как были те выходы в тишь хороши!...») — I, 140, 392
- Стихи для детей — II, 237
- «Стихи мои, бегом, бегом...» — II, 81
- Стихи о войне — II, 119
- «Стихи песни и пьяный галдеж...» (Ночной ветер) — II, 163
- Стихотворенье («Стихотворенье? — Малыши!...») — II, 229
- Стога («Снуют пунцовые стрекозы...») — II, 158
- «Столетие с лишним — не вчера...» — II, 86
- «Стояла зима...» (Рождественская звезда) — IV, 537
- «Стояли как перед витриной...» (В больнице) — II, 173
- «Стоят деревья у воды...» (Ева) — II, 151
- «Страшись меня как крыжа ка...» (Голлод, 2) — II, 230

- Страшная сказка («Всё переменится вокруг...») — II, 119
- Стрижи («Нет сил никаких у вечерних стрижей...») — I, 93
- «Стучат колеса на селе...» (Мельницы) — I, 103
- «Сумерки... словно оруженосцы роз...» — II, 198
- «Существовать не тяжело...» (Чувство жизни) — II, 268
- «Счастливы, кто целиком...» (Из летних записок, 3) — II, 98
- Счастье («Исчерпан весь ливень вечерний...») — I, 94
- «Так начинают. Года в два...» (Я их мог позбыть, 3) — I, 188
- «Так приближается удар...» (Июльская гроза) — I, 96
- «Так страшно плыть с его душой...» — II, 290
- «Такой всегда густой и частый...» — II, 355
- «Там, в зеркале, они бессрочны...» — II, 296
- Татьяне Владимировне Толстой («Чем незаслуженнее честь...») — II, 276
- Тема («Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа...») — I, 170
- «Тени вечера волоса тоньше...» (Божий мир) — II, 195
- Тишина («Пронизан солнцем лес насквозь...») — II, 157
- «То насыплю, то глубью лога...» (Дорога) — II, 172
- «Толпой облеплены ограды...» (Присяга) — II, 254
- «Только слышу польку вдали...» (Вальс с чертовщиной) — II, 112
- «Только краешек неба расчистив...» — II, 340
- Тоска («Для этой книги на эпиграф...») — I, 116
- «Тоска, бешеная, бешеная...» — II, 202
- «Тот год! Как часто у окна...» (Январь 1919 года. Болезнь, 6) — I, 181
- Точильщик, или Вздых, оказавшийся большевиком («Чирикали птицы и были искренни...») — I, 399
- Трава и камни («С действительностью иллюзию...») — II, 166
- «Трепещет даль. Ей нет препон...» (Наступление зимы) — II, 234
- Три варианта (1—3) — I, 95
- «Три месяца тому назад...» (После перерыва) — II, 176, 352
- «Ты близко. Ты идешь пешком...» (Приближение грозы) — I, 227
- «Ты был обречен. Твой упрек...» (На смерть Полонского) — II, 249
- «Ты в ветре, веткой пробуящем...» — I, 120
- «Ты вправе, вывернув карман...» (М<арине> Ц<ветаевой>) — I, 214
- «Ты выводы копишь полвека...» (Хлеб) — II, 161
- «Ты здесь, мы в воздухе одном...» — II, 74
- «Ты значил все в моей судьбе...» (Рассвет) — IV, 540
- «Ты распугал моих товарок...» (Осень) — II, 234
- «Ты справлена в славу, осыпана хвоей...» (Жизнь) — II, 227
- 1917—1942 («Заколдованное число!...») — II, 258
- «Ты так играла эту роль!...» — I, 123
- «Тянулось в жажде к хоботкам...» (Лето) — I, 154
- «У входа в лес, в березняке...» (Будущее) — II, 358
- «У входа в лес, где поворот...» — II, 357
- «У людей пред праздником уборка...» (Магдалина II) — IV, 545
- «У нас весною до зари...» (Летний день) — II, 106
- У себя дома («Жар на семи холмах...») — I, 151
- «Ужасный! — Капнет и вслушается...» (Плачущий сад) — I, 117
- «Уже в архив печали сдан...» — II, 205

- «Уже за́ версту...» (*Отрывки целого*)
(Город) — I, 228, 387
- «Уже с дороги за подъемом...» — II, 344
- Уличная («Метлы бастуют. Брез-
гущая...») — I, 391
- «Улыбаясь, убывала...» — II, 204
- Урал впервые («Без родовспомога-
тельница, во мраке, без памя-
ти...») — I, 88
- Уральские стихи (1—2) — I, 234
- Уроки английского («Когда случи-
лось петь Дездемоне...») — I, 130
- «Усмехнулся черемухе, всхлипнул,
смочил...» (Весенний дождь) —
I, 128
- «Уступами восходит хор...» (Хор) —
I, 340
- «Усыпляя, влачась и сплющивая...»
(*Отрывок*) (Десятилетье Прес-
ни) — I, 78
- «Февраль. Достать чернил и пла-
кать!..» — I, 62, 380
- Фуфайка больного («От тела отдель-
ную жизнь, и длинной...». Бо-
лезнь, 4) — I, 179
- Хлеб («Ты выводы копишь полве-
ка...») — II, 161
- Хмель («Под ракушкой, обвитой плю-
щом...») — IV, 524
- «Хмуро тянется день непогожий...»
(Памяти Марины Цветаевой) —
II, 126
- «Хмуро тянется день непогожий...»
(*Два отрывка*) (Памяти Цветае-
вой, 1) — II, 324
- «Холодным утром солнце в дымке...»
(Заморозки) — II, 163
- Хор («Уступами восходит хор...») —
I, 340
- «Храмовой в малахите ли холен...»
(Мельхиор) — II, 200
- «Хрустальна ночь и ветер терпок...»
(Из *старой тетради*) (Мельни-
цы) — I, 385
- Художник (1—4) — II, 90
- Цветы («Все в нынешнем году осо-
бое...») — II, 338
- «Цельною льдиной из дымности вы-
нут...» (Зимнее небо) — I, 84
- Цыгане («От луча отлынивая смо-
лью...») — II, 199
- «Цыганских красок достигал...» (Ва-
риации, 5) — I, 175
- «Чем в жизни пробавляется чудак...»
(Gleisdreieck) — II, 232
- «Чем незаслуженнее честь...» (Тать-
яне Владимировне Толстой) —
II, 276
- «Чернее вечера́...» (Из летних запи-
сок, 9) — II, 102
- Черняку Я. З. («“Поверх барьеров”,
склок и сплетен...») — II, 275
- «Чирикали птицы и были искренни...»
(Весна, 5) (Точильщик, или
Вздых, оказавшийся большеви-
ком) — I, 201, 399
- «Что, если Бог — сорвавшийся кис-
тень...» — II, 288
- «Что ни утро, в пленении барьера...»
(Лирический простор) — I, 337
- «Что почек, что клейких заплывших
огарков...» (Весна, 1) — I, 90
- «Что случилось с местностью всегдаш-
ней?...» (Пахота) — II, 189
- Чувство жизни («Существовать не тя-
жело...») — II, 268
- Чудо («Он шел из Вифании в Ерусалим...») — IV, 541
- «Чужими кровями сдобривавший...»
(Materia prima) — I, 356
- «Чуть в расчистившиеся прорывы...»
(Проблеск света) — II, 339
- «Чуть ночь, мой демон тут как тут...»
(Магдалина I) — IV, 544
- «Шарманка ль, петух, или окрик та-
тар...» — II, 287
- Шекспир («Извозчий двор и вста-
ющий из вод...») — I, 168
- Штиху А. Л. («Как видишь, уезжает
викинг...») — II, 271

- Эдем («Когда за лиры лабиринт...») — I, 326
- Элегия 3 («Бывали дни: как выбитые кегли...») — II, 295
- «Это — круто налившийся свист...» (Определение поэзии) — I, 131
- «Это мои, это мои...» — I, 371
- Эхо («Ночам соловьем обладать...») — I, 95
- «Юлил вокруг да около...» (В Чукоккалу) — II, 275
- «Я был разбужен спозаранку...» (Венеция) — I, 68, 332
- «Я в мысль глухую о себе...» — II, 198
- «Я вздрагивал. Я загорался и гас...» (Марбург) — I, 110
- «Я видел, чем Тифлис...» (Из летних записок, 6) — II, 100
- «Я вишу на пере у Творца...» (Сон в летнюю ночь, 4) — I, 203
- «Я говорю тебе: Сибирь...» (Два посвящения, 2) — II, 206
- «Я грущу об утерянном зле...» — II, 289
- «Я дал разъехаться домашним...» (Осень) — IV, 527
- «Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет...» (Заместительница) — I, 135
- «Я и непечатным...» (Елене) — I, 151
- Я их мог позабыть (1–5) — I, 186
- «Я их мог позабыть? Про родню...» (Я их мог позабыть, 2) — I, 188
- «Я клавишей стаю кормил с руки...» (Импровизация) — I, 98
- «Я кончился, а ты жива...» (Ветер) — IV, 523
- «Я лежу с моей жизнью неслышной...» (Piazza S. Marco) — II, 297
- «Я льнул когда-то к беднякам...» (Перемена) — II, 153
- «Я найден у истоков щек...» — II, 298
- «Я научу тебя тому блаженству...» (Enseignement) — II, 285
- «Я не ваш, я беспечной черни...» — II, 303
- «Я не знаю, что тошней...» (Зимнее утро, 3) — I, 196
- Январь 1919 года («Тот год! Как часто у окна...». Болезнь, 6) — I, 181
- «Я под Москвою эту зиму...» (На ранних поездках) — II, 115
- «Я поздравляю вас, как я отца...» (Брюсову) — I, 225
- «Я помню грязный двор...» (Из летних записок, 7) — II, 101
- «Я понял: все живо...» — II, 250
- «Я понял жизни цель и чту...» — I, 89
- «Я превращаюсь в старика...» (Алексею Крученых) — II, 277
- «Я пропал, как зверь в загоне...» (Нобелевская премия) — II, 194
- «Я рос. Меня, как Ганимеда...» — I, 65, 328
- «Я спал. В ту ночь мой дух дежурил...» (Из поэмы, 2) — I, 108
- «Я тоже любил, и дыханье...» (Из поэмы, 1) — I, 107
- «Я увидел его, лишь только...» (Матрос в Москве) — I, 238
- «Я удивляюсь, как он редок...» — II, 356
- «Я — уст безвестных разговор...» (Лесное) — I, 327

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕКТОРСКИЙ	5	368
Вступление	6	369
1. «Весь день я спал, и, рушась от загона...»	9	370
2. «Трещал мороз, деревья вязли в кружке...»	12	370
3. «Для бодрости ты б малость подхлестнул...»	18	370
4. «Стояло утро, летнего теплей...»	20	373
5. «Едва вагона выгнутая дверь...»	24	376
6. «Неделю проскучал он, книг не трогав...»	29	377
7. «Конец пришел нечаянней и раньше...»	35	377
8. «Прошли года. Прошли дожди событий...»	37	378
9. «В дни голода, когда вам слали на дом...»	42	379
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ. 1930—1932	49	381
Волны	50	382
Баллада («Дрожат гаражи автобазы...»)	59	384
Вторая баллада («На даче спят. В саду, до пят...»)	61	385
Лето («Ирпень — это память о людях и лете...»)	62	386
Смерть поэта	63	386
«Годами когда-нибудь в зале концертной...»	65	387
«Не волнуйся, не плачь, не труди...»	66	388
«Окно, пюпитр и, как овраги эхом...»	67	388
«Любить иных — тяжелый крест...»	68	388
«Всё снег да снег, — терпи и точка...»	68	389
«Мертвецкая мгла...»	69	389
«Платки, подборы, жгучий взгляд...»	70	389
«Любимая, — молвы слащавой...»	71	390
«Красавица моя, вся стать...»	72	390

«Кругом семенящейся ватой...»	73	391
«Никого не будет в доме...»	74	391
«Ты здесь, мы в воздухе одном...»	74	391
«Опять Шопен не ищет выгод...»	75	392
«Вечерело. Повсюду ретиво...»	77	393
«Пока мы по Кавказу лазаем...»	78	394
«О, знал бы я, что так бывает...»	80	394
«Когда я устаю от пустозвонства...»	80	395
«Стихи мои, бегом, бегом...»	81	395
«Еще не умолкнул упрек...»	82	396
«Весенний день тридцатого апреля...»	85	397
«Столетье с лишним — не вчера...»	86	397
«Весеннею порою льда...»	87	398

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ. 1936—1944	89	399
------------------------------------	---------	-----

Художник

1. «Мне по душе строптивый норов...»	90	401
2. «Как-то в сумерки Тифлиса...»	91	403
3. «Скромный дом, но рюмка рому...»	92	404
4. «Он встает. Века. Гелаты...»	93	405

Безвременно умершему	95	405
----------------------------	---------	-----

Из летних записок

1. «Не чувствую красот...»	96	407
2. «Как кочегар, на бак...»	97	407
3. «Счастливы, кто целиком...»	98	407
4. «Дымились, встав от сна...»	99	408
5. «За прошлого порог...»	99	408
6. «Я видел, чем Тифлис...»	100	409
7. «Я помню грязный двор...»	101	409
8. «Меня б не тронул рай...»	102	409
9. «Чернее вечера...»	102	410
10. «Немолчный плеск солей...»	103	410
11. «Еловый бурелом...»	104	411
12. «На Грузии не счесть...»	105	411

Переделкино

Летний день	106	412
Сосны	107	412
Ложная тревога	108	413
Зазимки	109	413
Иней	110	414

Город («Зима на кухне, пенье петьки...»)	111	414
Вальс с чертовщиной	112	414
Вальс со слезой	114	415
На ранних поездах	115	415
Опять весна	116	415
Дрозды	117	416

Стихи о войне

Страшная сказка	119	416
Бобыль	119	417
Застава	120	417
Смелость	121	417
Старый парк	123	418
Зима приближается	125	419
Памяти Марины Цветаевой («Хмуро тянется день непогожий...»)	126	419
Зарево <Из неоконченной поэмы>	127	421
Вступление	127	421
Глава первая	129	421
Смерть сапера	134	423
Преследование	137	425
Разведчики	138	425
Неоглядность	141	426
В низовьях	142	427
Ожившая фреска	143	427
Победитель	145	428
Весна («Всё нынешней весной особое...»)	146	429

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ. 1956—1959

«Во всем мне хочется дойти...»	148	430
«Быть знаменитым некрасиво...»	149	430
Душа («Душа моя, печальница...»)	150	431
Ева	151	431
Без названия	152	432
Перемена	153	432
Весна в лесу	154	433
Июль	155	433
По грибы	156	434
Тишина	157	434
Стога	158	434
Липовая аллея («Ворота с полукруглой аркой...»)	159	434
Когда разгуляется	160	435

Хлеб	161	435
Осенний лес	162	435
Заморозки	163	435
Ночной ветер	163	436
Золотая осень	164	436
Ненастье	165	436
Трава и камни	166	436
Ночь	167	437
Ветер (<i>Четыре отрывка о Блоке</i>)	169	438
«Кому быть живым и хвалимым...»	169	
«Он ветрен, как ветер. Как ветер...»	169	
«Широко, широко, широко...»	170	
«Зловещ горизонт и внезапен...»	171	
Дорога	172	440
В больнице	173	440
Музыка	174	441
После перерыва	176	441
Первый снег	177	442
Снег идет	177	442
Следы на снегу	179	442
После вьюги	179	442
Вакханалия	180	443
За поворотом	187	445
Все сбылось	188	446
Пахота	189	446
Поездка	190	447
Женщины в детстве	191	447
После грозы	192	447
Зимние праздники	193	448
Нобелевская премия	194	448
Божий мир	195	449
Единственные дни	196	449

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ	197	449
«Сумерки... словно оруженосцы роз...»	198	450
«Я в мысль глухую о себе...»	198	450
Цыгане	199	450
Мельхиор	200	451
Об Иване Великом	200	451
<Надпись на книге «Сонетов» Петрарки>	201	451
«Весна, ты сырость рудника в висках...»	202	451

«Тоска, бешеная, бешеная...»	202	451
«Улыбаясь, убывала...»	204	452
«Уже в архив печали сдан...»	205	452
Два посвящения		
1. «Когда я был в парах тока́я...»	206	452
2. «Я говорю тебе: Сибирь...»	206	452
Наброски к фантазии «Поэма о ближнем»	207	452
«Кому, когда не этим, в сумерки...»	212	453
Драматические отрывки	213	453
«Как облаками облагать...»	222	454
«Где синий свет, свой зимний воск...»	222	
«...Мутится мозг. Вот так? В палате?..»	223	454
Русская революция	224	455
«Боже, Ты создал быстрой касатку...»	225	455
«В расчете на благородство...»	226	456
Любовь Фауста	226	456
Жизнь	227	456
Голос души	228	456
Стихотворенье	229	457
Голод	229	457
«Записки завсегдатая...»	230	457
Маяковскому	231	458
Gleisdreieck	232	459
Морской штиль	232	459
Перелет	233	459
Осень («Ты распугал моих товарок...»)	234	459
Наступленье зимы	234	460
Седьмой этаж	235	460
Бодрость	236	460
1 Мая	236	460
Стихи для детей		
Карусель	237	460
Зверинец	239	460
«Не оперные поселяне...»	243	462
«Событие на Темзе, столбом отрубей...»	244	463
История	245	463
Мороз	246	463
Ремесло	247	463
«Мгновенный снег, когда булыжник узрен...»	247	463
«Жизни ль мне хотелось слаще?..»	248	464
«Будущее! Облака встрепанный бок!..»	249	465
На смерть Полонского	249	465
«Я понял: все живо...»	250	465
«Все наклоненья и залогии...»	251	466

Присяга	254	467
Русскому гению	255	467
В. Д. Авдееву («Когда в своих воспоминаньях...»)	256	467
«Грядущее на все изменит взгляд...»	257	468
1917—1942	258	468
Спешные строки	258	468
Одесса	260	469
Нежность	261	470
Бессонница	262	470
Под открытым небом	263	470
«В разгаре хлебная уборка...»	263	470
«Друзья, родные, милый хлам...»	265	471
Анастасии Платоновне Зуевой	265	471
«Перед красой земли в апреле...»	266	471
О Боге и городе	267	472
«Деревья, только ради вас...»	268	472
Чувство жизни	268	473
«Когда я с честью пронесу...»	269	473
«Как ко всему на свете глухо...»	269	474

ЭКСПРОМТЫ. СТИХИ НА СЛУЧАЙ 271 475

А. Л. Штиху («Как видишь, уезжает викинг...»)	271	476
<Гартманну> («Гляди — он доктор философии...»)	271	476
С. П. Боброву («Когда в руке твоей, фантаст...»)	272	477
Ю. П. Анисимову («Когда ж лиловой двери...»)	272	477
Качка в доме (<i>Буриме</i>) («Последствий шаткости <i>не чая...</i> »)	272	477
Л. Ю. Брик («Пусть ритм безделицы октябрьской...»)	273	477
С. С. Адельсон («Есть странности, и смысл одних...»)	273	477
А. Е. Крученых («Пока мне рифмы были в первоучину...»)	274	478
Я. З. Черняку («“Поверх барьеров”, склок и сплетен...»)	275	478
Б. И. Корнееву («Пока Вы бились с Эриванью...»)	275	478
В Чукоккалу («Юлил вокруг да около...»)	275	479
Татьяне Владимировне Толстой («Чем незаслуженнее честь...»)	276	479

<В альбом Ниты Табидзе>	
(«Пускай мне служат красной нитью...»)	276 479
А. И. Вьюркову («Пришел за пачкой облигаций...»)	276 479
«Мы пили чай из красных чашек...»	277 480
А. Е. Крученых («Вместе с Алешей...»)	277 480
Алексею Крученых. <i>Вместо поздравления</i>	
(«Я превращаюсь в старика...»)	277 480
Евгении Казимировне Ливановой.	
Имениннице	278 480
Петру Ивановичу и Марии Антоновне Чагиным	
(«Сколько было пауз-то...»)	279 480
«Культ личности забрызган грязью...»	280 481
А. П. Зуевой («Великой истинной артистке...»)	280 481
 ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ. 1910–1913	 281 481
«Гримасничающий закат...»	282 483
«Опять весна в висках стучится...»	282 484
Бетховен мостовых	283 484
«Безумный, жадный от бессонниц...»	283 485
«По вечерам случаться грудью...»	284 485
«Пощады! Горестным курьезом...»	284 485
«И дышит, дышит снежной гнилью...»	284 485
Весна («В померкших коридорах корь...»)	285 486
Enseignement	285 486
«[Как читать мне! Оплыли слова...]	286 486
«И сделай драму мне...»	286 487
[Обозный город]	286 487
«Шарманка ль, петух, или окрик татар...»	287 487
«С кем в стихе назначено свиданье?...»	287 487
«Дар поступи — дар привиденья...»	287 487
«Что, если Бог — сорвавшийся кистень...»	288 487
«И был ребенком я. Когда закат...»	288 487
«Я грущу об утерянном зле...»	289 488
«Так страшно плыть с его душой...»	290 489
«И мимо непробудного трюмо...»	290 489
«[Плоскою] грудь[ю] подростка...»	291 489
«Мастер уехал давно...»	291 490
«Пространства туч — декабрьская руда...»	292 490
«Быть полем для себя; сперва как озимь...»	293 490
«Немотно! Насильственно заперт...»	293 490
«И если бы любовь взяла...»	294 491

«Бесцветный дождь... как гибнущий патриций...»	294	491
«Он слышал жалобу бруска...»	295	491
Элегия 3	295	491
«Там, в зеркале, они бессрочны...»	296	491
«Пусть даже смешаны сердца...»	296	492
«В пучинах собственного чада...»	296	492
«Кто позовет амазонку в походы...»	297	492
Piazza S. Marco	297	493
«Пускай рассвет полынный даже...»	298	493
«За ними пять слепых застав...»	298	493
«Я найден у истоков щек...»	298	493
«Пусть над тобою, друг...»	299	494
«Пусты объятья башенных...»	299	494
«И словно наугольник площадей...»	300	494
«С каждым шагом хватаюсь за го́лову...»	300	494
«Облака были осенью набело...»	300	494
«Грозя измереньем четвертым...»	301	494
Передышка	302	494
«Недоуменье очных ставок...»	302	495
«Быть может, над городом нынче...»	302	495
«Сегодня пригород прискорбий...»	303	495
«Я не ваш, я беспечной черни...»	303	495
«На волю, на волю, на волю!...»	304	496

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ 305 496

Из записок Спекторского	306
«Спекторский» (<i>Глава из романа</i>) («С вокзала брат поплелся на урок...»)	309
«Начало дня тридцатого апреля...»	314
«На улице войлока клочья...»	315
«Пока мы по Кавказу лазаем...»	316 496
Волны («Здесь будет все, — пережитое...»)	319
«Октябрь, а солнце также жгуче...»	321 497
Лето («Босой по угольям иду...»)	322
Город («Когда с колодца лед не сколот...»)	323
Памяти Цветаевой (<i>Два отрывка</i>) («Хмуρο тянется день непогожий...»)	324
Зарево. <i>Вступление</i>	326 497
Смерть сапера	328
«Непозабывтым многолетье!...»	331
«Синее море. Желтый янтарь...»	332
Воскресенье	333

Содержание

Сталинград	335
Цветы	338
Ветер («По дому ходит привиденье...»)	339
Проблеск света	339
«Только краешек неба расчистив...»	340
В чаще	340
В парке	341
Две страны	341
«Быть может, этот бор...»	343
«В тенистом темном старом парке...»	343
«<Их веянье благоуханно...>»	344
«Уже с дороги за подъемом...»	344
«Проложенное через арку...»	345
«Ныряя под воротной аркой...»	345
Липовая аллея («Под каменной широкой аркой...»)	346
«В городе хмурится зимнее небо...»	347
«Город. Зимнее небо...»	347
«Молодежь, по записке...» (Два наброска)	348, 349
«Жизнь проходит под знаком...»	350
«Как повадятся ветры с метелями...»	351
«Зимы делаются метелями...»	352
«Три месяца тому назад...»	352
«Сквозь пласт оттаявшего наста...»	352
«Как недостроенное зданье...»	353
«Как выхоложенный ремонт...»	354
«Как очищенный к ремонту...»	354
«Такой всегда густой и частый...»	355
«Я удивляюсь, как он редок...»	356
«У входа в лес, где поворот...»	357
Готовность	357
Будущее («У входа в лес, в березняке...»)	358
«Дороги превратились в кашу...»	360
Далекая слышимость	361
«О женщины, благодаря...»	362
«В старину, как сейчас еще помню...»	363
«Пронесшейся грозой полон воздух...»	364

Комментарии	365
-------------------	-----

Алфавитный указатель стихотворений (т. I—II, IV)	498
---	-----

Пастернак Б. Л.

П 19 Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. II: Спекторский. Стихотворения 1930—1959 / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. — 528 с.

ISBN 5-85050-682-9 (т. II)

ISBN 5-85050-680-2

Во второй том Полного собрания сочинений Бориса Пастернака вошли роман в стихах «Спекторский» (1925—1931) и три стихотворные книги, написанные с 1930 по 1959 г., а также поэтические произведения, не включавшиеся автором в основное собрание. Значительно расширены черновые наброски последней книги «Когда разгуляется» (1956—1959). Раздел «Первые опыты» (1910—1913) дополнен юношескими стихотворениями. Добавлены некоторые, неизвестные ранее, экспромты.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5

Борис Леонидович Пастернак

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том II

Редактор *Т. Н. Беднякова*

Художник *К. Е. Журавлев*

Технический редактор *Л. А. Комарова*

Верстка *Л. А. Комаровой*

Корректор *С. В. Щербич*

Подписано в печать 11.11.03. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура Newton

Усл. печ. л. 33,00. Уч.-изд. л. 25,89

Тираж 5000 экз. Заказ 0315810

Издательство СЛОВО/SLOVO

109147, Москва, Воронцовская ул., 41

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.**

ISBN 5-85050-682-9

